

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2 (41) 2021

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (41) 2021

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2021
© Tomsk State University, 2021

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 2 (41) 2021

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2021
© Томский государственный университет, 2021

CONTENTS

No 2 (41) 2021

Timofey Arkhangelskiy. Application of dialectometric method to the classification of Udmurt dialects	7
Maria P. Bezenova. Phonetic features of the “Life of St. Theodore” (1913) written in the Udmurt language.....	21
Sergei V. Kovylin. “Materials for acquaintance with the Ostyak dialect of the Narym krai” for 1887 of Makary (Nevsky): nominal and pronominal morphology	51
Daria D. Mordashova. Towards the typology of imperative: semantics of imperative modifiers in Hill Mari.....	73
Munkhtsetseg Namsrai, Sainbilegt Dashdorj. Discourse marker use regarding age factor: the case of Mongolian spoken discourse	89
Irina P. Novak. Application of the clustering technique to dialect division of the Karelian language (case study of the distribution of front fricative consonants)	103
Natalia A. Solomkina. Main verb transitivity in Japanese benefactive constructions in the light of corpus data	133

DISCUSSIONS

Ilya B. Itkin, Svetlana I. Pereverzeva. Some clarifications to the interpretation of the data of the Obdorsk Nenets dictionary (reply to the article of P. I. Li “The graphic analysis of the first syllable vowel system in Nenets dictionaries from A. M. Sjögren’s archive” // Ural-Altaic Studies. 2021, 1 (40). P. 47—60)	145
Julia V. Normanskaja. Was there any phonetic reality behind the position of stress in G.F. Müller’s Obdorsk wordlist?	155

PERSONALIA

Alexander A. Petrov. A renowned researcher of the Yakut language. Nikolay N. Efremov’s 70 th anniversary	159
Style sheet	162

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2 (41) 2021

Т. А. Архангельский. Применение диалектометрического метода к классификации удмуртских диалектов.....	7
М. П. Безенова. Фонетические особенности «Жития Св. Феодора» (1913) на удмуртском языке	21
С. В. Ковылин. «Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края» за 1887 свт. Макария (Невского): именная и местоименная морфология.....	51
Д. Д. Мордашова. К типологии императива: семантика приимперативных маркеров в горномарийском языке	73
Мунхцэцэг Намсрай, Сайнбилэгт Дашдорж. Использование дискурсивных маркеров в соответствии с возрастным фактором в разговорном монгольском языке.....	89
И. П. Новак. Применение методики кластеризации в решении проблем диалектного членения карельского языка (на примере дистрибуции переднеязычных щелевых согласных)	103
Н. А. Соломкина. Переходность смыслового глагола в японских бенефактивных конструкциях в свете корпусных данных	133

ДИСКУССИИ

И. Б. Иткин, С. И. Переверзева. Некоторые уточнения к интерпретации данных обдорского ненецкого словаря (ответ на статью П. И. Ли «Графический анализ вокализма первого слога в ненецких словарях из архива А. М. Шёгрена» // УАИ, 1 (40), 2021. С. 47—60).....	145
Ю. В. Норманская. Стояла ли фонетическая реальность за ударением в обдорском словнике Г. Ф. Миллера?	155

PERSONALIA

А. А. Петров. Известный ученый — исследователь якутского языка. К 70-летию со дня рождения Н. Н. Ефремова	159
Требования к оформлению статей.....	162

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Применение диалектометрического метода к классификации удмуртских диалектов

Архангельский Тимофей Александрович, Университет Гамбурга; timarkh@gmail.com

Статья посвящена исследованию диалектов удмуртского языка диалектометрическими методами. В основе этих методов лежит вычисление матрицы «расстояний» между населенными пунктами, представляющими разные диалекты и говоры, в зависимости от того, насколько много между ними обнаруживается отличий. На основе этой матрицы строятся иерархическая кластеризация и визуализация диалектного членения удмуртского языка, на которой видны группы незначительно отличающихся друг от друга пунктов и значимые пучки изоглосс. Необходимым условием для диалектометрического исследования является наличие анкетных данных из большого количества населенных пунктов. В качестве источника таких данных были использованы карты первых трех томов Диалектологического атласа удмуртского языка, выходящего в свет с 2009 г. Полученные результаты сравниваются с наиболее распространенной на сегодняшний день классификацией территориальных разновидностей удмуртского языка. В общих чертах (деление на наречия и, в некоторых случаях, на диалекты) существенных расхождений почти не обнаруживается, однако они видны на более детальном уровне (деление на говоры). Кроме того, на схеме хорошо видно, что некоторые области, особенно внутри северного наречия, являются гомогенными континуумами, что затрудняет четкую и исчерпывающую диалектную классификацию. Отчасти это можно объяснить тем, что в Диалектологическом атласе представлены почти исключительно лексические данные, в то время как традиционные классификации основываются главным образом на фонетических и морфологических критериях. В любом случае, наблюдаемые расхождения демонстрируют невозможность создания единой универсальной классификации, которая была бы пригодна для любого типа лингвистических исследований.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, диалектометрия

APPLICATION OF DIALECTOMETRIC METHOD TO THE CLASSIFICATION OF UDMURT DIALECTS

Timofey Arkhangelskiy, Universität Hamburg; timarkh@gmail.com

This paper presents a dialectometric analysis of Udmurt dialects. The cornerstone of the dialectometric method is a matrix of distances between settlements representing different dialects and subdialects, which are proportional to the number of linguistic differences between these settlements. This matrix is used to build a hierarchical clusterization and visualization of Udmurt varieties, where clusters of similar settlements and prominent isogloss bundles can be clearly seen. A comprehensive set of questionnaire data coming from a large number of settlements is a prerequisite for such a study. I use dialectal maps from the first three volumes of the Udmurt Dialectological atlas (the first volume appeared in 2009) as the source of such data. The results are compared to the most widely used existing classification of Udmurt dialects. While there are few high-order differences between the two (i.e. at supradialect and, sometimes, dialect levels), more inconsistencies appear when looking at them in detail. The visualization also clearly highlights some homogeneous areas of local continua (primarily in the Northern supradialect), which makes it difficult to arrive at a total and clear-cut classification. This can be explained in part by the fact that the Dialectological atlas contains almost exclusively lexical data, while the traditional classifications are mostly based on phonetic and morphological criteria. In any case, the observed divergence demonstrates the impossibility of creating a one-size-fits-all dialect classification suitable for any kind of linguistic research.

Keywords: Udmurt language, dialectology, dialectometry

1. Введение¹

Систематическое изучение диалектов одного языка лингвогеографическим методом началось во второй половине XIX в. в Европе. Этот метод состоит в сборе данных из большого количества населенных пунктов путем единообразного анкетирования. Ответы на каждый вопрос анкеты становятся основой для диалектной карты, иллюстрирующей их ареальное распределение, а набор диалектных карт, составленных для одного и того же множества населенных пунктов, объединяется в диалектологический атлас. Первым таким атласом стал немецкий атлас Г. Венкера (работа была начата в 1876 г., первое издание увидело свет в 1881 г.); вскоре за ним последовали атлас французского языка Ж. Жильерона (1902—1910) и других европейских языков [Chambers, Trudgill 1998: 15—17]. В настоящее время все крупные европейские языки обладают подробными атласами, включающими в себя сотни или тысячи карт. Крупным продолжающимся проектом, включающим в себя данные сразу многих языков, является Лингвистический атлас Европы, выходящий с 1975 г. [Weijnen 1975]. По большей части диалектологические атласы включают в себя данные о фонетике, лексике и морфологии, хотя существуют и синтаксические атласы, например Динамический синтаксический атлас нидерландских диалектов [Barbiers et al. 2006].

Во второй половине XX в. большое количество накопленного диалектологического материала и развитие вычислительной техники привело к появлению нового подхода к изучению диалектов — диалектометрии. Под диалектометрией понимают применение статистических методов к большому количеству языковых данных для анализа диалектной вариативности в языке. Диалектометрия является надстройкой над методом лингвистической географии, поскольку статистической обработке подвергаются данные атласов, собранные традиционным способом. Диалектометрический метод начал активно развиваться в 1970-е — 1980-е годы, когда Ж. Сеги [Séguy 1971, 1973], а затем Х. Гёбль [Goebel 1982] применили статистические подходы для изучения романских диалектов, используя данные атласов, собранные ранее.

В основе диалектометрического метода лежит понятие «расстояния» между населенными пунктами. Под расстоянием здесь понимается некоторая математическая функция $d(X, Y)$, которая для любых двух населенных пунктов X и Y на основе данных атласа вычисляет значение, показывающее, насколько ответы на вопросы анкеты в одном пункте отличаются от ответов на вопросы в другом. На практике могут применяться разные функции, однако они в любом случае должны удовлетворять как минимум трем требованиям:

- (1) если ответы на все вопросы анкеты в двух пунктах совпадают, то расстояние между ними равно 0;
- (2) функция симметрична, т. е. $d(X, Y) = d(Y, X)$;
- (3) чем в большем количестве вопросов анкеты X и Y различаются, тем больше между ними расстояние.

Использованный в таком смысле термин «расстояние» является метафорой и не обязательно коррелирует с географическим расстоянием между X и Y (хотя, безусловно, в среднем пункты, расположенные далеко друг от друга в географическом смысле, будут иметь и большее расстояние в смысле диалектометрии).

Вычисленная на основе данных Диалектологического атласа матрица попарных расстояний может быть использована несколькими способами. Во-первых, она позволяет найти важные пучки изоглосс, т. е. линий, по которым проходит граница вариантов сразу на многих диалектных картах. Во-вторых, с помощью методов автоматической кластеризации можно получить классификацию диалектов и говоров. При этом в кластеры (которые могут быть интерпретированы как говоры или диалекты) будут объединяться пункты, незначительно отличающиеся друг от друга, но заметно отличающиеся от соседних кластеров. Наконец, полученные данные открывают широкие возможности для визуализации диалектных отличий, изоглосс, кластеров и т. п. (см., например, визуализацию [Schetter 2019] на основе Атласа швейцарского немецкого).

Обзор методов, применяемых в современной диалектометрии, можно найти в [Wieling, Nerbonne 2015]. Стоит также упомянуть о существовании намного более молодой области — корпусной диалектометрии [Szmrecsaný 2012], в которой статистические методы применяются не к диалектным картам, а к диалектным корпусным данным. К удмуртскому материалу, однако, он в настоящий момент неприменим по причине отсутствия достаточного количества таких данных.

Стоит отметить, что диалектометрия преследует принципиально иную цель, чем глоттохронология, также опирающаяся на расстояния между списками слов, собранных в разных языках или диалектах. Целью глоттохронологии является установление времени распада языковой общности, для чего используются списки предположительно устойчивой лексики (например, носящий умозрительный характер список Сводеша [Swadesh 1952] или основанный на эмпирических данных «список Лейпциг-Джакарта» [Tadmor et al. 2010]), а «наносные элементы» вроде общих заимствований по возможности устраняются.

¹ Я благодарю анонимного рецензента за подробные и очень полезные комментарии.

В случае же диалектометрического анализа основной задачей является получение современной «карты сходства» языковых идиомов друг с другом. Сходства при этом могут быть вызваны не только родством идиомов, но и недавними миграциями или общим влиянием другого языка. Вместо наиболее устойчивых значений (большинство из которых выражаются во всех удмуртских диалектах одинаково, если не считать фонетических различий) для этих целей используют значения, выражающиеся разными лексемами в разных населенных пунктах.

Удмуртская диалектология имеет не менее богатую историю, чем изучение диалектов европейских языков; первая работа на эту тему [Wiedemann 1858] была опубликована в середине XIX в. Многие диалекты описаны в статьях и монографиях; обзор истории развития удмуртской диалектологии и публикаций можно найти в [Кельмаков 1998]. С 2009 г. издается Диалектологический атлас удмуртского языка, работой над которым руководит Р. Ш. Насибуллин; к настоящему моменту издано 7 томов атласа. Каждый том содержит в среднем 30 диалектных карт, на которых отражены данные 175 опорных пунктов (иногда несколько меньше или больше). Таким образом, для удмуртского языка собран богатый материал, позволяющий провести диалектометрическое исследование. Насколько мне известно, до сих пор таких исследований на удмуртском материале не выполнялось².

В этой работе методы диалектометрии применяются к данным Диалектологического атласа, чтобы наглядно и численно представить отношения между вариантами удмуртского языка, бытующими в 175 опорных пунктах. Два основных вопроса, ответить на которые поможет подобное представление данных, таковы:

1. Насколько осмысленно четкое деление удмуртского языка на территориальные единицы? Традиционный подход в диалектологии состоит в создании исчерпывающей иерархической классификации разновидностей языка, в которой более крупные единицы (наречия, диалекты) распадаются на более мелкие (говоры, подговоры). Этот подход полагается на существование изоглосс, которые позволяют отделить одни единицы классификации от других. Однако на практике очень часто встречаются ситуации, когда разные изоглоссы проходят в совершенно разных местах и не объединяются в явные «пучки». В таком случае речь идет об однородном диалектном континууме. Попытки построить классификацию такого континуума, опираясь лишь на избранные изоглоссы или присваивая некоторым изоглоссам больший вес, чем другим, производят искусственную модель, не способную адекватно отразить нечеткие, градуальные переходы между соседними пунктами [Chambers, Trudgill 1998: 99—100, 104—105].

2. В той мере, в какой общепринятая классификация удмуртских диалектов имеет смысл, насколько она совпадает с результатами, полученными с помощью диалектометрии?

2. Обработка данных

Данными, на которых проводились все вычисления, послужили материалы 42 диалектных карт из первых трех выпусков Диалектологического атласа удмуртского языка: [ДАУЯ 2009, 2010, 2013]. Несмотря на то, что всего карт к настоящему моменту опубликовано намного больше, включение дополнительных материалов вряд ли существенно повлияет на результат, поскольку начиная примерно с 30-й карты добавление новых данных практически не меняло полученных изоглосс и кластеров. Тем не менее, учет всех существующих карт остается задачей на будущее. Включенные в исследование карты в основном посвящены лексике; лишь в одной речь идет о фонетическом явлении (реализация фонемы *ы*). В основном карты посвящены названиям растений, животных, природных явлений и объектов, используемых в традиционном быту; имеются также названия частей тела и термины родства.

Для применения статистических методов и визуализации все обрабатываемые данные были представлены в машиночитаемом виде. Для этого была составлена csv-таблица, в которой одна строка соответствует одному опорному пункту, а один столбец — одной карте. Также для целей визуализации были отдельно записаны сведения о населенных пунктах: номер в атласе, названия по-русски и по-удмуртски,

² В [ДАУЯ 2009: 23] содержится на указание на то, что некоторая работа в этом направлении проводилась: «Научным руководителем работ профессором [Р. Ш. Насибуллиным перед специалистом по ИТ-технологиям] А. И. Мурыновым была поставлена задача проанализировать распространение различных диалектных явлений по территории Камско-Вятского междуречья с целью автоматизации выявления диалектологических территориальных единиц. Выполнив большой объем экспериментальных работ по обработке информации, содержащейся в базах данных, получены очень наглядные картограммы, которые достаточно хорошо соответствуют карте диалектного членения, созданной С. А. Максимовым». (Дополнение в скобках основывается на замечании рецензента и отсутствует в исходном тексте). Тем не менее, других упоминаний об этом исследовании в публикациях мне найти не удалось.

современная административная принадлежность и географические координаты. Дополнительные опорные пункты, представленные только на части карт, не учитывались.

В ячейку на пересечении каждой строки и столбца был внесен вариант, зафиксированный на данной карте атласа для данного населенного пункта. В случае, когда в атласе приводилось несколько вариантов, все они перечислялись через косую черту. Порядок следования вариантов, который в некоторых случаях отмечается в атласе и соответствует их относительной распространенности в данном пункте, при подсчетах не учитывался.

В процессе подготовки данных возникло как минимум три проблемы, которые потенциально могли повлиять на результат.

Во-первых, не на всех картах представлены данные всех 175 опорных пунктов (что неудивительно, учитывая количество усилий, необходимое для сбора и обработки материала в таких масштабах). Такое, однако, происходит нечасто; каждый пункт присутствует на подавляющем большинстве карт. В редких случаях, когда это происходило, пустая клетка заполнялась путем экстраполяции, т. е. выбора наиболее распространенного варианта в географической окрестности данного пункта. Безусловно, в части случаев это приводит к выбору неверного варианта, что вносит некоторый «шум» в данные.

Во-вторых, информация в атласе представлена двумя способами: сначала на карте, а затем в виде списков вариантов и пунктов в статье, посвященной этой карте. Выяснилось, что в ряде случаев в одном из этих двух источников отсутствует часть данных. Так, в сопроводительной статье к карте «Орех лесной» отсутствует информация о пунктах 15, 88, 121, 122, 125, 148, 151, 152, 157, 168, 174, которая, тем не менее, представлена на карте. В качестве основного источника я использовал списки в сопроводительных статьях, но в случае отсутствия данных для некоторых пунктов я проверял их наличие на карте.

Наконец, в-третьих, мне попадались случаи представления разной информации для одного и того же пункта на карте и в статье. Например, в том же разделе «Орех лесной» для пункта 96 в статье не приведен вариант *паштумулы*, отмеченный на карте, а в разделе «Василек» для пункта 45 на карте и в статье представлены разные наборы вариантов (*василёк/лызчача* на карте, но *лызчача/зекчача* в статье). Я не проводил сплошного сравнения карт и статей, поскольку в каждом таком случае у меня все равно не было бы возможности выбрать правильный вариант из двух представленных. Тем не менее такие случаи кажутся скорее отдельными ошибками, чем распространенным явлением.

Три перечисленные выше проблемы вносят в данные некоторые искажения, или «шум». Несмотря на то, что они в целом затрагивают очень небольшой объем материала, при их обработке важно использовать методы, устойчивые к некоторому количеству шума (см. об этом ниже).

При занесении данных в таблицу учитывались только наиболее значимые различия между вариантами; фонетические варианты и некоторые другие различия второго плана в расчет не брались. Например, 9 вариантов, зафиксированных на карте «Огурец»: *огрэч*, *огурэч*, *огырэч*, *огрез'*, *огрес'*, *кийар*, *куйар*, *күйар*, *кыйар* — были разделены на два основных (условно «*огрэч*» и «*кийар*»). В тех случаях, когда варианты в сопроводительной статье пронумерованы с помощью трехчленной системы номеров, это практически всегда соответствует различию в первой части номера.

Первая задача при обработке данных состоит в выборе функции расстояния. Такая функция должна удовлетворять нескольким требованиям, которые ограничивают класс подходящих функций (см. раздел 1); существует несколько применяемых на практике кандидатов. Поскольку в используемых мной данных нередко для одного пункта перечислено несколько вариантов, было важно выбрать функцию, позволяющую адекватно учесть эту особенность.

Наиболее простой подходящей функцией является расстояние Хэмминга, сообщающее, в скольких столбцах (т. е. на скольких диалектных картах) значения векторов для двух населенных пунктов отличаются друг от друга. Однако присутствие столбцов с несколькими вариантами ответа затрудняет ее непосредственное использование. Например, представим себе следующую ситуацию:

Таблица 1. Примерный фрагмент исходных данных

пункт	Карта «Огурец»	Карта «Яблоко»
А	<i>огреч</i>	<i>яблок</i>
В	<i>огреч/кияр</i>	<i>улмо</i>
С	<i>кияр</i>	<i>улмо</i>

Расстояние Хэмминга между пунктами А и В в такой ситуации будет равно двум и, таким образом, будет совпадать с расстоянием между А и С. Такой результат не будет отражать интуитивное представление о том, что А и В имеют больше общего друг с другом, чем А и С.

Для решения этой проблемы ответы на вопросы анкет были численно закодированы: каждому населенному пункту был поставлен в соответствие вектор, т. е. набор чисел. В этом векторе на каждую карту отводится столько координат, сколько на ней зафиксировано разных вариантов. Таким образом, каждая координата вектора соответствует одному варианту на одной карте. Если для данного пункта на данной карте зафиксирован ровно один вариант, в соответствующей ему позиции в векторе записывается 1, а в позициях, соответствующих остальным вариантам, — 0 (в таком случае фактически применяется унарное кодирование). Если для пункта зафиксировано n разных ответов, то в соответствующих им позициях записывается $1/n$. Таким образом, вектора для пунктов из таблицы 1 будут выглядеть следующим образом:

А: (1, 0, 1, 0)
В: (0.5, 0.5, 0, 1)
С: (0, 1, 0, 1)

Первые две координаты в этих векторах соответствуют двум возможным вариантам названия огурца, а последние две — вариантам названия яблока.

В качестве функции расстояния было использовано евклидово расстояние между полученными таким образом векторами³. Расстояние между пунктами А и В из примера выше, таким образом, равняется приблизительно 1,58, между В и С — 0,71, а между А и С — 2.

Одним из наиболее популярных методов диалектометрического анализа является иерархическая кластеризация опорных пунктов. Алгоритмы кластеризации объединяют группы похожих друг на друга пунктов в небольшие кластеры. Похожие друг на друга кластеры, в свою очередь, объединяются друг с другом в более крупные и так далее. В результате этого процесса получается дендрограмма — дерево, крупные узлы которого можно интерпретировать как диалекты, более мелкие — как говоры и т. п. В качестве алгоритма кластеризации использовался метод Уорда [Ward 1963] — пожалуй, самый популярный на сегодня метод кластеризации в диалектологии.

Альтернативой иерархической кластеризации является многомерное шкалирование, также широко распространенное в диалектологии [Embleton 1993]; в этом исследовании оно не применялось.

Помимо построения древовидной классификации, моей целью было выяснить, насколько она устойчива, т. е. насколько сильно объединение пунктов в кластеры зависит от выбора карт или наличия шума в данных. Ответ на этот вопрос важен, поскольку если окажется, что разные наборы карт будут давать совершенно разное деление удмуртского языка на диалекты, это будет означать, что мы имеем дело с однородным континуумом, и диалектная классификация для него невозможна. Для этого я дополнительно запустил алгоритм кластеризации на данных, из которых случайным образом было удалено 30% карт, повторил процесс 30 раз (каждый раз удаляя разные наборы карт) и визуализировал усредненные результаты (рис. 3). (Об альтернативных способах решения этой проблемы см. [Nerbonne et al. 2008].)

Несмотря на наличие ряда средств для визуализации подобных подсчетов (например, [Nerbonne et al. 2011] или [Augrekoetxea 2013]), мне было удобнее разработать собственный инструмент. Тем не менее, принципы отображения кластеров, изоглосс и связей между пунктами в целом повторяют то, что используется в других инструментах. Код для вычислений и визуализация написан на языке Python (с использованием библиотек `scipy` и `matplotlib`).

3. Результаты диалектометрического анализа

В результате выполнения процедур, описанных в разделе 2, были получены иерархическая классификация опорных пунктов (рис. 1) и ряд визуализаций (две из них приведены на рис. 2 и 3). На каждой из них имеются следующие элементы:

- опорным пунктам соответствуют точки, помеченные номером, который был им присвоен в Диалектологическом атласе (их названия можно найти на рис. 1);
- вокруг каждого пункта имеется закрашенная область (многоугольник диаграммы Вороного), цвет которой соответствует его месту в иерархической кластеризации;
- если отличие между соседними пунктами превышает некоторый порог, на границе между ними нарисована красная линия, толщина которой пропорциональна расстоянию между их векторами; фактически, такие линии соответствуют пучкам изоглосс;

³ Вообще говоря, выбор функции расстояния и метода кластеризации может повлиять на результат. Однако замена функции расстояния на линейную (метрика l_1 , «манхэттенское расстояние») и использование метода средней связи практически никак не изменило полученную классификацию, поэтому в дальнейшем рассматривается только евклидово расстояние.

— если, наоборот, расстояние между двумя пунктами (необязательно соседними) оказывается меньше некоторого порога, между ними проводится зеленая линия, толщина которой обратно пропорциональна расстоянию между их векторами.

Взаимное расположение пунктов соответствует их реальным географическим координатам.

Количество разных цветов на каждой визуализации зависит от того, насколько крупные кластеры на ней отражены. Раскраска областей на рис. 2 соответствует кластеризации на рис. 1, в которой разными цветами помечены лишь три наиболее значимых кластера — те, «высота» которых (т. е. усредненная разница с другими кластерами) превышает 0,4 максимальной высоты. Если этот порог понизить, в разные цвета окажутся раскрашены более мелкие кластеры: чем ниже порог, тем больше их будет выделено. На рис. 3, полученном усреднением после большого количества прогонов алгоритма с изъятием части данных, использовался более низкий порог, при котором собственные цвета присваивались 7 или 8 кластерам (точное количество для разных прогонов оказывалось разным).

Наиболее очевидные выводы, которые можно сделать на основе рис. 1—3, таковы.

— Удмуртский язык очень четко делится на северную, срединную и южную зоны. Это подтверждается и классификацией, которая практически во всех случаях устойчиво причисляет каждый пункт ровно к одной из зон, и наличием на большинстве границ значимых пучков изоглосс. Исключением являются только «переходные» пункты 121, 122, 123 и 127, которые в большинстве случаев присоединяются к срединным говорам, но при некоторых наборах карт оказываются включены в южное наречие. В этом отношении статистические методы практически полностью подтверждают общепринятую классификацию (с тем отличием, что средне-восточный диалект оказывается частью северного наречия, а не срединных говоров).

— В составе южного наречия периферийно-южная зона также четко отделяется от южной как изоглоссами, так и кластеризацией; если опустить высоту отсечения кластеров до 0,34 от максимальной, периферийно-южная зона становится четвертым кластером со своим собственным цветом.

— На схеме видно несколько гомогенных областей, в которых пункты очень похожи на многие близлежащие (это видно по плотной сети зеленых линий). В первую очередь это почти вся северная зона, а также отдельные части собственно южной и периферийно-южной зон. Напротив, срединные говоры не отличаются однородностью: внутри них плотность зеленых линий ощутимо ниже, а плотность пучков изоглосс выше.

— Бесермянское наречие действительно представляет собой на дендрограмме отдельный куст (первые 4 пункта на рис. 1), заметно отличающийся от соседних пунктов северного наречия; на рис. 2 и 3 вокруг бесермянских пунктов видны выделяющие их пучки изоглосс. Тем не менее количественно это отличие вовсе не такое заметное, как между тремя остальными наречиями. Примерно настолько же сильно отличаются от родственных говоров, например, бавлинский или красноуфимский. Этот факт уже фиксировался в литературе: «Следует отметить также, что в языковом плане многие периферийные группы удмуртов по отношению к основной массе народа стоят намного дальше, чем бесермяне» [Максимов 2008: 116—117]. Несмотря на это, выделение бесермянского наречия или даже языка может быть обосновано социолингвистическими причинами. Во-первых, его носители — бесермяне — представляют собой отдельный этнос; согласно [Шкляев 1997: 112], 72,6% опрошенных бесермян считают используемый ими идиом отдельным языком, в то время как в качестве диалекта удмуртского его готово было рассматривать лишь 13,2%. Во-вторых, бесермянский, на котором говорят в отдельных бесермянских и смешанных деревнях, окруженных более многочисленными севернудмуртскими, не образует непрерывной области на карте, что также отличает его от всех остальных территориальных разновидностей удмуртского. Кроме того, у бесермянского наречия есть ряд ярких фонетических особенностей, противопоставляющих его соседним говорам и не нашедших отражения в данной работе (но заметных в фонетических вариантах лексем, приведенных в Атласе).

4. Сравнение с принятой диалектной классификацией

Наиболее общепринятая на сегодня классификация удмуртских диалектов была предложена С. А. Максимовым на основе анализа работ, посвященных удмуртской диалектологии, изучения диалектных материалов и личных наблюдений [Максимов 1999: 171]. Классификация, карта распространения и номенклатура диалектов с тех пор корректировалась ([Максимов 2002: 201]; все выпуски Диалектологического атласа), но эти изменения были незначительными. В этой классификации удмуртский язык делится на наречия, наречия делятся на диалекты, а диалекты — на говоры. Несмотря на то, что эта классификация не является окончательной или единственной, я буду называть ее «традиционной» или «общепринятой» как наиболее известную на сегодняшний день. Ниже я опираюсь на классификацию, приведенную в VI выпуске атласа, как на одну из самых новых [ДАУЯ 2018: 22—24].

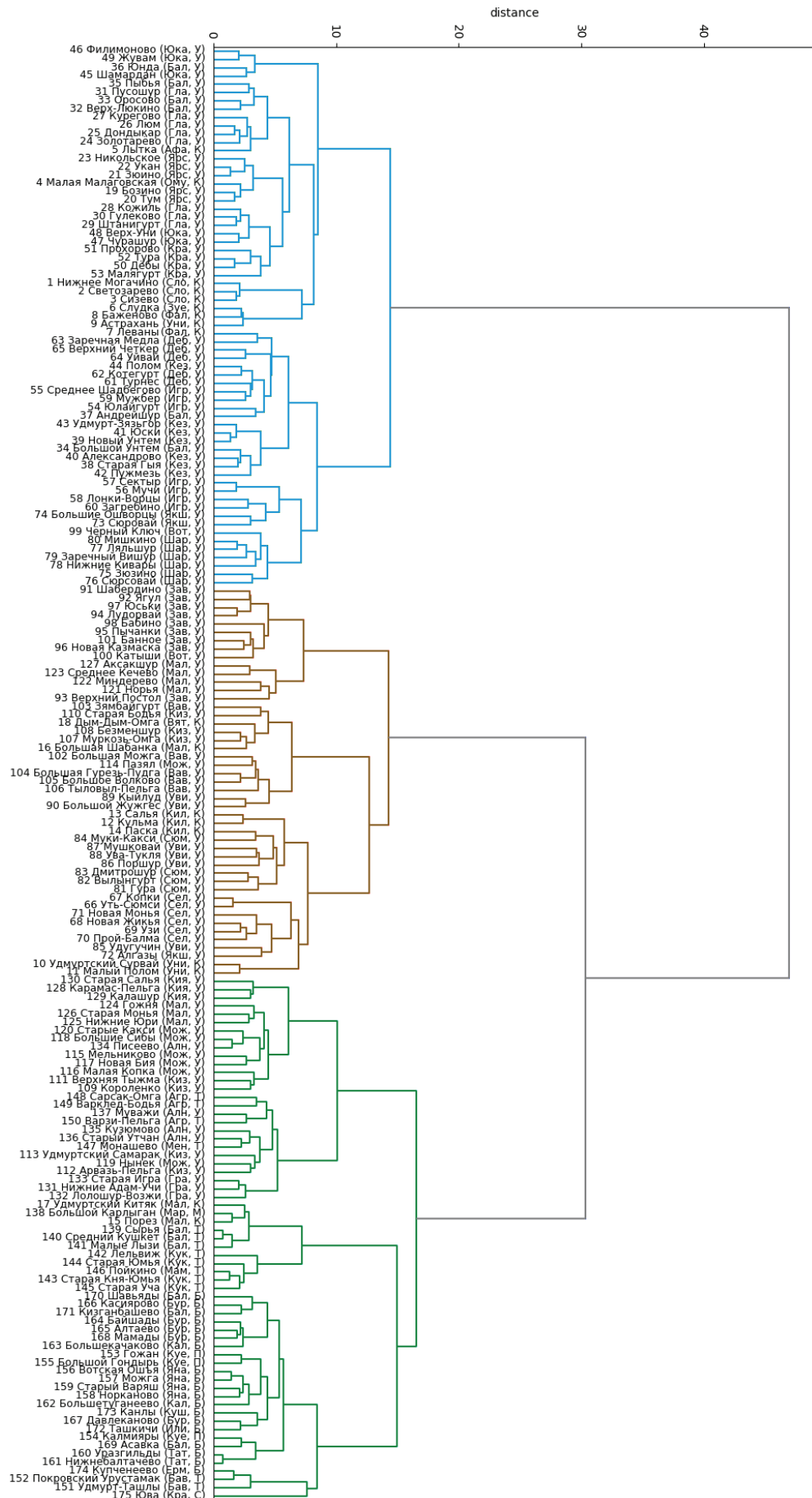

Рис. 1. Иерархическая кластеризация опорных пунктов

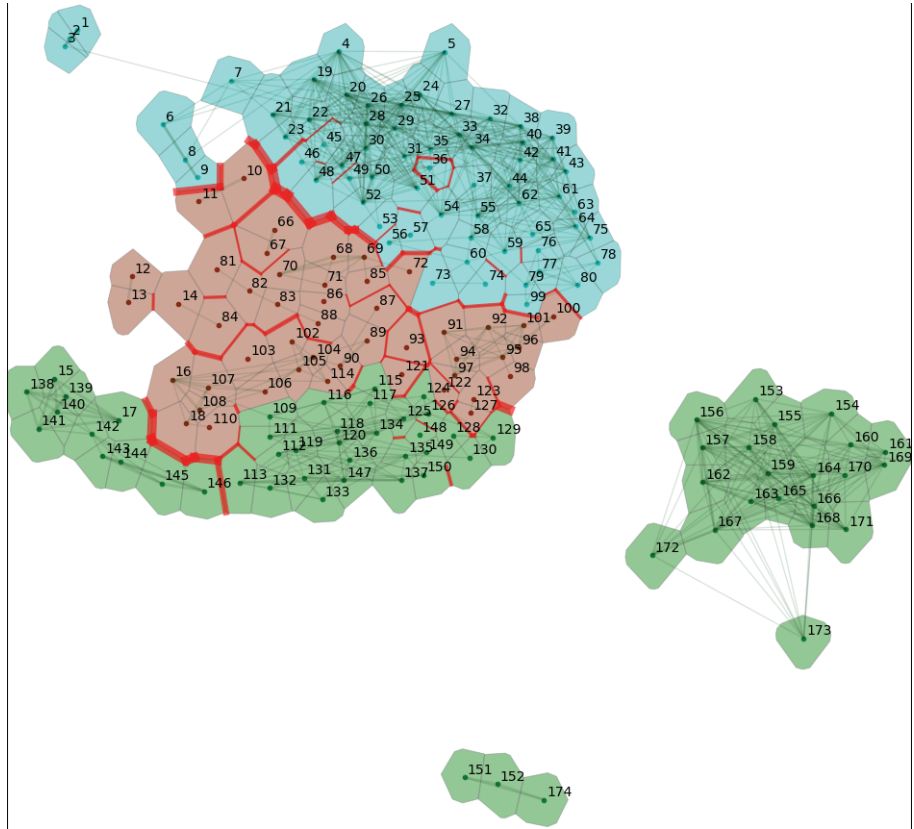

Рис. 2. Разбиение пунктов на три диалектные зоны (без усреднения)

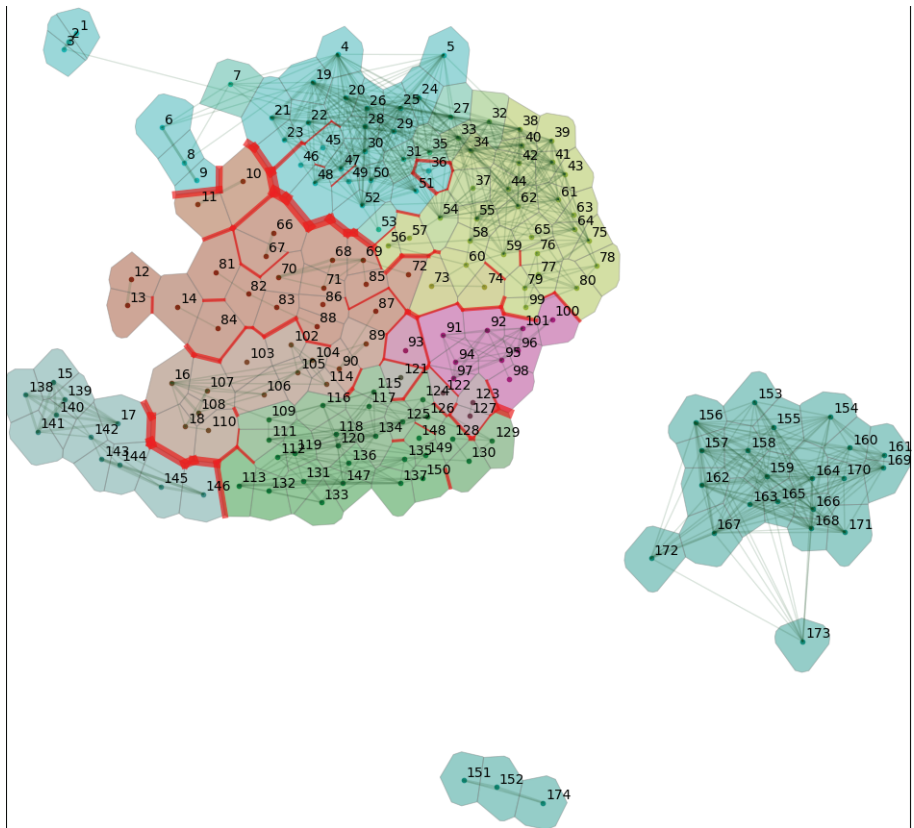

Рис. 3. Разбиение пунктов на 7—8 кластеров (с усреднением)

В ряде случаев диалектометрические результаты отличаются от этой классификации. Иногда отличие состоит в том, что границы говоров и диалектов невозможно четко проследить на схеме (рис. 3); в некоторых случаях наборы пунктов, отнесенные классификацией к одной территориальной единице, на схеме оказываются четко отнесены к нескольким разным группам. В таблице 2 перечисляются диалекты и говоры согласно традиционной классификации с комментариями о том, насколько четко они выделяются на основании диалектометрической схемы. Характерными признаками четко выделяемого говора или диалекта являются их принадлежность к одному кластеру (т. е. одинаковый цвет на схеме), наличие большого количества связей (зеленых линий) внутри говора, отсутствие пучков изоглосс (красных линий) внутри говора, наличие пучков изоглосс на границах говора и отсутствие большого количества связей с пунктами, не входящими в говор. Чем больше условий из этого списка выполнено, тем с большей уверенностью можно считать группу пунктов входящей в один говор.

Таблица 2. Общепринятая диалектная классификация в сравнении с диалектометрическим анализом

единица	диалектометрический комментарий
северное наречие	Четко выделяется, особенно на западе, однако диалектометрия также относит к нему средне-восточный диалект. Отсутствие четкой границы между восточными частями северного наречия и срединных говоров отмечается Л. Л. Карповой, согласно которой зуринский и дебёсский говоры верхнечепецкого диалекта, и в особенности тыловайский подговор (примерно соответствующие лозинскому и тыловайскому говорам в данной классификации), демонстрируют ряд лексических схождений со средне-восточным диалектом [Карпова 2018: 12].
нижнечепецкий диалект <i>слободской говор</i> <i>косинский говор</i>	Довольно четко выделяется. Четко выделяется. Четко выделяется.
среднечепецкий диалект	Отсутствует четкая граница с верхнечепецким диалектом. Цвета на рис. 3 показывают, что граница между этими диалектами может сильно отличаться в зависимости от того, по какому набору изоглосс она строится. По крайней мере пункты 27, 31, 32, 33, 35, 37, 53, 54 принадлежат к этой переходной зоне; пункт 34, относимый к среднечепецкому диалекту, на рис. 3 стабильно группируется с верхнечепецкими пунктами.
<i>ярский говор</i>	Практически неотделим от соседних говоров.
<i>глазовский говор</i>	Практически неотделим от соседних говоров.
<i>балезинский говор</i>	Практически неотделим от соседних говоров.
<i>юкаменский говор</i>	Практически неотделим от соседних говоров.
верхнечепецкий диалект <i>пызепско-чепецкий говор</i> <i>лозинский говор</i> <i>итинский (тыловайский) говор</i>	Практически неотделим от среднечепецкого; см. выше. Практически неотделим от соседних говоров. Практически неотделим от соседних говоров. Практически неотделим от соседних говоров.
срединные говоры	Четко выделяются, но диалектометрия относит некоторые пункты к северному наречию.
средне-западный диалект <i>верхнелумпунский говор</i> <i>копкинский говор</i> <i>селтинский говор</i> <i>зятцинский говор</i>	Частично выделяется; см. комментарии к говорам. Четко выделяется. Четко выделяется. Довольно четко выделяется, однако пункт 72 также близок к нему. Совершенно не выделяется; более того, входящие в него пункты 53, 56, 57 и 72 стабильно оказываются в разных кластерах и разделяются значимыми пучками изоглосс.
<i>кульминский говор</i> <i>гуринский говор</i>	Четко выделяется. Есть четкие границы с севера, запада и юга, однако каждый из входящих в него двух пунктов оказывается диалектометрически ближе к пунктам других говоров, чем к другому пункту: 14 — к 84, а 81 — к 82 (оба принадлежат к сямсинскому говору).
<i>сямсинский говор</i> <i>увинский говор</i>	Нет четких границ с гуринским и увинским говорами. Есть границы с юго-запада и северо-востока, однако нет тесной связи между входящими в него тремя пунктами.

средне-восточный диалект	Диалектометрически этот диалект оказывается ближе к северному наречию, чем к соседним диалектам срединных говоров, от которых его отделяют значимые пучки изоглосс. Тем не менее его внутренняя структура не так гомогенна, как в средне- и верхнечепецком диалектах.
<i>чутьрский говор</i>	Недостаточно четко отделяется от соседних средне-восточных и верхнечепецких говоров.
<i>якур-бодьинский говор</i> <i>шарканский говор</i>	Недостаточно четко отделяется от соседних средне-восточных говоров. Составляет очевидный тесный кластер, но недостаточно четко отделяется от соседних верхнечепецких говоров.
валинский диалект <i>вавожский говор</i>	Довольно четко выделяется. Южная часть недостаточно четко отделяется от соседних нылгинского и омгинского говоров.
<i>нылгинский говор</i>	Пункт 115 причисляется диалектометрией к южному наречию, остальные четыре недостаточно четко отделяются от вавожского говора.
<i>омгинский говор</i>	Составляет очевидный тесный кластер, но недостаточно четко отделяется от вавожского говора.
ижский диалект	Четко выделяется, но включает также несколько пунктов, переходных к южному наречию.
<i>верхнеижский говор</i>	Довольно четко выделяется, однако пункт 93, отделенный от всех соседей пучками изоглосс, возможно, стоит выделить в отдельный говор.
<i>среднеижский говор</i>	Говор по сути представляет собой набор разнородных, сильно отличающихся друг от друга пунктов, в некотором смысле являющихся переходной зоной между срединными говорами и южным наречием. Пункт 98 оказывается диалектометрически ближе к верхнеижскому говору, чем к какому бы то ни было пункту среднеижского. Диалектометрия также включает в среднеижский говор пункт 127, похожий на входящий в этот говор 123 и отделенный пучком изоглосс от соседей с юга.
южное наречие	Четко выделяется.
собственно южный диалект <i>кизнерско-можгинский говор</i>	Четко выделяется. Составляет очевидный тесный кластер, но недостаточно четко отделяется от соседних говоров; пункт 110 диалектометрически ближе к срединным говорам.
<i>средне-южный говор</i>	Составляет очевидный тесный кластер; хорошо отделим от кыркмасского говора на юге, но плохо отделим от кизнерско-можгинского говора.
<i>кыркмасский говор</i>	Плохо отделим от соседних говоров; пункт 127 диалектометрически ближе к срединным говорам.
<i>граховский говор</i> <i>нижнеижский (алнашский) говор</i>	Плохо отделим от кизнерско-можгинского и нижеижского говоров. Плохо отделим от соседних говоров.
периферийно-южный диалект	Четко выделяется. Большинству периферийных говоров на дендрограмме (рис. 1) действительно соответствуют компактные кусты, однако диалектометрическое расстояние между кустами на территории Башкортостана и Пермского края очень мало.
говоры арского типа	Деление периферийно-южного диалекта на говоры арского и закамского типа не нашло отражения в диалектометрических схемах. Вместо этого периферийно-южный диалект оказывается четко разбит на две другие группы, совпадающие с географическим делением. В первую входят шошминский и кукморский говоры, во вторую — все остальные.
<i>шошминский говор</i> <i>кукморский говор</i>	Довольно четко выделяется. Довольно четко выделяется, однако пункт 142 оказывается переходным между шошминским и кукморским говорами.
<i>бавлинский говор</i> <i>татышлинский говор</i> <i>ташичинский говор</i> <i>красноуфимский говор</i>	Четко выделяется. Плохо отделяется от соседних говоров в Башкортостане и Пермском крае. Плохо отделяется от соседних говоров в Башкортостане и Пермском крае. Четко выделяется.
говоры закамского типа <i>шагиртско-гондырский говор</i> <i>буйско-таныпский говор</i>	См. выше. Плохо отделяется от соседних говоров в Башкортостане. Плохо отделяется от соседних говоров в Башкортостане и Пермском крае. Кроме того, буйско-таныпский говор распадается на дендрограмме (рис. 1) на некоторое

	количество небольших кустов, соизмеримых по размеру и глубине с кустами соседних говоров; возникает вопрос, почему они не были выделены в отдельные говоры.
<i>канлинский говор</i>	Плохо отделяется от соседних говоров в Башкортостане и Пермском крае.
бесермянское наречие	Четко выделяется, но имеет не так много отличий от соседних северных говоров, как другие наречия друг от друга (см. выше). Говоры в бесермянском наречии диалектометрически не выделяются.

Отдельно отмечу, что отсутствующий в принятой классификации пункт 7 (Леваны, Фалёнский район Кировской области) оказывается диалектометрически близок не только к близлежащим нижнечепецким пунктам, но и к верхнечепецкому диалекту, например к расположенному на другом конце севернoudмуртского континуума пункту 63 (Заречная Медла, Дебёсский район Удмуртской республики). Это, вероятно, объясняется миграцией в этот пункт удмуртов со средней Чепцы [Максимов 2009: 43].

Если не все, то по крайней мере многие отличия диалектометрических результатов от общепринятой классификации можно было бы объяснить тем, что первые практически полностью основаны на лексических данных, тогда как последняя строилась в первую очередь на основе фонетических и (в меньшей степени) морфологических критериев. Может ли такое случиться, что фонетические и морфологические кластеры и изоглоссы в каком-то языке в принципе не совпадают с лексическими? Однозначного ответа на этот вопрос в диалектологии нет. С одной стороны, исследования некоторых языков показывают, что кардинальной разницы между делением по фонетическим, морфологическим или лексическим признакам не наблюдается. Например, на каталонских картах [Goebel 2013: 113] видно, что изоглоссы, присутствующие на лексической карте, в большинстве случаев присутствуют и на фонетической (хотя последняя содержит некоторые изоглоссы, не видимые на лексической карте), а из схемы [Goebel 2013: 115] следует, что в подавляющем большинстве случаев корреляция между фонетическими и лексическими данными высокая или очень высокая (зеленые, желтые и красные области). И. Шеррер и Ф. Штёкле с помощью подсчетов показывают, что лексические, фонетические и морфологические изоглоссы в швейцарском немецком хорошо коррелируют друг с другом, в отличие от синтаксических [Scherrer, Stoeckle 2016: 110]. С другой стороны, те же авторы отмечают, что в некоторых других языках соответствие не оказывалось настолько полным. Как отмечается в [Rusakov et al. 2018], для албанского языка грамматические и лексические изоглоссы в целом хорошо коррелируют с традиционной классификацией, однако при использовании лексических данных границы получаются более смазанными, а диалектометрические расстояния между пунктами в среднем оказываются ниже. Часть отличий диалектометрической классификации от традиционной можно действительно объяснить исторически недавними миграциями, которые отразились на лексике, но не отразились в такой степени на фонетике. Так, например, обстоит дело со средне-восточным диалектом, который приобрел севернoudмуртские черты в результате миграции с низовьев р. Чепцы на ее среднее течение и впоследствии вверх по притокам. Населенные пункты зятцинского говора, судя по фонетическим особенностям речи старшего поколения, действительно исторически формировали территориальную группу и относились к среднезападным говорам, однако это единство было разрушено из-за тяготения п. 56 и 57 к находящемуся восточнее райцентру и из-за отсутствия дорожной связи между пунктами этого говора. Тот факт, что буйско-таныпский говор на дендрограмме распадается на несколько кустов, можно объяснить поздним неоднородным влиянием татарских говоров.

Так или иначе, диалектометрический анализ демонстрирует некоторые ограничения принятой классификации. Они обусловлены тем, что любая диалектная классификация имеет практическое применение. Изучая ареальное распределение какого-либо явления, исследователь составляет диалектную «сетку» — набор населенных пунктов (размер которого ограничивается количеством доступных ему ресурсов), который по возможности полно представляет всё многообразие вариантов удмуртского языка. Стандартным подходом при этом является выбор одного населенного пункта в качестве представителя каждого диалекта или говора. Отбирая пункты таким образом, исследователь имплицитно предполагает, что с большой вероятностью вариант, зафиксированный в некотором пункте, будет распространен на всей или почти на всей территории соответствующего говора или диалекта, поскольку в говоры и диалекты объединяются группы пунктов с похожими разновидностями языка. На этом предположении, например, основывался выбор замен пунктов, для которых оказалось недостаточно данных, в [Максимов 2002: 190]. Учитывая это обстоятельство, можно сделать два важных, на мой взгляд, выводы.

Во-первых, даже если все несоответствия можно полностью объяснить различиями между лексическими и фонетическими/морфологическими изоглоссами, важно осознавать, что принятая схема является именно фонетико-морфологическим делением, а не универсальной классификацией «на все случаи

жизни». Наиболее крупное деление удмуртского языка — деление на наречия — можно считать универсальным, но область применения более дробной классификации ограничена теми уровнями языка, на которых она основана. При исследовании ареального распределения фонетических вариантов, вероятно, разумнее руководствоваться классификацией, полученной на основе фонетических данных, при исследовании лексики — на основе лексических. В противном случае может возникнуть ситуация, когда выбор пункта внутри, казалось бы, одного говора может существенно повлиять на результат. Например, пункты 53, 56, 72, объединенные в один зятцинский говор, на основе лексических данных устойчиво причисляются к трем разным диалектам.

Во-вторых, из схем на рис. 2 и 3 видно, что некоторые границы между диалектами и говорами четкие, но некоторые другие четко провести невозможно, т. е. некоторые части удмуртоязычного ареала являются диалектными континуумами; особенно это характерно для северного наречия. Многочисленные комментарии в работах, посвященных диалектной классификации удмуртского языка, позволяют предположить, что то же нередко верно не только для лексики, но и для фонетики и морфологии. Так, в [Максимов 2009: 43] отмечается, что «[бализинский] говор [среднечепецкого диалекта] является переходным к верхнечепецкому диалекту, а ярский говор имеет много черт, сближающих его с нижнечепецким диалектом». В [Карпова 2014: 189, 196] и [Карпова 2018: 12] отмечается, что между севернудмуртскими диалектами, особенно между средне- и верхнечепецким, имеется много общего. На это же косвенно указывает и тот факт, что границы между среднечепецким и верхнечепецким диалектами, а также между шагиртско-гондырским и буйско-таньпским говорами, в отличие от всех остальных, совпадают с административными — границами районов или регионов РФ. Это, вероятно, свидетельствует об их условности⁴. Однако прокрустово ложе трехчленной классификации (наречие > диалект > говор) не позволяет показать этих различий. Имея перед глазами схему или карту диалектного членения, читатель может предположить, что, например, разница между бализинским и юкаменским говорами, с одной стороны, и разница между копкинским и селтинским, с другой, имеют одинаковый порядок, хотя на самом деле это не так. На мой взгляд, было бы разумно либо отказаться от четкого деления некоторых зон на мелкие единицы (т. е. эксплицитно указать, что, например, средне- и верхнечепецкий диалекты понимаются лишь как нечеткие, пересекающиеся области), либо хотя бы отразить это неравенство в номенклатуре (например, именуя большинство наиболее мелких единиц в северной зоне подговорами, а не говорами).

5. Заключение

В статье был представлен диалектометрический анализ части данных Диалектологического атласа удмуртского языка. Полученные в результате анализа схемы позволяют по-новому взглянуть на материалы атласа и сравнить выводы с общепринятой классификацией удмуртских диалектов.

Классификация, полученная с помощью иерархической кластеризации лексических данных, совпадает с общепринятой в общих чертах, но отличается от нее в некоторых деталях. Вероятно, во многом это объясняется тем, что последняя построена в первую очередь на фонетических и морфологических данных и поэтому не обязана совпадать с лексической. Однако данные других языков показывают, что разница между лексической, фонетической и морфологической классификациями, как правило, не так велика. Обнаруженные несовпадения, таким образом, являются хорошим поводом для проверки и возможного уточнения существующей классификации — особенно существенные, как в случае зятцинского говора. В любом случае, классификацию, основанную на фонетике и морфологии, следует с осторожностью применять на практике при изучении ареального распределения явлений, принадлежащих к другим уровням языка, поскольку в этом случае населенные пункты могут по-другому группироваться в территориальные единицы.

Литература

ДАУЯ 2009 — *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семёнов В. Г., Отставнова Г. В.* Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. 1. Ижевск, 2009. {*Nasibullin R. Sh., Maksimov S. A., Semenov V. G., Odstavnova G. V.* Dialectological atlas of Udmurt: Maps and comments. Vol. 1. Izhevsk, 2009.}

⁴ Впрочем, дело может быть и в более тесных связях между населенными пунктами внутри одной административной единицы, из-за которых диалектные различия быстрее нивелируются, особенно в случае границы между республиками.

ДАУЯ 2010 — *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семёнов В. Г., Отставнова Г. В.* Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. 2. Ижевск, 2010. {*Nasibullin R. Sh., Maksimov S. A., Semenov V. G., Otstavnova G. V.* Dialectological atlas of Udmurt: Maps and comments. Vol. 2. Izhevsk, 2010.}

ДАУЯ 2013 — *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семёнов В. Г., Бусыгина Л. В.* Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. 3. Ижевск, 2013. {*Nasibullin R. Sh., Maksimov S. A., Semenov V. G., Busygina L. V.* Dialectological atlas of Udmurt: Maps and comments. Vol. 3. Izhevsk, 2013.}

ДАУЯ 2018 — *Насибуллин Р. Ш., Арзамазова О. А., Городилова М. Р., Семёнов В. Г., Шараева Я. М.* Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. 6. Ижевск, 2018. {*Nasibullin R. Sh., Arzamazova O. A., Gorodilova M. R., Semenov V. G., Sharaeva Ja. M.* Dialectological atlas of Udmurt: Maps and comments. Vol. 6. Izhevsk, 2018.}

Карпова 2014 — *Карпова Л. Л.* Фонетические различия в северных диалектах удмуртского языка // *Linguistica Uralica*. 2014, 50 (3). С. 189—198. {*Karpova L. L.* Phonetic differences in Northern Udmurt varieties // *Linguistica Uralica*. 2014, 50 (3). P. 189—198.}

Карпова 2018 — *Карпова Л. Л.* Диалекты северного наречия удмуртского языка: Формирование и современное состояние. Автореф. дис. ... д. филол. наук. Ижевск, 2018. {*Karpova L. L.* Dialects of the Northern supradialect of Udmurt: development and the actual state of affairs. Summary of a doctoral thesis. Izhevsk, 2018.}

Кельмаков 1998 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск, 1998. {*Kelmakov V. K.* Brief course of Udmurt dialectology. Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. Bibliography. Izhevsk, 1998.}

Максимов 1999 — *Максимов С. А.* Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели. Дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1999. {*Maksimov S. A.* Northern Udmurt – Komi lexical and semantical parallels. PhD thesis. Izhevsk, 1999.}

Максимов 2002 — *Максимов С. А.* Соотношение исторических пластов лексики в удмуртских диалектах по данным I вопросника ДАУЯ // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей. Ижевск, 2002. С. 188—201. {*Maksimov S. A.* Proportions of historical lexical layers in Udmurt varieties according to the first questionnaire of the Dialectological atlas of Udmurt // The first Udmurt grammar turns 225: a collection of papers. Izhevsk, 2002. P. 188—201.}

Максимов 2008 — *Максимов С. А.* Самоназвания удмуртов и бесермян, их варианты, названия соседних народов в языке удмуртов и бесермян // *Linguistica Uralica*. 2008, 44 (2). С. 108—118. {*Maksimov S. A.* Self-nominations of the Udmurts and the Besermans, names of the neighboring peoples in the language of the Udmurts and the Besermans // *Linguistica Uralica*. 2008, 44 (2). P. 108—118.}

Максимов 2009 — *Максимов С. А.* Комментарий к картам «Диалектное членение удмуртского языка» и «Принадлежность опорных пунктов к территориальным диалектам» // *Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова.* Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. 1. Ижевск, 2009. С. 42—48. {*Maksimov S. A.* Comments for the maps “Dialectal breakdown of the Udmurt language” and “Distribution of the pivotal settlements by territorial dialects” // *R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, G. V. Otstavnova.* Dialectological atlas of Udmurt: Maps and comments. Vol. 1. Izhevsk, 2009. P. 42—48.}

Шкляев 1997 — *Шкляев Г. К.* Бесермяне. Опыт этностатистического исследования // Отв. ред. *Г. К. Шкляев.* О бесермянах. Ижевск, 1997. С. 110—120. {*Shklyayev G.* The Besermans. An attempt at an ethnostatistical study // Chief ed. *G. Shklyayev.* On the Besermans. Izhevsk, 1997. P. 110—120.}

Aurrekoetxea et al. 2013 — *Aurrekoetxea G., Fernandez-Aguirre K., Rubio J., Ruiz B., Sanchez J.* “DiaTech”: A new tool for dialectology // *Literary and Linguistic Computing*. 2013, 28 (1). P. 23—30.

Barbiers et al. 2006 — *Barbiers S., Bennis H., De Vogelaer G., Devos M., Van der Ham M.* Dynamische Syntactische Atlas van de Nederlandse Dialecten (DynaSAND). Amsterdam, 2006 // <http://www.meertens.knaw.nl/sand>

Chambers, Trudgill 1998 — *Chambers J. K., Trudgill P.* Dialectology. Second edition. Cambridge, 1998.

Embleton 1993 — *Embleton S.* Multidimensional scaling as a dialectometrical technique: outline of a research project // Eds. *R. Köhler, B. B. Rieger.* Contributions to quantitative linguistics. Proceedings of the first international conference on quantitative linguistics (QUAL-ICO). Dordrecht & Boston, 1993. P. 267—276.

Goebel 1982 — *Goebel H.* Dialektometrie: Prinzipien und Methoden des Einsatzes der numerischen Taxonomie im Bereich der Dialektgeographie. Wien, 1982.

Goebel 2013 — *Goebel H.* La Dialectometrització dels quatre primers volums de l'ALDC: una breu presentació // *Estudis Romànics*. 2013, 35. P. 87—116.

Nerbonne et al. 2008 — *Nerbonne J., Kleiweg P., Heeringa W., Manni F.* Projecting Dialect Distances to Geography: Bootstrap Clustering vs. Noisy Clustering // Eds. *C. Preisach, H. Burkhardt, L. Schmidt-Thieme, R. Decker.* Data Analysis, Machine Learning and Applications (Studies in Classification, Data Analysis, and Knowledge Organization). Berlin, Heidelberg, 2008. P. 647—654.

Nerbonne et al. 2011 — *Nerbonne J., Colen R., Gooskens C., Leinonen T., Kleiweg P.* Gabmap — A web application for dialectology // *Dialectologia*. 2011. Special Issue II. P. 65—89.

- Rusakov et al. 2018 — *Rusakov A., Morozova M., Ovsjannikova M.* Linguistic complexity and lexicon of Albanian dialects: An attempt of quantitative analysis. A paper presented at the Workshop “First step towards an interactive map of Balkan linguistic features”. 26—27 November 2018, University of Zurich // <https://www.academia.edu/40884191>
- Scherrer, Stoeckle 2016 — *Scherrer Y., Stoeckle P.* A quantitative approach to Swiss German — Dialectometric analyses and comparisons of linguistic levels // *Dialectologia et Geolinguistica*. 2016, 24 (1). P. 92—125.
- Scherrer 2019 — *Scherrer Y.* News from dialektkarten.ch. 2. VerbaAlpina-Arbeitstagung, Munich, 18 June 2019.
- Séguy 1971 — *Séguy J.* La relation entre la distance spatiale et la distance lexicale // *Rev. Linguist. Rom.* 1971, 35. P. 335—57.
- Séguy 1973 — *Séguy J.* La dialectométrie dans l’atlas linguistique de la Gascogne // *Rev. Linguist. Rom.* 1973, 37. P. 1—24.
- Swadesh 1952 — *Swadesh M.* Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts: with special reference to North American Indians and Eskimos // *Proceedings of the American philosophical society*. 1952. Vol. 96. № 4. P. 452—463.
- Szmrecsanyi 2012 — *Szmrecsanyi B.* Grammatical variation in British English dialects: A study in corpus-based dialectometry. Cambridge University Press, 2012.
- Tadmor et al. 2010 — *Tadmor U., Haspelmath M., Taylor B.* Borrowability and the notion of basic vocabulary // *Diachronica*. 2010, 27 (2). P. 226—246.
- Ward 1963 — *Ward J. H.* Hierarchical grouping to optimize an objective function // *Journal of the American statistical association*. 1963, 58. P. 236—244.
- Weijnen 1975 — *Weijnen A.* (ed.). *Atlas Linguarum Europae*. Introduction. Assen, 1975.
- Wiedemann 1858 — *Wiedemann F. J.* Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache // *Bulletin de la Classe historico-philologique de l’Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg*. 1858, XV. P. 240—256.
- Wieling, Nerbonne 2015 — *Wieling M., Nerbonne J.* Advances in dialectometry // *Annual Review of Linguistics*. 2015. Vol. 1. P. 243—264.

Фонетические особенности «Жития Св. Феодора» (1913) на удмуртском языке

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск);
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

Статья посвящена описанию вокалических и консонантных особенностей перевода «Жития Св. Феодора» на елабужское наречие удмуртского языка. Рассмотреть фонетические изоглоссы памятника невозможно без учета графико-орфографической системы, поэтому в статье особое внимание также уделяется графике и орфографии источника.

Описание фонетических особенностей проводится методом сопоставления вокализма и консонантизма «Жития Св. Феодора» с системой гласных и согласных современного удмуртского литературного языка, параллельно при наличии приводятся соответствия из диалектного словаря Ю. Вихманна [Wichmann 1987], материалы для которого были собраны в конце XIX в., а также по возможности указываются современные формы по аудиословарям, подготовленным на основе экспедиционных данных 2013 г. В результате такого сопоставления предпринимается попытка определить архаичный или инновационный характер каждой особенности, выявленной на фонетическом уровне.

Анализ показал, что в целом в книге «Житие Св. Феодора» (1913), по сравнению с более ранними переводными памятниками, представлена довольно четкая графическая и орфографическая система, выработаны определенные нормы правописания различных частей речи. Что касается фонетических особенностей, практически все они в разной степени представлены в современном центрально-южном диалекте. Однако определить более точно, какой из центрально-южных говоров лежит в основе данного памятника, опираясь на современные диалектные материалы, как оказалось, сложно, поскольку говоры данного ареала, к сожалению, на сегодняшний день описаны довольно плохо.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятники письменности, графико-орфографические особенности, фонетические особенности

PHONETIC FEATURES OF THE “LIFE OF ST. THEODORE” (1913) WRITTEN IN THE UDMURT LANGUAGE

Maria P. Bezenova,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk);
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); mary_kaj@mail.ru

The article describes the vowel and consonant features of the translation of the “Life of St. Theodore” (1913) into the Elabuga dialect of the Udmurt language. The phonetic isoglosses of the written record could not be considered without taking into account its script and spelling system; therefore, the article also pays special attention to the script and orthography of the source material.

The phonetic features are described by comparing the vowel and consonant system of the “Life of St. Theodore” with the vowel and consonant system of the modern Udmurt literary language, adding, whenever available, correspondences from the dialect dictionary by Y. Wichmann [Wichmann 1987], the materials for which were collected at the end of the 19th century. Furthermore, corresponding modern forms from the audio dictionaries based on 2013 field data are also indicated. Such a comparison makes it possible to try to determine the archaic or innovative nature of each feature identified at the phonetic level.

The analysis shows that, in general, “Life of St. Theodore” (1913), in comparison with earlier translated records, has a clear script and spelling system along with certain spelling rules for various parts of speech. As for the phonetic features, almost all of them remain to various extents in the modern Central-Southern Udmurt dialect. However, based on modern dialect data, it turns out to be difficult to determine more precisely which of the Central-Southern dialects was used in this record as, unfortunately, the subdialects of this area are described rather poorly today.

Keywords: the Udmurt language, written record, graphic and orthographic features, phonetic features

1. Введение

Значительная часть памятников удмуртской письменности представлена переводами Библии и других религиозных книг, поскольку с началом нового этапа миссионерской деятельности в XIX в. главным условием успешной православной миссии стали считать использование родного языка [Корепанова 2011: 76]. В свою очередь, появление религиозных книг, проповедь и богослужения на родном языке сыграли огромную роль в приобщении удмуртов к христианству, в их просвещении и борьбе с неграмотностью, а также в создании и развитии письменности. При этом, чтобы религиозные книги были понятны для удмуртов, проживающих на различных территориях, перевод осуществлялся на четырех наречиях удмуртского языка: глазовском, казанском, елабужском и сарапульском.

Ранее мы подробно проанализировали графические, фонетические и морфологические особенности «Наставления христианского святителя Тихона» (1891) на казанском наречии [Безенова 2016а, б, 2017, 2018; Безенова, Иткин, Переверзева 2019] и «Закона Божия» (1912) на глазовском наречии удмуртского языка [Безенова 2020а, б; Безенова, Кондратьева 2019]. Далее аналогичным образом мы планируем рассмотреть перевод «Жития Св. Феодора»¹ (1913) на елабужское наречие.

Анализируемый памятник [Житие] был подготовлен Переводческой комиссией 3-го благочиннического округа Елабужского уезда Вятской епархии и вышел в свет в 1913 г. в Казани. Каких-либо сведений об авторе (авторах) перевода в книге нет. Объем издания, по сравнению с оригинальным текстом «Жития преподобного отца нашего Феодора Сикеота, епископа Анастасиупольского», небольшой. Как отмечает А. В. Камитова, все переводы житий на удмуртский язык, изданные в конце XIX — начале XX вв., являлись сокращенными вариантами, что было связано с тем, что «усилия переводчиков были направлены на адаптацию текста для неподготовленных читателей-удмуртов, облегчение восприятия перевода» [Камитова 2018: 30].

Данная статья будет посвящена описанию вокалических и консонантных особенностей перевода «Жития Св. Феодора» на елабужское наречие удмуртского языка. Однако описать фонетические изоглоссы невозможно без учета графической и орфографической систем памятника, поэтому в первую очередь остановимся на их рассмотрении.

2. Графика и орфография памятника

Графическая система «Жития Св. Феодора» состоит из 44 букв:

А а	Ј ј	З з	Й й	Н н	С с	Ө ө	Ш ш	Ъ ъ
Б б	Е е	Ӝ ӝ	К к	О о	Т т	Х х	Щ щ	Э э
В в	Ё ё	И и	Л л	Ӗ Ә	У у	Ц ц	Ь ь	Ю ю
Г г	Ж ж	Ӣ ӣ	М м	П п	Ӧ ӧ	Ч ч	Ы ы	Я я
Д д	Ӝ ӝ	І і	Н н	Р р	Ф ф	Ҫ ҫ	Ь ь	

От современного удмуртского алфавита она отличается наличием шести дополнительных графем: *Ј, Н, Ӝ, ӝ, Ө, Ҫ*.

Буква *Ј* [Житии], как и в ряде других памятников удмуртской письменности, традиционно передает аналаутную /d'/. На первых страницах «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда» (1882) представлено правило произношения и написания данной графемы: «Буква Ј у Казанскихъ вотяковъ произносится какъ ДЪ, у Вятскихъ вотяковъ какъ Й. Букву эту слѣдуетъ писать только въ началѣ слова, а въ срединѣ она пишется всегда ДЪ» [Букварь 1882: 2]. Эта графема ранее была отмечена нами и в переводе «Наставления христианского святителя Тихона» (1891) на казанское наречие удмуртского языка, где она также используется для обозначения фонемы /d'/, но не только в начале, но и в середине слова [Безенова 2016а: 9].

Буквы *Н* и *Ӧ* в тексте, вероятно, передают особые диалектные фонемы /n/ и /ɲ/, которые не характерны для удмуртского литературного языка, но встречаются в отдельных говорах южного наречия. Более подробно речь о них пойдет ниже.

Кириллические *і, ө, ҫ* используются в [Житии] согласно нормам русской дореформенной орфографии. Буква *і* в памятнике пишется перед любым гласным, а также полугласным *й* как в заимствованиях, так и в исконно удмуртских словах: *архіерей* 'архиерей' (< рус. *архиерей*), *Даміан* 'Дамиан' (< рус. *Дамиан*), *Георгій* 'Георгий' (< рус. *Георгий*), *Иліополь* 'Илиополь' (< рус. *Илиополь*), *Іоаннь* 'Иоанн' (< рус. *Иоанн*),

¹ Конкорданс к данному памятнику можно найти на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>.

Марія ‘Мария’ (< рус. *Мария*); *вион* ‘убийство’ — литер. *виён, йырсиоссэ* ‘его волосы’ PL-POSS.3SG-ACC — литер. *йырсиоссэ, кийсьтыз* ‘из его руки’ ELA-POSS.3SG — литер. *киысьтыз, кион* ‘волк’ — литер. *кион, пиезэсь* ‘у своего сына’ POSS.3SG-ABL — литер. *пиезэсь, сиськыны* ‘есть, поест’ — литер. *сиськыны* и др. Буква **ѳ** встречается в следующих именах собственных греческого происхождения: *Тимовей* ‘Тимофей’, *Феодоръ* ‘Феодор’, *Феодосій* ‘Феодосий’, *Фома* ‘Фома’. Буква **ѣ** представлена в нескольких заимствованиях из русского языка: *апрѣль* ‘апрель’ (< рус. *апрель*), *изьвѣръёсыз* ‘зверей’ PL-ACC (< рус. *зверь*), *обѣдня* ‘обедню’ ACC (< рус. *обедня*). Вероятно, согласно тем же орфографическим нормам, в конце заимствований, оканчивающихся на твердый согласный, как правило, пишется буква «ерь»: *Иустиніанъ* ‘Юстиниан’ (< рус. *Юстиниан*), *монахъ* ‘монах’ (< рус. *монах*), *патріархъ* ‘патриарх’ (< рус. *патриарх*), *Сикеотъ* (ср. *Сикеот*) ‘Сикеот’ (< рус. *Сикеот*), *Хозевитъ* ‘Хозевит’ (< рус. *Хозевит*), *экономъ* ‘эконом’ (< рус. *эконом*) и др.

В тексте памятника в привычном для нас облике представлены особые буквы с диакритическими знаками *ѣ, ѓ, ѣ, ѥ, Ѧ*, которые были введены в удмуртский алфавит в 1897 г. При этом, по сравнению с переводом «Закона Божия», изданного в 1912 г., в [Житии] мы наблюдаем более последовательное употребление этих графем. Каких-либо явных отклонений в использовании этих букв, по сравнению с современными нормами удмуртского правописания, нам выявить не удалось. Встречаются лишь единичные отклонения, скорее всего, представляющие собой опечатки: *азьлѣник* (1)² (ср. *азьлонік* (1)) ‘в старину же’ — литер. *азьлон ик* (ср. также *азьлон* (3) ‘раньше, прежде’ — литер. *азьлон*), *ѡвол* (1) (ср. *ѡвѡл* (3)) ‘не; нет’ — литер. *ѡвѡл, тирлыкзэ* (1) ‘его вещь’ POSS.3SG-ACC — литер. *тїрлыкзэ* (ср. *тїрлыкзэ* (1) ‘его вещь’ POSS.3SG — литер. *тїрлыкзэ, тїрлыкзэс* (1) ‘вещи’ PL — литер. *тїрлыкзэс, тїрлыкзэслы* (1) ‘вещам’ PL-DAT — литер. *тїрлыкзэслы*).

Мягкими в удмуртском языке могут быть только согласные *д, з, л, н, с, т*. Их палатальность в [Житии], как и в современном удмуртском языке, на письме обозначается следующими буквами: *и/і* (*висись* ‘больной’ — литер. *висись, кизили* ‘звезда’ — литер. *кизили, сїон* ‘еду’ ACC — литер. *сиён* и т. д.), *е* (*вадес* ‘время’ — литер. *вадес, пилемъёс* ‘тучи’ PL — литер. *пилемъёс, утемзэ* ‘его соблюдение’ POSS.3SG-ACC — литер. *утемзэ* и т. д.), *ё* (*кїдѣке* ‘далеко’ — литер. *кыдѣке, лѣгыса* ‘наступив’ — литер. *лѣгыса, сѣтыны* ‘дать, отдать’ — литер. *сѣтыны* и т. д.), *ю* (*люкаськиллям* ‘они, оказывается, собрались’ REFL-2PST.3PL — литер. *люкаськиллям(зы), сїю* ‘сто’ — литер. *сїю, сїюлмаськыса* ‘беспокоюсь’ — литер. *сїюлмаськыса* и т. д.), *я* (*вѡсяны* ‘принести в жертву’ — литер. *вѡсяны, жалаяса* ‘жалая’ — литер. *жалаяса, нянь* ‘хлеб’ ACC — литер. *нянь* и т. д.), *ь* (*котъ кыче* ‘любой’ — литер. *котъкыче, ляльчизэ* ‘его слугу’ POSS.3SG-ACC — литер. *ляльчизэ, пересь* ‘старый’ — литер. *пересь* и т. д.).

Мягкость двойных согласных в современном удмуртском языке на письме выражается также мягким знаком, йотированными гласными или буквой *и*, которые ставятся после соответствующих согласных. В [Житии] в данном случае мы наблюдаем следующую особенность. Для обозначения палатальности удвоенных согласных после первого согласного дополнительно ставится мягкий знак: *быриллям* ‘они, оказывается, исчезли’ 2PST.3PL — литер. *быриллям(зы), жалалялям* ‘они, оказывается, пожалели’ 2PST.3PL — литер. *жалалялям(зы), кошкыллям* ‘они, оказывается, ушли’ 2PST.3PL — литер. *кошкыллям(зы), кыльлѣн* ‘лежание’ — литер. *кыльлѣн, ульляса* ‘прогоняя’ — литер. *ульляса, дуньнейын* ‘на свете’ INE — литер. *дуньнейын* и др.

Также стоит отметить некоторые правила правописания, характерные для текста памятника, не свойственные современной удмуртской орфографии.

1. Частица *ик* ‘же’ в [Житии] пишется слитно со словом, к которому она относится: *береик* ‘после же’ — литер. *бере ик, берлоик* ‘позже же’ — литер. *берло ик, кїдѣкынік* ‘далеко же’ — литер. *кыдѣкынік, нуналынік* ‘в день же’ INE — литер. *нуналын ик, пиналїсенік* ‘с детства (досл. с ребенка) же’ EGR — литер. *пиналысен ик, уксѣенызік* ‘с его деньгами же’ INS-POSS.3SG — литер. *уксѣенызік* и т. д.

2. Элемент *ке* также пишется слитно с предыдущим словом в следующих случаях:

а) будучи частицей *ке* ‘-то, -либо, -нибудь’: *кѡняке* ‘сколько-нибудь’ — литер. *кѡня ке, кудке* ‘какой-то’ — литер. *куд ке*;

б) выполняя в предложении функцию условно-временного союза *ке* ‘если; когда’:

(1) *Святой Феодоръ верам: бертїзке, солы туж зол кыл уг вера шїудке, со мурттэ уксѣенызік берыкто шїуэм.*

Святой Феодоръ вера-м: берт-ї-з-ке, со-лы
 святой Феодор сказать-2PST.3SG возвратиться домой-1PST-3SG-когда он-DAT
туж зол кыл уг вера шї-и-д-ке, со
 очень сильный слово.ACC NEG.FUT.1SG сказать сказать-1PST-2SG-если тот

² В скобках указано количество предложений, в которых встречается приведенная форма.

мурт-т-э *уксё-ен-ыз-йк* *берыкт-о* *шу-эм.*
 человек-POSS.2SG-ACC деньги-INS-POSS.3SG-же вернуть-FUT.1SG сказать-2PST.3SG

‘Святой Феодор сказал: «Если обещаешь его сильно не наказывать, когда он возвратится, я верну того человека с деньгами же»’.

- (2) <...> *тй та пйез мон доре ветлонэзлэсь дугдытйдыке, мон тйлесьтыд ваньдылйсь пыддэс палашен чогыса үрето* <...>

тй та пй-ез *мон доре ветлон-эз-лэсь* *дугдыт-й-д-ы-ке,*
 вы этот юноша-ACC я к хождение-POSS.3SG-ABL остановить-1PST-2-PL-если

мон тйл-есьтыд вань-ды-лйсь *пыд-д-эс* *палаш-ен чогы-са* *үрето*

я вы.OBL-ABL все-POSS.2PL-ABL нога-POSS.2PL-ACC палаш-INS отрубить-CONV разрезать-FUT.1SG

‘<...> если вы запретите этому юноше приходиться ко мне, я у вас у всех отрублю ноги палашом <...>’

в) являясь составной частью уступительного союза **ке но** ‘хотя, хотя и’:

- (3) *Дышетйсь лэзизке но, со бертытэк, гурезь лылйсь зэм оскон понна куразыса кулэм святой Георгийлэн черказ тубыса кошкэм.*

Дышетйсь лэз-и-з-ке **но, со берты-тэк,** *гурезь лылйсь* *зэм* *оскон*
 учитель отпустить-1PST-3SG-хотя и он прийти домой-CONV гора с вершины истинный вера

понна куразы-са *кул-эм* *святой Георгий-лэн черк-а-з* *тубы-са* *кошк-эм.*

во имя мучиться-CONV умереть-PTCP.PASS святой Георгий-GEN церковь-ILL-POSS.3SG подняться-CONV уйти-2PST.3SG

‘Хотя учитель и отпустил, он, не приходя домой, взобрался к стоявшей на вершине горы церкви святого великомученика Георгия’.

- (4) *Собере Феодорлы коть мар ужазке но одйк кыл но верамтэзы.*

Собере *Феодор-лы коть мар уж-а-з-ке* **но одйк**
 впоследствии Феодор-DAT хоть что работать-1PST-3SG-хотя и один

кыл *но* *вера-мтэ-з-ы.*

слово.ACC и.PART сказать-NEG.2PST-3-PL

‘Впоследствии Феодору, хотя он и делал все, что угодно, ни единого слова не говорили’.

3. Местоимения и наречия с приставками **коть-** и **оло-** пишутся отдельно: **коть кинь** ‘каждый’ — литер. **котькин**, **коть кызы** ‘по-всякому’ — литер. **котькызы**, **коть кыче** ‘любой, всякий’ — литер. **котькыче**, **коть мар** ‘все, что угодно’ — литер. **котьмар**, **оло кёня** ‘несколько’ — литер. **олокёня**.

3. Фонетические особенности

Опираясь на описание графико-орфографической системы перевода «Жития Св. Феодора» на удмуртский язык, ниже постараемся проанализировать особенности памятника на фонетическом уровне. Для этого сопоставим вокализм и консонантизм рассматриваемого источника с системой гласных и согласных современного удмуртского литературного языка, параллельно при наличии приводя соответствия из диалектного словаря Ю. Вихманна [Wichmann 1987], материалы для которого были собраны в конце XIX в., а также по возможности указывая современные формы по аудиословарям³, составленным автором статьи на материале экспедиционных данных 2013 г.

3.1. Вокализм

Опираясь на описание графики «Жития Св. Феодора», можно предположить, что система гласных памятника состоит из восьми фонем: /i/, /j/, /ü/, /u/, /e/, /e̞/, /o/, /a/. От вокализма удмуртского литературного языка она отличается наличием /ü/, которая встречается сегодня в основном в периферийно-южных говорах. Подробно остановимся на каждой гласной памятника и рассмотрим, каким же фонемам современного удмуртского литературного языка они соответствуют. Гласные будем описывать только в пределах корневой морфемы, поскольку аффиксальные маркеры будут рассмотрены в отдельной статье, посвященной анализу языковых особенностей «Жития Св. Феодора» на уровне морфологии.

При анализе большее внимание уделим гласным первого слога, поэтому при стандартном соответствии, т. е. когда гласная памятника идентична литературной, приведем все лексемы (словоформы) финно-угорского происхождения; при нестандартном соответствии перечислим все встречающиеся в тексте

³ Аудиословари доступны на сайте LingvoDoc по адресу <http://lingvodoc.ispras.ru/>.

«Жития Св. Феодора» примеры. Для гласных непервого слога при стандартном соответствии в качестве примера приведем по три слова, а при нестандартном также укажем все встречающиеся в тексте памятника лексемы (словоформы). Кроме того, для гласных первого слога исконной лексики приведем реконструируемые нами праудмуртские фонемы по [Безенова 2014].

Данное диссертационное исследование [Безенова 2014] представляет собой попытку реконструировать праудмуртскую систему вокализма первого слога на основе пяти современных говоров удмуртского языка, принадлежащих к разным диалектным группам, используя экспериментальный (метод формантного анализа) и статистический методы. Реконструированная в работе вокалическая система, состоящая из десяти фонем, представлена в *таблице 1*. Ниже (см. *таблицу 2*) приведены рефлексы этих гласных в исследованных говорах.

Таблица 1. Система вокализма праудмуртского языка

подъем / ряд	передний	средний	задний
верхний	*i	*j, *h	*u
средне-верхний		*o	
средне-нижний	*e	*e	*o
нижний 1		*v	
нижний 2		*a	

Таблица 2. Рефлексы праудмуртских гласных фонем в современных удмуртских говорах

праудмуртский гласный	южВБ.	бесВ.	бавлПУ.	средВ.	счК.
*i	i	i / v	i	i	i
*j	i/i	i	ə/i	i	i
*h	u	u/v	h	u	u
*u	u/o	u	u/h	u	u
*e	e	e	e	e	e
*o	z	z	o	z	z
*e	e	z/e	o	e	e
*o	o	o	o	o	o

Проблема реконструкции праудмуртской системы вокализма затрагивалась ранее и в других работах, например в трудах В. К. Кельмакова «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов» [Кельмаков 1993б] и Ш. Чуча “Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache” [Csúcs 2005]. Так, для праудмуртской системы вокализма В. К. Кельмаков восстанавливал девять гласных:

$$\begin{array}{cccc} i & \dot{i} & \dot{j} & u \\ e & \dot{o} & \dot{e} & o \\ & & a & \end{array}$$

По мнению Ш. Чуча, на праудмуртском уровне в вокалической системе функционировало только восемь фонем:

$$\begin{array}{cccc} i & \dot{i} & \dot{j} & u \\ e & \dot{o} & & o \\ & & a & \end{array}$$

Как видим, данные реконструкции имеют несколько иной вид. «Первое отличие представленной нами реконструкции от более ранних заключается в реконструкции особых фонем: а) *e, которая имеет особые соответствия в трех диалектных зонах (северном наречии, центрально-южном диалекте и срединных говорах), б) *v, которая имеет особые соответствия в двух диалектных зонах (центрально-южном диалекте и бесермянском наречии). Второе отличие заключается в том, что в порядке эксперимента реконструкция проводилась на материале сравнения звуков с определенной формантной характеристикой, и это позволило выдвинуть гипотезу об уточнении качества реконструируемых фонем. Третье (...) это то, что впервые в удмуртской диалектологии реконструкция праудмуртского вокализма была верифицирована на полном материале исконной лексики в пяти говорах удмуртского языка, принадлежащих к разным диалектным группам, и материал этих сопоставлений целиком приведен в работе, а их

звучание доступно на сайте “LingvoDoc” (“Этимологические базы диалектных аудиословарей”) по адресу <http://lingvodoc.ispras.ru> [Безенова 2015: 20].

Итак, рассмотрим, каким же фонемам современного удмуртского литературного языка соответствуют гласные анализируемого нами памятника.

Употребление гласной /i/

1. В первом слоге:

а) /i/ в соответствии с литер. /i/:

Вирзэ ‘его кровь’⁴ POSS.3SG-ACC — литер. *вирзэ*; ср. *vir* (G, S, M, J, MU, U), *vjr* (MU) ‘кровь’ [Wichmann 1987: 317]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *vir* ‘кровь’ < ПУДм *i;

вион ‘убийство’ — литер. *виён*; ср. *viŋn̄* (G), *vijŋ-* (B), *vijjini* (S, MU), *viini* (M), *vijini*, *vinj* (J), *vijŋn̄* (U) ‘убить, убивать’ [Wichmann 1987: 316]; бавлПУ., южВБ. *vijjəné*, бесВ. *vijəné*, средВ. *viní*, счК. *vijjini* ‘убить’ < ПУДм *i;

висем ‘он, оказывается, болел’ 2PST.3SG — литер. *висем(ез)*; *висись* ‘больной’ — литер. *висись*; *висьыса* ‘болея’ — литер. *висьыса*; *висьытэз* ‘не болея’ — литер. *висьытэз*; *висёнэзлэсь* ‘от своей болезни’ POSS.3SG-ABL — литер. *висёнэзлэсь*; ср. *višŋn̄* (G, U), *višŋ-* (B), *višjini* (S, J, MU), *višni* (M) ‘болеть’ [Wichmann 1987: 317]; бавлПУ., южВБ. *višəné*, бесВ. *višəné*, средВ. *vis'ni*, счК. *višini* ‘болеть’, бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *višən*, средВ. *vis'ən* ‘болезнь’ < ПУДм *i;

иньмись ~ *инмись* ‘небесный’ ELA — литер. *иньмись*, *иньмисен* ‘с неба’ EGR — литер. *иньмисен*; ср. *in*, *innt-* (G, M, J, MU), *iñ*, *iñt-* (J, MU), *im* (U) ‘небо’ [Wichmann 1987: 65]; бавлПУ. *in'bám*, бесВ. *in* / *inbám*, средВ. *inbám*, счК. *in*, южВБ. *in'* ‘небо’ < ПУДм *i;

иньты ‘место’ — литер. *инты* (также и в одиннадцати формах этого слова); ср. *intj* (S, M), *inti* (M), *intŋ* (U), *iñŋ* (G, U), *iñtj* (J, MU) ‘место’ [Wichmann 1987: 66]; счК. *intí* ‘место’ < ПУДм *i;

кизили ‘звезда’ — литер. *кизили*; ср. *kižil'i* (G, J, MU, U), *kižŋl'i* (G), *kižili* (M) ‘звезда’ [Wichmann 1987: 107]; бавлПУ., средВ., счК., южВБ. *kižil'i*, бесВ. *kəzil'ə* ‘звезда’ < ПУДм *i;

кити́з ‘за его руку’ PROL-POSS.3SG — литер. *кити́з*, *ки́сьты́з* ‘из его руки’ ELA-POSS.3SG — литер. *ки́сьты́з*; ср. *ki* (G, B, S, M, J, MU, U) ‘рука, кисть руки’ [Wichmann 1987: 104]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ki* ‘рука, кисть руки’ < ПУДм *i;

ми ‘мы’ — литер. *ми* (также и в одной форме этого слова); ср. *mi* (G, B, M, J, MU, U) ‘мы’ [Wichmann 1987: 159]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *mi* ‘мы’ < ПУДм *i;

ним ‘имя’ ACC — литер. *ним*, *нимыныз* ‘его именем’ INS-POSS.3SG — литер. *нимыныз*; *нимо* ‘по имени’ — литер. *нимо*; ср. *ñim* (G, B, M, J, MU, U), *ñim* (B), *ñim* (J) ‘имя; название’ [Wichmann 1987: 176]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *n'im* ‘имя’ < ПУДм *i;

ни ‘1) сын; 2) мальчик’ — литер. *ни* (также и в девяти формах этого слова); ср. *pi* (G, B, M, J, MU, U) ‘мальчик; сын’ [Wichmann 1987: 195]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pi* ‘1) сын; 2) мальчик’ < ПУДм *i;

пилемьёс ‘тучи’ PL — литер. *пилемьёс*; ср. *pil'em* (G, M, J, MU, U) ‘облако, туча’ [Wichmann 1987: 196]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pil'ém* ‘облако, туча’ < ПУДм *i;

си́ем ‘он, оказывается, съел’ 2PST.3SG — литер. *си́ем(ез)*, *си́ымтэ* ‘он, оказывается, не съел’ NEG.2PST.3SG — литер. *си́ымтэ(ез)* / *ёвёл си́ем(ез)*; *си́ыса* ‘съев’ — литер. *си́ыса*; *ситэз* ‘не съев’ — литер. *си́ымтэз*; *сион* ‘еду’ ACC — литер. *сиён*; ср. *siŋn̄* (G, B, U), *sinj* (M, J), *siijni* (J, MU) ‘есть’ [Wichmann 1987: 234]; бавлПУ., южВБ. *siəné*, бесВ. *siəné*, средВ. *s'ijini*, счК. *siini* ‘есть, съесть’ < ПУДм *i;

ти́ ‘вы’ — литер. *ти́* (также и в двух формах этого слова); ср. *ti* (G, B, J, MU, U) ‘вы’ [Wichmann 1987: 260]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ti* ‘вы’ < ПУДм *i.

б) /i/ в соответствии с литер. /j/:

дас ниль ‘четырнадцать’ — литер. *дас ньиль*; ср. *ñul'* (G, MU, U), *ñul'* (G), *ñjl'* (M, J, MU), *ñil'* (U) ‘четыре’ [Wichmann 1987: 179]; южВБ., бесВ., бавлПУ., средВ. *n'il'*, счК. *n'il'* ‘четыре’ < ПУДм *j;

пидсаса ‘стоя на коленях’ — литер. *пидесьяськыса*; ср. *pŋd'es* (G), *pi'd'zes* (M), *pid'es* (MU), *piges* (MU, U) ‘колени’ [Wichmann 1987: 198]; южВБ., бавлПУ. *pidés*, бесВ., средВ., счК. *pid'és* ‘колени’ < ПУДм *j.

2. В непервом слоге:

/i/ в соответствии с литер. /i/:

⁴ Переводы с русского на удмуртский язык даются по электронному словарю <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary> с учетом контекстов.

нокинъ ‘никто’ — литер. *нокин* (также и в двух формах этого слова); ср. *no-ki-n-no* (G), *no-kiñ-no* (B), *no-ki-ñno* (B, J), *ne-ki-n-no* (M), *no-kin-no* (J) ‘никто’ [Wichmann 1987: 171]; бавлПУ., южВБ. *nókin'*, бесВ. *nókinnə*, средВ., счК. *nókin* ‘никто’;

одйг ~ *одйк* ‘один’ — литер. *одйг*; ср. *odig* (G, M, J, MU, U), *odig*, *odig* (G), *odik* (MU, U), *oig* (B) ‘один’ [Wichmann 1987: 181]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *odig* ‘один’;

пумить ‘навстречу’ — литер. *пумит*; ср. *puñit* (M, J, U), *pumid*, *pumit*, *pumit'* (G), *puñit'* (J, JI, MU) ‘навстречу, вопреки, напротив’ [Wichmann 1987: 212]; бавлПУ., бесВ. *pumit'aně*, средВ., счК. *pumitaní*, южВБ. *pumitaně* ‘встречать’ и др.

Таблица 3. Соответствия гласной /i/

гласная памятника		первый слог /i/		непервый слог /i/
	литер.	/i/ (13) ⁵	/i/ (2)	/i/
СООТВЕТСТВИЯ	по [Wichmann 1987]	G i (13) B i (8) S i (5) M i (12) J i (13) JI i (1) MU i (12), i ~ ĭ (1) U i (13)	G u ~ u (1), ĭ (1) M ĭ (2) J ĭ (1) MU u ~ ĭ (1), i (1) U u ~ i (1), i (1)	G i B i M i J i JI i MU i U i
	по аудиословарям	бавлПУ. i (13) бесВ. i (12), v (1) средВ. i (13) счК. i (13) южВБ. i (13)	бавлПУ. i (2) бесВ. i (1), ĭ (1) средВ. i (1), ĭ (1) счК. ĭ (2) южВБ. i (2)	бавлПУ. i бесВ. i средВ. i счК. i южВБ. i
ПУДМ		*i	*i	

Как видим, в двух случаях в первом слог гласная /i/ в памятнике употребляется в соответствии с литер. /i/. Данная особенность объясняется переходом первоначальной /i/ в /i/ в соседстве с палатальными согласными и на данный момент в основном встречается в говорах южной диалектной зоны, охватывающей южное наречие и часть срединных говоров удмуртского языка [Кельмаков 2006: 65—67].

Употребление гласной /i/

1. В первом слог:

а) /i/ в соответствии с литер. /i/:

вылын ‘1) на; 2) вверху’ — литер. *вылын*; ср. *vĭl* (G, U), *vĭl* (M, J), *vĭu* (J, MU) ‘поверхность’ [Wichmann 1987: 318]; бавлПУ. *vəl*, бесВ., южВБ. *vvl*, средВ., счК. *vil* ‘верхняя часть, поверхность’ < ПУДМ *v;

вылэм ‘он, оказывается, был’ 2PST.3SG — литер. *вылэм(ез)*, *вылымтэ* ‘он, оказывается, не был’ NEG.2PST.3SG — литер. *вылымтэ(ез)* / *övöl вылэм(ез)*; *вылэм* ‘1) былой; 2) оказывается’ — литер. *вылэм*; *вылэмзэ* ‘его бытие’ POSS.3SG-ACC — литер. *вылэмзэ*; *вылымтэзэ* ‘его отсутствие’ POSS.3SG-ACC — литер. *вылымтэзэ*; ср. *vĭlĭnĭ* (G, B), *vĭlĭnĭ* (J), *vĭcĭnĭ* (J, MU) ‘быть, быть в наличии’ [Wichmann 1987: 320];

дышетэм ‘он, оказывается, приучил’ 2PST.3SG — литер. *дышетэм(ез)*; *дышетытэк* ‘не обучая’ — литер. *дышетытэк*; *дышетісь* ‘учитель’ — литер. *дышетісь*, *дышетісьлы* ‘учителю’ DAT — литер. *дышетісьлы*; *дышеткыны* ‘учиться’ — литер. *дышеткыны*; *дышеткон* ~ *дышечкон* ‘предназначенный для обучения’ — литер. *дышетскон*; *дышечкисьёсыз* ‘его ученики’ PL-POSS.3SG — литер. *дышеткисьёсыз* (также и в других четырех формах слова *дышеткись* ‘ученик, учащийся’); ср. *dĭšetĭnĭ* (G, U), *dĭšetĭnĭ* (M, MU) ‘учить’ [Wichmann 1987: 35]; бавлПУ. *dəʃəně*, бесВ. *difənə*, средВ., счК. *dĭʃinĭ*, южВБ. *dəʃəně* ‘научиться, приучиться, привыкнуть, свыкнуться’ < ПУДМ *v;

йырзылы ‘их главе’ POSS.3PL-DAT — литер. *йырзылы*; *йырсиоссэ* ‘его волосы’ PL-POSS.3SG-ACC — литер. *йырсиоссэ*; ср. *jĭr* (G, B), *jĭr* (S, M, J), *jĭr* (J), *d'jĭr*, *d'jĭr* (MU), *d'jĭr*, *d'jĭr* (U) ‘голова’ [Wichmann 1987: 79]; бавлПУ. *d'ər*, бесВ., южВБ. *jvr*, средВ., счК. *jĭr* ‘голова’ < ПУДМ *v;

⁵ Здесь и далее в скобках указано количество корневых морфем, в которых представлено то либо иное соответствие.

кык ‘два’ — литер. *кык*; *кыкетү* ‘второй’ — литер. *кыкетү*; *кыкпол* ‘дважды’ — литер. *кык пол*; ср. *k̄k* (G, B, U), *k̄k* (M, J, MU), *k̄kt-* (U), *k̄kt-* (M, J), *k̄k-* (J) ‘два’ [Wichmann 1987: 109]; бавлПУ. *kək*, бесВ. *kək*, средВ., счК. южВБ. *kik* ‘два’ < ПУДМ *в;

кыл ‘слово’ АСС — литер. *кыл* (также и в других трех формах слова *кыл* ‘1) язык; 2) слово’); ср. *k̄l* (G, U), *k̄l* (Sl, M, J), *k̄ju* (J, MU) ‘язык; речь; слово’ [Wichmann 1987: 110]; бавлПУ. *kəl*, бесВ., южВБ. *kvl*, средВ., счК. *kil* ‘язык’ < ПУДМ *в;

кыльлән ‘предназначенный для лежания’ — литер. *кыллән*; ср. *k̄l'l'ṅn̄* (G, U), *k̄l'l'-* (B), *k̄l'l'ṅn̄* (M, J), *k̄l'l'ṅn̄* (MU) ‘лежать’ [Wichmann 1987: 112]; бавлПУ. *kəl'vənē*, бесВ. *kəl'vənē*, средВ., счК. *kil'lini*, южВБ. *kvl'vənē* ‘лежать’ < ПУДМ *в;

кылем ‘оставшийся’ — литер. *кылем*; ср. *k̄l'ṅn̄* (G, B, U), *k̄l'n̄* (M), *k̄l'ṅn̄* (J), *k̄l'ṅn̄* (MU) ‘остаться’ [Wichmann 1987: 112]; бавлПУ. *kəl'vənē*, бесВ. *kil'ənē*, средВ., счК. *kil'ini*, южВБ. *kvl'vənē* ‘остаться, оставаться’ < ПУДМ *в;

кыльлъям ‘они, оказывается, услышали’ 2PST.3PL — литер. *кыльлъям(зы)*; *кылыса* ‘услышав’ — литер. *кылыса*; *кылэм* ‘услышание’ — литер. *кылэм*; *кылыса* ‘выслушав’ — литер. *кылыса*; ср. *k̄l'ṅn̄* (G, B, U), *k̄l'n̄* (M), *k̄l'ṅn̄* (J), *k̄juṅn̄* (J, MU) ‘слышать’, *k̄juṅn̄* (MU) ‘слушать’ [Wichmann 1987: 111]; бавлПУ. *kəlvənē*, бесВ. *kəlvənē*, средВ., счК. *kil'ini*, южВБ. *kəlvənē* ‘услышать, слышать, расслышать’ < ПУДМ *в;

кытүсь ‘откуда’ — литер. *кытүсь*; ср. *k̄t'ṅs̄* (G, B), *k̄t'ṅs̄* (M), *k̄t'ṅs̄* (J, MU), *k̄t'ṅs̄* (J) ‘откуда?’ [Wichmann 1987: 127];

лызыса ‘читая’ — литер. *лыдыса*; ср. *l̄d'd'z̄ṅn̄* (G), *l̄d'd'z̄ṅn̄* (M, J, MU), *l̄d'd'z̄ṅn̄* (MU), *l̄gd'z-* (MU), *l̄d'd'z̄ṅn̄* (U) ‘считать; читать’ [Wichmann 1987: 146]; бавлПУ. *lədvənē*, бесВ. *l̄d'd'anē*, средВ. *lidjanī*, *lidz̄z̄inī*, счК. *lidjanī*, южВБ. *lidjanē* ‘считать, подсчитать’ < ПУДМ *ї;

лыктэм ‘он, оказывается, пришел’ 2PST.3SG — литер. *лыктэм(ез)*; *лыктүсь* ‘приходящий’ — литер. *лыктүсь*; *лыктыса* ‘придя’ — литер. *лыктыса*; *лыктэм* ‘прибытие’ — литер. *лыктэм*; ср. *l̄kt'ṅn̄* (G, B, U), *l̄kt'ṅn̄* (M, J, MU) ‘приходить, прибывать’ [Wichmann 1987: 146]; бавлПУ. *ləktenē*, бесВ. *ləktələnē*, средВ., счК. *lik'ini*, южВБ. *ləktenē* ‘прийти, приходиться’ < ПУДМ *в;

мылкыд ‘усердие’ АСС — литер. *мылкыд*; ср. *m̄l-k̄d* (G, B, U), *m̄l-k̄d* (U), *m̄l-k̄d* (M, J), *m̄ju-k̄d* (J, MU), *m̄ju-k̄d* (J) ‘нрав, настроение’ [Wichmann 1987: 108];

мынам ‘мой’ — литер. *мынам*; ср. *m̄nam* (G, B, U), *m̄nam* (M, J, MU), *m̄nam aslam* (M), *m̄nam aslam* (U) ‘мой’ [Wichmann 1987: 163];

мыныны ‘идти, пойти’ — литер. *мыныны* (также и в одной форме этого слова); *мыныса* ‘пойдя’ — литер. *мыныса*; ср. *m̄n̄n̄n̄* (G, B, U), *m̄n̄n̄* (M, J), *m̄n̄n̄* (J, MU), *m̄n̄n̄* (MU) ‘идти; ехать’ [Wichmann 1987: 161]; бавлПУ. *məvnē*, бесВ. *m̄n̄n̄n̄*, средВ. *m̄n̄n̄*, счК. *m̄n̄n̄*, южВБ. *m̄n̄n̄n̄* ‘идти, пойти; ехать’ < ПУДМ *ї;

пылачкон ‘предназначенный для крещения’ — литер. *пыласькон*; *пылачкыса* ‘крестившись’ — литер. *пыласькыса*; *пылатыкызы* ‘когда они крестили’ 3-PL — литер. *пылатыкузы*; *пылатүсь* ‘креститель’ — литер. *пылатүсь*; ср. *p̄lask̄ṅn̄* (M, J, MU), *p̄lask̄ṅn̄* (G), *p̄lask̄ṅn̄* (J), *p̄lask̄ṅn̄* (MU), *p̄lask̄ṅn̄* (U) ‘купаться’ [Wichmann 1987: 199]; бавлПУ. *p̄lask̄vənē*, бесВ. *p̄lask̄vənē*, средВ., счК. *p̄lask̄ṅn̄*, южВБ. *p̄lask̄vənē* ‘купаться; мыться’ < ПУДМ *ї;

пырыны ‘зайти; вступить’ — литер. *пырыны* (также и в четырех формах этого слова); *пырон* ‘предназначенный для входа’ — литер. *пырон*; *пырыса* ‘войдя’ — литер. *пырыса*; ср. *p̄r̄ṅn̄* (G, B, U), *p̄r̄n̄* (M, J), *p̄r̄ṅn̄* (J, MU) ‘входить, заходить’ [Wichmann 1987: 200]; бавлПУ. *p̄r̄vənē*, бесВ. *p̄r̄vənē*, средВ., счК. *p̄r̄ini*, южВБ. *p̄r̄vənē* ‘зайти, заходить, войти’ < ПУДМ *в;

сылэм ‘он, оказывается, стоял’ 2PST.3SG — литер. *сылэм(ез)*, *сылыльям* ‘они, оказывается, стояли’ 2PST.3PL — литер. *сылыльям(зы)*; *сылыса* ‘стоя’ — литер. *сылыса*; ср. *s̄l̄ṅn̄* (G, U), *s̄l̄n̄* (M), *s̄l̄ṅn̄* (J, JI), *s̄l̄ṅn̄* (MU) ‘стоять’ [Wichmann 1987: 222]; бавлПУ. *səlvənē*, бесВ. *səlvənē*, средВ., счК. *s̄l̄ini*, южВБ. *səlvənē* ‘стоять’ < ПУДМ *в;

сыче ~ **сычэ** ‘такой’ — литер. *сыче*; ср. *s̄t̄ṅe* (G), *s̄t̄ṅe* (S, M, J, MU), *s̄t̄ṅe* (U) ‘такой’ [Wichmann 1987: 224]; бесВ., средВ. *s̄t̄ṅe*, счК. *s̄t̄ṅe* ‘такой’ < ПУДМ *ї;

тырем ‘он, оказывается, наелся’ 2PST.3SG — литер. *тырем(ез)*; *тырыса* ‘наедаюсь’ — литер. *тырыса*; *тырмем* ‘он, оказывается, наполнился’ 2PST.3SG — литер. *тырмем(ез)*; ср. *t̄r̄ṅn̄* (G, U), *t̄r̄ṅ-* (B), *t̄r̄n̄* (M), *t̄r̄ṅn̄* (J, MU) ‘наполнять; грузить; ставить; укладывать; собирать; платить; наполняться’, *t̄r̄m̄ṅn̄* (G, U), *t̄r̄m̄ṅn̄* (M, MU) ‘наполниться’ [Wichmann 1987: 263]; бесВ. *t̄r̄* ‘полный, целый’, бесВ. *t̄r̄vənē*, средВ., счК. *t̄r̄ini*, южВБ. *t̄r̄vənē* ‘погрузить, сложить’ < ПУДМ *в.

б) /j/ в соответствии с литер. /i/:

гынэ ‘только, лишь’ — литер. *гынэ*; ср. *ḡn̄e* (B, U), *ḡn̄e*, *-n̄e* (G), *ḡn̄e* (M, J, MU) ‘только, лишь’ [Wichmann 1987: 58].

в) /j/ в соответствии с литер. /u/:

ныназе ‘днем’ — литер. *нуназе*; *n̄n̄-aže* (G), *n̄n̄-aže* (J, MU), *n̄n̄-aže* (J), *n̄n̄-aže* (U) ‘днем’ [Wichmann 1987: 173].

2. В первом слове:

а) /j/ в соответствии с литер. /j/:

кезьыт ‘холод’ — литер. *кезьыт*; ср. *kežīt* (G, B, U), *kežīt* (M, J, MU) ‘холодный; холод’ [Wichmann 1987: 101]; бавлПУ. *kēzāt*, бесВ. счК. *kežīt*, средВ. *kežīt*, южВБ. *kežēt* ‘холод, мороз’;

кужымзэ ‘его силу’ POSS.3SG-ACC — литер. *кужымзэ*; ср. *kužīm* (G, B, U), *kužīm* (M, J) ‘сила, мощь’ [Wichmann 1987: 139]; бавлПУ. *kužāt*, средВ. *kužīm*, южВБ. *kužēt* ‘сила, энергия, мощь’;

иуныт ‘теплый’ — литер. *иуныт*; ср. *šunīt* (G, U), *šunīt* (M, J, MU) ‘теплый’ [Wichmann 1987: 253]; бавлПУ., бесВ. *funāt*, средВ., счК. *funīt*, южВБ. *funīt* ‘теплый’ и др.

б) /j/ в соответствии с литер. /i/:

эрыктэм ‘наильно’ — литер. *эрыктэм*; ср. *erik* (G), *erik* (M, J), *erik* (U) ‘воля; свобода; спокойствие’ [Wichmann 1987: 51].

Таблица 4. Соответствия гласной /j/

гласная памятника		первый слог			непервый слог			
		/j/			/j/			
литер.		/j/ (20)			/i/ (1)	/u/ (1)	/j/	/i/ (1)
соответствия	по [Wichmann 1987]	G \hat{r} (13) B \hat{r} (10) S \hat{j} (1) Sl \hat{j} (1) M \hat{j} (12) J \hat{j} (10), $\hat{j} \sim \hat{j}$ (1) Л \hat{j} (1) MU \hat{j} (10), $\hat{j} \sim \hat{j}$ (1), i (1) U \hat{r} (11)	G \hat{r} (3), θ (1) B \hat{r} (1) S \hat{j} (1) M \hat{j} (4) J \hat{j} (4) MU \hat{j} (2), $\hat{j} \sim u$ (1), $\hat{j} \sim \theta$ (1) U \hat{r} (4)	G i (1) B i (1) M \hat{j} (1) J \hat{j} (1) MU \hat{j} (1) U i (1)	G u (1) J $\hat{j} \sim u$ (1) MU \hat{j} (1) U \hat{r} (1)	G \hat{r} B \hat{r} M \hat{j} J \hat{j} MU \hat{j} U \hat{r}	G i (1) M \hat{j} (1) J \hat{j} (1) U \hat{r} (1)	
	по аудиословарям	бавлПУ. \hat{a} (12) бесВ. \hat{v} (11); \hat{i} (2) средВ. \hat{i} (13) счК. \hat{i} (13) южВБ. \hat{v} (12); \hat{i} (1)	бавлПУ. \hat{a} (3) бесВ. \hat{i} (3), θ (1) средВ. \hat{i} (4) счК. \hat{i} (4) южВБ. \hat{i} (3)			бавлПУ. \hat{a} бесВ. \hat{a} , \hat{i} средВ. \hat{i} счК. \hat{i} южВБ. \hat{v} , \hat{i}		
ПУдм		* \hat{v}	* \hat{i}					

Выявленные нестандартные соответствия как первого, так и непервого слога хотя и представлены единичными примерами, однако зафиксированы как в словаре [Wichmann 1987], так и в работах современных диалектологов: подобные формы сегодня встречаются в отдельных южноудмуртских говорах [Архипов 1962: 192; Атаманов 1981: 48—49; Загуляева 1982: 5; Кельмаков 2006: 67—69]. В связи с этим очевидно, что данные единичные примеры не являются опечатками, а отражают диалектные черты памятника.

Употребление гласной /u/

Встречается только в первом слове:

а) /u/ в соответствии с литер. /u/:

вужиз ‘он пришел’ 1PST-3SG — литер. *вужиз*, *вужэм* ‘он, оказывается, пришел’ 2PST.3SG — литер. *вужэм(ез)*; *вужэм* ‘прибытие’ — литер. *вужэм*; ср. *viŋnĭ* (G, U), *vi-*, *viu-* (B), *viŋnĭ* (S, M, J), *viŋnĭ* (M), *viŋnĭ* (J, MU) ‘прийти; созреть; наступать’ [Wichmann 1987: 327]; бавлПУ. *viŋnĕ*, бесВ. *viŋnĕ*, средВ., счК. *viŋnĭ*, южВБ. *viŋnĕ* ‘успеть; прийти, прибыть’ < ПУдм ***и**;

гужэз ‘пещеру’ ACC — литер. *гужэз*, *гужысьтыз* ‘из его пещеры’ ELA-POSS.3SG — литер. *гужысьтыз* (ср. *гужэ* ‘в пещеру’ ILL — литер. *гужэ* (также и в других четырех формах слова *гужэ* ‘1) яма; 2) нора; 3) могила’)); ср. *gu* (G, M, U), *gui* (J, MU) ‘яма; пещера, нора; могила’ [Wichmann 1987: 61];

гужыса ‘вырыв’ — литер. *гужыса*; ср. *gud'd'žinj* (M), *gud'd'žinj* (MU), *gud'd'žinj* (U) ‘копать’ [Wichmann 1987: 62]; бавлПУ. *gudvñĕ*, счК. *gudini*, южВБ. *gudvñĕ* < ПУдм ***и**;

дужыса ‘привязав’ — литер. *дужыса*; ср. *dumĭnĭ* (G, U), *dumĭnĭ* (M, MU) ‘завязать, привязать’ [Wichmann 1987: 38];

кузь ‘длинный’ — литер. *кузь*; ср. *kuž* (G, J, MU, U), *kuž* (G, B, M), *kud'ž* (M) ‘длинный, высокий’ [Wichmann 1987: 137]; бавлПУ. *kuž*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *kuž* ‘длинный’ < ПУдм ***и**;

лужэм ~ *луэм* ‘он, оказывается, стал’ 2PST.3SG — литер. *луэм(ез)* (ср. *луод* ‘ты станешь’ FUT-2SG — литер. *луод*, *луоз* ‘он станет’ FUT-3SG — литер. *луоз*, *луымтэ* ‘он, оказывается, не стал’ NEG.2PST.3SG —

литер. *луымтэ(ез)* / *övöl луэм(ез)*; *лўса* ~ *луыса* ‘став’ — литер. *луыса*; *лўэм* ~ *луэм* ‘становление’ — литер. *луэм* (также и в четырех формах этого слова); ср. *luḥnḥ* (G, U), *lu-*, *lu-* (B), *lunḥ* (M), *luḥnḥ*, *luḥnḥ* (J, MU) ‘становиться, быть’ [Wichmann 1987: 148]; бавлПУ. *luenḥ*, бесВ. *luenḥ*, средВ., счК. *luini*, южВБ. *luenḥ* ‘быть, стать, становиться’ < ПУДМ *и;

нўильлям ‘они, оказывается, увели’ 2PST.3PL — литер. *нуиллям(зы)* (ср. *нуыса* ‘унеся’ — литер. *нуыса*); ср. *niḥnḥ* (G, B, U), *nunḥ* (M), *niḥnḥ*, *niḥnḥ* (J), *niḥnḥ* (J, MU) ‘нести, везти, унести, увезти, тащить’ [Wichmann 1987: 172]; бавлПУ. *nienḥ*, бесВ. *nienḥ*, средВ., счК. *niini*, южВБ. *nienḥ* ‘нести, носить; унести, уносить’ < ПУДМ *и;

нўнал ‘день’ — литер. *нунал* (ср. *нуналэ* ‘в день’ ILL — литер. *нуналэ* (также и в других пяти формах слова *нунал* ‘день’)); ср. *nunāl* (G, B, M, J), *nunāu*, *nunāu*, *nunāl*, *nḥnāl* (J), *nḥnāu* (J, MU), *nḥnāl* (U) ‘день’ [Wichmann 1987: 173]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *nunāl* ‘день’ < ПУДМ *и;

тўбыса ~ *тубыса* ‘взбравшись’ — литер. *тубыса*; *тўбаса* ‘поднимаясь’ — литер. *тубаса* (ср. *тубытыса* ‘подняв наверх’ — литер. *тубытыса*); ср. *tubḥnḥ* (G, U), *tubnḥ* (M), *tubḥnḥ* (J, MU) ‘взбираться, подниматься’ [Wichmann 1987: 266];

тўрчкэм ‘он, оказывается, старался’ 2PST.3SG — литер. *турттэм(ез)* (ср. *туртэ* ‘намеревается’ PRS.3SG — литер. *турттэ* (также и в других двух формах слова *турттыны* ‘стараться, намереваться’)); ср. *turtḥnḥ*, *tḥrtḥnḥ* (MU), *turtḥnḥ* (M, J), *turtḥ-* (J), *tḥrtḥnḥ* (MU), *tḥrtḥnḥ* (U) ‘хотеть, желать; намереваться’ [Wichmann 1987: 269];

тўс ‘образ’ — литер. *тус* (также и в одной форме этого слова); ср. *tus* (G), *tus* (J, U) ‘внешний вид, наружность; все лицо’ [Wichmann 1987: 270];

ўйын ‘ночью’ — литер. *уйин*; *ўйшор* ‘полночь’ — литер. *уйшор*; *ўйбыт* ‘всю ночь’ — литер. *уйбыт*; ср. *uḥ* (G, S, M, J), *uḥ* (B, J, MU, U) ‘ночь’ [Wichmann 1987: 292]; бавлПУ. *uj*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *uj* ‘ночь’ < ПУДМ *и;

ўрето ‘разрежу’ FUT.1SG — литер. *урето*; ср. *uretḥnḥ* (G), *uretḥnḥ* (S, M), *ḥretḥnḥ* (U) ‘отсечь, отрубить’ [Wichmann 1987: 299]; бавлПУ. *urēnḥ*, бесВ. *urēnḥ*, средВ., счК. *urini*, южВБ. *urēnḥ* ‘полоть, прополоть’ < ПУДМ *и;

ўсем ‘он, оказывается, упал’ 2PST.3SG — литер. *усем(ез)*; *ўсьыса* ‘упав’ — литер. *усьыса*; ср. *uḥnḥ* (G), *uḥnḥ* (G, U), *uḥnḥ* (S), *uḥnḥ* (M), *uḥnḥ* (J, MU), *uḥnḥ* (MU) ‘упасть’ [Wichmann 1987: 301]; бавлПУ. *ueenḥ*, бесВ. *ueenḥ*, средВ. *us’ini*, счК. *ueini*, южВБ. *ueenḥ* ‘упасть, падать’ < ПУДМ *и;

шўильлям ‘они, оказывается, сказали’ 2PST.3PL — литер. *шуиллям(зы)* (также и в других двух формах слова *шуыны* ‘сказать, говорить’, но ср. *шўэм* ~ *шуэм* ‘он, оказывается, сказал’ 2PST.3SG — литер. *шуэм(ез)*); *шўэм* ‘высказывание’ — литер. *шуэм*; *шўса* (ср. *шуса*) ‘1) чтобы; 2) что’ — литер. *шуыса*; ср. *ḥuḥnḥ* (G, U), *ḥuḥnḥ* (G), *ḥu-* (B), *ḥu-* (B, M), *ḥunḥ* (M), *ḥuḥnḥ*, *ḥuḥnḥ* (J, MU) ‘говорить, сказать; называть’ [Wichmann 1987: 251]; бавлПУ., южВБ. *ḥuenḥ*, бесВ. *ḥuenḥ*, средВ. *ḥuni*, счК. *ḥuini* ‘сказать, говорить’ < ПУДМ *и.

б) /ü/ в соответствии с литер. /i/:

кўдёке ‘далеко’ — литер. *кыдёке*; *кўдёкын* ‘вдалеке’ — литер. *кыдёкын*; ср. *kḥd’oke* (G), *kḥd’oke* (M), *kḥd’oke* (J), *kḥd’oke* (MU), *kḥd’oke* (U) ‘далеко’ [Wichmann 1987: 108], *kḥd’okḥn* (G), *kḥd’okḥn* (M), *kḥd’okḥn* (J), *kḥd’okḥn* (MU), *kḥd’okḥn* (U) ‘вдалеке’ [Wichmann 1987: 109].

в) /ü/ в соответствии с литер. /ui/:

кўнь ‘три’ — литер. *куинь*; ср. *kuini* (G, B, M, J, MU, U), *kuñ* (J), *kuñ* (U) ‘три’ [Wichmann 1987: 142]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kwin* ‘три’.

Данная фонема, представленная в памятнике, по всей видимости, отражает «праудмуртский *i, который, утрачиваясь, дал различные рефлексy в диалектах: в части диалектов он сохранился без изменений (> j), в большинстве диалектов перешел в задний ряд (> y), в третьих же, сохранив признак ряда, утратил лабиализованность (> ы > ё > ъ)» [Кельмаков 2006: 69]. Для удмуртского литературного языка, как и абсолютного большинства современных диалектов, фонема /ü/ не характерна. Фонемный статус на данный момент она сохранила лишь в периферийно-южных говорах (кукморском, бавлинском, шошминском, красноуфимском, татышлинском), а нефонематический *i*, встречающийся в соседстве с палатальными согласными, зафиксирован в отдельных говорах центрально-южного диалекта [Атаманов 1981: 47; Кельмаков 2006: 57] и бесермянском наречии [Тепляшина 1970: 68].

Случай употребления в памятнике /ü/ в соответствии с литер. /i/ не отражен в словаре финского учебного, однако зафиксирован в некоторых говорах периферийно-южного диалекта (например, в бавлинском, ташкичинском, закамском), а также характерен для жувамского говора⁶ бесермянского наречия удмуртского языка [Люкина 2009: 236]. Употребление в памятнике /ü/ в соответствии с дифтонгом /ui/ в литературном удмуртском, зафиксированное лишь в одной форме, отмечено в центрально-южном диа-

⁶ В данном случае в соответствии с литер. /i/ выступает заднерядная /u/: *куз’* ‘моча’ — литер. *кызь*, *уль* ‘сырой’ — литер. *ыль* [Люкина 2009: 236].

лекте как в словаре [Wichmann 1987], так и в более поздних работах [Архипов 1962: 193, 1981: 5], правда, с заднерядной /u/. Однако, несмотря на единичность примеров, подтверждающих данные соответствия, на наш взгляд, их все же можно отнести к фонетическим особенностям, характеризующим язык памятника.

Таблица 5. Соответствия гласной /ü/

гласная памятника		первый слог /ü/			
литер.		/u/ (15)	/i/ (1)	/ui/ (1)	
соответствия	по [Wichmann 1987]	G u (5), ш ~ u (2) В ш ~ u (2), u (2), ш (1) S u (4) M u (8) J ш ~ u (4), ш (2) MU ш (6), ш ~ u (1) U u (4), î (2), ш (2)	G u (1), u ~ ш (1) В u (1), u ~ ш (1) M u (1), u ~ ш (1) J u ~ ш ~ i (1), u ~ ш (1) MU i (1), u ~ ш (1) U î (1), u (1)	G î (1) M i (1) J i (1) MU i (1) U î (1)	G ui (1) В ui (1) M ui (1) J ui ~ u (1) MU ui (1) U ui ~ u ⁱ (1)
	по аудиословарям	бавлПУ. u (7) бесВ. u (6) средВ. u (6) счК. u (7) южВБ. u (7)	бавлПУ. u (2) бесВ. u (2) средВ. u (2) счК. u (2) южВБ. u (2)		
ПУДм		*u	*u		

Употребление гласной /u/

1. В первом слогѐ:

/u/ в соответствии с литер. /u/:

бур 'правый' — литер. *бур*; *бурмытэм* 'он, оказывается, вылечил' 2PST.3SG — литер. *бурмытэм(ез)*; ср. *bur* (G, B, M, J, MU, U) 'правый', *burmîtnî* (G, U), *burmîtnî* (S, M, MU) 'вылечить' [Wichmann 1987: 28]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *bur* 'правый' < ПУДм *u;

ву 'вода' — литер. *ву* (также и в двух формах этого слова); ср. *vu* (G, B, S, M, J, MU, U), *vui* (G, J, MU, U) 'вода' [Wichmann 1987: 326]; ср. бавлПУ. *vu*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *vu* 'вода' < ПУДм *u;

вурыны 'шить' — литер. *вурыны*; ср. *virîni* (G, U), *virî-* (S), *virni* (M), *virîni* (J, MU) 'шить' [Wichmann 1987: 328]; бавлПУ., южВБ. *virëné*, бесВ. *virëné*, средВ., счК. *virîni* 'шить, сшить' < ПУДм *u;

дугдйльям 'они, оказывается, остановились' 2PST.3PL — литер. *дугдйльям(зы)*; *дугдытйдыке* 'если остановите' 1PST-2-PL — литер. *дугдытйды ке*; ср. *dugdîni* (G, U), *dugdîni* (M, J), *dugd-* (J, MU) 'остановиться' [Wichmann 1987: 38]; бавлПУ., южВБ. *dugdëné*, бесВ. *dugdëné*, средВ., счК. *dugdîni* 'остановиться; переставать' < ПУДм *u;

дуно 'драгоценный' — литер. *дуно*; *duno* (G, B, M, J, MU, U) 'дорогой' [Wichmann 1987: 39]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *dun* 'цена, стоимость' < ПУДм *u;

кудке 'некоторый' — литер. *куд ке*; ср. *kud* (G, B, J, MU) 'который?' [Wichmann 1987: 127]; бавлПУ. *kudiz*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *kudiz* 'который' < ПУДм *u;

кужымзэ 'его силу' POSS.3SG-ACC — литер. *кужымзэ*; *кужмо* 'сильно' — литер. *кужмо*; ср. *kužîm* (G, B, U), *kužîm* (M, J) 'сила, мощь' [Wichmann 1987: 139]; бавлПУ. *kužât*, средВ. *kužîm*, южВБ. *kužêtm* 'сила, энергия, мощь' < ПУДм *u;

кузьмам 'он, оказывается, подарил' 2PST.3SG — литер. *кузьмам*; *кузьмаса* 'подарив' — литер. *кузьмаса*; ср. *kužtmânî*, *kužtmânî* (G), *kužma-* (B), *kužtmânî* (MU) 'дарить' [Wichmann 1987: 138]; бавлПУ., бесВ. *kužât*, средВ., счК. южВБ. *kužîm* 'подарок, дар; гостинец' < ПУДм *u;

кулйз 'он умер' 1PST-3SG — литер. *кулйз* (также и в других семи формах слова *кулыны* 'умереть, умирать'); *кулон* 'смерть || смертный' — литер. *кулон*; *кулоно* 'которому, предстоит умереть' — литер. *кулоно* (также и в одной форме этого слова); *кулэм* 'мертвый, умерший || смерть' — литер. *кулэм* (также и в одной форме этого слова); *кулымтэ* 'неумерший' — литер. *кулымтэ* (также и в одной форме этого слова); *кулыса* 'умерши' — литер. *кулыса*; *кулытосязы* 'до их смерти' 3-PL — литер. *кулытосязы*; ср. *kuļîni* (G, B, U), *kuļni* (M), *kuļîni* (J), *kuļîni* (J, MU) 'умереть' [Wichmann 1987: 130]; бавлПУ., южВБ. *kuļëné*, бесВ. *kuļëné*, средВ. *kuļni*, счК. *kuļîni* 'умереть, умирать' < ПУДм *u;

кулэ 'нужный, необходимый' — литер. *кулэ*; ср. *kuļe* (G, B, M, J, U), *kuļe* (J, MU) 'нужно, необходимо' [Wichmann 1987: 130];

кускерттон 'пояс' ACC — литер. *кускерттон*; *kus* (G, M), *kus* (J, MU), *kîs* (U) 'поясница' [Wichmann 1987: 133]; бавлПУ. *kus*, бесВ. *kvs*, средВ., счК., южВБ. *kus* 'поясница' < ПУДм *u;

кутыса ‘схватив’ — литер. *кутыса*; *куткэм* ~ *кучкэм* ‘он, оказывается, начал’ 2PST.3SG — литер. *кутсем(ез)* (также и в других двух формах слова *кутскыны* ‘начинать’); ср. *кут̄н̄* (G, B, U), *кут̄н̄* (M), *кут̄н̄* (J, MU) ‘поймать’ [Wichmann 1987: 135], *кутск̄н̄*, *кут̄ск̄н̄* (G), *кут̄ск̄н̄* (B), *кутск̄н̄*, *кут̄н̄* (M), *кут̄ск̄н̄*, *кут̄н̄* (J), *кут̄ск̄н̄* (J, MU), *кут̄ск̄н̄* (U) ‘начинать, приступать’ [Wichmann 1987: 136]; бавлПУ., южВБ. *кут̄н̄*, бесВ. *кут̄н̄*, средВ., счК. *кут̄н̄* ‘поймать; схватить’ < ПУДМ *и;

курид ‘попросил’ 1PST-2SG — литер. *курид* (также и в других двух формах слова *курыны* ‘попросить, просить’); *куремдэ* ‘твою просьбу’ POSS.2SG-ACC — литер. *куремдэ*; *куриском* ‘попросим’ FUT-1PL — литер. *куриском(ы)* (также и в других двух формах слова *курискыны* ‘просить (о позволении сделать что-либо)’); ср. *кур̄н̄* (G, B, U), *кур̄н̄* (M), *кур̄н̄* (J, MU) ‘просить’ [Wichmann 1987: 132]; бавлПУ., южВБ. *кур̄н̄*, бесВ. *кур̄н̄*, средВ., счК. *кур̄н̄* ‘попросить, просить’ < ПУДМ *и;

кусын ‘среди’ — литер. *кусын*; ср. *кусп̄н̄* (G, U), *кусп̄н̄* (J, MU), *кусп̄н̄* (MU) ‘между, среди’ [Wichmann 1987: 134];

куштыса ‘оставив’ — литер. *куштыса*; *уг кушты* ‘не брошу’ NEG.FUT.1SG — литер. *уг кушты*; ср. *кушт̄н̄* (G, U), *кушт̄* (B), *кушт̄н̄* (M, J, MU) ‘бросить; оставить’ [Wichmann 1987: 135]; бавлПУ. *кужанэ*, средВ., счК. *кужан̄*, южВБ. *кужанэ* ‘бросать’, бесВ. *кушт̄н̄* ‘бросить’ < ПУДМ *и;

лул ‘душа’ — литер. *лул*; ср. *лул* (G, M, J), *лул* (J, U), *луц* (MU) ‘душа; жизнь’ [Wichmann 1987: 149]; бавлПУ. *лул*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *лул* ‘душа’ < ПУДМ *и;

люкаськильям ‘они, оказывается, собрались’ 2PST.3PL — литер. *люкаськильям(зы)*; *люкаськон* ‘предназначенный для встречи’ — литер. *люкаськон*; ср. *лук̄ан̄* (G, U), *лук̄ан̄* (S, M, J, MU) ‘складывать в кучу, собирать’ [Wichmann 1987: 152]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *лук̄* ‘груда, куча’ < ПУДМ *и;

мугорзэ ‘его тело’ POSS.3SG-ACC — литер. *мугорзэ* (также и в других двух формах слова *мугор* ‘тело, туловище’); ср. *тугор* (G, M, J, MU, U) ‘тело, туловище’ [Wichmann 1987: 164]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *тугор* ‘тело, туловище’ < ПУДМ *и;

мукет ‘другой’ — литер. *мукет*; ср. *мукет* (G, B, M, J, U) ‘другой’ [Wichmann 1987: 164]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *мукет̄* ‘другой, иной’ < ПУДМ *и;

мурт ‘человек’ — литер. *мурт* (также и в десяти формах этого слова); ср. *мурт* (G, B, M, J, MU, U) ‘человек; мужчина; чужой человек’ [Wichmann 1987: 165]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *мурт* ‘человек (незнакомый)’ < ПУДМ *и;

пукемзэ ‘его сидение’ POSS.3SG-ACC — литер. *пукемзэ*; *пуктыны* ‘построить’ — литер. *пуктыны* (также и в одной форме этого слова); *пуктэм* ‘возведенный || установка’ — литер. *пуктэм*; *пуктыса* ‘1) посадив; 2) построив’ — литер. *пуктыса*; ср. *пук̄н̄* (G, U), *пук̄н̄* (B), *пук̄н̄* (M), *пук̄н̄* (J, MU) ‘сидеть’, *пук̄н̄* (G, U), *пук̄н̄* (B), *пук̄н̄* (M, J, MU) ‘посадить, ставить, класть’ [Wichmann 1987: 209]; бавлПУ., южВБ. *пук̄н̄*, бесВ. *пук̄н̄*, средВ., счК. *пук̄н̄* ‘сидеть’ < ПУДМ *и;

пумить ‘навстречу’ — литер. *пумит*; *пумиськыса* ‘встретившись’ — литер. *пумиськыса*; ср. *пуит* (M, J, U), *пуит̄*, *пуит̄*, *пуит̄* (G), *пуит̄* (J, J, MU) ‘навстречу, вопреки, напротив’, *пуит̄ск̄н̄* (M, J, MU), *пуит̄ск̄н̄*, *пуит̄ск̄н̄* (G), *пуит̄ск̄н̄* (U) ‘встретиться’ [Wichmann 1987: 212]; бавлПУ., бесВ. *пуит̄анэ*, средВ., счК. *пуитан̄*, южВБ. *пуитанэ* ‘встречать’ < ПУДМ *и;

пумтэм ‘бесконечный || бесконечно’ — литер. *пумтэм*; ср. *пуц* (M, J, MU), *пум* (G) ‘конец’ [Wichmann 1987: 211]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *пум* ‘конец’ < ПУДМ *и;

пушказ ‘в ее нутро’ ILL-POSS.3SG — литер. *пушказ*; *пуцкись* ‘из’ — литер. *пуцкись*; *пуцке* ‘вовнутрь’ — литер. *пуцкы*; ср. *пуц̄* (G, M, MU), *пуц̄* (U), *пуц̄к-* (M), *пуц̄к-* (J), *пуц̄к-* (U) ‘внутреннее пространство’ [Wichmann 1987: 214]; бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *пуц̄*, средВ. *пуц̄* ‘внутренность, внутреннее пространство’ < ПУДМ *и;

султы ‘встань’ IMP.2SG — литер. *султы*; *султэм* ‘пробуждение’ — литер. *султэм*; ср. *султ̄н̄* (G, B, U), *султ̄н̄* (B), *султ̄н̄* (M, J), *султ̄н̄* (J, MU) ‘встать, подняться’ [Wichmann 1987: 222]; счК. *султ̄н̄*, южВБ. *султ̄н̄* ‘встать, вставать’ < ПУДМ *и;

сузэрэз ‘его сестра’ POSS.3SG — литер. *сузэрэз*, *сузэрэзлы* ‘его сестре’ POSS.3SG-DAT — литер. *сузэрэзлы*; ср. *сузер* (G, B, M, J, MU, KA, U) ‘младшие сестры, в отношении старших их братьев и сестер’ [Wichmann 1987: 228]; бавлПУ., средВ., счК., южВБ. *сузэр* ‘младшая сестра’ < ПУДМ *и;

сю ‘сто’ — литер. *сю*; ср. *су* (G, M, J), *су* (B, M, J, MU, U) ‘сто’ [Wichmann 1987: 238]; бавлПУ. *су*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *су* ‘сто’ < ПУДМ *и;

сюлмись ‘старательно’ — литер. *сюлмись*; ср. *сүлем* (G, M, J, U), *сүцет* (J, MU) ‘сердце’ [Wichmann 1987: 239]; бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *сүлэм*, средВ. *сүлэм* ‘сердце’ < ПУДМ *и;

тупатыны ‘исправить’ — литер. *тупатыны*; ср. *тупат̄н̄* (G, U), *тупат̄н̄* (M, J, MU) ‘чинить, ремонтировать; улучшать; исправлять свою ошибку’ [Wichmann 1987: 268];

улын ‘под’ — литер. *улын*; *улэ* ‘под’ — литер. *улэ*; ср. *ул̄н̄* (G, B, U), *ул̄н̄* (S, M, J), *ул̄н̄* (J, MU) ‘под; внизу’ [Wichmann 1987: 295], *уле* (G, B, M, J, U), *ул̄е* (MU) ‘под; вниз’ [Wichmann 1987: 294];

улыны ‘1) жить; 2) находиться’ — литер. *улыны* (также и в пяти формах этого слова); *улысь* ‘живущий’ — литер. *улысь*; *улон* ‘предназначенный для житья’ — литер. *улон*; *улымон* ‘достаточный для жизни’ — литер. *улымон*; *улыса* ‘находясь’ — литер. *улыса*; *улон* ‘жизнь || жизненный’ — литер. *улон* (также и в двух формах этого слова); *улэм* ‘жизнь, житие’ — литер. *улэм* (также и в четырех формах этого слова); *улэп* ‘живой’ — литер. *улэп*; *улэпкын* ‘заживо’ — литер. *улэпкын*; ср. *ulĭnĭ* (G, U), *ulĭ-* (B), *ulĭnj* (S, J, MU), *ulnj* (M), *uĭĭnj* (J, MU) ‘жить, существовать’ [Wichmann 1987: 295], *ulon* (G), *uĭĭon* (MU) ‘жизнь’ [Wichmann 1987: 296]; бавлПУ., южВБ. *ulėné*, бесВ. *ulėné*, средВ., счК. *ulini* ‘жить’ < ПУдм *и;

уно ‘много’ — литер. *уно*; ср. *upo* (G, S, M, J, MU), *upno* (J), *ĭno* (U) ‘много’ [Wichmann 1987: 298]; бавлПУ. *unó*, южВБ. *onó* ‘много, множество’ < ПУдм *и;

утыны ‘соблюдать’ — литер. *утыны*; *утемзэ* ‘его соблюдение’ POSS.3SG-ACC — литер. *утемзэ*; ср. *ut’ĭnĭ* (G), *ut’ĭnj* (S, M, J, MU), *ut’ĭnj*, *ut’ĭnj* (MU), *ut’ĭnĭ* (U) ‘смотреть; присматривать; заботиться’ [Wichmann 1987: 302]; бавлПУ. *ut’ėné*, бесВ. *ut’ėné*, средВ. *ut’ini*, южВБ. *ut’ėnė* ‘беречь’ < ПУдм *и;

уцунят ‘теплый’ — литер. *уцунят*; ср. *šunĭt* (G, U), *šunĭt* (M, J, MU) ‘теплый’ [Wichmann 1987: 253]; бавлПУ., бесВ. *funát*, средВ., счК. *funit*, южВБ. *funit* ‘теплый’ < ПУдм *и;

уур ‘река’ — литер. *уур* (также и в одной форме этого слова); ср. *šur* (G, M, J, MU, U) ‘река’ [Wichmann 1987: 253]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК. *fur*, южВБ. *for* ‘река’ < ПУдм *и;

юам ‘он, оказывается, спросил’ 2PST.3SG — литер. *юам*; *юаса* ‘спросив’ — литер. *юаса*; *юамысьтыз* ‘из-за его вопроса’ EIA-POSS.3SG — литер. *юамысьтыз*; ср. *juànĭ* (G, B), *juànĭ* (S, M, J), *d’uànĭ* (MU), *d’uànĭ* (U) ‘спросить’ [Wichmann 1987: 81]; бавлПУ. *d’uanė*, бесВ., южВБ. *juanė*, средВ., счК. *juani* ‘спросить, спрашивать’ < ПУдм *и;

юрттыськыса ‘помогая’ — литер. *юрттыськыса*; ср. *juritĭnĭ* (G), *jurit-* (B), *d’urtĭnj* (MU), *juritĭnĭ* (G), *juritĭnj* (S, M) ‘помочь’ [Wichmann 1987: 84]; бесВ. *juritėné*, средВ., счК. *juritini*, южВБ. *juritėnė* ‘помочь, помогать’ < ПУдм *и;

ютэк ‘не выпив’ — литер. *ютэк*; ср. *juĭnĭ* (G, B), *juĭnj* (S, J), *juĭnj* (J), *junĭ* (M), *d’uĭnj* (MU), *d’uĭnĭ* (U) ‘пить’ [Wichmann 1987: 82—83]; бавлПУ. *d’uėnė*, бесВ. *juėnė*, средВ. *junĭ*, счК. *juini*, южВБ. *juėnė* ‘пить’ < ПУдм *и.

2. В первом слове⁷:

/u/ в соответствии с литер. /u/:

берпугаз ‘наконец’ — литер. *берпугаз*; ср. *ber-puĭ* (M), *ber-puĭ* (U) ‘последний раз’ [Wichmann 1987: 16];

люк-дур ‘обстоятельство’ — литер. *югдур*;

кышномурт ‘женщина’ — литер. *кышномурт*; ср. *kišno-murt* (G, B), *kišno-murt* (M, J, MU), ‘женщина, жена’ [Wichmann 1987: 117] и др.

Таблица 6. Соответствия гласной /u/

гласная памятника		первый слог /u/		непервый слог /u/
	литер.	/u/ (38)		/u/
соответствия	по [Wichmann 1987]	G u (26), u ~ ш (2) B u (16), ш (1) S u (7) M u (26) J u (24), u ~ ш (1) L u (5) KA u (1) MU u (26) U u (22), ĭ (1)	G u (5), u ~ ш (1) B u (2), ш (1) S u (3) M u (6), ш (1) J u ~ ш (3), u (2), ш (1) L u (1) MU ш (4), u ~ ш (2) U ш (3), u ~ ш (1), ĭ (1)	G u B u M u J u MU u U u
	по аудиословарям	бавлПУ. u (25), # (1) бесВ. u (24) средВ. u (26) счК. u (26) южВБ. u (26); o (2)	бавлПУ. # (6) бесВ. u (5), v (1) средВ. u (6) счК. u (5) южВБ. u (6)	
ПУдм		*и	*и	

⁷ Фонема /u/, как правило, употребляется в первом слове. В первом слове может встречаться: а) в сложных словах, второй компонент которых содержит фонему /u/ в первом слове (например, *кызылу* ‘береза’, *ярдур* ‘берег’); б) в составе суффиксов (например, *вераку* ‘говоря’, *Веруш* ‘Верочка’); в) в заимствованиях из русского языка.

Как видим, никаких нестандартных соответствий в употреблении фонемы /u/ по сравнению с литературным удмуртским языком в памятнике нам выявить не удалось. Однако можно отметить, что праудмуртский огубленный гласный верхнего подъема среднего ряда *и, о котором мы говорили выше, в памятнике в отдельных словоформах перешел в заднерядный /u/.

Употребление гласной /e/

1. В первом слоге:

а) /e/ в соответствии с литер. /e/:

бер ‘поздно’ — литер. *бер*; *бере* ‘после || поскольку’ — литер. *бере*; *берен* ‘назад’ — литер. *берен*; *берлоик* ‘позже же’ — литер. *берлоик*; *берпугаз* ‘наконец’ — литер. *берпугаз*; ср. *berε* (G, B, M, J, MU, U) ‘после’ [Wichmann 1987: 17]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ber* ‘зад, задняя часть; поздно’ < ПУдм *ε;

берыкто ‘верну’ FUT.1SG — литер. *берыкто*, *берыкты* ‘верни’ IMP.2SG — литер. *берыкты*; *бертыны* ‘возвратиться домой’ — литер. *бертыны* (также и в шести формах этого слова); *бертонтэм* ‘безвозвратный’ — литер. *бертонтэм*; *бертыкыз* ‘когда он возвращался домой’ 3SG — литер. *бертыкуз*; *бертыса* ‘возвратившись домой’ — литер. *бертыса*; *бертытэк* ‘не возвращаясь домой’ — литер. *бертытэк*; *бертэм* ‘возвращение’ — литер. *бертэм*; *бертылэм* ‘он, оказывается, возвращался домой’ 2PST.3SG — литер. *бертылэм(ез)*; ср. *beriktin̄* (G, U), *berektin̄* (G), *beriktinj* (M, MU), *berikt-* (J) ‘перевернуть, воротить, возвратить’ [Wichmann 1987: 19]; бавлПУ., бесВ., южВБ. *bergané*, средВ., счК. *berganí* ‘кружиться, крутиться, вертеться, вращаться’ < ПУдм *ε;

кезьыт ‘холод’ — литер. *кезьыт*; ср. *kez̄it* (G, B, U), *kez̄it* (M, J, MU) ‘холодный; холод’ [Wichmann 1987: 101]; бавлПУ. *kézat*, бесВ., счК. *kez̄it*, средВ. *keč̄it*, южВБ. *kez̄it* ‘холод, мороз’ < ПУдм *ε;

кельтэм ‘он, оказывается, оставил’ 2PST.3SG — литер. *кельтэм(ез)*; *кельтыса* ‘оставив’ — литер. *кельтыса*; ср. *kel'tin̄* (G, B, U), *kel'tinj* (M, J, MU) ‘оставить’ [Wichmann 1987: 112]; бавлПУ. *kel'təné*, бесВ. *kel't'əné*, средВ., счК. *kel'tini*, южВБ. *kel'təné* ‘оставить’ < ПУдм *ε;

лэсьтүйсь ~ *лэсьтысь* ‘изготовитель’ — литер. *лэсьтүйсь* (также и в одной форме этого слова); ср. *lešt̄in̄* (G, U), *lešt-* (B), *lešt̄inj* (M, J, MU) ‘делать’ [Wichmann 1987: 144]; бавлПУ., южВБ. *lešt̄əné*, бесВ. *lešt̄əné*, средВ., счК. *lešt̄ini* ‘делать, сделать’ < ПУдм *ε;

лэзем ‘он, оказывается, отправил’ 2PST.3SG — литер. *лэзем(ез)* (также и в других трех формах слова *лэзьыны* ‘1) отпустить; 2) разрешить; 3) отправить’); *лэзем* ‘посланный’ — литер. *лэзем*; *лэзьыса* ‘отпустив’ — литер. *лэзьыса*; *лэзьытэк* ‘не отпуская’ — литер. *лэзьытэк*; *лэзьылэм* ‘он, оказывается, послал’ 2PST.3SG — литер. *лэзьылэм(ез)*; *лэзяны* ‘отпускать’ — литер. *лэзяны* (также и в одной форме этого слова); ср. *lez̄in̄* (G, B, U), *lez̄inj* (M), *lez̄inj* (J, MU) ‘отпустить’ [Wichmann 1987: 144]; бавлПУ., южВБ. *lez̄əné*, бесВ. *lez̄əné*, средВ. *leč̄ni*, счК. *lez̄ini* ‘отпустить, пустить’ < ПУдм *ε;

пересь ‘старый’ — литер. *пересь*; ср. *perés* (G, B, M, J, MU, U), *perés* (U) ‘старый (только о живых существах)’ [Wichmann 1987: 192]; бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *peréε*, средВ. *perés'* ‘старый, пожилой’ < ПУдм *ε.

б) /e/ в соответствии с литер. /e/:

етыса ‘задев’ — литер. *йӧтыса*; *етытэк* ‘не притрагиваясь’ — литер. *йӧтытэк*; ср. *jetinj* (S, M), *jet-* (G), *jötinj* (J), *d'etinj* (MU), *d'etini* (U) ‘трогать; попасться’ [Wichmann 1987: 76].

2. В непервом слоге:

/e/ в соответствии с литер. /e/:

азвесь ‘серебро’ ACC — литер. *азвесь*; ср. *az-veś* (G, B, M, J, MU, U), *oz-veś* (MU) ‘серебро’ [Wichmann 1987: 11]; бавлПУ., средВ. *azvéś'*, бесВ., счК. южВБ. *azvéε* ‘серебро’;

вунэтыса ‘забыв’ — литер. *вунэтыса*; ср. *vunet̄in̄* (G, U), *vunetj-* (S), *vunet̄inj* (M, J, MU) ‘забыть’ [Wichmann 1987: 328]; бавлПУ., южВБ. *vunet̄əné*, бесВ. *vunet̄əné*, счК., средВ. *vunet̄ini* ‘позабыть, забыть’;

музьемез ‘землю’ ACC — литер. *музьемез* (также и в других двух формах слова *музьем* ‘земля, грунт, почва’); ср. *muz̄jet* (G, M, J, MU), *muz̄jet* (G), *muz̄jet* (G, B, MU), *muz̄jet* (MU), *muz̄jet* (MU, U) ‘земля; почва’ [Wichmann 1987: 167]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *muz̄jém* ‘земля’ и др.

Случай употребления в памятнике /e/ в соответствии с литер. /e/ также имеет лишь единичный характер и, как видим, не совпадает с елабужской формой по словарю [Wichmann 1987]. Однако такого рода соответствие в удмуртских диалектах встречается. Основным источником его происхождения, по мнению В. К. Кельмакова, является «многообразие рефлексации праудмуртского *o в различных диалектах (> ö, õ, э, о), а также определенные отклонения от этой закономерности» [Кельмаков 2006: 71],

которые могут быть обнаружены даже в говорах соседних населенных пунктов. В связи с этим мы считаем, что в данном случае представлены определенные территориальные варианты, отражающие диалектные особенности памятника.

Таблица 7. Соответствия гласной /e/

гласная памятника		первый слог /e/		непервый слог /e/
соответствия	литер.	/e/ (38)		/e/
	по [Wichmann 1987]	G e (7) B e (6) M e (7) J e (7) MU e (7) U e (6), e ~ ɛ (1)	G e (1) S ɛ (1) M ɛ (1) J ö (1) MU e (1) U ɛ (1)	G e, ɛ B e M e, ɛ J e, ɛ MU e, ɛ U e, ɛ
	по аудиословарям	бавлПУ. ɛ (7) бесВ. ɛ (7) средВ. ɛ (7) счК. ɛ (7) южВБ. ɛ (7)		бавлПУ. ɛ бесВ. ɛ средВ. ɛ счК. ɛ южВБ. ɛ
ПУдм		*ɛ		

Употребление гласной /e/

1. В первом слогѐ:

а) /e/ в соответствии с литер. /e/:

köliľľям ‘они, оказывается, ночевали’ 2PST.3PL — литер. *köliľľям(зы)*; ср. *kəl̥n̥i* (G, B, U), *kəl̥ni* (M), *k̥öñi* (J, MU), *köliñi* (J), *k̥öñi* (MU) ‘переночевать’ [Wichmann 1987: 102]; средВ., счК. *kzlini*, южВБ. *kzlep̥* ‘переночевать’ < ПУдм *ø;

köc ‘пост’ — литер. *köc* (также и в двух формах этого слова); ср. *kēs* (G, M, U), *kös* (J, MU) ‘сухой’ [Wichmann 1987: 102]; бавлПУ. *kəs*, бесВ. *kzs*, средВ., счК., южВБ. *kəs* ‘сухой’ < ПУдм *ø;

kötcə ‘его живот’ POSS.3SG-ACC — литер. *kötcə*; ср. *kət* (G, M, U), *köt* (J, MU) ‘живот, желудок, сердце’ [Wichmann 1987: 103]; бавлПУ. *kət*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *kzt* ‘живот’ < ПУдм *ø.

б) /e/ в соответствии с литер. /e/:

döletənyz ‘его благословением’ INS-POSS.3SG — литер. *dəletənyz*; ср. *dəl̥’et* (G), *döul̥’et*, *d̥öul̥’et* (MU), *d̥öul̥’et* (U) ‘счастье; благословение’ [Wichmann 1987: 32].

2. В непервом слогѐ⁸:

/e/ в соответствии с литер. /e/:

övöl ‘не; нет’ — литер. *övöl*; ср. *ev̥el* (G, S, M, U), *ev̥el* (G, B), *övöl* (J), *öv̥öñi* (J, MU), *eb̥öñi* (= ɛ-vel и т. д.) (MU) ‘не, нет’ [Wichmann 1987: 54].

Что касается употребления /e/ в соответствии с литер. /e/, на наш взгляд, в данном случае возможность наличия опечатки в памятнике также маловероятна, поскольку подобные формы финским ученым в удмуртских диалектах все-таки зафиксированы. Более того, поскольку все елабужские формы в [Wichmann 1987] отмечены огубленным гласным *ö* (*ö* ~ *ö̃*), возможно, буква *ö* в памятнике передает лабиализованный гласный передне-среднего ряда среднего подъема, который восходит к ПУдм *ø и на данный момент сохранился в неизменном виде лишь в отдельных периферийно-южных говорах, а в большинстве современных диалектов утратил огубленность.

⁸ Как и фонема /u/, /e/ в основном функционирует в первом слогѐ слова. В непервом слогѐ может встречаться в сложных словах, второй компонент которых содержит фонему /e/ в первом слогѐ (например, *kikö* ‘крупорушка; ручная мельница’, *сильтöл* ‘ураган, буря’) и в некоторых дестимологизированных лексемах (например, *övöl* ‘не; нет’, *öйтöд* ‘разг. не знаю’).

Таблица 8. Соответствия гласной /e/

гласная памятника		первый слог		непервый слог	
		/e/		/e/	
соответствия	литер.	/e/ (3)		/e/ (1)	
	по [Wichmann 1987]	G e (2) B e (1) M e (2) J ð ~ ö (1), ö (1) MU ð (1), ö (1) U e (2)	G e (1) M e (1) J ö (1) MU ö (1) U e (1)	G e (1) MU ö ~ ð (1) U a (1)	G e B e S e M e J ö ~ ð MU ð U e
	по аудиословарям	бавлПУ. ø (1) бесВ. з (1) средВ. з (2) счК. з (2) южВБ. з (2)	бавлПУ. ø (1) бесВ. з (1) средВ. ø (1) счК. ø (1) южВБ. ø (1)		
ПУДМ	*ø	*e			

Употребление гласной /o/

1. В первом слогѐ:

а) /o/ в соответствии с литер. /o/:

бордаз ‘к нему’ POSS.3SG — литер. *бордаз*; *бордѳсь* ‘от’ — литер. *бордысь*; ср. *bordŷ* (G), *bordj* (J), *bordε* (B, M, MU, U) ‘к, в, на’ [Wichmann 1987: 25], *bordŷs*, *bordŷs* (G), *bordŷs* (M), *bordŷs* (J, MU, U) ‘от’ [Wichmann 1987: 26]; бавлПУ., средВ., южВБ. *bōddōr*, бесВ., счК. *bōrddōr* ‘стена’ < ПУДМ *ɔ;

возильям ‘они, оказывается, держали’ 2PST.3PL — литер. *возильям(зы)*; ср. *vožŷnŷ* (G, B), *vožnj* (M), *vožinj* (J, MU) ‘держатъ’ [Wichmann 1987: 325]; бавлПУ., южВБ. *vōzŷnē*, бесВ. *vōzŷnē*, средВ. *vōzŷnŷ*, счК. *vōzŷnŷ* ‘держатъ; удерживать’ < ПУДМ *ɔ;

вордод ‘ты родишь’ FUT-2SG — литер. *вордод*, *вордэм* ‘она, оказывается, родила’ 2PST.3SG — литер. *вордэм(ез)*; *вордѳем* ~ *вордѳьѳем* ‘рождение’ — литер. *вордѳем* / *вордѳьѳем*; ср. *vordŷnŷ* (G, B, U), *vordinj* (S, M, J, MU) ‘воспитать; вырастить’, *vortskŷnŷ*, *vortŷkŷnŷ* (G), *vortskŷnj* (M), *vortŷkŷnj* (MU), *vordiŷkŷnj* (J, MU), *vordiŷkŷnŷ* (U) ‘родиться, возникнуть’ [Wichmann 1987: 323]; бавлПУ., южВБ. *vōrdŷnē*, средВ. *vōrdŷnŷ* ‘родить’, бесВ. *vōrdŷnā*, счК. *vōrdŷnŷ* ‘воспитать, вырастить’ < ПУДМ *ɔ;

дорзэс ‘их дом’ POSS.3PL-ACC — литер. *дорзэс* (также и в других шести формах слова *дор* ‘край, сторона; родина; родной дом’); *дорисьѳсыз* ‘его домашние’ PL-POSS.3SG — литер. *дорисьѳсыз*; *доре* ‘к’ — литер. *доры*; *дорын* ‘у’ — литер. *дорын* (также и в одной форме этого слова); *дорись* ‘от’ — литер. *дорысь*; *дорисен* ‘от’ — литер. *дорысен*; ср. *dor* (J, U) ‘родной дом’ [Wichmann 1987: 36], *dorε* (G, B, J, MU), *dorŷ* (G, U), *dorj* (M, J) ‘к’, *dorŷn* (G), *dorŷn* (J, MU) ‘у, около’, *dorŷs* (G), *doris* (J, MU) ‘от’, *doriŷen* (J, MU) ‘от’ [Wichmann 1987: 37]; бавлПУ. *dōrāz* ‘у него’, бесВ. *dōrŷn*, средВ., счК., южВБ. *dōrŷn* ‘у, около’ < ПУДМ *ɔ;

зор ‘дождь || дождевой’ — литер. *зор* (также и в одной форме этого слова); *зорем* ‘оказывается, шел дождь’ 2PST.3SG — литер. *зорем(ез)* (также и в других двух формах слова *зорыны* ‘дождить’); ср. *zor* (G, B, M, J, MU, U) ‘дождь’ [Wichmann 1987: 331]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *zōr* ‘дождь’ < ПУДМ *ɔ;

корказыльѳсь ‘от их дома’ POSS.3PL-ABL — литер. *корказыльѳсь*; ср. *kor-ka* (G, B, M, J, MU, U) ‘дом’ [Wichmann 1987: 139]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kōrkā* ‘дом; изба’ < ПУДМ *ɔ;

корт ‘железный’ — литер. *корт*; *кортлѳсь* ‘из железа’ ABL — литер. *кортлѳсь*, *кортэн* ‘железом’ INS — литер. *кортэн*; ср. *kort* (G, M, J, MU, U) ‘железо’ [Wichmann 1987: 122]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kōrt* ‘железо’ < ПУДМ *ɔ;

косэм ‘он, оказывается, велел’ 2PST.3SG — литер. *косэм(ез)*, *косымтэ* ‘он, оказывается, не велел’ NEG.2PST.3SG — литер. *косымтэ(ез)* / *övöl kosэм(ез)*; *косэм* ‘просьба’ — литер. *косэм*; ср. *kosŷnŷ* (G, U), *kos-* (B), *kosnj* (M), *kosinj* (J, MU) ‘велеть’ [Wichmann 1987: 122]; бавлПУ. *kōsŷnē*, бесВ. *kōsŷnē*, средВ., счК. *kōsŷnŷ*, южВБ. *kōsŷnŷ* ‘велеть, заставить, требовать’ < ПУДМ *ɔ;

мон ‘я’ — литер. *мон* (также и в двух формах этого слова); ср. *ton* (G, B, M, J, MU, U) ‘я’ [Wichmann 1987: 163]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *mōn* ‘я’ < ПУДМ *ɔ;

нокинъ ‘никто’ — литер. *нокин* (также и в двух формах этого слова); *но кытчы* ‘никуда’ — литер. *но-кытчы*; *номре* ‘ничего’ — литер. *номыре*; ср. *no-ki n-no* (G), *no-kiŷn-no* (B), *no-ki ŷn-no* (B, J), *ne-ki n-no* (M), *no-kiŷn-no* (J) ‘никто’ [Wichmann 1987: 171], *no-kŷ tsŷn-no* (G), *no-kŷ tŷŷŷn-no* (M), *no-kŷtsŷn-no* (J) ‘никуда’

[Wichmann 1987: 127], *no-mj-r-no* (M, J), *no·mj-r-no* (J), *nò·mj-r-no* (MU), *o·g-no-mj-r-no* (U) ‘ничего’ [Wichmann 1987: 154]; бавлПУ., южВБ. *nókin'*, бесВ. *nókin nэ*, средВ., счК., *nókin* ‘никто’, бавлПУ. *nómar*, бесВ. *nómaré nэ ~ nómaré*, средВ. *nómir ~ n'épómir*, счК. *nómiré*, южВБ. *nómər nэ* ‘ничего’ < ПУДм *э;

odüg ~ odük ‘один’ — литер. *odüg*; ср. *odig* (G, M, J, MU, U), *odig*, *odig* (G), *odik* (MU, U), *oig* (B) ‘один’ [Wichmann 1987: 181]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *odig* ‘один’ < ПУДм *э;

озьы ‘так’ — литер. *озьы*; *отын* ‘там’ — литер. *отын*; *отись* ‘оттуда’ — литер. *отись*; *отисен* ‘оттуда’ — литер. *отисен*; ср. *ož* (G, B), *oži* (M), *oži* (S, M, J, MU), *o·žj* (J, MU) ‘так, таким образом’, *òtjn* (G, B), *ò·tjn* (G), *òtjn* (S, MU), *otjn* (M, J, MU), *otjn* (U) ‘там’, *otjš* (G), *otjš* (S, M, MU), *òtis* (MU), *otis* (MU, U) ‘оттуда’, *otjšen* (G, B) ‘оттуда’ [Wichmann 1987: 183]; бавлПУ. *zəjén*, бесВ., счК. *zэ*, средВ. *zđi*, южВБ. *zə* ‘так, таким образом’, бавлПУ. *otán*, бесВ., южВБ. *otén*, средВ., счК. *otín* ‘там’ < ПУДм *э;

оскыса ‘поверив’ — литер. *оскыса*; *оскись* ‘верующий’ — литер. *оскись*; *оскон* ‘вера’ — литер. *оскон*; ср. *oskĩnĩ* (G, U), *osk-* (B, MU), *oskĩnĩ* (S, M) ‘верить’ [Wichmann 1987: 185]; бавлПУ. *zskəné*, бесВ. *zskəné*, средВ., счК. *zskĩnĩ*, южВБ. *zskənv* ‘верить, доверять’ < ПУДм *э;

пол ‘раз’ — литер. *пол*; ср. *pol* (G, B, M, J, U), *pɔ* (J, MU) ‘раз’ [Wichmann 1987: 203]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pəl* ‘раз’ < ПУДм *э;

понины ‘положить’ — литер. *понины* (также и в одной форме этого слова); *поница* ‘положив’ — литер. *поница*; ср. *ponĩnĩ* (G, U), *pinĩ-* (B), *ponni* (M), *ponĩnĩ* (J, MU) ‘поставить, положить’ [Wichmann 1987: 204]; бавлПУ., южВБ. *pənvé*, бесВ. *pənvé*, средВ., счК. *pənĩnĩ* ‘положить; поставить’ < ПУДм *э;

со ‘1) он, она; 2) тот’ — литер. *со* (также и в пяти формах этого слова); *соёс* ‘они’ — литер. *соос* (также и в трех формах этого слова); *собере* ~ *собре* ‘затем, потом’ — литер. *собере*; *соин* ‘поэтому’ — литер. *соин*; *соку* ‘тогда’ — литер. *соку*; ср. *so* (G, B, M, J, MU, U) ‘он, она, оно; тот, та, то’, *sojos* (G, M, J, MU), *sojos* (M, U), *soos* (G, B, M, J, MU), *sojos* (MU) ‘они’, *soin* (G, B, M, J, MU, U), *sojn* (G, U), *sojin* (G, M), *sojn* (MU) ‘поэтому, потому’, *so-ku* (G, M, J), *so-ku* (G, J), *so·ku* (G, J), *so-kĩ* (B, U), *so-kĩ* (M, J, JI, MU), *so·kĩ* (MU), *so·kĩ* (U), *sok* (G) ‘тогда’ [Wichmann 1987: 224], *so·bere* (G, B, M, J, MU, U), *so-bere* (G, B), *se·bere* (G, MU, U), *se-bere* (G, B), *sö·böre* (J, MU), *so·bĩre* (G), *so-bĩre* (G, B), *se-bĩre* (G, B), *se·bĩre*, *se·bĩre* (M), *so·bre*, *sobre*, *sebre* (G), *seré* (G, MU), *so-bereze* (G), *se-bĩreze* (G) ‘затем, потом’ [Wichmann 1987: 17];

тодаз ‘в его памяти’ ILL-POSS.3SG — литер. *тодаз*; *тодомы* ‘мы узнаем’ FUT-1-PL — литер. *тодомы* (также и в других двух формах слова *тодыны* ‘знать, узнать’); *тодыца* ‘узнав’ — литер. *тодыца*; *тодэмезлы* ‘его знанию’ POSS.3SG-DAT — литер. *тодэмезлы*; *тодытэ* ‘сообщает’ PRS.3SG — литер. *тодытэ*; *тодмам* ‘он, оказывается, узнал’ 2PST.3SG — литер. *тодмам*; ср. *tod* (G) ‘знание’, *todĩnĩ* (G, U), *todĩ-* (B), *todnĩ* (M), *todĩnĩ* (J, MU) ‘знать’, *todĩtĩnĩ* (G, U), *tottĩnĩ* (M), *todĩtĩnĩ* (MU) ‘сообщить’, *todmànĩ* (G, U), *todmal-* (B), *todmànĩ* (M), *tod·mànĩ*, *tokmànĩ* (MU) ‘узнать; опознать’ [Wichmann 1987: 264]; бавлПУ. *tədvé*, бесВ. *tədvé*, средВ. *tədnĩ*, счК. *tədnĩ*, южВБ. *tədvə* ‘знать, узнать’ < ПУДм *э;

тон ‘ты’ — литер. *тон* (также и в четырех формах этого слова); ср. *ton* (G, B, M, J, MU, U) ‘ты’ [Wichmann 1987: 265]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *tən* ‘ты’ < ПУДм *э;

чоже ‘в течение’ — литер. *чоже*; ср. *tšož* (G, MU, U), *t'ož* (B) ‘определенное время’ [Wichmann 1987: 276]; бавлПУ., бесВ., средВ. *təzə*, счК., южВБ. *tšəzə* ‘за, в течение, в продолжение’ < ПУДм *э.

б) /o/ в соответствии с литер. /e/:

ёнатэм ‘он, оказывается излечил’ 2PST.3SG — литер. *йёнатэм(ез)*; *ёна* ‘излечись’ IMP.2SG — литер. *йёна* (ср. *йёнаны* ‘излечиться’ — литер. *йёнаны*; *йёнам* ‘он, оказывается излечился’ 2PST.3SG — литер. *йёнам(ез)*; *йёнатэм* ‘он, оказывается излечил’ 2PST.3SG — литер. *йёнатэм(ез)*); ср. *jenànĩ* (S, M), *đ'önànĩ* (MU), *đ'ənànĩ* (U) ‘выздоровливать, поправляться’, *jəno* (J) ‘разумный’ [Wichmann 1987: 76].

2. В непервом слог:

/o/ в соответствии с литер. /o/:

мугорзэ ‘его тело’ POSS.3SG-ACC — литер. *мугорзэ* (также и в других двух формах слова *мугор* ‘тело, туловище’); ср. *tugor* (G, M, J, MU, U) ‘тело, туловище’ [Wichmann 1987: 164]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *tugór* ‘тело, туловище’;

умой ‘хорошо, благополучно’ — литер. *умой*; ср. *umoĩ* (G, J) ‘хороший’ [Wichmann 1987: 297]; бесВ., средВ., южВБ. *umóĩ* ‘хороший, добрый’;

уно ‘много’ — литер. *уно*; ср. *upo* (G, S, M, J, MU), *upo* (J), *ĩno* (U) ‘много’ [Wichmann 1987: 298]; бавлПУ. *unó*, южВБ. *onó* ‘много, множество’ и др.

Данный случай употребления в [Житии] /o/ в соответствии с литер. /e/ однозначно объяснить сложно. Во-первых, подобные варианты не зафиксированы в словаре [Wichmann 1987], однако их существование в удмуртских диалектах не исключено и может объясняться, как и нестандартное соответствие /e/ литер. /e/, различными рефlekсами ПУДм *ə. Во-вторых, как видим, есть исключения: вариант *ёна*- встречается в памятнике в двух предложениях, а *йёна*- — в пяти. При этом наличие двух форм (*ёнатэм*, *ёна*), по нашему мнению, все же исключает возможность опечатки.

Таблица 9. Соответствия гласной /o/

гласная памятника		первый слог /o/		непервый слог /o/
соответствия	литер.	/o/ (19)	/e/ (1)	/o/
	по [Wichmann 1987]	G o (18) B o (16), u (1) S o (3) M o (16) J o (15), o ~ ʌ (1) MU o (16), ʌ (1) U o (18)	S e (1) M e (1) J ɔ̄ (1) MU ɔ̄ (1) U e (1)	G o S o M o J o MU o U o
	по аудиословарям	бавлПУ. ɔ (18) бесВ. ɔ (18) средВ. ɔ (18) счК. ɔ (18) южВБ. ɔ (18)		бавлПУ. ɔ бесВ. ɔ средВ. ɔ счК. ɔ южВБ. ɔ
ПУдм		*ɔ		

Употребление гласной /a/

1. В первом слогѐ:

/a/ в соответствии с литер. /a/:

азьзэ 'его место' POSS.3SG-ACC — литер. *азьзэ*; *азьын* 'перед' — литер. *азьын*, *азяз* 'перед ним' POSS.3SG — литер. *азяз*; *азе* 'перед, к' — литер. *азе*; *азьлон* 'сначала; раньше, прежде' — литер. *азьлон*; ср. *az* (G, M, J, MU, U), *ad'z* (J), *as* (U) 'пространство перед чем-либо, передняя часть; место' [Wichmann 1987: 11], *azlon* (J, U) 'вперед, впереди' [Wichmann 1987: 13]; бесВ. *azpál*, средВ. *adz*, бавлПУ., счК., южВБ. *az* 'перед, передняя часть' < ПУдм *a;

азыны 'видеть, увидеть' — литер. *адзыны* (также и в двух формах этого слова); *азыса* ~ *адзыса* 'увидев'; *азыкыз* 'когда он увидел' 3SG — литер. *адзыкуз*; *аземез* 'увиденное им' POSS.3SG — литер. *адземез*, *аземьёссэ* 'увиденное им' PL-POSS.3SG-ACC — литер. *адземьёссэ*; *аткем* 'он, оказывается, показался' — литер. *адзиськем(ез)*; *аткыса* ~ *ачкыса* 'показавшись' — литер. *адзиськыса*; ср. *ad'd'zɪnɪ* (G, B), *ad'd'zɪnɪ* (M, J, JI), *add'zɪnɪ* (J), *ad'd'zɪnɪ* (MU), *ad'd'zɪnɪ* (MU), *ad'd'jɪnɪ* (U) 'видеть' [Wichmann 1987: 2], *ad'd'ziškɪnɪ* (J, JI, MU), *adskɪnɪ* (JI), *at'skɪnɪ*, *asɪnɪ* (MU), *atskɪnɪ*, *at'skɪnɪ* (G), *ad'd'zɪkɪnɪ* (B), *ad'd'jiskɪnɪ* (U) 'видеться, повидаться, (по-)казаться, свидеться' [Wichmann 1987: 3]; бавлПУ., южВБ. *adzɛnɛ*, бесВ. *adzɛnɛ*, средВ., счК. *adzɛɪnɪ* 'видеть, увидеть' < ПУдм *a;

ар 'год' — литер. *ар* (также и в двух формах этого слова); *арес* 'лета' — литер. *арес*; ср. *ar* (G, B, M, J, MU, U) 'год' [Wichmann 1987: 7], *ares* (M, J, MU, U) 'годовальи' [Wichmann 1987: 8]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ar* 'год; лета' < ПУдм *a;

ачиз 'сам' — литер. *ачиз* (также и в трех формах этого слова); *ачимес* 'dual. мы' — литер. *асьмеос*; ср. *at'siz* (G, B, U), *at'siz* (G), *so at'siz* (U), *at'siz* (M, J, MU), *at'siz* (J, MU), *so at'siz* (MU), *aszez* (< **at'sizez*) (MU) 'он сам', *at'simes* (G), *asmes* (B), *asmejes* (J), *at'sime*, *at'sme*, *at'simes*, *at'simez*, *mi at'simes* (MU), *mi at'smijos* (M), *mi asmijos* (U) 'мы сами' [Wichmann 1987: 10];

вайыны 'принести' — литер. *вайыны* (также и в четырех формах этого слова); *ваем* 'принесенный || принос' — литер. *ваем*; ср. *vajɪnɪ* (G, B), *vajɪnɪ* (S, M, J, MU), *vajɪnɪ* (J, MU), *vajɪnɪ* (U) 'приносить, привозить' [Wichmann 1987: 310]; бавлПУ. *vajɛnɛ*, бесВ. *vajɛnɛ*, средВ. *vajɪnɪ*, счК. *vajɪnɪ* 'принести, привести' < ПУдм *a;

валес 'постель' — литер. *валес* (также и в одной форме этого слова); ср. *val'es* (G, M, MU, U), *val'es* (B, S, J, MU) 'постель' [Wichmann 1987: 306]; бавлПУ. *val'ɛnɛ*, бесВ. *val'ɛnɛ*, средВ. *val'iekɪnɪ*, счК. *wal'inɪ*, южВБ. *vál'ɛnɛ* 'постелить, подстелить, настелить' < ПУдм *a;

валэқты 'разъясни' IMP.2SG — литер. *валэқты*; ср. *valektɪnɪ* (G, U), *valektɪ-* (S), *valektɪnɪ* (J) 'объяснить' [Wichmann 1987: 311]; бавлПУ., бесВ., южВБ. *valanɛ*, средВ., счК. *valanɪ* 'понять, осмыслить' < ПУдм *a;

кадь 'как' — литер. *кадь*; ср. *kad'* (G, B, M, J) 'похожий; как' [Wichmann 1987: 86]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kad'* 'будто, словно, как, как будто, подобно' < ПУдм *a;

мар 'что' — литер. *мар*; *марке* 'что-то' — литер. *марке* (также и в одной форме этого слова); *малы* 'почему' — литер. *марлы*, *марлы* 'почему' — литер. *марлы*; ср. *ma* (G, B, J, MU), *mar* (G, B, M, J, MU, U) 'что?' [Wichmann 1987: 153]; бавлПУ., бесВ., южВБ. *mar*, средВ. *márɔ*, счК. *ma* 'что' < ПУдм *a;

малтам ‘он, оказывается, подумал’ 2PST.3SG — литер. *малтам*; *малпаса* ‘думая’ — литер. *малпаса*; ср. *malpànī* (G, U), *malpàñi* (M, J), *tâuràñi* (J), *nâuràñi* (MU) ‘думать, мыслить’ [Wichmann 1987: 155]; бавлПУ., южВБ. *malpané*, бесВ. *malpaekəné*, средВ., счК. *malpani* ‘думать, мыслить’ < ПУдм *а;

палаз ‘в его стороне’ INE-POSS.3SG — литер. *палаз* (также и в других двух формах слова *пал* ‘сторона, местность, край’); ср. *pal* (G, M, J, U), *pâu* (J, MU) ‘сторона; местность; половина; один из парных предметов’ [Wichmann 1987: 186]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pal* ‘сторона, направление’ < ПУдм *а;

та ‘этот, эти; она’ — литер. *та* (также и в одной форме этого слова); *татын* ‘здесь’ — литер. *татын*; *татись* ‘отсюда’ — литер. *татысь*; ср. *ta* (G, B, M, J, MU, U) ‘этот; он, она, оно’ [Wichmann 1987: 254], *tâtîñ* (G, B, U), *tafîñ* (G), *tâtîñ* (M, J, MU) ‘здесь’, *tâtîś* (G), *tâtîś* (M, MU), *tâtîś* (MU, U) ‘отсюда’ [Wichmann 1987: 255]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ta* ‘этот’ < ПУдм *а.

2. В первом слове:

/а/ в соответствии с литер. /а/:

адями ‘человек’ — литер. *адями*; ср. *ad'ami* (G, B, M, J), *ađ'ami* (MU), *ađ'ami* (U) ‘человек’ [Wichmann 1987: 2]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ad'ami* ‘человек’;

корказыльсь ‘от их дома’ POSS.3PL-ABL — литер. *корказыльсь*; ср. *kor-ka* (G, B, M, J, MU, U) ‘дом’ [Wichmann 1987: 139]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *korká* ‘дом; изба’;

нунал ‘день’ — литер. *нунал* (также и в шести формах этого слова); ср. *nunal* (G, B, M, J), *nunâu*, *nunâu*, *nunal*, *nînal* (J), *nînâu* (J, MU), *nînal* (U) ‘день’ [Wichmann 1987: 173]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *nunál* ‘день’ и др.

Таблица 10. Соответствия гласной /а/

гласная памятника		первый слог /а/	непервый слог /а/
СООТВЕТСТВИЯ	литер.	/а/ (12)	/а/
	по [Wichmann 1987]	G a (11) B a (7) S a (3) M a (10) J a (9), a ~ â (2) L a (2) MU a (7), â (2) U a (9)	G a B a M a J a, a ~ â MU a, â U a, ǵ
	по аудиословарям	бавлПУ. a (11) бесВ. a (11) средВ. a (11) счК. a (11) южВБ. a (10)	бавлПУ. a бесВ. a средВ. a счК. a южВБ. a
ПУдм		*а	

В употреблении в памятнике гласной /а/ в соответствии с современными нормами удмуртского литературного языка никаких отклонений не наблюдается.

Кроме рассмотренных выше гласных, в памятнике представлено два дифтонга⁹, в употреблении которых никаких особенностей нам выявить не удалось:

а) /ца/: *куать* ‘шесть’ — литер. *куать*; *куасьмем* ‘высохший’ — литер. *куасьмем*, *куасьмыса* ‘высохши’ — литер. *куасьмыса*;

б) /ау/: *тау* ‘спасибо’ — литер. *тау*.

В отдельных словоформах в [Житии] наблюдается выпадение гласной /i/, не характерное для удмуртского литературного языка. Отпадение /i/ нам удалось зафиксировать:

а) в некоторых деепричастиях, образованных от глаголов I спряжения, перед суффиксами *-са* и *-тэк*: *лұса* (ср. *луыса*) ‘будучи’ — литер. *луыса*, *туртса* ‘намереваясь’ — литер. *турттыса*, *ютэк* ‘не выпив’ — литер. *юытэк*, *ситэк* ‘не съев’ — литер. *сыйтэк*;

⁹ Всего в удмуртском языке функционируют четыре дифтонга: /ца/ (*куара* ‘звук, голос’), /ци/ (*куинь* ‘три’), /ау/ (*тау* ‘спасибо, благодарю’), /оу/ (*эгоу* ‘напильник’) [Кельмаков 1993а: 241].

б) в союзе *шўса* ~ *шуса* '1) чтобы; 2) что' (< *шуйса* 'говоря') — литер. *шуйса*; ср. *šuisa* (G, B, M, J, MU), *šuijsa* (J, MU), *šui'sa* (J, MU), *šuisa* (U) 'говоря' [Wichmann 1987: 251];

в) в местоимении *номре* 'ничего' — литер. *номыре*.

Выпадение гласной /j/ в подобных случаях характерно в основном для срединных говоров [Кельмаков 2006: 62], однако зафиксировано также в отдельных говорах южного наречия: среднеюжном [Архипов 1962: 201], алнашском [Загуляева 1981а: 127—132], кизнерском [Загуляева 1982: 7—27], кукморском [Кельмаков 1970: 18—22], канлинском [Насибуллин 1981: 174—175].

3.2. Консонантизм

Анализ графики перевода «Жития Св. Феодора» на удмуртский язык позволяет нам предположить, что консонантная система памятника состоит из 30 согласных фонем, из которых 26 (/p/, /t/, /t'/, /k/, /b/, /d/, /d'/, /g/, /s/, /s'/, /š/, /z/, /z'/, /ž/, /v/, /j/, /č/, /č'/, /ž/, /ž'/, /m/, /n/, /n'/, /l/, /l'/, /r/) встречаются в исконно удмуртской лексике, а четыре (/f/, /x/, /c/, /š's'/) употребляются только в заимствованиях, т. е. в количественном отношении она идентична системе согласных литературного удмуртского языка.

В памятнике, как было указано выше, присутствует еще одна графема *н*, но встречается она лишь в одной словоформе *берпуназ* 'наконец' — литер. *берпуназ* (ср. *ber-puŋ* (M), *ber-puŋ* (U) 'последний раз' [Wichmann 1987: 16]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *put* 'конец'). Из-за единичности примера в данном случае мы не можем с уверенностью утверждать, что в [Житии] функционирует еще одна согласная фонема, хотя и не исключена возможность передачи этой буквой в памятнике согласной /ŋ/, которая восходит к общепермской *ŋ [Кельмаков 1993б: 38] и, по данным диалектологов, встречается в периферийно-южном диалекте удмуртского языка, а также в отдельных говорах центрально-южного диалекта, бесермянского наречия и в увинско-вавожской группе срединных говоров [Кельмаков 2006: 82]¹⁰.

При анализе консонантной системы «Жития Св. Феодора» удалось обнаружить некоторые особенности в употреблении согласных относительно литературных норм современного удмуртского языка. В целях экономии места мы не будем расписывать соответствие каждой фонемы памятника литературной, как при рассмотрении гласных, а остановимся лишь на тех согласных, в употреблении которых встречаются определенные отклонения. При этом в случае стандартного соответствия в качестве примера приведем по три слова¹¹, а при нестандартном перечислим все лексемы (словоформы), встречающиеся в анализируемом памятнике.

Употребление согласной /d'/

1. В анлауте¹²:

/d'/ в соответствии с литер. /j/¹³:

жетымэк 'не притрагиваясь' — литер. *йотымэк* (ср. *етыса* 'задев' — литер. *йотыса*); ср. *jetini* (S, M), *jet-* (G), *jötini* (J), *d'etini* (MU), *d'etini* (U) 'трогать; понасться' [Wichmann 1987: 76]; коми литер. *йоткыны* 'толкать'; 'толкать плавно (не рывками)', 'гнать, отталкивать' [КЭСКЯ 1970: 113];

лыбыртыны 'поклониться' — литер. *йыбырттыны* (ср. *йыбыртыса* 'поклонившись' — литер. *йыбыртыса*); ср. *jībīrtīnī* (G, B), *d'ibirtini* (MU), *d'ībīrtīnī* (U); *jibirtini* (S, M, J), *jubirtini* (J) 'поклониться, молиться' [Wichmann 1987: 77]; коми литер. *юрбитны*, диал. *юбыртны* 'молиться' [КЭСКЯ 1970: 335];

¹⁰ Во время экспедиции 2013 г. в населенных пунктах, относящихся к различным диалектным группам удмуртского языка, фонему /ŋ/ нам зафиксировать не удалось. Вероятно, это говорит о выходе из употребления данного согласного в современных удмуртских диалектах и замене его более распространенными носовыми /m/ и /n/ (ср. бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *put* 'конец' < ПУ **pāje* 'голова, глава' [UEW: 365]; бавлПУ. *zən*, бесВ., средВ. *zīn*, счК. *zīm*, южВБ. *zvn* 'запах; вонь' < ПУ **śaŋkV* 'вкус, запах; пробовать, пахнуть' [UEW: 462]; бавлПУ. *ŋən*, бесВ. *teŋn*, средВ., счК. *ŋin*, южВБ. *ŋen* 'дым' < ПУ **čijV* (**čüjV*) 'дым; туман' [UEW: 59] и др.).

¹¹ При наличии.

¹² В праудмуртском языке, как и в более ранний период, фонема /d'/ в анлауте не употреблялась [Кельмаков 1993б: 37]. В современном удмуртском языке в данной позиции она встречается лишь в двух случаях: а) в заимствованиях (например, *дядя* '1) отец; 2) дядя'); б) в лексемах, представляющих собой звукоподражательные и образительные слова (например, *динь-динь* 'звукоподражание звону колокольчика').

¹³ Фонема /j/ в памятнике передается буквой *й* (*йыл* 'вершина' — литер. *йыл*, *вайыны* 'принести' — литер. *вайыны*, *эксэй* 'царь' — литер. *эксэй* и др.) и йотированными гласными (*гижлоесь* 'покрытый болячками' — литер. *гижлоесь*, *ютэк* 'не выпив' — литер. *юйтэк*, *яратэм* 'он, оказывается, любил' 2PST.3SG — литер. *яратэм* и др.).

жылысь ‘с вершины’ — литер. *йылысь* (ср. *йылаз* ‘на его вершину’ ILL-POSS.3SG — литер. *йылаз*); ср. *ji̯iis̄* (J), *ḑi̯iis̄* (MU), *ḑi̯lis̄* (U) ‘с’ [Wichmann 1987: 78]; коми литер. *йыв* ‘верхушка, вершина’, ‘верхове’, ‘острие’, ‘наконечник’, основа послелогов: *йылын* ‘на’, *йылысь* ‘о’ и т. д. [КЭСКЯ 1970: 113];

яратэм ‘он, оказывается, любил’ 2PST.3SG — литер. *яратэм* (ср. *яратисько* ‘люблю’ PRS.1SG — литер. *яратисько* (также и в других двух формах слова *яратыны* ‘любить; уважать’)); ср. *jarat̪in̪* (G), *jarat̪inj* (S, M), *jarat-* (J), *ḑ'arat̪inj* (MU), *ḑ'arat̪in̪* (U) ‘любить’ [Wichmann 1987: 74].

2. В инлауте:

/d'/ в соответствии с литер. /d'/:

адями ‘человек’ — литер. *адями*; ср. *ad'ami* (G, B, M, J), *aḑ'ami* (MU), *aḑ'aḑami* (U) ‘человек’ [Wichmann 1987: 2]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ad'ami* ‘человек’;

вадес ‘время’ — литер. *вадес*; *ḑad'es(k-)* (G), *vaḑ'es* (MU) ‘время; момент’ [Wichmann 1987: 305];

күдөке ‘далеко’ — литер. *кыдөке*; ср. *k̄iḑ'oke* (G), *k̄iḑ'oke* (M), *kid'oke* (J), *k̄iḑ'oke* (MU), *k̄iḑ'oke* (U) ‘далеко’ [Wichmann 1987: 108] и др.

3. В ауслауте:

/d'/ в соответствии с литер. /d'/:

кадь ‘как’ — литер. *кадь*; ср. *kad'* (G, B, M, J) ‘похожий; как’ [Wichmann 1987: 86]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kad'* ‘будто, словно, как, как будто, подобно’.

Таблица 11. Соответствия согласной /d'/

согласная памятника		анлаут /d'/	инлаут /d'/	ауслаут /d'/
соответствия	литер.	/j/ (4)	/d'/	/d'/
	по [Wichmann 1987]	G j (3) B j (1) S j (3) M j (3) J j (4) MU ḑ' (4) U ḑ' (4)	G d' B d' M d', ḑ' J d' MU ḑ' U ḑ'	G d' B d' M d' J d'
	по аудиословарям		бавлПУ. d' бесВ. d' средВ. d' счК. d' южВБ. d'	бавлПУ. d' бесВ. d' средВ. d' счК. d' южВБ. d'

Нестандартное соответствие, заключающееся в употреблении в анлауте /d'/ в соответствии с литер. /j/, сегодня характерно для шошминского и бавлинского говоров южноудмуртского наречия. По мнению одних ученых, основную причину перехода в данной позиции первоначального *j* в *d'* «следует искать в влиянии татарского языка» [Кельмаков 1993б]; по мнению других, «рассматриваемый звукопереход мог произойти и на удмуртской почве благодаря артикуляционной близости среднеязычного *j* к передне-среднеязычно-палатальным согласным, как это произошло в отдельных диалектах прибалтийско-финских языков» [Тараканов 1958: 290—291].

Ранее данное фонетическое явление нам удалось выявить в переводе «Наставления христианского святителя Тихона» (1891) на казанское наречие удмуртского языка [Безенова 2016б: 47—49]. Однако, что касается текста «Жития Св. Феодора», в этом случае мы не можем считать это нестандартное соответствие диалектной особенностью по ряду причин. Во-первых, все елабужские формы словаря [Wichmann 1987] зафиксированы с *j*. Во-вторых, данное явление характерно лишь для двух периферийно-южных говоров, а в абсолютном большинстве удмуртских диалектов сохранились более архаичные формы. В-третьих, в [Житии] в начале слова все-таки чаще употребляется /j/ (*йбнаны* ‘излечиться’ — литер. *йбнаны*, *юаса* ‘спросив’ — литер. *юаса*, *ярано* ‘годный’ — литер. *ярано* и др.), а /d'/ встречается лишь в четырех формах. Кроме того, все выявленные примеры в памятнике параллельно употребляются и с анлаутной /j/, при этом интересно, что слова с /d'/ встречаются только в начале текста (на страницах 4—5) и в конце (на страницах 17—18). Объяснить однозначно, как появились эти формы в памятнике, сложно.

Употребление согласной /l'/

1. В анлауте:

а) /l'/ в соответствии с литер. /l'/:

люкаськиллям ‘они, оказывается, собрались’ 2PST.3PL — литер. *люкаськиллям(зы)*; *люкаськон* ‘предназначенный для встречи’ — литер. *люкаськон*; ср. *l'ukànî* (G, U), *l'ukànî* (S, M, J, MU) ‘складывать в кучу, собирать’ [Wichmann 1987: 152]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *l'uk* ‘груда, куча’;

лек ‘свирепый’ — литер. *лек*; ср. *l'ek* (G, M, J, MU), *l'eg* (G, S, MU, U) ‘злой, сердитый’ [Wichmann 1987: 150];

лэгыса ‘наступив’ — литер. *лэгыса*; ср. *l'ogîñî* (G), *l'og-* (S), *l'ognî* (M), *l'oginî* (J, MU) ‘(на)ступить’ [Wichmann 1987: 151] и др.

б) /l'/ в соответствии с литер. /j'/:

люк-дур ‘обстоятельство’ — литер. *югдур*;

люгыт ‘яркий’ — литер. *югыт*; ср. *jugît* (G), *jugit* (S, M, J), *l'ugit* (J, MU), *đ'ugit* (MU), *đ'ugît* (U) ‘светлый, ясный’ [Wichmann 1987: 82]; бавлПУ. *l'ugətané* ‘рассветать, светать’; коми литер. *югдыны* ‘светать, рассветать, посветлеть, яснеть’; коми литер. *югöр* ‘луч, свет, блик, отблеск, отсвет’, коми литер. *югыд* ‘свет, блеск; светлый’, вс. *юг* ‘молния’, к.-я. *йүгйал-* ‘блестеть’ [КЭСКЯ 1970: 334].

2. В инлауте:

/l'/ в соответствии с литер. /l'/:

валес ‘постель’ — литер. *валес* (также и в одной форме этого слова); ср. *uäl'es* (G, M, MU, U), *val'es* (B, S, J, MU) ‘постель’ [Wichmann 1987: 306]; бавлПУ. *val'əné*, бесВ. *val'əné*, средВ. *val'ickinî*, счК. *wal'inî*, южВБ. *väl'ənv* ‘постелить, подстелить, настелить’;

кылем ‘оставшийся’ — литер. *кылем*; ср. *kîl'îñî* (G, B, U), *kîl'nî* (M), *kîl'inî* (J), *kil'inî* (MU) ‘остаться’ [Wichmann 1987: 112]; бавлПУ. *käl'əné*, бесВ. *kil'əné*, средВ., счК. *kil'inî*, южВБ. *käl'əné* ‘остаться, оставаться’;

пилемьёс ‘тучи’ PL — литер. *пилемьёс*; ср. *pil'em* (G, M, J, MU, U) ‘облако, туча’ [Wichmann 1987: 196]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pil'ém* ‘облако, туча’ и др.

3. В ауслауте:

/l'/ в соответствии с литер. /l'/:

дас ниль ‘четырнадцать’ — литер. *дас ниль*; ср. *ñul'* (G, MU, U), *ñul'* (G), *ñil'* (M, J, MU), *ñil'* (U) ‘четыре’ [Wichmann 1987: 179]; южВБ., бесВ., бавлПУ., средВ. *n'il'*, счК. *n'il'* ‘четыре’;

чалъ ‘скоро’ — литер. *чалъ*; ср. *t'säl'* (G, U), *t'säl'* (S, M, J, MU) ‘быстро’ [Wichmann 1987: 279]; средВ. *wał'ák* ‘быстро’.

Таблица 12. Соответствия согласной /l'/

согласная памятника		анлаут /l'/		инлаут /l'/	ауслаут /l'/
	литер.	/l'/	/j/ (2)	/l'/	/l'/
СООТВЕТСТВИЯ	по [Wichmann 1987]	G l' S l' M l' J l' MU l' U l'	G j (1) S j (1) M j (1) J j ~ l' (1) MU đ' ~ l' (1) U đ' (1)	G l' B l' S l' M l' J l' MU l' U l'	G l' S l' M l' J l' MU l' U l'
	по аудиословарям	бавлПУ. l' бесВ. l' средВ. l' счК. l' южВБ. l'		бавлПУ. l' бесВ. l' средВ. l' счК. l' южВБ. l'	бавлПУ. l' бесВ. l' средВ. l' счК. l' южВБ. l'

В данном случае употребление в [Житии] /l'/ в соответствии с литер. /j/ отражает фонетическое явление, заключающееся в переходе первоначальной анлаутной /j/ в /l'/ в позиции перед *-Vk(-)/-Vg(-)* [Кельмаков 1993б: 42]. Данный процесс затронул все диалекты удмуртского языка (ср. бавлПУ., бесВ., средВ.,

счК., южВБ. *l'uk* 'груда, куча' — коми литер. *юк* 'сверток, тюк, связка; куча, ворох (напр. соломы)', уд., вым., иж. *юк* 'куча, груда, куст' [КЭСНЯ 1970: 334] < **jowkkV* 'груда, куча' [UEW: 103]; бавлПУ., южВБ. *l'ukəné*, бесВ. *l'ukəné*, средВ., счК. *l'ukini* — коми литер. *юкны* 'делить' [КЭСНЯ 1970: 334] < **jaka-* 'делить, разделить' [UEW: 87] и др.). Однако в южном и бесермянском наречиях переход шел более интенсивно, в результате чего в современных южноудмуртских говорах возникли такие формы, как *л'угыт* ~ *л'угьт* 'светлый' — литер. *югыт*, *л'аг* 'сосновый бор' — литер. *яг* [Архипов 1981: 7; Загуляева 1982: 6; Кельмаков 1977: 38; 2006: 94], а в бесермянском также встречаются варианты типа *l'egit't'os* 'молодежь' — литер. *егитъёс*, *l'əbo* 'столб' — литер. *юбо* и др. [Тепляшина 1970: 145—146], поскольку в последнем переход шел и в позиции «гласный + любой смычной / сонорный согласный» [Кельмаков 2006: 94].

Употребление согласной /n'/

1. В анлауте:

/n'/ в соответствии с литер. /n'/:

ним 'имя' ACC — литер. *ним*, *нимыныз* 'его именем' INS-POSS.3SG — литер. *нимыныз*; *нимо* 'по имени' — литер. *нимо*; ср. *ńim* (G, B, M, J, MU, U), *ńim* (B), *ńim* (JI) 'имя; название' [Wichmann 1987: 176]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *n'im* 'имя';

нянь 'хлеб' ACC — литер. *нянь* (также и в других двух формах слова *нянь* 'хлеб'); ср. *ňan* (G, B, M, J, MU, U) 'хлеб; зерновые культуры, злаки' [Wichmann 1987: 175]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *n'an'* 'хлеб'.

2. В инлауте:

а) /n'/ в соответствии с литер. /n'/:

арня 'воскресный' — литер. *арня*; ср. *arńa* (G, B, M, J, MU), *arńja* (MU), *arńa* (U) 'неделя' [Wichmann 1987: 8];

ванез 'наличие' ACC — литер. *ванез*; ср. *vań*, *vańm-* (G, B, MU), *vań* (M, U), *vań* (S), *vań*, *vańm-* (J, MU) 'есть, имеется; весь' [Wichmann 1987: 307];

зарни 'золотой' — литер. *зарни*; ср. *zarńi* (G, M, J, MU) 'золото; золотой' [Wichmann 1987: 329] и др.

б) /n'/ в соответствии с литер. /n'/:

иньмись (ср. *инмись*) 'небесный' ELA — литер. *инмись*, *иньмисен* 'с неба' EGR — литер. *инмисен*; ср. *in*, *inm-* (G, M, J, MU), *in*, *inm-* (J, MU), *in* (U) 'небо' [Wichmann 1987: 65]; бавлПУ. *in'bám*, бесВ. *in* / *inbám*, средВ. *inbám*, счК. *in*, южВБ. *in'* 'небо';

иньты 'место' — литер. *инты* (также и в одиннадцати формах этого слова); ср. *intj* (S, M), *inti* (M), *intj* (U), *intj* (G, U), *intj* (J, MU) 'место' [Wichmann 1987: 66]; счК. *intj* 'место';

кылчиньёслы 'ангелам' PL-DAT — литер. *кылчиньёслы*; *kjldj's-in* (G), *kjldes'-in* (B), *kjlt's-in* (M), *kjult's'-in*, *kjuld'z'-in* (MU), *kjlt's-in* (U) 'хороший дух, ангел' [Wichmann 1987: 111].

3. В ауслауте:

а) /n'/ в соответствии с литер. /n'/:

кунь 'три' — литер. *кунь*; ср. *kujń* (G, B, M, J, MU, U), *kuń* (J), *kuń* (U) 'три' [Wichmann 1987: 142]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kwin'* 'три'.

б) /n'/ в соответствии с литер. /n'/:

нокинь 'никто' — литер. *нокин* (также и в двух формах этого слова); *коть кинь* 'каждый' — литер. *котькин*; ср. *kin* (G, M, U), *kiń* (B, J, MU), *kino* (M) 'кто?' [Wichmann 1987: 105]; бавлПУ., южВБ. *kin'*, бесВ., счК. *kin*, средВ. *kinə* 'кто'.

Нестандартное соответствие /n'/ литературной /n/ как в середине, так и в конце слова, выявленное в [Житии], в целом характерно для говоров южной диалектной зоны [Архипов 1981: 7; Загуляева 1981а: 126; 1982: 6; Кельмаков 1977: 38—39], за исключением некоторых периферийно-южных говоров, а также встречается в бесермянском наречии [Люкина 2009: 237; Тепляшина 1970: 79—80]. Данное явление объясняется смягчением дентального *n* в позиции после *i*¹⁴ [Кельмаков 2006: 107]. Как видим, формы, зафиксированные в словаре [Wichmann 1987], как и данные аудиословарей современных говоров, также подтверждают наличие данного фонетического явления в южноудмуртских говорах.

¹⁴ В данной позиции смягчению подвержены и дентальные *t*, *d*. В [Житии] мы зафиксировали один пример перехода *t > t'* после *i*: *пумить* 'навстречу' — литер. *пумит*; ср. *puńit* (M, JI, U), *pumid*, *pumit*, *pumit'* (G), *puńit'* (J, JI, MU) 'навстречу, вопреки, напротив' [Wichmann 1987: 212]; бавлПУ., бесВ. *pumit'ané*, средВ., счК. *pumitanj'*, южВБ. *pumitané* 'встречать'.

Таблица 13. Соответствия согласной /n'/

согласная памятника		анлаут /n'/	инлаут /n'/		ауслаут /n'/	
соответствия	литер.	/n'/	/n'/	/n/ (3)	/n'/	/n/ (1)
	по [Wichmann 1987]		G <i>n'</i> B <i>n'</i> M <i>n'</i> J <i>n'</i> I <i>n'</i> MU <i>n'</i> U <i>n'</i>	G <i>n'</i> B <i>n'</i> S <i>n'</i> M <i>n'</i> J <i>n'</i> MU <i>n'</i> U <i>n'</i>	G <i>n</i> (2), <i>n'</i> (1) B <i>n'</i> (1) S <i>n</i> (1) M <i>n</i> (3) J <i>n'</i> (2), <i>n ~ n'</i> (1) MU <i>n'</i> (2), <i>n ~ n'</i> (1) U <i>m</i> (1), <i>n ~ n'</i> (1), <i>n</i> (1)	G <i>n'</i> B <i>n'</i> M <i>n'</i> J <i>n'</i> MU <i>n'</i> U <i>n'</i>
по аудиословарям		бавлПУ. <i>n'</i> бесВ. <i>n'</i> средВ. <i>n'</i> счК. <i>n'</i> южВБ. <i>n'</i>		бавлПУ. <i>n'</i> (1) бесВ. <i>n</i> (1) средВ. <i>n</i> (1) счК. <i>n</i> (2) южВБ. <i>n'</i> (1)	бавлПУ. <i>n'</i> бесВ. <i>n'</i> средВ. <i>n'</i> счК. <i>n'</i> южВБ. <i>n'</i>	бавлПУ. <i>n'</i> (1) бесВ. <i>n</i> (1) средВ. <i>n</i> (1) счК. <i>n</i> (1) южВБ. <i>n'</i> (1)

Употребление согласной /č/

1. В анлауте:

/č/ в соответствии с литер. /č/:

čоксаны ‘закрыть’ — литер. **čоксаны**; ср. *tšoktànĭ* (S, M, J), *tšoktànĭ* (S, M, J) ‘закрыть, покрыть’ [Wichmann 1987: 275];

čогаськем ‘он, оказывается, закрылся’ 2PST.3SG — литер. **čогаськем(ез)**; ср. *tšog* (G, B, S, M, J, I, MU, U) ‘гвоздь’ [Wichmann 1987: 274]; бавлПУ., средВ., счК., южВБ. *fčog*, бесВ. *tečog* ‘кол, колышек’.

2. В инлауте:

а) /č/ в соответствии с литер. /č/:

коть кыčе ‘всякий, любой’ — литер. **котькыčе**; ср. *kečše* (G, M, U), *kjčše* (G), *köčše* (J, MU) ‘какой’ [Wichmann 1987: 126]; бавлПУ. *káčfē*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *kíčfē* ‘какой’;

сыčе ~ **сыčэ** ‘такой’ — литер. **сыčе**; ср. *sīčše* (G), *sĭčše* (S, M, J, MU), *tšĭčše*, *šĭčše* (U) ‘такой’ [Wichmann 1987: 224]; бесВ., средВ. *sīčé*, счК. *sīfē* ‘такой’.

б) /č/ в соответствии с литер. /š/:

луčкем ‘тайный’ — литер. **лушкем**; ср. *lušket* (G, M, J), *lušket* (U) ‘тайно, скрытно’ [Wichmann 1987: 149];

пуčке ‘во внутрь’ — литер. **пушкы**; **пуčкись** ‘из’ — литер. **пушкысь** (ср. **пушказ** ‘в ее нутро’ ILL-POSS.3SG — литер. **пушказ**); ср. *puš* (G, M, MU), *puš* (U), *pušk-* (M), *pušk-* (J), *pušk-* (U) ‘внутреннее пространство’ [Wichmann 1987: 214]; бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *puš*, средВ. *pušf* ‘внутренность, внутреннее пространство’; коми литер. **пытшкӧс** ‘внутреннее пространство’, **пытшкӧ** ‘внутри’, **пытшкысь** ‘изнутри’ [КЭСКО 1970: 237].

3. В ауслауте данная фонема в [Житии] не встречается.

Консонантная система современного удмуртского языка включает в себя четыре исконные аффрикаты /č/, /č/, /č/ и /č/. Как отмечают ученые, «все аффрикаты, по-видимому, свободно функционировали во всех позициях праудмуртского корня: в начале, середине (преимущественно между гласными) и в конце (...)» [Кельмаков 1987: 35]. С течением времени эта система претерпела определенные парадигматические и синтагматические изменения, вследствие чего аффрикаты на данный момент стали одним из важнейших дифференциальных признаков удмуртских диалектов в области консонантизма.

Наибольшие изменения фонема /č/ претерпела в отдельных периферийно-южных говорах и бесермянском наречии (см. подробнее [Кельмаков 1993б: 39—41; 2006: 86—91]). В северных, центрально-южных и частично в срединных говорах произошла деаффрикатизация /č/ «а» в позиции третьего звука при анлаутном č-: праудм. *čeč > сев., южн. **чош** ‘вместе, совместно’; б) в сочетаниях с постпозитивными согласными: праудм. *bĭčka(l)- > сев., южн. **бышка-**, **бъшка-** ‘колоть’ (...)» [Кельмаков 1993б: 40].

Данный процесс отражает нестандартное соответствие, выявленное в [Житии]. Однако, как видим, в памятнике представлены более архаичные формы. Данные словаря [Wichmann 1987] также свидетельствуют о том, что эта аффриката в конце XIX в. была представлена в выявленных лексемах в большинстве удмуртских диалектов. О сохранении /č/ в указанных позициях в отдельных южноудмуртских говорах свидетельствуют и материалы современных диалектологов [Атаманов 1981: 50; Кельмаков 1977: 37].

Таблица 14. Соответствия согласной /č/

согласная памятника		анлаут /č/	инлаут /č/	
	литер.	/č/	/č/	/š/ (2)
СООТВЕТСТВИЯ	по [Wichmann 1987]	G tš B tš S tš M tš J tš JI tš MU tš U tš	G tš S tš M tš J tš MU tš U tš, tš ~ š	G tš (2) M tš (2) J tš (1), š (1) MU tš (1) U š (2)
	по аудиословарям	бавлПУ. <i>f</i> бесВ. <i>te</i> средВ. <i>f</i> счК. <i>f</i> южВБ. <i>f</i>	бавлПУ. <i>f</i> бесВ. <i>f, te</i> средВ. <i>f, te</i> счК. <i>f</i> южВБ. <i>f</i>	

Употребление согласной /č/

1. В анлауте:

а) /č/ в соответствии с литер. /č'/:

чабей 'пшеницу' ACC — литер. **чабей**; ср. *t'sabej* (G, B), *t'sabej* (S, M, J, MU), *t'sabej* (U) 'пшеница' [Wichmann 1987: 277];

чаль 'быстро, скоро' — литер. **чаль**; ср. *t'sal'* (G, U), *t'sal'* (S, M, J, MU) 'быстро' [Wichmann 1987: 279]; средВ., южВБ. *teal'ák* 'быстро';

чорыг 'рыба' — литер. **чорыг** (также и в одной форме этого слова); ср. *t'sorīg* (G, U), *t'sorīg* (S, M, J, MU) 'рыба' [Wichmann 1987: 287] и др.

б) /č/ в соответствии с литер. /č'/:

чогыса 'отрубив' — литер. **чогыса**; ср. *tšogī-* (B), *tšoginj* (S, JI, MU), *tšognj* (M), *tšogīnī* (U) 'зарубить, подсесть, подрубить' [Wichmann 1987: 275]; иж. *тшегыр* 'мосол, мослак'; вв. *тшегыр* 'крупная кость', 'ломоть (напр. хлеба)', уд. *тшегравны* 'щипать, ушипнуть кого-л., что-л.' [КЭСКЯ 1979: 290];

чоже 'в течение' — литер. **чоже**; ср. *tšož* (G, MU, U), *t'ož* (B) 'определенное время' [Wichmann 1987: 276]; бавлПУ., бесВ., средВ. *težé*, счК., южВБ. *fžé* 'за, в течение, в продолжение'; коми литер. *чөж*, иж., лет., уд. *тиож* 'в течение, в продолжение' [КЭСКЯ 1979: 310];

чошен (ср. **чошен**) 'вместе' — литер. **чошен**; ср. *tšoš* (G, S, M, J, MU, U), *tšoš* (J), *t'oš* (B) 'вместе' [Wichmann 1987: 275]; коми литер. *тиошти* 'вместе, совместно; сразу, одновременно' [КЭСКЯ 1979: 290];

чукна 'утром' — литер. **чукна** (ср. **чукна** 'утренний'); ср. *tšukna* (G, B, S, M, J, MU, U), *t'sukna* (B), *tšug'na*, *tšuk'na* (MU) 'утром' [Wichmann 1987: 276].

2. В инлауте:

/č/ в соответствии с литер. /č'/:

ачиз 'сам' — литер. **ачиз**; ср. *ač'siz* (G, B, U), *ač'siz* (G), *so ač'siz* (U), *ač'siz* (M, J, MU), *ač'siz* (J, MU), *so ač'siz* (MU), *ašsez* (< **ač'sizez*) (MU) 'он сам' [Wichmann 1987: 10];

ляльчизэ 'его слугу' POSS.3SG-ACC — литер. **ляльчизэ**; ср. *l'al't'si* (S, M, J), *l'aič't'si* (J), *d'žal't'si* (MU), *d'al't'si* (U) 'поденщик, работник' [Wichmann 1987: 150];

ничу 'маленький' — литер. **ничу**; ср. *pič't'si* (M, J, MU), *pič't'si* (U), *peč't'si*, *pīč't'si* (G), *poč't'si* (G, B) 'маленький; молодой' [Wichmann 1987: 198] и др.

3. В ауслaute:

/č'/ в соответствии с литер. /č'/:

зеч 'хороший, благой' — литер. зеч; ср. *d'zet's* (G), *d'zēs*, *d'es* (B), *d'zet's* (G), *d'zet's* (S), *d'zet's* (M, J, MU), *d'zēs* (J), *d'jet's* (U) 'хороший, добрый' [Wichmann 1987: 47]; бесВ. *čzεε*, счК. *čzεε* 'хороший, добрый'.

Таблица 15. Соответствия согласной /č'/

согласная памятника		анлаут /č'/		инлаут /č'/	ауслaut /č'/
	литер.	/č'/	/č'/ (4)	/č'/	/č'/
СООТВЕТСТВИЯ	по [Wichmann 1987]	G <i>t's</i> B <i>t's</i> S <i>t's</i> M <i>t's</i> J <i>t's</i> MU <i>t's</i> U <i>t's</i>	G <i>tš</i> (3) B S <i>t'</i> (2), <i>tš</i> (1), <i>tš</i> ~ <i>t's</i> (1) S <i>tš</i> (3) M <i>tš</i> (3) J <i>tš</i> (2) Л <i>tš</i> (1) MU <i>tš</i> (4) U <i>tš</i> (4)	G <i>t's</i> B <i>t's</i> S <i>t's</i> M <i>t's</i> J <i>t's</i> MU <i>t's</i> U <i>t's</i>	G <i>t's</i> B <i>s</i> ~ <i>s</i> S <i>t's</i> M <i>t's</i> J <i>t's</i> ~ <i>s</i> MU <i>t's</i> U <i>t's</i>
	по аудиословарям	средВ. <i>te</i> южВБ. <i>te</i>	бавлПУ. <i>te</i> (1) бесВ. <i>te</i> (1) средВ. <i>te</i> (1) счК. <i>f</i> (1) южВБ. <i>f</i> (1)		

Объяснить употребление в памятнике /č'/ в соответствии с литературной /č'/ в данном случае весьма непросто. В словарях [Wichmann 1987] и [КЭСЯ 1970] в выявленных лексемах практически повсеместно зафиксирована фонема /č/. К тому же в двух случаях из четырех в [Житии] видим параллельное употребление форм (*чошен* ~ *чошен*, *чукна* ~ *чукна*), хотя вариант *чошен* встречается в памятнике в трех предложениях, а *чошен* — только в одном, формы *чукна* и *чукна* также встречается по одному разу. Однако стоит отметить, что в современных удмуртских диалектах подобное фонетическое явление встречается. Так, В. К. Кельмаков отмечает, что анлаутные /č/ и /ž/ в позиции перед *-Vš(-)/-Vž(-)* в татышлинском и спорадически в кукморском заменились палатальными аффрикатами /č'/ и /ž'/, а для красноуфимского и отдельных бесермянских говоров эта особенность характерна и при отсутствии указанного условия [Кельмаков 2006: 88—89]. В редких случаях данное явление встречается в срединных говорах [Загуляева 1981б: 103—104; Тепляшина 1973: 202—203], а переход /č/ > /č'/ в ряде слов отмечен и в граховском говоре центрально-южного диалекта [Атаманов 1981: 51]. В связи с этим, на наш взгляд, вероятность фонетического явления инновационного характера, заключающегося в переходе первоначальной /č/ в /č'/, в данном случае все же не исключена.

Также в памятнике наблюдается стяжение сочетания типа *-pCC-* в *-pC-*:

лыбыртыны 'поклониться' — литер. *йыбыртыны*; *йыбыртыса* 'поклонившись' — литер. *йыбыртыса*; ср. *jībīrtīnī* (G, B), *d'jīrtīnī* (MU), *d'jīrtīnī* (U); *jībirtīnī* (S, M, J), *jūbirtīnī* (J) 'поклониться, молиться' [Wichmann 1987: 77];

кускертон 'пояс' — литер. *кускертон*; ср. *kertīnī* (MU), *kertīnī* (G, U), *kertīnī* (M, J) 'завязать, вязать' [Wichmann 1987: 99—100];

сэртмыса 'разобрав' — литер. *сэртмыса*; ср. *sertī-* (G), *sertīnī* (M, J), *sertī-* (MU), *sertīnī* (U) 'развязать' [Wichmann 1987: 220];

туртэ 'намеревается' PRS.3SG — литер. *туртэ*, *турты* 'старайся' IMP.2SG — литер. *туртты*; *туртса* 'намереваясь' — литер. *турттыса*; ср. *turtīnī*, *tirtīnī* (MU), *turtīnī* (M, J), *turtī-* (J), *tirtīnī* (MU), *tirtīnī* (U) 'хотеть, желать; собираться, намереваться' [Wichmann 1987: 269].

Но: *юрттыськыса* 'помогая' — литер. *юрттыськыса*; ср. *jurttīnī* (G), *jurtt-* (B), *d'urtīnī* (MU); *jurttīnī* (G), *jurttīnī* (S, M) 'помогать' [Wichmann 1987: 84].

Подобное упрощение сочетания согласных в инлауте встречается в кукморском и шошминском говорах периферийно-южного диалекта и в бесермянском наречии [Кельмаков 2006: 108]. Для абсолютного большинства удмуртских диалектов данное явление не характерно. К тому же, как замечает В. К. Кельмаков, «во многих памятниках письменности оно (почти регулярно!) встречается по крайней мере с 1775 г., хотя не все они созданы на той территории, где распространены говоры с *-pC-*» [Кельмаков 2016: 64]. Поэтому, вероятно, в данном случае в памятнике отражена письменная традиция, а не диалектная черта памятника.

4. Заключение

В целом, в книге «Житие Св. Феодора» (1913), по сравнению с более ранними переводными памятниками, представлена довольно четкая графическая и орфографическая система, выработаны определенные нормы правописания различных частей речи; хотя встречаются еще отдельные слова с двойным написанием, но они единичны. Что касается фонетических особенностей, как видим, большинство нестандартных соответствий памятника подтверждаются лишь одним-двумя примерами. Возможно, в какой-то мере это связано с относительно небольшим объемом текста (17 страниц). Регулярными в предыдущих работах мы считали соответствия, подтвержденные тремя и более лексемами. Однако в сложившейся ситуации в данном случае к таковым мы отнесем и нестандартные соответствия с двумя примерами, но при условии наличия соответствующих форм в словаре [Wichmann 1987] и в современных диалектах.

Итак, на основе анализа вокалической и консонантной систем «Жития Св. Феодора», учитывая выявленные регулярные соответствия, мы можем выделить ряд фонетических особенностей архаичного и инновационного характера, посредством которых язык памятника отличается от современного литературного языка и ряда удмуртских диалектов. Архаичными по своему происхождению являются:

- 1) употребление /i/ в соответствии с литер. /u/;
- 2) употребление в инлауте /č/ в соответствии с литер. /š/ перед согласным.

К инновационным особенностям относятся:

- 1) употребление /j/ в соответствии с литер. /i/ в соседстве с палатальными согласными;
- 2) выпадение гласной /j/ в ряде лексем;
- 3) употребление в анлауте /l/ в соответствии с литер. /j/ в позиции перед -V $k(-)$ -V $g(-)$;
- 4) употребление /n/ в соответствии с литер. /n/ после *i*;
- 5) употребление в анлауте /č/ в соответствии с литер. /č/.

Все выявленные особенности, за исключением употребления /i/ в соответствии с литер. /u/¹⁵, в разной степени представлены в современном центрально-южном диалекте, что свидетельствует о том, что данная книга, как и указано на обложке, издана «на вотскомъ языкѣ елабужскаго нарѣчія». Однако определить более точно, какой из центрально-южных говоров лежит в основе данного памятника, опираясь на современные диалектные материалы, сложно; поскольку говоры данного ареала на сегодняшний день описаны, к сожалению, довольно плохо. Хотя, учитывая исторические данные, можно предположить, что в основе данного перевода «Жития Св. Феодора», вероятно, лежит можгинский говор центрально-южного диалекта. На такую мысль наводит следующий факт. На задней стороне обложки написано: «Сія книжка издана на средства священника села Малой Валажикъи о. Стефана Ефимова». Данное село Малая Воложикья, а также еще 15 сел (Александровское, Алнаши, Биляр, Больше-Пудгинское, Варзиатчи, Ермолаево (Троицкое), Кырынды, Можга, Мушак, Поршур-Какси, Пужеуча, Русский Пычас, Троицкое (Кибья), Чекалда, Шаршад), согласно [Вятская епархия], в 1912 г. входили в состав 3-го благочиннического округа Елабужского уезда, Переводческой комиссией которого, как мы указали в начале статьи, было подготовлено данное издание. Все эти населенные пункты существуют по сей день: большинство из них, а именно восемь сел из тринадцати, в которых проживали удмурты¹⁶, расположены на современной территории Можгинского района УР, два в Алнашском районе УР, два в Агрызском районе РТ и одно в Киясовском районе УР. В связи с этим, на наш взгляд, в основе «Жития Св. Феодора» вполне может лежать современный можгинский говор, хотя для более точной локализации памятника, конечно, необходимо тщательно изучить говоры этой территории и сопоставить их с данными переводного источника.

Сокращения

Языки и диалекты

- бавлПУ. — говор с. Покровский Урустамак (бавлинский говор периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка)
 бесВ. — говор д. Ворца (бесермянское наречие удмуртского языка)
 праудм. — праудмуртский
 ПУдм — праудмуртский

¹⁵ Данная особенность архаичного характера, как было указано выше, на сегодняшний день представлена еще лишь в отдельных периферийно-южных говорах.

¹⁶ В селах Мушак, Пужеуча, Чекалда вотяков не было.

рус. — русский
 сев. — северное наречие
 счК. — говор д. Кабаково (среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка)
 средВ. — говор д. Вылынгурт (срединный говор удмуртского языка)
 южн. — южное наречие
 южВБ. — говор с. Варклет-Бодья (центрально-южный диалект южного наречия удмуртского языка)

диалекты по [Wichmann 1987]:

В — бесермянский диалект	М — малмыжский диалект
G — глазовский диалект	MU — малмыжско-уржумский диалект
J — елабужский диалект	S — сарапульский диалект
П — елабужский диалект по рукописному словарю В. Ислентьева	SI — слободской диалект
КА — казанский диалект по записям Т. Г. Аминоффа	U — уфимский диалект

языки и диалекты по [КЭСНЯ 1970]:

коми-зырянские диалекты:

иж. — ижемский диалект
 вс. — верхнесысольский диалект
 вв. — верхневичегодский диалект
 вым. — вымский диалект
 лет. — летский диалект
 уд. — удорский диалект
 к.-я. — коми-язьвинский диалект

Г л о с с ы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	IMP — повелительное наклонение
1PST — первое (очевидное) прошедшее время	INE — инессив
2PST — второе (неочевидное) прошедшее время	INS — инструменталис
ABL — аблатив	NEG — отрицательный глагол
ACC — аккузатив	OBL — косвенная форма
CONV — деепричастие	PART — частица
DAT — датив	PL — множественное число
EGR — эгрессив	POSS — посессивный показатель
ELA — элатив	PROL — пролатив
FUT — будущее время	PRS — настоящее время
GEN — генитив	PTCP.PASS — пассивное причастие
ILL — иллатив	REFL — рефлексив
	SG — единственное число

О б щ и е

диал. — диалект, диалектный	разг. — разговорное слово или выражение
литер. — литературная форма, литературный язык	С — согласный
	V — гласный

Л и т е р а т у р а

Архипов 1962 — *Архипов Г. А.* Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 117: Труды по филологии 1. Тарту, 1962. С. 189—206. {*Arhipov G. A. Some Phonetic Questions of the Middle-Southern Udmurt Dialect // Scientific Notes of the Tartu State University. Issue 117: Proceedings on Philology 1. Tartu, 1962. P. 189—206.*}

Архипов 1981 — *Архипов Г. А.* Среднеюринский говор I // Материалы по удмуртской диалектологии. Ижевск, 1981. С. 5—44. {*Arhipov G. A. Middle-Yuri dialect I // Materials on Udmurt Dialectology: Speech Samples. Izhevsk, 1981. P. 5—44.*}

Атаманов 1981 — *Атаманов М. Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // *Материалы по удмуртской диалектологии.* Ижевск, 1981. С. 45—96. {*Arkhipov G. A. Grakhov Dialects of the South Udmurt Dialect // Materials on Udmurt Dialectology: Speech Samples.* Izhevsk, 1981. P. 45—96.}

Безенова 2014 — *Безенова М. П.* Удмуртский вокализм первого слога в историческом аспекте (на материале памятников письменности и современных диалектов). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. {*Bezenova M. P. Udmurt Vocalism of the First Vowel in Historical Aspect (on the Materials of Written Monuments and Modern Dialects).* PhD thesis. Moscow, 2014.}

Безенова 2015 — *Безенова М. П.* Удмуртский вокализм первого слога в историческом аспекте (на материале памятников письменности и современных диалектов). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. {*Bezenova M. P. Udmurt Vocalism of the First Vowel in Historical Aspect (on the Materials of Written Monuments and Modern Dialects).* Summary of a PhD thesis. Moscow, 2015.}

Безенова 2016а — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кылъёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кылъёсыз»): графические и вокалические особенности // *Урало-алтайские исследования.* 2016, 1 (20). С. 7—40. {*Bezenova M. P. The Udmurt Written Monument “Christian Admonition of St. Tikhon in the Votyak Language” (1891): Graphical and Vocalic Features // Ural-Altai Studies.* 2016, 1 (20). P. 7—40.}

Безенова 2016б — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кылъёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кылъёсыз»): особенности консонантизма // *Урало-алтайские исследования.* 2016, 3 (22). С. 46—63. {*Bezenova M. P. The Udmurt Written Monument “Christian Admonition of St. Tikhon in the Votyak Language” (1891): Consonant Features // Ural-Altai Studies.* 2016, 3 (22). P. 46—63.}

Безенова 2017 — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кылъёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кылъёсыз»): именная морфология // *Урало-алтайские исследования.* 2017, 2 (25). С. 7—24. {*Bezenova M. P. “Christian Admonition of St. Tikhon in the Votyak Language” (1891): Nominal Morphology // Ural-Altai Studies.* 2017, 2 (25). P. 7—24.}

Безенова 2018 — *Безенова М. П.* «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кылъёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кылъёсыз»): глагольная морфология // *Урало-алтайские исследования.* 2018, 1 (28). С. 7—22. {*Bezenova M. P. The “Christian Admonition of St. Tikhon in the Votyak Language” (1891): Verbal Morphology // Ural-Altai Studies.* 2018, 1 (28). P. 7—22.}

Безенова 2020а — *Безенова М. П.* К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология // *Урало-алтайские исследования.* 2020, 1 (36). С. 53—70. {*Bezenova M. P. The Peculiarities of the Translation of “God’s Law” (1912) into Udmurt: Noun Morphology // Ural-Altai Studies.* 2020, 1 (36). P. 53—70.}

Безенова 2020б — *Безенова М. П.* К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: глагольная морфология // *Урало-алтайские исследования.* 2020, 3 (38). С. 19—32. {*Bezenova M. P. The Peculiarities of the Translation of “God’s Law” (1912) into Udmurt: Verbal Morphology // Ural-Altai Studies.* 2020, 3 (38), P. 19—32.}

Безенова, Иткин, Переверзева 2019 — *Безенова М. П., Иткин И. Б., Переверзева С. И.* Еще раз об отражении йотированных гласных в удмуртском памятнике «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» // *Урало-алтайские исследования.* 2019, 4 (35). С. 7—17. {*Bezenova M. P., Itkin I. B., Pereverzeva S. I. Reflection of Iotated Vowels in the Udmurt Monument “Christian Admonition of Saint Tikhon in the Votyak Language” Revisited // Ural-Altai Studies.* 2019, 4 (35). P. 7—17.}

Безенова, Кондратьева 2019 — *Безенова М. П., Кондратьева Н. В.* К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: графика, орфография, фонетика // *Урало-алтайские исследования.* 2019, 3 (34). С. 7—52. {*Bezenova M. P., Kondratieva N. V. The Peculiarities of the Translation of “God’s Law” (1912) into Udmurt: Graphics, Spelling and Phonetics // Ural-Altai Studies.* 2019, 3 (34). P. 7—52.}

Букварь 1882 — Букварь для вотяцких дѣтей Сарапульскаго уѣзда. Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. Казань: Типо-литографія В. М. Ключникова, 1882. 22 с. {*An ABC-book for the Votyak Children of the Sarapul District. Published by the Orthodox Missionary Society. Kazan: Typo-lithograph by V. M. Klyuchnikov, 1882. 22 p.*}

Вятская епархия — Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание (с картой Вятской губернии). Вятка, 1912 // <https://rodnaya-vyatka.ru/churches/ve1912/blag/44>. {*Vyatka Diocese. Historical, Geographical and Statistical Description (with a Map of the Vyatka province). Vyatka, 1912 // https://rodnaya-vyatka.ru/churches/ve1912/blag/44.*}

Житие — Святой Феодорлэн улэмез. Житіе Св. Феодора: На вотскомъ языкѣ елабужскаго нарѣчія. Первое изданіе Переводческой Комиссіи 3-го благочинническаго округа, Елабужскаго уѣзда, Вятской Епархіи. Казань: Центральная типографія, 1913. 19 с. {*Life of St. Theodore: In the Elabuga dialect of the Votyak Language. The first edition of the Translation Commission of the 3rd Deanery District, Elabuga District, Vyatka Eparchy. Kazan: Central Printing House, 1913. 19 p.*}

Загуляева 1981а — *Загуляева Б. Ш.* Говоры дд. Муважи и Чумали // *Материалы по удмуртской диалектологии.* Ижевск, 1981. С. 126—136. {*Zagulyaeva B. Sh. Dialects of Muvazhi and Chumali villages // Materials on Udmurt Dialectology: Speech Samples.* Izhevsk, 1981. P. 126—136.}

Загуляева 1981б — *Загуляева Б. Ш.* Прикильмезские говоры // Материалы по удмуртской диалектологии. Ижевск, 1981. С. 103—125. {*Zagulyaeva B. Sh.* Prikilmez dialects // Materials on Udmurt Dialectology: Speech Samples. Izhevsk, 1981. P. 103—125.}

Загуляева 1982 — *Загуляева Б. Ш.* Говоры удмуртов Кизнерского района // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 5—27. {*Zagulyaeva B. Sh.* Dialects of the Kizner District Udmurts // Speech Samples of the Udmurt Language. Izhevsk, 1982. P. 5—27.}

Камитова 2018 — *Камитова А. В.* Памятники агиографической словесности на удмуртском языке // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 1. С. 28—36. {*Kamitova A. V.* Monuments of Hagiographic Literature in the Udmurt Language // Bulletin of Ugric Studies. 2018. Vol. 8. No. 1. P. 28—36.}

Кельмаков 1970 — *Кельмаков В. К.* Кукморский диалект удмуртского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1970. {*Kelmakov V. K.* Kukmor Dialect of the Udmurt Language: Summary of a PhD thesis. Moscow, 1970.}

Кельмаков 1977 — *Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии, 1977. С. 26—61. {*Kelmakov V. K.* Brief description of the Kyrykmas dialects of the Southern Udmurt dialect I // Questions of the Udmurt dialectology: Collection of Papers and Materials. Izhevsk, 1977. P. 65—85.}

Кельмаков 1987 — *Кельмаков В. К.* Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах // Советское финно-угроведение. 1987, XXIII. С. 34—44. {*Kelmakov V. K.* Proto-Permian Affricates in Modern Udmurt Dialects // Soviet Finno-Ugric Studies. 1987, XXIII. P. 34—44.}

Кельмаков 1993а — *Кельмаков В. К.* Удмуртский язык // Языки мира: Уральские языки. Москва, 1993. С. 239—255. {*Kelmakov V. K.* The Udmurt Language // Languages of the World: Ural Languages. Moscow, 1993. P. 239—255.}

Кельмаков 1993б — *Кельмаков В. К.* Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993. {*Kelmakov V. K.* Formation and Development of Phonetics of the Udmurt Dialects. Izhevsk, 1993.}

Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. {*Kelmakov V. K.* Short Course of Udmurt Dialectology: Textbook for Higher Educational Institutions. 2nd ed. Izhevsk, 2006.}

Кельмаков 2016 — *Кельмаков В. К.* Отзыв о статье М. П. Безеновой «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»): особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2016, 3 (22). С. 64—67. {*Kelmakov V. K.* Review of the Article by M. P. Bezenova “The Udmurt Written Monument “Christian Admonition of St. Tikhon in the Votyak Language” (1891): Consonant Features” // Ural-Altaic Studies. 2016, 3 (22). P. 64—67.}

Корепанова 2011 — *Корепанова Д. Е.* Православная религиозная миссия среди удмуртов в XIX в. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. 2011, 3 (13). С. 66—96. {*Korepanova D. E.* The Orthodox Religious Mission Amongst the Udmurts in the 19th Century // Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction. 2011, 3 (13). P. 66—96.}

КЭСЯ 1970 — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {*Lytkin V. I., Gulyaev E. S.* Brief Etymological Dictionary of the Komi Language. M., 1970.}

Люкина 2009 — *Люкина Н. М.* Жувамский диалект удмуртского языка // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск, 2009. С. 234—238. {*Lyukina N. M.* Zhuvam Dialect of the Udmurt Language // Permistika 10: Questions of Perm and Finno-Ugric Philology. P. 234—238.}

Насибуллин 1981 — *Насибуллин Р. Ш.* Диалекты Закамья и Урала I // Материалы по удмуртской диалектологии. Ижевск, 1981. С. 149—180. {*Nasibullin R. Sh.* Dialects of the Trans-Kama and Ural I // Materials on Udmurt Dialectology: Speech Samples. Izhevsk, 1981. P. 149—180.}

Тараканов 1958 — *Тараканов И. В.* Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных). Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1958. {*Tarakanov I. V.* Phonetical specifics of the Bavlin dialect of the Udmurt language (in light of experimental data). PhD thesis. Tartu, 1958.}

Тепляшина 1970 — *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. М., 1970. {*Tepliashina T. I.* Beserman Language. Moscow, 1970.}

Тепляшина 1973 — *Тепляшина Т. И.* Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2. Ижевск, 1973. С. 196—223. {*Tepliashina T. I.* Notes on the Upper-Izh Udmurt Dialects // Questions of Udmurt Linguistics. Issue 2. Izhevsk, 1973. P. 196—223.}

Csúcs 2005 — *Csúcs S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.

Wichmann 1987 — *Wichmann Y.* Wotjakischer Wortschatz / Aufgezeichnet *Wichmann Y.* Bearb. *Uotila T. E., Korhonen M.* Hrsg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI.)

**«Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края»
за 1887 свт. Макария (Невского):
именная и местоименная морфология**

Ковылин Сергей Васильевич,
лаборатория «Лингвистические платформы», Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва),
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томский государственный педагогический университет,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет; kovylin.ser@yandex.ru

Данная статья посвящена описанию и анализу именной и местоименной морфологии одного из первых памятников селькупской письменности на нарымском диалекте. Памятник анализируется впервые. Он содержит важную информацию по морфологии за конец XIX в., записанную свт. Макарием (Невским). В работе приводятся сведения о первой поездке свт. Макария к селькупам и о содержании записанного им памятника.

В рамках морфологии имени существительного обсуждаются категории числа, падежа, посессивности и образование имен существительных. В местоименной морфологии также обсуждаются категории числа, падежа, посессивности и анализируются личные, вопросительные, возвратно-личные и указательные местоимения, а также наречия, прилагательные и числительные от местоименных основ. Для сопоставления данных памятника и выделения его особых черт привлечены материалы из северных, центральных и южных диалектов селькупского языка, а также данные в диахронии по нарымскому диалекту.

Ключевые слова: селькупский язык, существительное, местоимение, морфология

**«MATERIALS FOR ACQUAINTANCE WITH THE OSTYAK DIALECT OF THE NARYM KRAI»
FOR 1887 OF MAKARY (NEVSKY): NOMINAL AND PRONOMINAL MORPHOLOGY**

Sergei V. Kovylin, Laboratory «Linguistic Platforms» Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow),
National Research Tomsk State University, Tomsk State Pedagogical University,
National Research Tomsk Polytechnic University; kovylin.ser@yandex.ru

This paper is devoted to the description and analysis of the nominal and pronominal morphology of one of the first Selkup written monuments in the Narym dialect. The monument is analyzed for the first time and contains important information on the morphology of the end of 19th c., recorded by Makary (Nevsky). The paper provides information about the first trip of St. Makary to the Selkups and the content of the monument he wrote down.

The categories of number, case and possession as well as the formation of nouns are discussed in the noun morphology. The same categories are also discussed in the pronominal morphology while analyzing personal, interrogative, reflexive-personal and demonstrative pronouns as well as adverbs, adjectives and numerals based on pronominal stems. Materials from northern, central and southern dialects are also used, as well as the diachronic content on the Narym dialect to compare the data of the monument and highlight special features.

Keywords: Selkup language, noun, pronoun, morphology

1. Введение

Данная работа посвящена описанию одного из первых памятников²¹ селькупской письменности, представленных центральным диалектным ареалом. Материал обсуждается впервые. Целями исследования являются: 1) формальное описание идиома памятника; 2) сопоставление идиома с другими селькупскими материалами для выявления его особенностей.

Графика оригинальных селькупских записей приблизительная, присутствуют многочисленные неточности переводов, вызывающие вопросы, или опечатки в словах. Часть переводов отсутствует, но практически всё легко восстанавливается из контекста. Представленность части словоформ изолированным словником либо недостаточность контекстной информации иногда вызывает проблемы с точным толкованием селькупских записей. Несколько мест не удалось расшифровать. В целом, однако, качество записей и переводов позволяют провести их последовательный анализ. К неоднозначным местам даются комментарии в тексте либо в виде подстрочных ссылок.

При написании статьи особое внимание уделялось анализу материала, представленному в морфологиях по центральным, южным [Беккер и др. 1995а, 1995б] и северным [Прокофьев 1935; Кузнецова и др. 1980] диалектам селькупского языка, а также в словарях: в «Селькупско-русском диалектном словаре» [Быконя и др. 2005], в «Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo» [Alatalo 2004], в «Северноселькупском словаре» [Хелимский 2007] и в «Диалектологическом словаре селькупского языка (северное наречие)» [Казакевич, Будянская 2010].

В нашем исследовании в качестве основной используется классификация селькупских диалектов Т. Янурика [Janurik 1978], который выделяет три диалектные группы — северную, центральную и южную (классификация дополнена С. В. Глушковым, А. В. Байдак и Н. П. Максимовой [Глушков и др. 2013: 49—54]).

Северная группа включает следующие диалекты: 1) тазовский; 2) ларьякский (верхнетолькинский); 3) карасинский; 4) туруханский; 5) баихинский (баишенский); 6) елогуйский. Этнонимическое название данной части селькупов — селькуп.

Центральная группа²² включает следующие диалекты: 1) ваховский — р. Вах и, вероятно, Обь между устьями Ваха и Тыма, поселки: Тобольжино, Пирчино (на Оби); 2) тымский — р. Тым, поселки Нюльядрово, Ванджилынак, Лымбелькарамо, Пылькарамо, Компас, Кананак, Напас, Кочьядро, Варгананджино, Кулеево, Нёготка, Назино, Усть-Тым, Колгуяк, Козыльцево; 3) Васюганский — р. Васюган, поселки Каргасок, Ново-Югино, Старо-Югино, Маргино, Наунак, Усть-Чижапка; р. Чижапка, поселки: Невалькынак, Тэделькынак, Вольджа; 4) нарымский — р. Обь, поселки Тебинак, Пыжино, Нарым, Тюхтерево, Ласкино, Басмасово, Парабель, Мумышево, Невальцево, Сагандуково; р. Чузик, поселки Горелый Яр, Пудино; р. Кёнга, поселок Кёнга; р. Парабель, поселки Нельмач, Соиспаево. Этнонимическое название данной части селькупов — чумьлькуп.

Южная группа включает следующие диалекты: 1) среднеобской; 2) чаинский; 3) кетский; 4) верхнеобской; 5) чулымский. Этнонимическое название данной части селькупов — шёшкум и шёшкуп, туюк, сюсыкум (сюсокойкум).

В тексте также используется дополнительная классификация, в соответствии с которой выделяются следующие диалекты: 1) тымский (тымские, высюганские и чижапские чумьлькупы); 2) обской диалект от Нарыма до Колпашево (среднеобские говоры чумьлькупов, среднеобские говоры шешкупов, верхнеобские говоры сюсюкумов выше Колпашево); 3) кетский диалект (кетские сюсюкумы) [Беккер и др. 1995а: 23].

Две представленные классификации принципиально совместимы и используются нами, т. к. большое количество исследований было проведено с их использованием.

2. О первой поездке свт. Макария к селькупам и о содержании записанного им памятника

Предпосылками к изучению народов и языков Нарымского края свт. Макарием могли послужить следующие факторы: 1) переводы Н. П. Григоровского на остяко-самоедский язык — обской диалект селькупского языка, и дальнейшая их публикация в 1879 г.; 2) включение в программу восстановленной в 1884 г. в Казанской духовной академии изучения языков и этнографии народов Сибири, включая остя-

²¹ Глоссированный корпус памятника размещен на платформе LingvoDoc и доступен по ссылке: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3602/88874/perspective/3602/88878/view>.

²² Центральная группа представлена подробно, так как диалект текстов свт. Макария входит именно в нее.

ков; 3) возглавление в начале 1880-х гг. Томской епархии свт. Макарием (Невским) и другими алтайскими миссионерами, после чего был поставлен вопрос о распространении деятельности алтайской миссии на всю Томскую епархию [Фендель 2014: 102—103].

В 1887²³ г. свт. Макарий совершил свою первую поездку к коренным народам Нарымского края [ОАКМ 1888: 15—16]. В г. Нарыме им были взяты два крещеных инородца, знающих русский язык, от которых по пути в Томск были записаны сведения «о быте, обычаях и наречии туземных остяков» [там же]. Нам не известны ни имена данных информантов, ни какая-либо социологическая информация, кроме той, что они являются нарымскими селькупками. Лингвистические данные также четко классифицируют их как представителей нарымского диалекта селькупского языка.

Этот материал опубликован в приложении № 7 к отчету об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. под заголовком «Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края» [Приложение 7-е 1888] и сопровождается многочисленными комментариями автора. Памятник объемом в 15 страниц включает в себя 814 селькупских словоформ и может быть условно разделен на 11 частей.

1) Условное введение начинается со слов о знакомстве автора с тюркскими языками (дословно: тюркскими наречиями) и о принадлежности рассматриваемого языка к уральской языковой семье (дословно: о принадлежности остяцкого наречия к числу поднаречий финского племени (финны, черемисы, венгры)).

2) Счет у остяков.

3) Склонения существительных по падежам.

4) Местоимение:

4.1) Склонение по падежам личных местоимений.

4.2) Разные роды местоимений.

5) Глагол:

5.1) Неопределенное наклонение.

5.2) Изъявительное наклонение: 1) примеры спряжения в настоящем времени; 2) в будущем определенном или совершенном времени; 3) в будущем неопределенном времени; 4) в прошедшем времени.

5.3) Повелительное наклонение и пригласительная форма: примеры спряжения.

5.4) Причастие: 1) причастие прошедшее действительного залога; 2) причастие страдательного залога; 3) причастие настоящего времени.

6) Предлоги.

7) Наречия.

8) Отрицательные частицы.

9) Краткий словарь.

9.1) Части тела.

9.2) Проявление душевных способностей и внешних чувств.

9.3) Фразы.

9.4) Слова и выражения для символа веры.

9.5) Шаманство.

10) Молитвы (данный раздел помещен внутри словаря).

11) Дополнение к спряжениям:

11.1) Причастия (данный раздел почти полностью повторяет раздел 5.4 «Причастие» с небольшими изменениями в последовательности и с дополнениями).

11.2) Зависимые предложения²⁴.

11.3) Прилагательные.

Способ подачи материала в представленной работе и оригинале памятника отличается. Чтобы систематизировать все имеющиеся данные, были отдельно выделены такие разделы, значимые для этой статьи, как существительное и местоимение, с привлечением данных со всего памятника.

3. Диалектологические критерии

Далее представлен набор критериев, значимых в плане выявления специфики материалов идиомы, записанного свт. Макарием, которые демонстрируют распределение признаков, свойственных северным, центральным и южным диалектам селькупского языка за XIX в. и ранее [Хелимский 1985]. Важно под-

²³ После пребывания в августе 1887 г. в Минусинском крае свт. Макарий отправился в Красноярск, затем в Томск. Дождавшись там викария Томской епархии Вениамина, свт. Макарий направился вместе с ним в Нарым [ОАКМ 1888: 15—17].

²⁴ В оригинале — «Зависящие предложения».

черкнуть, что в статье представлены только те признаки, которые отражены в анализе обсуждаемой морфологии.

1) Распределение носовых и смычных в ауслауте: Юж. *-m, -n, -ŋ*; Центр. *-p, -t, -k*; Сев. *-m/-p (~∅), -n/-t (~∅), -ŋ/-k (~∅)*.

2) Переход **šʲ > s*: Сев., Центр. *šʲ*; Юж. *s*.

3) Отличительной чертой нарымского диалекта является развитие **s > h, χ*- и **ps > f*. На материале источников XVIII в. это развитие прослеживается еще крайне нерегулярно, но спустя столетие нарымский диалект характеризовался уже вполне последовательным употреблением *h, f* вместо **s, *ps* (записи М. А. Кастрена).

4) Сомнения вызывает использование в качестве диалектологического критерия соответствия Юж. *-j*; Центр. *-l/-lʲ*, Сев. *-lʲ*. В обском диалекте²⁵ чередование *-j* и *-l/-lʲ* представлено по крайней мере на уровне морфонологии, в том числе на стыках слов.

4. Существительное

В морфологии имени существительного обсуждаются категории числа, падежа, посессивности и образование имен существительных.

4.1. Категория числа

В морфологии имени существительного зафиксировано использование единственного числа, которое не маркируется, и множественного числа, имеющего показатель *-m*. Обнаружено всего два примера существительных во множественном числе.

Ку-т — человек-PL ‘домашние люди’

Кали-та-т — подмышка-?-PL ‘подмышки’

Рассмотрим таблицу 1 показателей множественного числа по диалектам на основе сопоставительной таблицы В. В. Быкони и материалов XIX в. Н. П. Григоровского и свт. Макария [Григоровский 1879; Приложение 7-е 1888; Макарий 1900; Быконя и др. 2005]. В северном (тазовском) и центральных диалектах (тымском диалекте чумылькупов на Тyme и Васюгане) используется показатель множественного числа *-t(V)*, в среднеобских говорах чумылькупов, входящих в центральную диалектную группу, — маркер множественного числа *-t(V)* и *-la*. Во всех южных диалектах — маркер множественного числа *-la*.

Таблица 1. Показатели множественного числа в селькупских диалектах

Диалекты и говоры	<i>-t(V)</i>	<i>-la</i>
Газовский д. (селькупы)	+	–
Тымский д. (чумылькупы на Тyme)	+	–
Тымский д. (чумылькупы на Васюгане)	+	–
Свт. Макарий (Нарымский диалект, Нарым)	+	–
Среднеобские гов. (чумылькупы)	+	+
Среднеобские гов. (шешкупы)	–	+
Свт. Макарий (Среднеобской диалект)	–	+
Н. П. Григоровский (Нижнечаинский диалект, Костёнкино)	–	+
Верхнеобские гов. (сюсюкумы)	–	+
Кетский д. (сюсюкумы)	–	+

4.2. Категория падежа

В данном разделе, представленном в материалах свт. Макария как «Склонения», описывается изменение существительных по падежам: номинатив \emptyset ; генитив *-н, -т*; аккузатив *-н, -м*; латив 1 *-нд (-нт, -нч)*²⁶; латив 2 *-н (-но, на)*; древний показатель латива *-гы (-га, -кы)*, употребляющийся только в посессивном склонении: *-ге+GEN+POSS*; локатив *-н (-нн)*; локатив 1 *-гон (-гоын, -гоин, -кын, -гын) -гыт (-гат,*

²⁵ Под обским диалектом Е. А. Хелимский отмечает территорию Оби в районе Колпашево и выше по течению [Хелимский 1985].

²⁶ Здесь и далее в скобках представлены алломорфы, зафиксированные в обсуждаемом памятнике.

-гот, -кат); локатив 2 -нан (-ннан, -нен, -ныан); аблатив -нентак; аблатив 1 -гонды (-енды); аблатив 2 -нанды (-нянды); пролатив -ут; комитатив -хè (-е, -ге, -фè); каритив -галак. Важно отметить, что латив 2, локатив 2 и аблатив 2 употребляются как с одушевленными, так и неодушевленными объектами²⁷, а локатив 1 и локатив 2 в ряде случаев имеют аблативную семантику.

Номинатив. Имеет нулевой показатель. Имя в именительном падеже может разделять сферу функционирования родительного, дательного-направительных и местных падежей, а также выражать субъект и объект действия [Беккер и др. 1995а: 160—161]. В материалах он используется для выражения субъекта и объекта действия, а также выступает в качестве приименного определения, заменяя генитив. Объект действия в номинативе становится немаркированным и играет определенную роль в информационной структуре предложения, т. к. при инверсии субъекта и объекта действия поменяется смысл предложения.

Субъект действия в номинативе

Нон ‘Бог’

Коп ‘человек’

Объект действия в номинативе

Чель-д канджир-б-а — солнце-POSS.3SG видеть-PSTN-3SG.sub ‘солнце видел’²⁸

Тебе кошты-мы-нд-ат — муж узнать-PSTN-LTNT-3SG.ob ‘мужа узнала’²⁹

Приименное определение в номинативе

Нум Ий — бог сын ‘Сын Божий’

Кор мун — мужская.сила/самец палец ‘средний палец’

Генитив. Имеет показатели -н, -т. Генитив выполняет функцию приименного определения и часто употребляется в препозиции к послелогам. Некоторые падежи более позднего происхождения, образованные от послелогов, иногда могут присоединяться к основе через маркер генитива, например, такие как локатив 2, аблатив 2, дестинатив, комитатив и, возможно, некоторые другие.

Ну-н И — бог-GEN сын ‘Сын Бога’

Корго-т коп — медведь-GEN шкура ‘медвежья шкура’

Аккузатив. Имеет показатели -м, -н. Г. Дечи отмечает, что в уральских языках главной функцией аккузатива на -м является придание субъекту, объекту или именной части составного сказуемого дефинитного статуса [Décsy 1990: 69].

Ну-н хвар-ак — бог-ACC любить-1SG.sub ‘Бога люблю’

Аве-м-де хвор-ле-ль — мать-ACC-POSS.3SG любить-OPT-2SG.ob ‘люби мать свою’

Дательного-направительные падежи. Дательного-направительные падежи могут быть разделены на латив 1 (иллатив) -нд (-нт, -нч³⁰), латив 2 (датов-аллатив) -н (-но, -на) и древний показатель латива (дательного-направительный) -гы (-га, -кы), употребляющийся только в посессивном склонении: -ге+GEN+POSS [Беккер и др. 1995а: 171]. Согласно А. И. Кузнецовой, латив 1 (иллатив) на -нд обозначает место, в котором действие заканчивается для неодушевленных существительных; может оформлять адресат действия [Кузнецова и др. 1980: 180]. Латив 2 (датов-аллатив) на -н (-но) обозначает адресат действия или место, в сторону которого направлено действие для неодушевленных существительных [там же].

Латив 1 (иллатив): -нд (-нт, -нч)

Або-нд — хлеб-LAT1 ‘на хлеб’

Ну-шуне-нч — небо-нутро-LAT1 ‘на небо’

Латив 2 (датов-аллатив): -н (-но, -на)

Ном-но кось-кь — бог-LAT2 сходить-1SG.sub ‘к Богу ушел’

Ку-н ме-г-ан — человек-LAT2 дать-PST-1SG.sub ‘дал человеку’

²⁷ Соотнесенность данных падежей с категорией одушевленности/неодушевленности является предметом дискуссий [Беккер и др. 1995а: 187—196; Байдак 2010].

²⁸ В оригинале ‘солнце вижу’.

²⁹ В оригинале ‘мужа узнаю’.

³⁰ Фонетическое явление при сочетании кластеров нч+нд: ну-шини-нч (от ну-шинч+нд*) – небо-нутро-LAT1.

А б л а т и в 2: *-нанды* (*-нянды*)

И-нянды — сын-ABL2 ‘от сына’

Челе-н-ди-нанды — солнце-GEN-POSS.3SG-ABL2 ‘от солнца’

Пролатив. Имеет показатель *-ут*.

Одо-н-д ше-ут — ‘по ладоням’

Комитатив. Имеет показатель *-хѐ* (*-е, -ге, -фѐ*).

Ну-шунч-е — небо-нутро-СОМ ‘с небом’

Но-фѐ — бог-СОМ ‘с Богом’

Каритив. Выражается при помощи маркера *-галак*. Не выделен в материалах как отдельный падеж. Зафиксирован всего один случай его использования.

Унды-галак — борода-САР ‘безбородый’

Рассмотрим сопоставительные таблицы, демонстрирующие маркеры падежей по диалектам на основе данных по тазовскому диалекту селькупского языка [Кузнецова и др. 1980: 141—144, 171—183, 186], материалов Н. П. Григоровского и свт. Макария за конец XIX в. по нарымскому, среднеобскому и чаинскому диалектам [Григоровский 1879; Приложение 7-е 1888; Макарий 1900], В. В. Быкони (тымский, кетский диалекты и обские говоры) [Быконя и др. 2005: 320—325] и архивных материалов лаборатории языков народов Сибири (ЛЯНС) ТГПУ: 1) по нарымскому диалекту³⁴, 2) по разным диалектам для выявления аккумулятива с показателем *-н* и локатива с показателем *-н* или *-т* [Архив ЛЯНС 1962—1985].

Таблица 2. Номинатив, генитив, аккумулятив

Падеж	Тазовский диалект	Тымский диалект	Нарымский диалект	Свт. Макарий (нарымский диалект)	Обские говоры	Свт. Макарий (среднеобской диалект)	Н.П. Григоровский (нижнечаинский диалект)	Кетский диалект
NOM	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅
GEN	<i>-n, -n/-t</i>	<i>-n, -n/-t</i>	<i>-n, -t</i>	<i>-н, -т</i>	<i>-n, -n/-t</i>	<i>-н</i> (<i>-ñ, -ни, -ны</i>)	<i>-нъ</i>	<i>-n</i>
ACC	<i>-m, -m/-p</i>	<i>-m, -m/-p;</i> <i>-n</i> (1 случай)	<i>-m, -p; -n</i>	<i>-м, -п</i>	<i>-m, -m/-p;</i> <i>-n</i>	<i>-м</i> (<i>-ми, -мъ</i>); <i>-н</i>	<i>-м, -н</i>	<i>-m; -n</i> (<i>-ŋ</i>)

На основании данных из таблицы 2 можно вывести следующее.

1) В кетском диалекте, среднеобском диалекте свт. Макария и нижнечаинском диалекте Н. П. Григоровского используется маркер генитива *-n*. Во всех остальных диалектах — *-n/-t*.

2) В кетском, нижнечаинском и среднеобском диалекте свт. Макария используется маркер аккумулятива *-m*. Во всех остальных диалектах — *-m/-p*. В тымском, нарымском, нижнечаинском и кетском диалектах и среднеобских говорах отмечается использование аккумулятива *-n*.

Данные нарымского диалекта свт. Макария полностью совпадают с современными данными по нарымскому диалекту в целом и по центральным и северным диалектам в частности: используются маркеры GEN *-n/-t* и ACC *-m/-p*.

Рассмотрим данные, представленные в таблице 3.

1) Латив 1 имеет одинаковые показатели во всех диалектах кроме тазовского. Небольшие отличия наблюдаются в нарымском (оба варианта) и кетском диалектах и в обских говорах, где латив 1 может иметь форму *-џе, -нџе*. В тазовском диалекте для выражения латива 1 ед. ч. используются маркеры *-ту, -нту*; в дв. и мн. ч. выделяются особые формы: *-кiny, -киñj, -kin, -кinyñ, -кinty*.

2) Латив 2 имеет одинаковые показатели во всех диалектах кроме тазовского, а также дополнительные маркеры в кетском диалекте — *-ñjñ, -неñ*. В тазовском диалекте для выражения латива 2 в ед. ч. используются *-нуñ, -нук/-нуñ/-ну*; в дв. и мн. ч. — *-кiny, -киñj, -kin, -кinyñ, -кinty*.

3) Для выражения посессивного склонения в лативе во всех диалектах селькупского языка может использоваться древний показатель латива *-qV*, присоединяющий через маркер генитива соответствующие посессивные показатели.

³⁴ На основе данных из д. Тюхререво и Нельмач [Архив ЛЯНС С 38 1971: 611—279, С 42 1971: 141—279].

Таблица 3. Падежи пространственно-временной ориентации

Падеж	Тазовский диалект	Тымский диалект	Нарымский диалект	Свт. Макарий (нарымский диалект)	Обские говоры	Свт. Макарий (среднеобской диалект)	Н.П. Григоровский (нижнечаинский диалект)	Кетский диалект
LAT1 (Иллатив)	только для ед. ч.: -ty ¹⁵ , -nty; только для дв. и мн. ч.: -kiny, -kiñj, -kin, -kinuŋ, -kinty	-tj, -ntj (-ta, -nt, -nd)	-tə, -ntə (-ž)	-nd (-nt, -nč)	-tj, -ntj (-že, -nže)	-m (-my), -nt (-нты, -нты, -нто)	-m, -nt	-tj, -ntj (-že, -nd)
LAT2 (Датив-Аллатив)	только для ед. ч.: -nuŋ, -nyk/-nuŋ/-ny; только для дв. и мн. ч.: -kiny, -kiñj, -kin, -kinuŋ, -kinty	-nj (-n < -n*j)	-nə	-n (-no, -na)	-nj (-n, -nə)	-ni (-ny, -niŋ, -na, -n)	-ni (-n)	-nj, -niŋ (-ne, -nei)
LAT (дательно-направительный)	-qV +GEN+POSS							
LOC	?	-n, -t	-n, -t	-n (-ni)	?	—	—	-n
LOC1	-qyn, -qyn/-qyt	-qjn, -qjn/-qjt (-jŋt)	-qjn, -qjt	-гын (-гат, -гот, -кат); -гон (-гоын, -гоин, -кын, -гын); -кын (< *-кыны) (локатив-аблатив)	-qjn, -qjn/qjt (-γon)	-гын (-кын, -гун, -кыŋ, -ган, -кэн, -гыŋ)	-гын (-кын, -гон)	-qjn (-kan, -γon, -on)
LOC2	—	-nan; -nan (< *-nanj) (локатив-аблатив)	-nan	-нан (-ннан, -нен, -ныан); -нан (< *-наны) (локатив-аблатив)	-nan	-нан	-нан	-nan

¹⁵ Здесь и далее в материалах по тазовскому диалекту выделяются гласные у (гласный переднего ряда, нелабиализованный, верхнего подъема) и j (гласный среднего ряда, нелабиализованный, верхнего подъема) [Кузнецова и др. 1980: 120]. В данных по другим диалектам не наблюдается подобного разграничения и выделяется только один гласный j при использовании латиницы и гласный ы при использовании кириллицы (который очевидно передает звук гласной j).

Падеж	Тазовский диалект	Тымский диалект	Нарымский диалект	Свт. Макарий (нарымский диалект)	Обские говоры	Свт. Макарий (среднеобской диалект)	Н.П. Григоровский (нижнечаинский диалект)	Кетский диалект
ABL	–	–	–	-нентак	<i>-nandǰkto</i> (<i>-nandǣkto</i>)	–	–	–
ABL2 (для одуш.)	<i>-nany</i> (верхнетазовский говор)	–	<i>-nanto</i>	-нанды (-нянды)	<i>-nanto,</i> <i>-nandǰkto</i>	<i>-нанто</i> (<i>-нант, -нандо</i>)	<i>-нандо</i>	<i>-nannǰ</i> (<i>-nannǣ</i>)
PROL	<i>-myn /-myt</i>	<i>-mǰn/-mǰt</i> (<i>-βǣn, -βn, -uta,</i> <i>-ute, -un</i>) (пролатив- аблатив)	<i>-ute</i> (пролатив- аблатив)	-ут (1 случай)	<i>-mǰn /-mǰt</i> (<i>-βoti, -ut</i>) (верхнеобские говоры — пролатив); <i>-mǰn /-mǰt</i> (<i>-utǣ, -ut, -mute, -mit</i>) (среднеобские говоры — пролатив-аблатив)	<i>-ун</i>	<i>-мын, -ун, -вун</i>	<i>-mǰn</i> (<i>-mǣn, -man,</i> <i>-βen, -βan,</i> <i>-mit, -βǰn,</i> <i>-βaŋ, -βn</i>)

4) В нарымском диалекте свт. Макария и кетском диалекте используются суффиксы локатива *-n*. В свою очередь в современных материалах по нарымскому диалекту и тымском диалекте зафиксированы маркеры локатива *-n*, *-t*. Данные по оставшимся диалектам отсутствуют либо суффиксы не обнаружены. Маркеры локатива в нарымском диалекте свт. Макария за конец XIX в. и нарымском диалекте за XX в. различаются.

5) В кетском, чаинском (Н. П. Григоровского) и среднеобском диалекте (свт. Макария) используется маркер локатива 1 *-qjn*. Во всех остальных диалектах — *-qyn/-qyt* (*-yon/-yot*). В нарымском диалекте свт. Макария редуцированный показатель аблатива *-qjn* (от *-qjini*) полностью совпадает с маркером локатива 1 *-qjn*. Таким образом, оба показателя можно рассматривать в рамках одного падежа — локатива 1 с локативной и аблативной функциями. В современном нарымском диалекте, как и в других представленных диалектах, судя по проанализированным данным, подобной семантики падежа не наблюдается.

6) Во всех диалектах кроме тазовского, где маркер не зафиксирован, используется маркер локатива 2 *-nan*, который можно отнести к инновационным явлениям. В нарымском диалекте свт. Макария и тымском диалекте локатив 2 выполняет локативную и аблативную функции.

7) В нарымском диалекте свт. Макария и современных обских говорах (куда также входит нарымский диалект) зафиксированы инновационные маркеры аблатива *-nen+так* — LOC2+прочь и *-nan+djk+to* — LOC2+прочь+ABL(прочь).

8) В тазовском и кетском диалекте аблатив 1 имеет показатели *-qynu*, *-qinni*, *-qjn*; в остальных диалектах — *-qinto*. В тымском диалекте не выделяется. Маркер *-qinto* является инновационным явлением и распространяется на обской лингвистический материал *-qjn* (*-qjini*)+*to* — ABL+ABL(прочь).

9) В верхнетазовском говоре и кетском диалекте аблатив 2 имеет показатель *-nanni*; в остальных диалектах — *-qinto*. В тымском диалекте не выделяется. Маркер *-nando* также является инновационным явлением в обском ареале *-nan* (*-nani*)+*to* — ABL+ABL(прочь).

10) В тазовском, тымском диалекте и среднеобских говорах маркер пролатива имеет форму *-mjn/-mjt*. В обоих вариантах нарымского диалекта пролатив имеет форму *-ut*. В кетском диалекте и в среднеобском диалекте свт. Макария, а также в нижнечаинском диалекте Н. П. Григоровского используются маркеры *-mjn*, *-βen*, *-ун*. В тымском, современном нарымском диалекте и в среднеобских говорах пролатив также выполняет аблативную функцию. В нарымском диалекте свт. Макария зафиксирован только один пример с пролативной семантикой, что не позволяет нам рассмотреть его в полной мере.

Данные нарымского диалекта свт. Макария, с поправкой на ограниченность объема информации, совпадают в плане фонетики с современными данными по нарымскому диалекту. В нем используются суффиксы LOC *-n*, LOC 1 *-zym/-zon*, PROL *-ym*. Локативно-аблативная семантика LOC 1 *-zym* /*-zon* и LOC 2 *-nan*, присущая нарымскому диалекту свт. Макария в конце XIX в., не наблюдается в нарымском диалекте XX в.

Таблица 4. Косвенно-объектные падежи

Падеж	Тазовский диалект	Тымский диалект	Нарымский диалект	Свт. Макарий (нарымский диалект)	Обские говоры	Свт. Макарий (среднеобской диалект)	Н.П. Григоровский (нижнечаинский диалект)	Кетский диалект
COM	<i>-sä</i> (<i>-sa</i>)	<i>-sä</i> (<i>-ze</i> , <i>-ye</i>)	<i>-ye</i> (<i>-e</i>), <i>-se</i> (1 случай)	<i>-xè</i> (<i>-e</i> , <i>-ze</i> , <i>-фè</i>)	<i>-se</i> (<i>-ze</i> , <i>-ye</i> , <i>-φe</i> , <i>-é</i>)	<i>-ce</i> (<i>-ze</i>)	<i>-ze</i>	<i>-se</i> , <i>-nse</i> (<i>-ze</i> , <i>-sse</i>)
CAR	<i>-kšlyŋ</i> (<i>-kšlyŋ</i> / <i>-kšlyk</i> / <i>-kšly</i> / <i>-kšl</i>)	<i>-kaljk</i> (<i>-halk</i> , <i>-galak</i>)	<i>-galk</i>	<i>-галак</i>	<i>-kaljk</i> (<i>-galk</i> , <i>-žalk</i>)	<i>-калык</i>	<i>-галкъ</i> (<i>-галтъ</i>)	<i>-qaljk</i> (<i>-galak</i>)
DEST / TRSL	<i>-qo</i> (<i>-qa</i>), <i>-tqo</i>	<i>-qol</i> / <i>-tqo</i> (<i>-no</i> , <i>-tqu</i>)	<i>-qol</i> / <i>-tqo</i>	—	<i>-qol</i> / <i>-tqo</i> (<i>-gol</i> / <i>-ngo</i> , <i>-no</i>)	<i>-ко</i> (<i>-нко</i>) / <i>-но</i>	<i>-но</i>	<i>-gol</i> / <i>-ngo</i> , <i>-ŋgo</i>

Обсудим данные из таблицы 4.

1) Согласно таблице комитатив может иметь одинаковые формы практически во всех диалектах — *-se* / *-ze*. В нарымском диалекте данный маркер выделяется маргинально либо не выделяется, так как в нем произошел переход *s > h/γ* [Хелимский 1985]. В обоих вариантах нарымского диалекта, в обских говорах, а также спорадически в тымском диалекте отмечается использование показателя *-ye* / *-e*.

2) Во всех диалектах, за исключением тазовского, каритив имеет форму *-kalik*. В тазовском диалекте — *-kɔlyŋ*, *-kɔlyk*. В обских говорах дополнительно отмечается форма *-žalk*. В нижнечаинском диалекте также выделяется маркер *-галть*.

Далее приведена таблица 5, отражающая статистику встречаемости падежей с существительными и послелогами.

Таблица 5. Статистика встречаемости падежей с существительными и послелогами в книге свт. Макария

Падежи	Количество употреблений	
	В ауслауте	Не в ауслауте
GEN <i>-н</i>	2	24
GEN <i>-т</i>	8	1
ACC <i>-м</i>	5	7
ACC <i>-п</i>	8	-
LAT 1 <i>-нд</i> (<i>-нт</i> , <i>-нч</i>)		9
LAT 2 <i>-н</i> (<i>-но</i> , <i>на</i>)		8
LAT <i>-qV</i> + GEN + POSS		17
LOC <i>-н</i> (<i>-нн</i>)		5
LOC 1 <i>-гон</i> (<i>-гоын</i> , <i>-гоин</i> , <i>-кын</i> , <i>-гын</i>)	2 ¹⁶	4
LOC 1 <i>-гым</i> (<i>-гат</i> , <i>-гот</i> , <i>-кат</i>)	14	-
LOC 2 <i>-нан</i> (<i>-ннан</i> , <i>-нен</i> , <i>-ныан</i>)		15
ABL <i>-нентак</i>		1
ABL 1 <i>-гонды</i> (<i>-енды</i>)		10
ABL 2 <i>-нанды</i> (<i>-нянды</i>)		7
PROL <i>-ут</i>		1
COM <i>-хè</i> (<i>-е</i> , <i>-ге</i> , <i>-фè</i>)		16
CAR <i>-галак</i>		1

Подводя итоги, отметим, что согласно распределению носовых и смычных в ауслауте (Юж. *-т*, *-п*, *-ŋ*; Центр. *-р*, *-т*, *-к*; Сев. *-м/-р* (~ \emptyset), *-н/-т* (~ \emptyset), *-ŋ/-т* (~ \emptyset)) в диалекте материалов свт. Макария обнаруживаются смешанные черты: GEN *-н*, *-т*; ACC *-м*, *-п*; LOC 1 *-гон*, *-гым*, ABL *-нентак* LOC *-н* (*-нн*) PROL *-ут*, однако смычные согласные в ауслауте встречаются гораздо чаще, чем носовые. Еще одним признаком, определяющим его принадлежность, является COM *-хè* (переход $*s > h$, χ - и $*ps > f$ в нарымском диалекте селькупского языка).

4.3 Категория посессивности

Данная категория представлена в памятнике довольно слабо и не выделяется отдельно. На основании порядка следования посессивные суффиксы в селькупском языке разделяются на те, которые следуют за основой имени в номинативе либо маркером падежа, и те, которые предшествуют маркеру падежа. В памятнике падежами, предшествующими посессивному суффиксу, являются: номинатив \emptyset , генитив *-н*, *-т*, аккузатив *-п*, *-м*, латив *-гы*, локатив 1 *-гон*, *-гым*, аблатив 1 *-гонды*; падежами, следующими за посессивным суффиксом, являются: латив 2 *-н*, локатив 2 *-нан*, аблатив 2 *-нанды*, комитатив *-хе*, каритив *-галак*. Посессивные суффиксы, как правило, присоединяются к имени или маркеру падежа через суффикс генитива *-н* (который может редуцироваться), за исключением номинатива и аккузатива.

В памятнике зафиксировано 5 посессивных суффиксов в номинативе и аккузативе: *-м* 'POSS.1SG', *-л* (*-лы*) 'POSS.2SG', *-д* (*-де*, *-ды*, *-дь*, *-ты*, *-т*) 'POSS.3SG', *-ут* (*-еут*) 'POSS.1PL', *-лыт* 'POSS.2PL'. Приведем примеры.

¹⁶ Здесь и далее в материалах по тазовскому диалекту выделяются гласные *y* (гласный переднего ряда, нелабиализованный, верхнего подъема) и *j* (гласный среднего ряда, нелабиализованный, верхнего подъема) [Кузнецова и др. 1980: 120]. В данных по другим диалектам не наблюдается подобного разграничения и выделяется только один гласный *j* при использовании латиницы и гласный *ы* при использовании кириллицы (который очевидно передает звук гласной *j*).

Перге-м — живот-POSS.1SG ‘мой живот’
Тымня-л — брат-POSS.2SG ‘брат твой’
Аве-м-д — мать-ACC-POSS.3SG ‘мать свою’
Ном-ут — бог-POSS.1PL ‘Бог мой’
Кыл-лыт — грудь-POSS.2PL ‘грудь их’

В прочих падежах с существительными зафиксировано использование двух посессивных суффиксов: *-к* ‘POSS.1SG’ и *-н-д* ‘GEN-POSS.3SG’. Приведем примеры.

Амбá-гы-к — мать-LAT-POSS.1SG ‘матери моей’
Челе-н-ди-нанды — солнце-GEN-POSS.3SG-ABL2 ‘от солнца’

Для сравнения маркеров посессивности в номинативе рассмотрим сопоставительную таблицу 6, с привлечением материалов по тазовскому диалекту Г. Н. Прокофьева [Прокофьев 1935: 39], материалов Н. П. Григоровского и свт. Макария за конец XIX в. по нарымскому, среднеобскому и чаинскому диалектам [Григоровский 1879; Приложение 7-е 1888; Макарий 1900], данных Ш. Купера, Я. Пустаи и архивных материалов лаборатории языков народов Сибири (нарымский диалект за XIX в.) [Архив ЛЯНС С 38 1971: 611—279, С 42 1971: 141—279; Купер, Пустаи 1993: 68], а также сопоставительных таблиц В. В. Быконя (тымский диалект чумылькупов, кетский диалект сюсюкумов и обские говоры чумылькупов) [Быконя и др. 2005: 327].

Таблица 6. Посессивные суффиксы номинатива

Число	Лицо	Тазовский диалект (селькупы)	Тымский диалект (чумылькупы)	Нарымский диалект	Свт. Макарий (нарымский диалект)	Обские говоры (чумылькупы)	Свт. Макарий (среднеобской диалект)	Н.П. Григоровский (нижнечаинский диалект)	Кетский диалект (сюсюкумы)
Ед. ч.	1	<i>-m~-p, -mь</i>	<i>-mi, -m~-p (-mэ)</i>	<i>-m</i>	-м	<i>-we</i>	<i>-y, -в</i>	<i>-м, -y, -в</i>	<i>-m, -m~-p (-βэ, -u)</i>
	2	<i>-l, -lь</i>	<i>-lэ (-l)</i>	<i>-l</i>	-л	<i>-l (-л)</i>	<i>-л</i>	<i>-л, -ль</i>	<i>-li (-л)</i>
	3	<i>-t, -tь, -Dь</i>	<i>-t, -dэ</i>	<i>-t, -d</i>	-д(е)	<i>-dэ</i>	<i>-m</i>	<i>-д -m, -ды</i>	<i>-t, -d</i>
Дв. ч.	1	<i>-mij (-mьj)</i>	<i>-mi</i>	<i>-wi</i>	—	<i>-mi, -βi</i>	—	—	<i>-βi</i>
	2	<i>-lij (-lьj)</i>	<i>-li</i>	—	—	<i>-li, -l</i>	—	<i>-ли</i>	<i>-l'i</i>
	3	<i>-tij, -Dij (-tьj, -Dьj)</i>	<i>-ti</i>	<i>-di</i>	—	<i>-dэ</i>	<i>-mь</i>	<i>-ди</i>	<i>-di</i>
Мн. ч.	1	<i>-mьt (-mьн)</i>	<i>-mut (-βut, -ut)</i>	<i>-mut (-ut)</i>	-ут	<i>-mut, wut</i>	—	<i>-ym</i>	<i>-mйт, -βйт</i>
	2	<i>-lьt (-lьн)</i>	<i>-lt, -let (Чижакпа)</i>	<i>-лэт</i>	-лыт	<i>-lйт, -lэт</i>	—	<i>-lm</i>	<i>-lйт (-лйт)</i>
	3	<i>-tьt, -Dьt (-tьн, -Dьн)</i>	<i>-tet</i>	—	—	<i>-dэт, -den</i>	<i>-mьт</i>	—	<i>-tйт, -dйт</i>

Обсудим данные представленной таблицы.

1) В тазовском, тымском, нарымском (оба варианта), нижнечаинском и кетском диалектах используется маркер POSS.1SG *-m*. В тазовском, тымском и кетском диалектах используется маркер *-p*. В свою очередь, схожие маркеры используются в обских говорах чумылькупов — *-we*, среднеобском диалекте (свт. Макария) и нижнечаинском (Н. П. Григоровского) — *-y, -в* и кетском диалекте — *-βэ, -u*.

2) В тазовском диалекте зафиксированы суффиксы POSS.1PL *-mьt/-mьн* и POSS.2PL *-lьt/-lьн*, в то время как во всех остальных диалектах маркеры POSS.1PL *-mut (-βut, -ut)* и POSS.2PL *-let*.

3) Также в тазовском диалекте и обских говорах чумылькупов представлены маркеры 3PL *-dэт, -den*, в то время как во всех остальных диалектах и говорах — *-dэт*.

4) В остальных случаях для посессивного склонения в номинативе либо отсутствуют различия по диалектам, либо посессивный суффикс остался незафиксированным в нарымском материале свт. Макария.

Данные по нарымскому диалекту за конец XIX в. и XX в. не различаются.

В таблице 7 продемонстрировано использование посессивного спряжения в памятнике по падежам.

Таблица 7. Посессивные суффиксы в материалах свт. Макария

Падеж	Лицо	Ед. ч.	Мн. ч.
Номинатив	1	-м	-ут
	2	-л	-лыт
	3	-д(е)	—
Генитив	1	—	—
	2	—	—
	3	-н-д	—
Аккузатив	1	—	-м-ут
	2	—	—
	3	-м-д(е)	—
Латив	1	-гы-к	—
	2	—	—
	3	-га-н-т	—
Локатив 2	1	—	—
	2	—	—
	3	-н-де-нан	—
Аблатив 2	1	—	—
	2	—	—
	3	-н-ди-нанды	—
Комитатив	1	—	—
	2	—	—
	3	-н-д-е	—

Рассмотрев таблицу, отметим, что суффикс POSS.1SG различается в номинативе и лативе: NOM — -м, LAT — -к.

Некоторые существительные, как правило, используются только с посессивным суффиксом 3 л. ед. ч. К таким лексемам относится *чель-д* свет-POSS.3SG ‘свет, солнце, день’ и *коми-кы-д* плохо-DIM-POSS.3SG ‘дьявол’.

4.4 Образование имен существительных

В тексте памятника можно выделить существительные-композиаты и существительные-дериваты.

4.4.1 Существительные-композиаты. Существительные-композиаты образуются при помощи номинализаторов *куп* ‘человек’, *мун* ‘палец’, *лага* ‘кусок’, *хай* ‘глаз’ и предшествующих им прилагательных либо причастий. Также они образуются при помощи прямого сложения корней либо сочетания корней через маркер генитива. Второй элемент данного сложного слова часто имеет послеложную природу или является частотным элементом. Приведем примеры.

ADJ+NMNLZ

Кыду-л-гуп — мудрость.шамана-ADJZ-человек ‘шаман’

Мунбил-ль мун — наперсток-ADJZ палец ‘указательный палец’

По-ль-(л)ага — камень-ADJZ-кусок ‘камень’

Пу-л-хай — колено-ADJZ-глаз ‘колено’

PRS.PTCP+NMNLZ

Каудыр-тыл куп — шаманить-PRS.PTCP человек ‘шаман’

Noun+Noun

А-топ — рот-край ‘губы’

Кор мун — мужская.сила/самец палец ‘средний палец’

Кёдол-лы — бок-кость ‘ребро’

Куи-чар — бок-сторона ‘бок’

Нири-лл кёдол-лы — хрящ-ADJZ бок-кость ‘подреберье’

Нёга таб — шея корневая.часть ‘затылок’

Ну-шунч — небо-нутро ‘небо’
Тобокъ ольджот — нога ступня ‘ подошва’
Уду-ше — рука-язык ‘ладонь’
Хай-ну — глаз-ресница ‘брови’
Э(т)-топ — вода-берег ‘берег’

Noun+GEN+Noun

Ко-т-конды — ухо-GEN-?корень ‘скулы (под ушами)’
Кё-т-пар — плечо-GEN-верх ‘плечи’
Кунгуль-т кедъ — голень-GEN ?сустав ‘голени’
Кыл-н-олл — грудь-GEN-голова ‘грудь, грудная клетка’
Ну-н-шуче-н-ек — небо-GEN-нутро-LOC-PRD.3SG ‘на небе есть’
Пуджи-н-д падан-ак — нос-GEN-POSS.3SG ?-отверстие ‘ноздри’
Таи-т-пар — зад-GEN-верх ‘зад (сидение)’
Тобо-т ночий — нога-GEN пятка ‘лодыжка’
Уду-н мог — рука-GEN спина ‘наружная сторона кисти’
Уду-т кочий, уду-т коджей — рука-GEN сустав ‘сочленение пясти, кисть руки’

4.4.2 Существительные-дериваты. Образуются при помощи осложнения корней деривационными суффиксами, такими как суффикс диминутива *-ка (-кы)* либо номинализатор *-мо*.

Диминутив *-ка (-кы)*

Кош-кы-д — плохо-DIM-POSS.3SG ‘дьявол’
Пеле-ка — сторона-DIM ‘сторона, сторонка’

Номинализатор *-мо*

Чёнда-р-мо — середина-VBLZ-NMNLZ ‘поясница’

5. Местоимение

В местоименной морфологии памятника выделяются личные местоимения, вопросительные местоимения *коды* ‘кто’ и *кай* ‘что’, возвратно-личные и указательные местоимения, наречия, прилагательные и числительные от местоименных основ.

5.1 Личные местоимения

Личные местоимения изменяются по лицам, числам и падежам. В косвенных падежах они могут нести на себе маркеры посессивности. Для выражения множественного числа в третьем лице используется маркер *-т*. Личные местоимения 2 л. дв. и мн. ч. не противопоставляются [Беккер и др. 1995б: 75]. Рассмотрим примеры личных местоимений по падежам.

Номинатив

Мат ‘я’
Тат ‘ты’
Таб ‘он’
Миу ‘мы’
Тии ‘вы’
Табы-т 3SG-PL ‘они’

Далее рассмотрим сопоставительную таблицу 8, демонстрирующую личные местоимения в номинативе в тазовском диалекте селькупского языка [Кузнецова и др. 1980: 141—144, 289], в нарымском, среднеобском и чаинском диалектах Н. П. Григоровского и свт. Макария за XIX в. [Григоровский 1879; Приложение 7-е 1888; Макарий 1900], в нарымском диалекте за XX в. [Архив ЛЯНС С 38 1971: 611—279, С 42 1971: 141—279; Купер, Пустай 1993: 76—77], а также в тымском и кетском диалектах и среднеобских говорах [Беккер и др. 1995б: 71, 77—78; Быконя и др. 2005: 340].

На основании данных из таблицы 8 можно сделать следующие выводы.

1) В тазовском, тымском и нарымском диалектах и в среднеобских говорах используется личное местоимение 1SG *тан* ~ *тат*, в нарымском диалекте свт. Макария — *тат*, в среднеобском диалекте (свт. Макария), нижнечаинском (Н. П. Григоровского) и кетском диалекте — *тан*. Нарымский диалект, запи-

Таблица 8. Личные местоимения в номинативе

Число	Лицо	Тазов- ский диалект	Тымский диалект	Нарым- ский диалект	Свт. Ма- карий (нарым- ский диалект)	Средне- обские говоры	Свт. Макарий (средне- обской диалект)	Н.П. Григо- ровский (нижне- чаинский диалект)	Кетский диалект
Ед. ч.	1	<i>man~mat</i>	<i>man~mat</i>	<i>man~mat</i>	mat	<i>man~mat</i>	<i>ман (маны)</i>	<i>ман</i>	<i>man</i>
	2	<i>tan~tat</i>	<i>tan~tat</i>	<i>tan~tat</i>	tat	<i>tan~tat</i>	<i>тан</i>	<i>тан</i>	<i>tan</i>
	3	<i>təp~tem</i>	<i>tem~tep</i>	<i>tab</i>	tab	<i>tap (tabə), tep</i>	<i>табы (тыбы, таб, тапы, тыпы, ман)</i>	<i>таб</i>	<i>tep (tebə)</i>
Мн. ч.	1	<i>mē</i>	<i>me</i>	<i>mi</i>	miu	<i>mi</i>	<i>ме (миу)</i>	<i>ме</i>	<i>me</i>
	2	<i>tē</i>	<i>te</i>	<i>ti</i>	tiu	<i>t'i</i>	<i>те (тиу, тий)</i>	–	<i>te</i>
	3	<i>tepyt~ tepyu</i>	<i>tebjt, tebjn</i>	<i>tabjt, tabla</i>	табыт	<i>tabla, tabjt, tebjn</i>	<i>табыла</i>	<i>табла</i>	<i>tepla, tebat</i>

санный свт. Макарием, отличается от современного нарымского диалекта и других северных и центральных диалектов в рефлексии согласных *-n ~ -t* в ауслауте: Юж. *-m, -n, -ŋ*; Центр. *-p, -t, -k*; Сев. *-m/-p (~∅), -n/-t (~∅), -ŋ/-k (~∅)* [Хелимский 1985].

2) В тазовском, тымском и нарымском диалектах и в среднеобских говорах используется личное местоимение 2SG *tan ~ tat*, в нарымском диалекте свт. Макария — *tat*, в среднеобском диалекте (свт. Макария), в нижнечаинском (Н. П. Григоровского) и кетском диалектах — *tan*. Как и в предыдущем случае, вариант нарымского диалекта свт. Макария отличается от современного нарымского и остальных центральных и северных диалектов в рефлексии согласных *-n ~ -t* в ауслауте [Хелимский 1985].

3) В тазовском и тымском диалектах зафиксированы маркеры личного местоимения 3SG *tem ~ tep*, в остальных — *tab*. Варианты нарымского диалекта за конец XIX в. и XX в. совпадают.

4) Личные местоимения 1PL *me (mi)* и 2PL *te (ti)* не различаются по диалектам.

5) В тазовском и тымском диалектах используются местоимения 3PL *tebjt ~ tebjn*, в нарымском диалекте за XX в. и в кетском диалекте *tabla, tabjt*¹⁷, в среднеобских говорах *tabla, tabjt, tebjn*, в нарымском диалекте свт. Макария — *табыт*, в среднеобском и нижнечаинском диалектах свт. Макария и Н. П. Григоровского — *табыла*. В тазовском и тымском диалектах и среднеобских говорах наблюдается рефлексия *-t ~ -n* в ауслауте [Хелимский 1985] — *tebjt ~ tebjn*, в остальных согласный *-t* — *tabjt*. Анализ архивных данных по южным диалектам селькупского языка показал, что в них в подавляющем числе случаев с личными местоимениями применяется маркер множественного числа *-la* [Архив ЛЯНС 1962—1985]. В нарымском диалекте использование суффиксов множественного числа *-t* или *-la* зависит от населенного пункта [Беккер и др. 1995а: 64] и предположительно должно различаться в диахронической ретроспективе. Так, нарымский диалект конца XIX в свт. Макария, записанный от информантов из Нарыма, демонстрирует использование только одного маркера PL *-t*.

Генитив

Личные местоимения 1 и 2 л. ед. и мн. ч. не противопоставляются в генитиве и номинативе. Единственное местоимение 3 л. ед. и мн. ч. в генитиве маркируется показателем *-m*.

Mat ‘мой’,

Tat ‘твой’

Taby-m 3SG-GEN ‘его’

Аккузатив

В составе личных местоимений 1 и 2 л. в аккузативе отмечается использование специальной местоименной основы аккузатива *mi (и, жи, ж)*, восходящей к протосамодийской форме ‘сходство, картина’ [Janhunen 1977: 70]. Местоименной основе часто предшествует личное местоимение, а после него могут следовать соответствующие посессивные суффиксы, указывающие на число и лицо местоимения [Беккер и др. 1995б: 80], а также суффикс аккузатива. Местоимения 3 л. маркируются обычным суффиксом аккузатива *-n*.

¹⁷ Маркер PL *-t* используется в единичных случаях в кетском диалекте [Беккер и др. 1995а: 64].

Ма-ши-н — 1SG-ACC.STEM-POSS.1SG ‘меня’
 Ма-ши-к — 1SG-ACC.STEM-POSS.1SG ‘меня’
 Та-ши-нд — 2SG-ACC.STEM-GEN.POSS.2SG ‘тебя’
 Табо-н — 3SG-ACC ‘его’
 Мий-ш-ут — 1PL-ACC.STEM-POSS.1PL ‘нас’
 Тий-жи-н-дат — 2PL-ACC.STEM-GEN-POSS.3PL ‘вас’
 Ши-н-дат — ACC.STEM-GEN-POSS.3PL ‘вас’
 Табы-н-дан — 3SG-ACC-? ‘их’¹⁸

Далее представлена сопоставительная таблица 9, демонстрирующая личные местоимения в аккумулятиве в тазовском диалекте [Кузнецова и др. 1980: 141—144, 289], в материалах Н. П. Григоровского и свт. Макария за конец XIX в. [Григоровский 1879; Helimski 1983; Приложение 7-е 1888; Макарий 1900], в нарымском диалекте [Архив ЛЯНС С 38 1971: 611—279, С 42 1971: 141—279; Купер, Пустаи 1993: 76—77] и в среднеобских говорах [Быконя и др. 2005: 340—341].

Таблица 9. Личные местоимения в аккумулятиве

Число	Лицо	Тазовский диалект	Нарымский диалект	Свт. Макарий (нарымский диалект)	Среднеобские говоры	Свт. Макарий (среднеобской диалект)	Н.П. Григоровский (нижнечаинский диалект)
Ед. ч.	1	<i>šjm/-p~ mašjm/-p</i>	<i>mašek/-ŋ, žəŋ</i>	<i>машин, машик</i>	<i>mašep/-m</i>	<i>массым, маным</i>	<i>мазым, ызым</i>
	2	<i>šjnty~mašjnty</i>	<i>tažənd, šənd</i>	<i>ташинд</i>	<i>taštip</i>	<i>таст, тас, ст</i>	<i>таст</i>
	3	<i>təpym/-p</i>	<i>tabəm /-p / -n</i>	<i>табон</i>	<i>tabep/-m</i>	<i>тапым</i>	—
Мн. ч.	1	<i>šjmyt/-n ~ mēšjmyt/-n ~ šjnytyt/-n ~ mēšjnytyt/-n</i>	<i>mišut</i>	<i>мишут (ме-жсут)</i>	<i>mižut</i>	—	<i>мезут</i>
	2	<i>šjnytyt/-n ~ mēšjnytyt/-n</i>	<i>tižəndət</i>	<i>тийжиндат, шиндат</i>	<i>t'izep</i>	<i>тестым (тиустат)</i>	<i>тест</i>
	3	<i>təpytyt/-p</i>	<i>tablap</i>	<i>табыдан</i> ¹⁹	<i>tablap/-m</i>	<i>табылам, табылан</i>	<i>таблам</i>

На основании данных из таблицы 9 можно сделать следующие выводы.

1) В тазовском, современном нарымском и среднеобских говорах используются маркеры аккумулятива *-m* и *-p*, в нарымском диалекте свт. Макария — *-p*, в среднеобском (свт. Макария) и нижнечаинском (Н. П. Григоровского) диалектах — *-m*. Также в современном нарымском и кетском диалектах зафиксирован суффикс аккумулятива *-n*. Нарымский диалект свт. Макария за конец XIX в. отличается от нарымского диалекта XX в. рефлексацией носовых и смычных *-m ~ -p* в ауслaute: Юж. *-m, -n, -ŋ*; Центр. *-p, -t, -k*; Сев. *-m/-p (~∅), -n/-t (~∅), -ŋ/-k (~∅)* [Хелимский 1985].

2) Во всех представленных в таблице диалектах, кроме среднеобского диалекта (свт. Макария) и нижнечаинского диалекта (Н. П. Григоровского), зафиксирована местоименная основа аккумулятива, начинающаяся на *š* (*ž*), в среднеобском и чаинском диалектах — на *s*. Данное распределение соответствует фонетическому переходу **š' > s* (Сев., Центр. *š'*; Юж. *s*) [Хелимский 1985].

3) В обоих вариантах нарымского диалекта личные местоимения 1SG.ACC заканчиваются на посесивные суффиксы POSS.1SG *-ŋ~-k* — *mašek/-ŋ, žəŋ*.

4) В центральных и южных диалектах местоимения 1PL и 2PL оканчиваются на согласный *-t* — *mišut, tižəndət*, в то время как в северных диалектах — на *-n~-t*: *šjmyt/-n ~ mēšjmyt/-n ~ šjnytyt/-n ~ mēšjnytyt/-n* и *šjnytyt/-n ~ mēšjnytyt/-n*.

Дательно-направительные падежи. В лативе личные местоимения 1 и 2 л. имеют особую структуру. К местоимению присоединяется древний показатель латива *-ge*, и далее конструкция может сопровождаться посесивными маркерами. Для выражения личных лативных местоимений 3 л. используется суффикс латива 2 *-n*.

¹⁸ Возможны следующие альтернативные трактовки данной формы: 1) *табы-н-дан* 3SG-ACC-POSS.3PL ‘их’; *табы-н-да-н* 3SG-ACC-PL-ACC ‘их’.

¹⁹ Форма под вопросом.

Ме-ка — 1SG-LAT ‘мне’
Те-ка — 2SG-LAT ‘тебе’
Те-ге-нды — 2SG-LAT-GEN.POSS.2SG ‘тебе’
Табы-н — 3SG-LAT2 ‘ему’
Мий-гы-н-ут — 1PL-LAT-GEN.POSS.1PL ‘нам’
Тий-гы-н-там — 2PL-LAT-GEN.POSS.3PL ‘вам’
Табы-да-н — 3SG-PL-LAT2 ‘им’

Рассмотрим таблицу 10, отражающую личные местоимения в лативе в тазовском [Кузнецова и др. 1980: 141—144, 289], в нарымском диалекте [Архив ЛЯНС С 38 1971: 611—279, С 42 1971: 141—279; Купер, Пустаи 1993: 76—77], в среднеобских говорах [Быконя и др. 2005: 340—341] и в материалах Н. П. Григоровского и свт. Макария за конец XIX в. [Григоровский 1879; Helimski 1983; Приложение 7-е 1888; Макарий 1900].

Таблица 10. Личные местоимения в лативе

Число	Лицо	Тазовский диалект	Нарымский диалект	Свт. Макарий (нарымский диалект)	Среднеобские говоры	Свт. Макарий (среднеобской диалект)	Н.П. Григоровский (нижнечаинский диалект)
Ед. ч.	1	<i>mäkkä~ matqäk/-ŋ</i>	<i>mēka</i>	<i>мека</i>	<i>mēka</i>	<i>мека, мекен (мекан, меган, мегей)</i>	<i>меген, менга</i>
	2	<i>tänty~täntynyŋ/ -k ~ tatqänty</i>	<i>tēka</i>	<i>тека, тегенды</i>	<i>teka</i>	<i>тека (текка)</i>	<i>теген, тенга</i>
	3	<i>təpynyn/- k~təpytkinī</i>	<i>tabən</i>	<i>табын</i>	<i>tabin (< *tabini), tabendə, tabet (< *tabett < *tabenti)</i>	<i>табыни (табыний, тыпыны)</i>	<i>табни</i>
Мн. ч.	1	<i>mēqyŋyt/-n</i>	<i>miŋənut</i>	<i>мийгынут</i>	<i>miqind</i>	—	<i>мегунт</i>
	2	<i>tēqyŋcyt/-n</i>	<i>tiŋəndət</i>	<i>тийгынтат</i>	<i>t'iqind</i>	<i>тегентыт (тегенныт, тегантыт, тегантет, тегинтет, тийгындыт)</i>	<i>тегендылт</i>
	3	<i>təpytytkinī</i>	<i>tablan</i>	<i>табыдан</i>	<i>tablandə, tābedend, tabjđintj, tabjdet, tablan (< *tablani)</i>	<i>тыбылани</i>	<i>таблани</i>

Анализ таблицы 10 показал, что формирование личных местоимений в лативе в тазовском диалекте в большинстве случаев отличается от формирования местоимений в лативе в центральных и южных диалектах селькупского языка, где отмечается единая стратегия их образования. Наблюдаются различия в использовании согласных в ауслaute согласно распределению: Юж. *-m, -n, -ŋ*; Центр. *-p, -t, -k*; Сев. *-m/-p (~∅), -n/-t (~∅), -ŋ/-k (~∅)* [Хелимский 1985].

1) В тазовском диалекте прослеживается следующая рефлексия носовых и смычных согласных в ауслaute для 1SG.LAT и 2SG.LAT — *-ŋ~-k* (ср. *matqäk/-ŋ*) и (*täntynyŋ/-k*). В нижнечаинском диалекте (Н. П. Григоровского) и среднеобском диалекте (свт. Макария) в 1SG.LAT используется *-n > -ŋ* (ср. *мекен*), также в нижнечаинском диалекте в 2SG.LAT — *-n > -ŋ* (*теген*).

2) Также в тазовском диалекте наблюдается следующее распределение согласных в ауслaute — *-n~-t* (1PL *mēqyŋyt/-n*, 2PL *tēqyŋcyt/-n*), в то время как во всех центральных и южных диалектах — *-t* (1PL *miŋənut*, 2PL *tiŋəndət*).

3) Во всех диалектах совпадают формы 1SG.LAT *mäkkä~matqäk/-ŋ*, но все остальные формы тазовского диалекта отличаются от форм центральных и южных диалектов.

Локативные падежи. Далее обсуждаются падежи локатив 1 *-ген* и локатив 2 *-нан*, которые совмещают в себе функции локатива и аблатива. Локативно-аблативная семантика локатива 2 объясняется редуцированием праселькупского показателя падежа *-nanj* до формы *-nan* и дальнейшего сложения аблативного маркера *-nan* с локативным маркером *-nan* [Беккер 1995а: 229]. Такое же редуцирование и сло-

жение показателей представлено для локатива 1 (см. локатив 1 в разделе «Существительное»), однако местоименных примеров этого явления в памятнике не зафиксировано.

Локатив 1 (Локатив-аблатив 1): *-ген*
Те-ген-(н)д — 2SG-LOC1-POSS.2SG ‘у тебя’

Локатив 2 (Локатив-аблатив 2): *-нан*
Ма-нан — 1SG-LOC2 ‘от меня, у меня’
Тан-нан — 2SG-LOC2 ‘от тебя, у тебя’
Табы-нан — 3SG-LOC2 ‘у него, от него’

Комитатив. Личные местоимения в комитативе имеют показатели *-си, -ге (-е, -ы)*.

Ма(с)-си — 1SG-COM ‘со мной’
Та(с)-си — 2SG-COM ‘с тобой’
Таб-е — 3SG-COM ‘с ним’
Мий-ге — 1PL-COM с нами’
Тий-ге — 2PL-COM ‘с вами’
Табы-д-ы — 3SG-PL-COM ‘с ними’

5.2 Вопросительные местоимения *коды* ‘кто’ и *кай* ‘что’

В материалах памятника встречаются вопросительные местоимения *коды* ‘кто’ и *кай* ‘что’. Падежные суффиксы вопросительных местоимений совпадают с соответствующими падежными суффиксами существительных.

Падежная парадигма местоимения *коды* ‘кто’

Коды ‘кто’
*Куда-т*²⁰ — кто-GEN ‘чей?’
Кудо-п — кто-ACC ‘кого’
Куды-н — кто-LAT2 ‘кому’
Куды-нинн — кто-LOC2 ‘от кого, у кого’
Куд-е — кто-COM ‘с кем?’

Падежная парадигма местоимения *кай* ‘что’

Кай-гат — что-LOC1 ‘где’
Кай-гынды — что-ABL1 ‘от чего, откуда’
Ка-е — что-COM ‘с чем?’
Кай-т-ко — что-GEN-TRSL ‘зачем’

5.3 Возвратно-личные и указательные местоимения

В памятнике зафиксирован один случай использования возвратно-личного местоимения *он-* ‘сам’ в 3 л. ед. ч. *он-чь* сам-3SG ‘сам’, и два указательных местоимения — *на* ‘этот’ и *точа* ‘тот’.

5.4 Наречия, прилагательные и числительные от местоименных основ

В материалах памятника зафиксированы наречия, прилагательные и числительные, образованные от местоименных основ. Формальным показателем прилагательных в этих случаях служит суффикс *-л*, показателем наречий — соответствующие послелогии и маркеры падежей. Приведем некоторые примеры.

Ку-ча-т — PRON.STEM-PSTP-LAT ‘куда’
То-ганды — там-ABL1 ‘оттуда’
Ты-ында — сюда-ABL1 ‘отсюда’
Кай-ль — что-ADJZ ‘какой?’
Ку-ша-мдже-ль — PRON.STEM-PSTP-ORD-ADJZ ‘который, сколький’

Далее приведена таблица 11, отражающая статистику встречаемости падежей с местоимениями и местоименными наречиями.

²⁰ Также в оригинале предлагается перевод ‘который из числа других’.

Таблица 11. Статистика встречаемости падежей с местоимениями и местоименными наречиями в книге свт. Макария

Падежи	Количество употреблений	
	В ауслауте	Не в ауслауте
GEN <i>-н</i>	–	8
GEN <i>-т</i>	2	3
ACC <i>-п</i>	1	–
LAT 1 <i>-т</i>		1
LAT 2 <i>-н</i>		4
LAT <i>-qV (+GEN+POSS)</i>		8
LOC 1 <i>-ген</i>	–	2
LOC 1 <i>-гат</i>	1	–
LOC 2 <i>-нан (-ннан, -нинн)</i>		6
ABL 1 <i>-гынды (-ганды, -ында)</i>		4
COM <i>-си</i>		3
COM <i>-гè (-е, -ы)</i>		6
TRSL <i>-ко</i>		1

Подводя итоги, отметим, что, согласно распределению носовых и смычных в ауслауте (Юж. *-т, -н, -п*; Центр. *-р, -т, -к*; Сев. *-т/-р (~∅), -н/-т (~∅), -п/-к (~∅)*), нельзя точно охарактеризовать данный диалект, так как имеется всего 4 примера GEN *-т*, ACC *-п*, LOC 1 *-гат*, не отражающие полную картину. В диалекте встречаются показатели комитатива COM *-си* и *-гè* (ср. переход **s > h, ç* и **ps > f* в нарымском диалекте селькупского языка). Маркер *-си* является остаточным явлением, т. к. в XIX в. нарымский диалект характеризовался вполне последовательным употреблением *h, f* вместо **s, *ps* (записи М. А. Кастрена) [Хелимский 1985].

6. Заключение

Данное описание представляет состояние именной и местоименной морфологии нарымского диалекта селькупского языка, зафиксированного на конец XIX в.

1. Существительное

Категория числа: ед. ч. ∅; мн. ч. *-т*.

Категория падежа: номинатив ∅; генитив *-н, -т*; аккузатив *-н, -м*; латив 1 *-нд (-нт, -нч)*; латив 2 *-н (-но, на)*; древний показатель латива *-гы (-га, -кы)*, употребляющийся только в посессивном склонении: *-ге+GEN+POSS*; локатив *-н (-нн)*; локатив 1 *-гон (-гоын, -гоин, -кын, -гын) -гыт (-гат, -гот, -кат)*; локатив 2 *-нан (-ннан, -нен, -ныан)*; аблатив *-нентак*; аблатив 1 *-гонды (-енды)*; аблатив 2 *-нанды (-нянды)*; пролатив *-ут*; комитатив *-хè (-е, -ге, -фè)*; каритив *-галак*. Важно отметить, что латив 2, локатив 2 и аблатив 2 употребляются как с одушевленными, так и неодушевленными объектами, а локатив 1 и локатив 2 в ряде случаев имеют эксплицитную аблативную семантику.

Категория посессивности: а) посессивные суффиксы в номинативе или аккузативе: *-м* 'POSS.1SG', *-л (-лы)* 'POSS.2SG', *-д (-де, -ды, -дь, -ты, -т)* 'POSS.3SG', *-ут (-еут)* 'POSS.1PL', *-лыт* 'POSS.2PL'; б) посессивные суффиксы в прочих падежах *-к* 'POSS.1SG' и *-нд* 'GEN-POSS.3SG'.

Предикативные формы: Noun+LOC1+PRD (PRD.3SG *-ек*).

Также было рассмотрено словообразование, в рамках которого мы выделили существительные-композиции и существительные-дериваты.

Существительные-композиции: а) ADJ+NMNLZ (см. *кыду-л-гун* — мудрость.шамана-ADJz-человек 'шаман'), б) PRS.PTCP+NMNLZ (см. *каудыр-тыл куп* — шаманить-PRS.PTCP человек 'шаман'), в) Noun+Noun (см. *à-тон* — рот-край 'губы'), г) Noun+GEN+Noun (*Кõ-т-нар* — плечо-GEN-верх 'плечи').

Существительные-дериваты: а) Noun+DIM (*-ка (-кы)*); б) V+NMNLZ (*-мо*).

2. Местоимение

Личные местоимения:

Категория числа: ед. ч. ∅; мн. ч. *-т*.

Категория падежа: номинатив 1SG *мат*, 2SG *тат*, 3SG *таб*, 1PL *миу*, 2PL *тиу*, 3PL, *табы-т*; генитив 3SG-GEN *табы-т*; аккумулятив 1SG-ACC.STEM-POSS.1SG *ма-ши-н*, 1SG-ACC.STEM-POSS.1SG *ма-ши-к*, 2SG-ACC.STEM-GEN.POSS.2SG *та-ши-нд*, 3SG-ACC *табо-н*, 1PL-ACC.STEM-POSS.1PL *миу-ш-ут*, 2PL-ACC.STEM-GEN-POSS.3PL *тиу-жи-н-дат*, ACC.STEM-GEN-POSS.3PL *ши-н-дат*, 3SG-ACC-? *табы-н-дан*; латив 1SG-LAT *ме-ка*, 2SG-LAT *те-ка*, 2SG-LAT-GEN.POSS.2SG *те-ге-нды*, 3SG-LAT2 *табы-н*, 1PL-LAT-GEN-POSS.1PL *миу-гы-н-ут*, 2PL-LAT-GEN-POSS.3PL *тиу-гы-н-тат*, 3SG-PL-LAT2 *табы-да-н*; локатив 1 2SG-LOC1-POSS.2SG *те-ген-(н)д*; локатив 2 1SG-LOC2 *ма-нан*, 2SG-LOC2 *тан-нан*, 3SG-LOC2 *табы-нан*; комитатив 1SG-COM *ма(с)-си*, 2SG-COM *та(с)-си*, 3SG-COM *таб-е*, 1PL-COM *миу-ге*, 2PL-COM *тиу-ге*, 3SG-PL-COM *табы-д-ы*. Маркер локатива 1 имеет локативно-аблативную семантику. Для местоимений 1 и 2 л. характерно, хотя и не обязательно, образование латива и аккумулятива при помощи посессивных суффиксов.

Вопросительные местоимения коды 'кто' и кай 'что' также склоняются по падежам: 1) NOM коды, GEN *куда-т*, ACC *кудо-н*, LAT 2 *куды-н*, LOC 2 *куды-нинн*, COM *куд-е*; 2) LOC1 *кай-гат*, ABL1 *кай-гынды*, COM *ка-е*, TRSL *кай-т-ко*.

Возвратно-личное местоимение *оп-* 'сам' — сам-3SG 'сам'.

Указательные местоимения: *на* 'этот' и *точа* 'тот'.

Наречия, прилагательные и числительные от местоименных основ: формальным показателем прилагательных в этих случаях служит суффикс *-л*, показателем наречий — соответствующие послелогии и маркеры падежей.

Из анализа книги свт. Макария видно, что материал представлен двумя носителями нарымского диалекта селькупского языка, предположительно проживавших в г. Нарыме. Согласно классификациям, их самоназвание на этой территории должно быть чумылькупы.

Сопоставительный анализ позволил выделить следующие отличительные черты диалекта памятника:

1) В именной и местоименной морфологии памятника используется маркер множественного числа *-т*, что сближает этот идиом с более северными центральными диалектами и позволяет дополнительно детализировать употребление маркеров PL *-ла* и *-т* внутри нарымского диалекта.

2) В диалекте материалов памятника в ауслате используются маркеры: генитива *-н*, *т*; аккумулятива *-м*, *-н*; локатива *-н*; локатива 1 *-гон*, *-гыт*; аблатива *-нентак*; пролатива *-ут*; POSS.1SG *-м* (NOM), *-к*, *-н* (LAT, ACC); и личные местоимения: 1SG *мат*; 2SG *тат*. Данные черты также видно и из графического написания, таких лексем как *ак* 'рот, отверстие', *куп* 'человек', *ноп*, *нум* 'Бог', *тадык* 'правый'. Согласно распределению носовых и смычных в ауслате (Юж. *-т*, *-н*, *-п*; Центр. *-р*, *-т*, *-к*; Сев. *-м/-р* (~∅), *-н/-т* (~∅), *-п/-т* (~∅) [Хелимский 1985]), в диалекте идиома проявляются смешанные признаки, однако смычные согласные в ауслате встречаются в нем более чем в 2 раза чаще, чем носовые. В современном нарымском диалекте наблюдаются практически те же маркеры, с поправкой на объемы материала.

3) В памятнике используются маркеры комитатива *-хè* (*-е*, *-ге*, *-фè*, *-ы*), *-си* (2 примера). Это соответствует критериям нарымского диалекта, где к XIX в. произошел переход **s > h, ç* и **ps > f* [Хелимский 1985], а 2 случая использования согласной *с* можно отнести к остаточному явлению. Данные особенности также прослеживаются в таких словах памятника как *хейльч* 'семь', *хумблаг* 'пять', *хай* 'глаза', *хва* 'хороший', *хвер-* 'любить', *холак* 'колотушка', *хынджет* 'локоть', *хийч* 'сердце', *хугульдже* 'сзади'. Материалы современного нарымского диалекта и идиома свт. Макария совпадают в этом ключе.

4) В памятнике используется местоименная основа аккумулятива *ши*, а также ряд таких лексем как *кошкыд* 'дьявол', *кошты-* 'узнать', *ше* 'язык', *шиди* 'два', *шидаро* 'двадцать', *шундчи-* 'кончиться', *шундчит-* 'закончить', *нуниуче* 'небо', где, согласно диалектологическому разделению критериев **šj > s* в южных диалектах: Сев., Центр. *šj*; Юж. *s* [Хелимский 1985], обнаруживается маркер *ш*, что совпадает и с его использованием в современном нарымском диалекте.

5) В материалах свт. Макария маркеры прилагательного имеют следующие формы: *-л*, *-й* (2 примера). В соответствии с диалектологическим критерием соответствия согласных Юж. *-j*; Центр. *-l/-lj*, Сев. *-lj* [Хелимский 1985], в тексте памятника в абсолютном большинстве случаев используется суффикс ADJz *-л*. При сравнении с данными по современному нарымскому диалекту никаких изменений обнаружено не было [Архив ЛЯНС С 38 1971: 611—279, С 42 1971: 141—279] — здесь последовательно используется маркер *-л*.

6) В материале памятника за конец XIX в. используются суффиксы с локативно-аблативной семантикой LOC 1 *-гыт/-гон* и LOC 2 *-нан*. При сравнении с нарымским диалектом за XX в. аблативная семантика суффиксов не проявляется. В материалах свт. Макария 1 раз встретился сложный суффикс *-нентак* — LOC2+прочь. Схожие суффиксы употребляются и в современных обских говорах (куда входит и нарымский диалект).

7) Маркер локатива 2 *-nan*, имеющий инновационный характер, встречается во всех южных и центральных диалектах селькупского языка, в том числе в диалекте свт. Макария, но отсутствует в северных диалектах.

8) Аблатив 1 и аблатив 2 из памятника, имеющие показатели *-гонды* и *-нанды*, выделяются только в обских говорах и среднеобском диалекте свт. Макария. Они относятся к инновациям в селькупском *-qin* (*-qini*)+*to* — ABL+ABL(прочь), *-nan* (*-nani*)+*to* — ABL+ABL(прочь) и противопоставляются тазовским *-qunu*, *-nanu* (верхнетазовский говор) и кетским *-qinni*, *-qin*, *-nanni*.

Сокращения

ABL — аблатив	LTNT — латентив
ABL1 — аблатив 1	NMNLZ — номинализатор
ABL2 — аблатив 2	NOM — номинатив
ACC.STEM — местоименная основа для аккузатива	Noun — существительное
ACC — аккузатив	ob — объектное спряжение
ADJ — прилагательное	OPT — оптатив
ADJZ — адъективизатор	ORD — порядковое числительное
CAR — каритив	PL — множественное число
COM — комитатив	POSS — посессивность
DEST — дестинатив	PRD — предикатив
DIM — диминутив	PROL — пролатив
GEN — генитив	PRON.STEM — местоименная основа
IMP — императив	PRS — настоящее время
INTNS.PFV — интенсивно-перфективный способ действия	PST — прошедшее время
LAT — латив (древний показатель латива)	PSTN — прошедшее повествовательное
LAT1 — латив 1 (иллатив)	PSTP — послелог
LAT2 — латив 2 (датив-аллатив)	PTCP — причастие
LOC — локатив	SG — единственное число
LOC1 — локатив 1	TRSL — транслатив
LOC2 — локатив 2	V — глагол
	VBLZ — вербализатор

Общие

1 — 1-е лицо	мн. ч. — множественное число
2 — 2-е лицо	Сев. — северные диалекты
3 — 3-е лицо	Центр. — центральные диалекты
дв. ч. — двойственное число	Юж. — южные диалекты
ед. ч. — единственное число	

Литература

Архив ЛЯНС 1962—1985 — Архив лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Селькупы. Тома: 5, 13, 20, 27, 28, 34, 36, 38, 42, 54, 55, 56, 58, 60, 61, 64, 65. Томск, 1962—1985. {Archive of the Laboratory of Siberian Indigenous Languages TSPU. Selkup. Volumes: 5, 13, 20, 27, 28, 34, 36, 38, 42, 54, 55, 56, 58, 60, 61, 64, 65. Tomsk, 1962—1985.}

Байдак 2010 — Байдак А. В. Средства выражения одушевленности/неодушевленности в селькупском языке // Вестник Томского государственного университета. 2010, 338. С. 7—13. {Baydak A. V. Means of expressing animateness/inanimateness in Selkup // Tomsk State University Journal. 2010. Vol. 338. P. 7—13.}

Беккер и др. 1995а — Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 1. Томск, 1995. {Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A. Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Part 1. Tomsk, 1995.}

Беккер и др. 1995б — Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 2. Томск, 1995. {Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A. Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Part 2. Tomsk, 1995.}

Быконя и др. 2005 — Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. {Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P. Selkup-Russian dialectal dictionary. Tomsk, 2005.}

- Глушков и др. 2013 — Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография. Томск, 2013. С. 49—63. {*Glushkov S. V., Baydak A. V., Maksimova N. P. Selkup dialects // Selkups: Surveys of traditional culture and language. Tomsk, 2013. P. 49—63.*}
- Григоровский 1879 — Григоровский Н. П. Азбука сюзогой гулани / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Издание православного миссионерского общества. Казань, 1879. {*Grigorovsky N. P. ABC book for Sjuusogoj gulani / Compiled by N. P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Publication of the Orthodox Missionary Society. Kazan, 1879.*}
- Казакевич, Будянская 2010 — Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург, 2010. {*Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. Dialectological dictionary of the Selkup language (northern dialect). Yekaterinburg, 2010.*}
- Кузнецова и др. 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 1. М., 1980. {*Kuznetsova A. I., Helimski E. A., Grushkina E. V. Essays on the Selkup language. Taz dialect. Vol. 1. Moscow, 1980.*}
- Купер, Пустай 1993 — Купер Ш., Пустай Я. Селькупский разговорник (нарымский диалект). Specimina Sibirica. Redigit Janos Pusztay. Tomus 7. Savariae, 1993. {*Kuper Sh., Pustai Ya. Selkup phrasebook (Narym dialect). Specimina Sibirica. Redigit Janos Pusztay. Tomus 7. Savariae, 1993.*}
- Макарий 1900 — Макарий, Епископ Томский (Е. Н.) Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков. Томск, 1900. {*Macarius, Bishop of Tomsk (E. N.) Conversations about the true God and true faith in the dialect of the Ob Ostyaks. Tomsk, 1900.*}
- ОАКМ 1888 — Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. Томск, 1888. {*Report on the Altai and Kirghiz missions for 1887. Tomsk. 1888.*}
- Приложение 7-е 1888 — Приложение 7-е. Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края // Приложения к отчету об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. Томск, 1888. С. 51—65. {*Appendix 7. Materials for acquaintance with the Ostyak dialect of the Narym krai // Appendices to the report on the Altai and Kirghiz missions for 1887. Tomsk, 1888. P. 51—65.*}
- Прокофьев 1935 — Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Часть 1. Селькупская грамматика. Л., 1935. {*Prokofyev G. N. Selkup (Ostyak-Samoyed) language. Part 1. Selkup grammar. Leningrad, 1935.*}
- Фендель 2014 — Фендель Е. Р. Коренные народы нарымского края в трудах Макария (Невского) (1835—1926): к проблеме теоретико-методологических оснований / Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2014, 3 (29). С. 101—107. {*The research legacy on aboriginal peoples of Narym krai of Macarius (Nevski) (1835—1926): to theoretical approaches problem / Tomsk State University Journal of History. 2014, 3 (29). P. 101—107.*}
- Хелимский 1985 — Хелимский Е. А. К исторической диалектологии селькупского языка // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 42—58. {*Helimski E. A. On account of the historical dialectology of the Selkup language // Comparative studies, Uralic studies: Lectures and articles. M., 2000. P. 42—58.*}
- Хелимский 2007 — Хелимский Е. А. Северноселькупский словарь (Тазовский диалект). (PDF file); отредактированная версия. 2007. {*Helimski E. A. Northern Selkup dictionary (the Taz dialect). (PDF file); edited version. 2007.*}
- Alatalo 2004 — Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki, 2004.
- Décsy 1990 — Décsy G. The Uralic Protolanguage: A Comprehensive Reconstruction. Eurolingua. Bloomington, 1990.
- Janhunen, 1977 — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.
- Janurik 1978 — Janurik T. A szölkup nyelvjárások osztályozásához // NyK 1978, 80. P. 77—104.
- Helimski 1983 — Helimski Eu. The Language of the First Selkup Books. Szeged, 1983.

К типологии императива: семантика приимперативных маркеров в горномарийском языке

Мордашова Дарья Дмитриевна, МГУ им. М. В. Ломоносова,
Институт языкознания РАН (Москва); mordashova.d@yandex.ru

В статье рассматриваются три маркера, способные сочетаться с формой императива в горномарийском языке (марийские < уральские): два собственно императивных маркера (клитика =aj и суффикс -əma) и транскатегориальная частица =jä. Данные показатели неодинаково взаимодействуют с исходной семантикой побуждения, и в статье ставится цель определить, каков семантический и прагматический вклад каждого из них. Отсутствие в типологических работах четкого механизма исследования приимперативных маркеров (как и в целом показателей (не)категоричности) вызвало необходимость предложить набор факторов, которые могут быть релевантны при выборе маркера. На основании типологических работ, посвященных семантике императива, к числу таких факторов были отнесены: тип директивного речевого акта, социальный статус собеседников, сочетаемость со специфическими директивными контекстами (юссив, прохибитив). С учетом выделенных параметров анализируются семантические и морфосинтаксические свойства горномарийских маркеров; для каждого маркера предлагается возможный семантический инвариант. В результате удается получить четкое разделение маркеров на два класса: к первому относятся маркеры, чувствительные к типу речевого акта и демонстрирующие разные семантические эффекты в контекстах речевых актов разных типов. Внутри этого класса противопоставлены маркеры =aj и =jä, ориентированные на разных участников речевого акта (адресата и говорящего соответственно). Маркер -əma относится ко второму классу и противопоставляется другим маркерам, поскольку его употребление не вызывает значимых семантических эффектов в различных речевых актах, однако имеет больше структурных ограничений. С точки зрения семантики, данный маркер рассматривается в качестве нейтрального средства смягчения побуждения.

Ключевые слова: приимперативные маркеры, горномарийский язык, семантика, прагматика

TOWARDS THE TYPOLOGY OF IMPERATIVE: SEMANTICS OF IMPERATIVE MODIFIERS IN HILL MARI

Daria D. Mordashova, Moscow State University;
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); mordashova.d@yandex.ru

The paper considers three modifiers that can be combined with the imperative in Hill Mari (Mari < Uralic): two imperative-specific modifiers (a clitic =aj and a suffix -əma) and a transcategorical particle =jä. These modifiers interact with the semantics of imperative in different ways, and the paper aims to determine their semantic and pragmatic contribution. The lack of a clear mechanism for the cross-linguistic study of imperative modifiers (as well as markers of (non-)categoricity in general) made it necessary to suggest a set of factors that may be relevant when choosing a particular modifier. Based on typological works devoted to the semantics of the imperative, the following factors have been taken into account: type of the directive speech act, social status of the interlocutors, compatibility with specific directive contexts (jussive, prohibitive). Taking into account the selected parameters, semantic and morphosyntactic properties of the Hill Mari imperative modifiers are analyzed, and a possible semantic invariant for each modifier is proposed. As a result, one gets a clear-cut division of the modifiers into two classes: the first class is represented by modifiers that are sensitive to the type of speech act and demonstrate various semantic effects in the context of different speech act types. Within this group, =aj and =jä are contrasted to each other, focusing on different participants of the speech act (the addressee and the speaker, respectively). The marker -əma belongs to the second class and is opposed to other markers, since its use does not yield significant semantic effects in various speech acts, but it has some certain morphosyntactic constraints. Semantically, this marker is considered as a neutral means of attenuating the directive speech act.

Keywords: imperative modifiers, Hill Mari, semantics, pragmatics

1. Введение

Существует довольно обширный пласт литературы, посвященной императивным формам в языках мира или представляющей результаты исследования императива в отдельно взятом языке (см., среди прочего, [Храковский, Володин 1986/2001; Храковский (ред.) 1992; van der Auwera et al. 2003; Aikhenvald 2010; Гусев 2013]). Предметом исследования зачастую становятся семантика императивных высказываний и их морфосинтаксические особенности, возможности употребления императивных форм в несобственно директивном значении и др. В фокусе данной статьи находится не форма императива как таковая, а набор средств, влияющих на ее семантическую и прагматическую интерпретацию в горномарийском языке (< марийские < уральские).

Речь пойдет о приимперативных маркерах $=aj$ и $-\hat{a}ta$, а также о транскатегориальной частице $=j\ddot{a}$, которая может сочетаться с императивом. К форме императива также может присоединяться транскатегориальная частица $=ok$, которая в статье не рассматривается (подробнее о ее свойствах, в том числе о приимперативных употреблениях, см. [Кашкин и др. 2018]). Материал был собран в ходе горномарийских экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в село Кузнецово Горномарийского района республики Марий Эл. Работа велась также в окрестных деревнях: Тюманово, Апшак-Пеляк, Паулкино, Кожланангер. Данные были получены преимущественно методом анкетирования информантов; такие примеры подаются в статье без специальных помет. Кроме того, привлекается материал корпуса текстов, собранных коллективом экспедиции (текущий объем составляет около 63,5 тыс. словоупотреблений).¹ При таких примерах указывается название текста в корпусе и номер предложения. Все примеры, полученные в полевых условиях, приводятся в фонологической транскрипции, используемой коллективом экспедиций. При цитировании из других источников сохраняются используемые в них системы записи.

Прежде чем перейти к основной части изложения, стоит кратко описать текущее состояние исследований приимперативных показателей. В типологических работах на настоящий момент отсутствует какой бы то ни было механизм их изучения (это касается и в целом показателей (не)категоричности, см. [Гусев 2013: 80]). Как правило, подобные маркеры упоминаются в качестве иллюстрации различных форм вежливости, грамматикализованных в языках мира, и описание их семантики не выходит за рамки того, что дается в грамматическом описании того или иного языка. Для типологического исследования такой подход вполне оправдан, поскольку анализ объемной выборки не дает возможности углубляться в частности прагматики отдельно взятых показателей. Впрочем, существуют конкретноязыковые исследования императивных конструкций с подобными маркерами: для русского языка следует отметить работы [Храковский, Володин 1986/2001: 176—194] о частицах *-ка*, *пожалуйста* и *же*, [Левонтина 1991; Фортейн 2008] о частице *-ка*. Мы рассмотрим материал горномарийского языка сквозь призму противопоставлений, отмечавшихся в типологических работах по семантике императива, но еще не применявшихся в явном виде в отношении приимперативных маркеров.

Дальнейшее изложение имеет следующую структуру. В разделе 2 будут описаны основные способы выражения побуждения в горномарийском языке, образование глагольных форм с этой функцией и морфонологические особенности приимперативных маркеров. В разделе 3 будет дан обзор наблюдений о марийских приимперативных маркерах по работам предшественников. В разделе 4 будут определены параметры, релевантные для выбора того или иного маркера, после чего в разделе 5 будет представлена характеристика каждого из маркеров по выделенному набору параметров. Раздел 6 содержит обобщение данных и основные выводы.

2. Структура семантической зоны побуждения в горномарийском языке

Прототипический императив предполагает, что будущим исполнителем некоторого действия является непосредственный адресат говорящего, однако не исключается возможность различного рода «смещенных» побуждений, обращенных к первому (гортатив) или третьему (юссив) лицу. В [Храковский (ред.) 1992: 8] императивом обозначается выражение побуждения к любому лицу, в [van der Auwera et al. 2003] рассматривается императивно-гортативная зона в таком же широком понимании, включающем все релевантные личные формы. В настоящей статье мы будем придерживаться более «узкой» трактовки: императивом далее будут называться исключительно формы, обращенные ко второму лицу (1)—(2). Формы побуждения, относящиеся к третьему лицу, будут именоваться юссивными (3)—(4).

¹ Корпус доступен по ссылке: <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>.

- (1) *kn'igä-m juk dono lät-∅*.
книга-ACC голос с читать-IMP
'Читай книгу вслух'.
- (2) *t'et'ä-vlā šäšer-äm jü-dä, šuläk-an li-dä*.
ребенок-PL молоко-ACC пить-IMP.2PL здоровье-PROP становиться-NPST.2PL
'Пейте, дети, молоко, будете здоровы'.
- (3) *(tädä) kelesä-žä ma-m tumaj-a*.
он сказать-JUSS.SG что-ACC думать-NPST.3SG
'Пусть скажет, что думает'.
- (4) *(nänä) jü-štä šukä-rak väd-äm*.
они пить-JUSS.PL много-CMPR вода-ACC
'Пусть они пьют больше воды'.

Гортативное значение передается в горномарийском аналитически: с помощью частиц *ajda* (тж. *ajdate*) и *äldä*, а также их русских коррелятов *давай* и *давайте*. Эти частицы присоединяются к форме не прошедшего времени 1PL (5)–(6).

- (5) *nänä-m ajda kăčäl-∅ ke-nä, man-eš*.
они-ACC айда искать-CVB идти-NPST.1PL говорить-NPST.3SG
'«Айда пойдем их искать», — говорит'. [Корпус: «Сказка о животных», 48]
- (6) *jar-a, — man-ät, — ä'n'e äld-dä ke-nä papa do-c-än prazn'ik-eš*.
годиться-NPST.3SG говорить-NPST.3PL значит JUSS-2PL идти-NPST.1PL бабушка у-EL-FULL праздник-LAT
'Ну ладно, — говорят, — значит, айда, к празднику от бабки уйдем'. [Корпус: «Сказка о животных», 15]

Далее будут описаны способы образования императивных и юссивных форм (подробнее о формообразовании см. [Alhoniemi 1993: 122; Саваткова 2002: 185—189; Krasnova et al. 2017: 136—140]). Форма императива 2SG представляет собой чистую глагольную основу с нулевым маркером императива. Форма 2PL императива маркирована показателем *-da/-dä* с учетом гармонии гласных. Отрицательная форма императива строится аналитически, с помощью отрицательного глагола *i-t* и *i-dä* в формах единственного и множественного числа соответственно и чистой основы лексического глагола. Глагольное словоизменение в императиве представлено в таблице 1 на примере глаголов *tolaš* 'приходить' (I спряжение, основа на согласный), *jüäš* 'пить' (I спряжение, основа на гласный), *kelesäš* 'говорить' (II спряжение, основа на согласный / редуцированный гласный) и *miäš* 'приходить' (II спряжение, основа на гласный полного образования).

Таблица 1. Глагольное словоизменение в форме императива

Глагол	Форма императива			
	2SG	NEG.2SG	2PL	NEG.2PL
<i>tolaš</i>	<i>tol-∅</i>	<i>i-t tol</i>	<i>tol-da</i>	<i>i-dä tol</i>
<i>jüäš</i>	<i>jü-∅</i>	<i>i-t jü</i>	<i>jü-dä</i>	<i>i-dä jü</i>
<i>kelesäš</i>	<i>kelesä-∅</i>	<i>i-t kelesä</i>	<i>kelesä-dä</i>	<i>i-dä kelesä</i>
<i>miäš</i>	<i>mi-∅</i>	<i>i-t mi</i>	<i>mi-dä</i>	<i>i-dä mi</i>

Юссив представлен формами 3 лица единственного и множественного числа. Формы 3SG образуются с помощью аффиксов *-žä/-žä/-šä/-šä*. Формы 3PL маркированы показателем *-(ä)štä/-(ä)štä*. Отрицательная форма юссива образуется с помощью отрицательного глагола *änžä*, имеющего вид *änžä* и *änžä-štä* в формах единственного и множественного числа соответственно (в некоторых идиолектах допускается употребление глагола *änžä* и для множественного числа). За отрицательным глаголом *änžä* в случае единственного числа следует чистая основа глагола, а за отрицательным глаголом *änžä-štä* (или *änžä* в случае множественного числа в тех идиолектах, где это допустимо) следует основа глагола с суффиксом *-ep*. Глагольное словоизменение в юссиве представлено в таблице 2 на примере глаголов *tolaš* 'приходить' (I спряжение, основа на согласный из ряда *j, l, m, n, n', r, ng*, после которого присоединяется юссивный алломорф *-žä/-žä*), *užäš* 'видеть' (I спряжение, основа на согласный, присоединяющая юссивный алломорф *-šä/-šä*), *jüäš* 'пить' (I спряжение, основа на гласный полного образования), *kelesäš* 'говорить' (II спряжение, основа на согласный / редуцированный гласный) и *miäš* 'приходить' (II спряжение, основа на гласный полного образования).

Таблица 2. Глагольное словоизменение в форме юссива

Глагол	Форма юссива			
	3SG	NEG.3SG	3PL	NEG.3PL
<i>tolaš</i>	<i>tol-žê</i>	<i>ânžê tol</i>	<i>tol-âštê</i>	<i>ânžê(-štê) tol-ep</i>
<i>užaš</i>	<i>už-šê</i>	<i>ânžê už</i>	<i>už-âštê</i>	<i>ânžê(-štê) už-ep</i>
<i>jüäš</i>	<i>jü-žê</i>	<i>ânžê jü</i>	<i>jü-štê</i>	<i>ânžê(-štê) jü-ep</i>
<i>kelesäš</i>	<i>kelesê-žê</i>	<i>ânžê kelesê</i>	<i>kelesê-štê</i>	<i>ânžê(-štê) keles-ep</i>
<i>miäš</i>	<i>mi-žê</i>	<i>ânžê mi</i>	<i>mi-štê</i>	<i>ânžê(-štê) mi-ep</i>

Как уже было сказано во введении, форма императива в горномарийском языке допускает присоединение целого ряда приимперативных маркеров: $=jä$ (не подчиняется гармонии гласных), $=aj/=äj$ (к форме IMP.2PL присоединяется алломорф $=j$) и $-êma/-êmä/-emä$. Выбор алломорфа последнего из маркеров определяется типом спряжения глагола. В I спряжении выступает вариант с начальным $â/ë$, во II спряжении — вариант с начальным e . Маркеры $=jä$ и $=aj/=äj$ являются энклитиками, в то время как маркер $-êma$ и его алломорфы являются суффиксами, присоединяясь к форме 2PL до показателя $-da/-dä$. Иллюстрация глагольных словоформ в сочетании с приимперативными маркерами приводится в таблице 3. Формы юссива также допускают присоединение этих маркеров, ограничения на их сочетаемость описаны в разделе 5.

Таблица 3. Присоединение частиц к формам императива от глаголов *tolaš* ‘приходить’, *näläš* ‘брать’, *kandaš* ‘приносить’ и *miäš* ‘приходить’

Частица	Глаголы I спряжения		Глаголы II спряжения	
	2SG	2PL	2SG	2PL
$=jä$	<i>tol=jä</i> <i>näl=jä</i>	<i>tol-da=jä</i> <i>näl-dä=jä</i>	<i>kandê=jä</i> <i>mi=jä</i>	<i>kandê-da=jä</i> <i>mi-dä=jä</i>
$=aj/=äj$	<i>tol=aj</i> <i>näl=äj</i>	<i>tol-da=j</i> <i>näl-dä=j</i>	<i>kand=aj</i> <i>mi=äj</i>	<i>kandê-da=j</i> <i>mi-dä=j</i>
$-êma/-êmä/$ $-emä$	<i>tol-êma</i> <i>näl-êmä</i>	<i>tol-êma-da</i> <i>näl-êmä-dä</i>	<i>kand-emä</i> <i>mi-emä</i>	<i>kand-emä-dä</i> <i>mi-emä-dä</i>

В словоформе допускается одновременное употребление одного из собственно приимперативных маркеров $=aj$ или $-êma$ и транскатегориальной частицы $=jä$:

- (7) *šajâšt-∅ pu-emä-∅=jä akpars-et-šê giš-än vätê-žê*
 говорить-CVB давать-POL2-IMP=CONTR Акпарс-POSS.2SG-POSS.3SG o-LAT2 женщина-POSS.3SG
giš-än jamak-et-šê-m.
 o-LAT2 сказка-POSS.2SG-POSS.3SG-ACC
 ‘Расскажи-ка про Акпарса, про его жену легенду’. [Корпус: «Акпарс», 1]

3. Освещение приимперативных маркеров в работах предшественников

Различные классы частиц нередко обсуждались в работах по марийским языкам. Так, в [Сибатрова 1987] рассматриваются горномарийские частицы, среди которых в отдельный класс выделяются «модально-волевые» частицы. В число таковых включаются, в частности, интересующие нас $-aü$, $-äü$ ‘-ка’ и $-ыма$, $-ема$ ‘же, -ка’ (обе выражают «побуждение, просьбу, смягченное требование совершения какого-нибудь действия» [Сибатрова 1987: 121]), а также $ÿä$ ‘ну’ (в большинстве случаев обозначает «приказ, побуждение к действию» [Сибатрова 1987: 122]). В [Эрцикова 2016: 12] упоминается возможность употребления «усилительно-выделительной» частицы $-ок$ ‘-ка’ с глаголами повелительного наклонения: в этом случае волеизъявление приобретает «смягченный характер».

В марийских грамматиках об употреблении частиц (включая $-êma$, которая в настоящей статье описывается как суффикс, а не частица) при формах императива содержится информация различной степени подробности. Нередко такие частицы трактуются как «усилительные», тем или иным образом модифицирующие значение побуждения, придающие формам императива «своеобразные экспрессивные значения» (см. [Саваткова 2002: 189]). Так, в грамматическом очерке [Коведяева 1976: 71] сообщается, что в горномарийском языке «понудительное значение глагола повелительного наклонения может быть уси-

лено при помощи усилительных частиц *-ма*, *-ай*, *-ок*, *-йя*» (о наличии подобных единиц в луговом марийском при этом не говорится).

В [Alhoniemi 1993: 123] говорится о том, что выражение приказа может быть ослаблено посредством многочисленных энклитик. В луговом марийском отмечается три таких энклитики (*-ja*, *-jan*, *-at*), для горномарийского упоминается четыре (*-ma*, *-mä*; *-aj*, *-äj*; *-jä*; *-ok*). Освещение вопроса ограничивается несколькими примерами употребления энклитик, пояснений относительно значения каждой из них не дается. Аналогичные сведения по луговому марийскому языку приведены в [Матросова 2013: 130], где освещаются контексты употребления императива, а также перечисляются частицы *-я*, *-ян* и *-ат*, использующиеся «для усиления значения побуждения».

Отдельный раздел посвящен императивным «клитикам» *-ma/-mä* ~ *-ыма/-ёмä* ~ *-емä* (*-эмä*), *-ш*, *-ай/-äй* ~ *-й*, *-ок* в грамматике [Krasnova et al. 2017: 254—257], где горномарийский материал дается в сопоставлении с луговым марийским. В случае с этими клитиками, однако, провести параллелей не удастся, поскольку они не имеют когнатов в луговом марийском языке (“do not have exact correspondences in Meadow Mari” [Krasnova et al. 2017: 254]; добавим, что и в [Сибатрова 1987: 113] частицы *ай*, *-äй* ‘-ка’ и *-ыма*, *-ема* ‘же, -ка’ отмечаются как «особые», отсутствующие в луговом марийском). В целом клитики рассматриваются как средство смягчения повелительной тональности высказывания (“give a milder expressive tone to the statement” [Krasnova et al. 2017: 254]). Развернутых комментариев относительно их семантического вклада в этой работе не приводится, за исключением клитики *-ай/-äй* (*-й*), которая, как отмечают авторы, служит для смягчения речевого акта просьбы.

В грамматике [Саваткова 2002: 189—191] предпринимается попытка определения семантики приимперативных частиц (см. таблицу 4).

Таблица 4. Семантика частиц по [Саваткова 2002: 189—191]

Частица	Определение значения
<i>-(a)j/-äj</i>	«просьба с оттенком ласки, благосклонного отношения к собеседнику, являющемуся более или менее близким к говорящему»
<i>-äma/-ämä</i> , <i>-emä</i>	«просьба говорящего к собеседнику (собеседникам) в виде уговаривания, когда собеседники младше по возрасту, знакомые или близкие люди»
<i>-jä</i>	«усиление значения побуждения»

Отметим, что и в [Саваткова 2002], и в [Krasnova et al. 2017] содержатся также упоминания императивного маркера *-ш*. В первой грамматике утверждается, что он участвует в образовании смягченных форм императива 3-го лица и его значение идентично значению *-äma/-ämä*. В [Krasnova et al. 2017] *-ш* рассматривается не как коррелят *-ma/-mä* ~ *-ыма/-ёмä* ~ *-емä* (*-эмä*), а как самостоятельный маркер, употребляющийся с 3-м лицом императива (в нашей терминологии — с юссивом). При наличии этой клитики форма императива утрачивает значение категорического повеления (‘s/he should ...’) и трактуется как разрешение (‘let him/her ...’). В исследуемых нами говорах маркер *-š* также зафиксирован в различных типах контекстов, однако мы не располагаем подробными данными о его свойствах в императивных конструкциях и не будем обсуждать его далее.

4. Параметры варьирования

Противопоставление категорического/некатегорического императива наиболее проблемно для строгого определения и последовательного описания в типологических работах (см. [Гусев 2013: 80]). Под некатегорическим повелением принято понимать такую ситуацию, когда говорящий допускает невыполнение действия, исполнить которое он требует от адресата. Категорическое же повеление дополнительно осложняется наличием эмфазы: «говорящий не допускает того, что требуемое действие не будет выполнено, и особо подчеркивает это» [ibid.] (см. схожую трактовку в [Aikhenvald 2010: 202]).

В этом смысле приимперативные маркеры, рассматриваемые в нашей статье, безусловно, формируют некатегорическое директивное высказывание. Так, ни один из них невозможно употребить в категорическом контексте приказа, в котором уместна лишь форма «чистого» императива (8).

(8) *r'adovoj p'etrov kečäväl jakte jam-äm kapaj-en päť-ärä-Ø*

рядовой Петров полдень до яма-ACC копать-CVB заканчиваться-CAUS-IMP

/ **päť-är-Ø=äj*

/ **päť-är-emä-Ø*

/ **päť-ärä-Ø=jä*.

заканчиваться-CAUS-IMP=POL1

заканчиваться-CAUS-POL2-IMP

заканчиваться-CAUS-IMP=CONTR

‘Рядовой Петров, выкопай яму до обеда’.

Бинарного противопоставления категорического vs. некатегорического оказывается недостаточно для того, чтобы определить семантический вклад каждого из исследуемых приимперативных маркеров — для получения более полной семантической картины представляется необходимой многофакторная модель, которая позволила бы провести наглядное сопоставление маркеров. В данной статье мы предпринимаем попытку построения таковой, принимая во внимание несколько параметров, которые влияют на выбор маркера.

Параметр 1: тип речевого акта

Форма императива употребляется в широком спектре директивных контекстов. В отношении характеристики директивных речевых актов мы будем придерживаться классификации, предложенной в [Храковский, Володин 1986/2001] и воспроизведенной в таблице 5. Под источником импульса каузации имеется в виду, исходит ли каузация от говорящего или же является ответной реакцией на инициативу слушающего (см. [Храковский, Володин 1986/2001: 136]).

Таблица 5. Типы речевых актов по [Храковский, Володин 1986/2001]
(буквами Г и С обозначены Говорящий и Слушающий)

Тип РА	Источник импульса каузации	Исполнение каузируемого действия происходит в интересах ...	Говорящий ставит себя ... слушающего
приказ ²	Г	Г	выше
инструкция	Г	С	выше
просьба	Г	Г	не выше
предложение	Г	С	не выше
разрешение	С	С	выше
совет	С	С	не выше

Параметр 2: социальный статус собеседников и характер их взаимоотношений.

В приведенную классификацию речевых актов уже заложена возможная социальная иерархия, существующая между говорящим и слушающим (говорящий ставит себя выше / не выше слушающего). Отличие от этой иерархии здесь состоит в том, что в данном случае проверяется допустимость приимперативных маркеров в речевых актах одного типа, обращенных от вышестоящего лица к нижестоящему и наоборот, ср. просьба «сверху вниз» (от начальника к подчиненному) и «снизу вверх» (от подчиненного к начальнику). В классификации В. С. Храковского и А. П. Володина просьба характеризуется лишь с одной стороны: «говорящий ставит себя не выше слушающего».

В нашем понимании просьба «сверху вниз» не предполагает, что говорящий ставит себя выше слушающего (как это имеет место в случае приказа). Это просьба с теми же характеристиками, что выделяются в классификации В. С. Храковского и А. П. Володина, однако помещенная в контекст реально существующей социальной субординации (как утверждается в [Храковский, Володин 1986/2001: 137], отношение субординации зависит от конкретной речевой ситуации). Значение такой просьбы можно было бы сформулировать следующим образом: ‘говорящий ставит себя не выше слушающего, хотя объективно он находится выше в социальной иерархии’. Соответственно, просьба «снизу вверх» отличалась бы лишь второй частью формулировки: ‘говорящий ставит себя не выше слушающего, и объективно он находится ниже в социальной иерархии’. Вводя этот параметр, мы предлагаем проверить, может ли наличие реальной субординации и «направление» просьбы влиять на выбор приимперативного маркера.

Отметим, что в некоторых языках на выбор императивной формы (при выражении одного и того же директивного речевого акта) также может оказывать влияние характер взаимоотношений между собеседниками: так, в корейском языке выделяется шесть уровней вежливости в дополнение к нейтральному, в зависимости от того, насколько близко знакомы собеседники, сдружились ли они в школьном или взрослом возрасте, существует ли между ними субординация, насколько велика разница в возрасте и т. п. (подробнее см. [Aikhenvald 2010: 212—214]). Хотя горномарийский язык не относится к числу

² Для обозначения типов речевых актов в цитируемой работе используются метаязыковые ярлыки «приказ», «инструкция» и др., значения которых не всегда полностью совпадают со значениями соответствующих лексем в повседневном языке.

языков с грамматикализованной вежливостью, в нашем исследовании учитываются (не)равенство статусов говорящего и слушающего и степень (не)формальности отношений между ними (ср. коммуникацию между друзьями vs. коллегами по работе).

Параметр 3: ограничения на сочетаемость

В ходе исследования стало ясно, что приимперативные маркеры могут обладать ограничениями на сочетаемость с некоторыми типами морфосинтаксических контекстов. Для горномарийского языка таковыми являются контексты отрицания и юссива, которые и будут рассмотрены в статье. Вполне вероятно, что в языках с более или менее обширной императивной парадигмой число и типы таких контекстов могут оказаться совершенно другими, так что этот параметр нуждается в дальнейшем типологическом уточнении.

5. Характеристика приимперативных маркеров

Рассматриваемые маркеры имеют общее ограничение на тип речевого акта: их употребление недопустимо в контексте приказа (см. пример (8) выше) или инструкции (9).

- (9) *kornâ-m âžar tâl god-âm vele vanžâ-da*
 дорога-ACC зеленый огонь время-ACC только переходить-IMP.2PL
 / **vanžâ-da=j* / **vanž-emü-dü* / **vanžâ-da=jä*.
 переходить-IMP.2PL=POL1 переходить-POL2-IMP.2PL переходить-IMP.2PL=CONTR
 {Участковый объясняет детям:} ‘Переходите дорогу только на зеленый свет’.

Далее в разделах 5.1—5.3 каждый приимперативный маркер будет рассмотрен по отдельности на основании параметров, выделенных в предыдущем разделе, после чего для каждого маркера будет предложен возможный семантический инвариант. Многие контексты для разных типов речевых актов в этих разделах будут дублироваться, поскольку это позволяет нагляднее проиллюстрировать влияние каждого маркера на семантические и прагматические свойства высказывания.

5.1. Маркер =aj/=äj

Прежде чем перейти к семантике и прагматике, начнем рассмотрение свойств приимперативного маркера =aj с последнего параметра, связанного с ограничениями на сочетаемость. Таковых для =aj не было выявлено ни в контексте юссива, ни в контексте отрицания:

- (10) a. *maša ät'ä-ävä-žž-vlä don soredäl-∅ šänd-en. kâce ände nänä-län mirej-äš?*
 Маша отец-мать-POSS.3SG-PL с ссориться-CVB сажать-PRET как теперь они-DAT мириться-INF
 b. *zvon'-altâ-žžä dä prost'-aš jad-š=aj.*
 звонить-PUN-JUSS.SG и простить-INF просить-JUSS.SG=POL1
 ‘Маша поссорилась с родителями. Как же им теперь помириться? — Пусть позвонит им и попросит прощения’.
- (11) *ät'ä-ävä-län pačkata-n i-t pop=aj!*
 отец-мать-DAT резкий-ADV PRON-2SG говорить=POL1
 {Взрослый ласково журит ребенка:} ‘Не груби-ка родителям!’

Как было показано в таблице 4, в [Саваткова 2002: 190] значение данного маркера определяется как «просьба с оттенком ласки, благосклонного отношения к собеседнику, являющемуся более или менее близким к говорящему». Наши данные не противоречат такой интерпретации: многие информанты сходятся в том, что этот маркер наиболее уместен для выражения вежливой просьбы.

- (12) *kn'igä-m veremä-eš pu-∅=aj.*
 книга-ACC время-LAT давать-IMP=POL1
 {Я обращаюсь к другу:} ‘Одолжи мне, пожалуйста, книгу’.³

³ Как можно заметить, слово *пожалуйста* в этом и следующих примерах не имеет лексического соответствия в марийском. Мы посчитали возможным использовать его в качестве коррелята маркера =aj для более естественно-го звучания русского перевода.

- (13) *van'a kn'igä-vlä-m kab'in'et jakte namal-∅ ke-äš palš-∅=aj.*
 Ваня книга-PL-ACC кабинет до нести-CVB идти-INF помогать-IMP=POL1
 {Учительница просит ученика:} 'Ваня, помоги донести учебники до кабинета, пожалуйста'.
- (14) *män'-äm irgod-äm vaštalt-∅=aj män' ädär-em bol'n'icä-š nänge-em.*
 я-ACC завтрашний_день-ACC менять-IMP=POL1 я девушка-POSS.1SG больница-ILL увозить-NPST.1SG
 {Я обращаюсь к коллеге по работе:} 'Подмени меня завтра, пожалуйста, я везу дочь в больницу'.
- (15) *el'ena p'etrovna ti pumaga-vlä-m mä-län-em kandâ-da=j.*
 Елена Петровна этот бумага-PL-ACC я-DAT-POSS.1SG приносить-IMP.2PL=POL1
 {Начальник обращается к секретарю:} 'Елена Петровна, принесите мне эти бумаги, пожалуйста'.

Как видно из (12)—(15), употребление =aj возможно и при равном (друзья (12) или коллеги по работе (14)), и при неравном (учитель и ученик (13), начальник и подчиненный (15)) социальном статусе собеседников. По-видимому, этот маркер указывает на некое сближение социальной дистанции и доброжелательное отношение говорящего к адресату, что отчасти отмечено и в [Саваткова 2002: 190]. В (13) и (15) имеет место просьба, направленная «сверху вниз», от говорящего с более высоким статусом к слушающему с более низким статусом. В обратной ситуации (просьба «снизу вверх») маркер допускается не во всех идиолектах:

- (16) *ʔpäšä gäc irä-räk koltâ-da=j.*
 работа EL ранний-CMPR посылать-IMP.2PL=POL1
 {Обращение к начальнику:} 'Отпустите пораньше с работы, пожалуйста'.

Рассматриваемый маркер встречается в контексте просьбы и в нашем корпусе текстов. При этом возможны различные варианты соотношения говорящего и адресата: просьба «сверху вниз» от свекрови к невестке в (17), неформальная просьба при равном статусе от одного соседа к другому в (18) и просьба при равном статусе и более формальной коммуникации от покупателя к продавцу в (19).

- (17) *ves kečä-n irok=ok ävä-žä man-eš, — “šeškä, väd-län ke-∅=äj!”*
 другой солнце-GEN утро=EMPH мать-POSS.3SG говорить-NPST.3SG сноха вода-DAT идти-IMP=POL1
 'На следующий день рано утром мать говорит: «Невестка, сходи-ка за водой!»' [Корпус: «Сказка о девушке», 20]
- (18) *paškudâ män'-än äštâ-mä rul'et-äm, špik-äm provâj-en... provâj-en anž-en,*
 сосед я-GEN делать-PTCP.PASS рулет-ACC шпик-ACC попробовать-PRET попробовать-CVB смотреть-PRET
 “mä-läm=ät kopt'-en pu-∅=aj”, — man-eš.
 я-DAT-POSS.1SG=ADD коптить-CVB давать-IMP=POL1 говорить-NPST.3SG
 'Сосед попробовал сделанный мной рулет, шпик, «Мне тоже закопти», — говорит'. [Корпус: «Колбаса», 55]
- (19) *apt'ekä mar'ja gäc jad-am: “mä-läm k'islota-m*
 аптека женщина EL спрашивать-NPST.1SG я-DAT-POSS.1SG кислота-ACC
pu-da=j”, — man-am, — “l'imonnâj-äm”.
 давать-IMP.2PL=POL1 говорить-NPST.1SG лимонный-ACC
 'Женщину в аптеке спрашиваю: «Дайте мне кислоту, — говорю, — лимонную»'. [Корпус: «Колбаса», 21]

Наши данные позволяют дополнить круг употреблений =aj контекстами речевых актов предложения (20), разрешения (21) и совета (22). Напомним, что по классификации [Храковский, Володин 1986/2001] три этих директивных акта производятся в интересах слушающего. В случае предложения импульс каузации исходит от говорящего: в (20) таким импульсом служит его первая ответная реплика «не знаю, что тебе сделать», после которой говорящий продолжает размышлять о возможном решении проблемы, на которую жалуется адресат. В этом состоит отличие предложения от совета (22), который является непосредственной реакцией говорящего на запрос адресата (сам адресат при этом и является источником импульса каузации). Разрешение также производится в ответ на запрос адресата, но говорящий при этом обладает более высоким социальным статусом, чем адресат (ср. мать и ребенок в (21)).

- (20) а. *män'-än mašinä-em pädâr-g-en, voks'=ok a-k zavoj-alt.*
 я-GEN машина-POSS.1SG ломаться-DETR-PRET вовсе=EMPH NEG.NPST-3 заводить-MED

b. *a-m=at pälə ma-m äštä-šäs-läk ðl-at.*
 NEG.NPST-1SG=ADD знать что-ACC делать-OPT-DEST быть-NPST.2SG
akkumul'atâr-âm vaštalt-Ø=aj, trük pals-a.
 аккумулятор-ACC менять-IMP=POL1 вдруг помогать-NSPT.3SG
 ‘У меня сломалась машина: никак не заводится. — Даже не знаю, что тебе сделать. Поменяй аккумулятор: вдруг это поможет’.

(21) a. *ävi, mǎ-läm mad-aš ke-äš li-eš?*
 мама.KIN я-DAT.POSS.1SG играть-INF идти-INF становиться-NPST.3SG

b. *ke-Ø=äj, kü tǎn'-âm kâč-a.*
 идти-IMP=POL1 кто ты-ACC держать-NPST.3SG
 ‘Мам, а можно я поиграть пойду? — Да иди, кто тебя держит’.

(22) a. *maxan' sarapan-âm ajârâ-šas oš-â-m äli šim-â-m?*
 какой платье-ACC выделять-OPT белый-FULL-ACC или черный-FULL-ACC

b. *kok-tâ-ge nül-Ø=äj.*
 два-FULL-COM брат-IMP=POL1
 ‘Какое платье мне выбрать: белое или черное? — Да бери оба’.

В двух последних случаях возникает частотный эффект незаинтересованности говорящего в ситуации (ср. также “disinterested permission” в [Aikhenvald 2010: 115] в связи со схожими употреблениями рус. ну). Пример (21) носители языка часто комментируют так, что мать как будто хочет отделаться от ребенка, потому что он постоянно путается под ногами и мешает ей. Ответ в (22b) тоже интерпретируется как индифферентный, даже «наплевательский». Однако эта интерпретация связана скорее с контекстной импликатурой, которая может быть отменена без ущерба для грамматичности (23).

(23) a. *maxan' sarapan-âm ajârâ-šas oš-â-m äli šim-â-m?*
 какой платье-ACC выделять-OPT белый-FULL-ACC или черный-FULL-ACC

b. *oš-â-m nül-Ø=äj, tädä mǎ-läm bol'se kels-ä.*
 белый-FULL-ACC брат-IMP=POL1 он я-DAT.POSS.1SG больше нравиться-NPST.3SG
 ‘Какое платье мне выбрать: белое или черное? — Бери белое, оно мне больше нравится’.

Итак, приимперативный маркер =aj демонстрирует «полярные» семантические эффекты в сочетании с иллокутивными актами просьбы и предложения, где говорящий предстает вежливым и заинтересованным, и разрешения и совета, в которых часто возникает эффект незаинтересованности, «наплевательского» отношения говорящего. Мы связываем эти семантические эффекты со стратегией отрицательной вежливости (см. [Brown, Levinson 1987]), с помощью которой говорящий демонстрирует адресату отсутствие коммуникативного давления и заверяет в том, что его свобода действий не будет ограничена. Отрицательная вежливость основана на дистанцировании говорящего, что может интерпретироваться как проявление незаинтересованности в действиях слушающего. Это происходит в контекстах разрешения и совета, где именно адресат выступает в роли источника импульса каузации и заинтересованного участника. Если же источником импульса каузации является говорящий, как это имеет место в просьбе и предложении, то употребление =aj позволяет говорящему смягчить этот импульс. В связи с этим для =aj предлагается следующий семантический инвариант: ‘каузирование осуществления Р, если Р не противоречит текущим интересам адресата и на адресата не оказывается коммуникативного давления’.

5.2. Маркер -âma/-âmä/-emä

Маркер -âma обладает рядом структурных ограничений: в частности, его употребление невозможно в юссивном контексте (24), а также в контексте отрицания (25). В последнем случае носители сами почти всегда указывают на то, что -âma можно использовать только в утвердительном предложении.

(24) a. *maša ät'ä-ävä-žǎ-vlä don soledäl-Ø šǎnd-en. kâce ände nǎnǎ-län mirej-äš?*
 Маша отец-мать-POSS.3SG-PL с ссориться-CVB сажать-PRET как теперь они-DAT мириться-INF

b. **zvon'-altâ-žǎ dä prost'-aš jad-âma-žǎ.*
 звонить-PUN-JUSS.SG и простить-INF просить-POL2-JUSS.SG
 Ожидаемое значение: ‘Маша поссорилась с родителями. Как же им теперь помириться? — Пусть позвонит им и попросит прощения’.

- (25) **ät'ä-ävä-län pačkata-n i-t pop-emä.*
отец-мать-DAT резкий-ADV PRON-2SG говорить-POL2
Ожидаемое значение: 'Не груби родителям!'

В контекстах речевых актов предложения (26), совета (27) или разрешения (28) данный маркер грамматичен и не привносит в высказывание каких-либо дополнительных семантических эффектов, как это было в случае клитики =*aj*.

- (26) a. *män'-än mašinä-em pädär-g-en, voks'=ok a-k zavoј-alt.*
я-GEN машина-POSS.1SG ломаться-DETR-PRET вовсе=EMPH NEG.NPST-3 заводить-MED
b. *a-m=at pälä ma-m äštä-šäs-läk äl-at.*
NEG.NPST-1SG=ADD знать что-ACC делать-OPT-DEST быть-NPST.2SG
akkumul'atär-äm vaštalt-emä-Ø, trük palš-a.
аккумулятор-ACC менять-POL2-IMP вдруг помогать-NSPT.3SG
'У меня сломалась машина: никак не заводится. — Даже не знаю, что тебе сделать. Поменяй аккумулятор: вдруг это поможет'.
- (27) a. *män' sport dono voks'=ok a-m zan'imaj-alt. možät*
я спорт с вовсе=EMPH NEG.NPST-1SG заниматься-MED может
mä-län-em basejn-äš kašt-än tol-aš?
я-DAT-POSS.1SG бассейн-ILL ходить-CVB приходить-INF
b. *ke-n tol-äma-Ø kon'ešnä, i-äš kogo-n keräl.*
идти-CVB приходить-POL2-IMP конечно плавать-INF большой-ADV нужный
'Я совсем не занимаюсь спортом. Может, мне сходить в бассейн? — Сходи, конечно, плавать очень полезно'.

- (28) a. *ävi, mä-läm mad-aš ke-äš li-eš?*
мама.KIN я-DAT.POSS.1SG играть-INF идти-INF становиться-NPST.3SG
b. *ke-mü-Ø, kü tän'-äm kâč-a.*
идти-POL2-IMP кто ты-ACC держать-NPST.3SG
'Мам, а можно я поиграть пойду? — Да иди, кто тебя держит'.

В контексте просьбы маркер *-äma* интерпретируется неоднозначно. Часть информантов воспринимает высказывания с *-äma* как нейтрально-вежливые, не зависящие от социального статуса собеседников и степени формальности коммуникативной ситуации. В таком случае допускаются просьбы как «сверху вниз» (29), так и «снизу вверх» (30)—(31), а также просьбы, обращенные к собеседнику того же социального статуса (32).

- (29) *el'ena p'etrovna ti pumaga-vlä-m mä-län-em kand-emä-dü.*
Елена Петровна этот бумага-PL-ACC я-DAT-POSS.1SG приносить-POL2-IMP.2PL
{Начальник обращается к секретарю:} 'Елена Петровна, принесите мне эти бумаги, пожалуйста'.
- (30) *ivan p'etrovič, kl'ijent-vlä dono väšli-mäš giš-än šajäšt-Ø pu-emä-dü.*
Иван Петрович клиент-PL с встречать-NMLZ2 о-LAT2 рассказывать-CVB давать-POL2-IMP.2PL
{Секретарь обращается к начальнику:} 'Иван Петрович, расскажите о встрече с клиентами, пожалуйста'.
- (31) *kačk-ändal-aš pu-emä-dä!*
есть-ATT-INF давать-POL2-IMP.2PL
'Подайте на пропитание!'
- (32) *män'-äm irgod-äm vaštalt-emä-Ø män' ädär-em bol'n'icä-š nänge-em.*
я-ACC завтрашний_день-ACC менять-POL2-IMP я девушка-POSS.1SG больница-ILL увозить-NPST.1SG
'Подмени меня завтра, пожалуйста, я везу дочь в больницу'.

Некоторые информанты любопытным образом интерпретируют контексты просьбы с изначально равным статусом собеседников (например, при разговоре коллег), поскольку склонны переосмысливать исходную ситуацию до неравного статуса. Так, в ответ на горномарийский стимул типа (32) они добавляют пояснительный контекст, в котором фигурирует некоторое третье лицо, чье требование транслирует

говорящий (ср. комментарии носителей: говорящий ставит адресата перед фактом, поскольку соответствующая замена уже согласована с руководством, руководитель настаивает на такой замене). Императивные формы с *-âma* определяются такими носителями как «более требовательные» и потому не всегда уместные в диалоге с начальством (33), хотя примеры типа (30), где субординация не представляется настолько явной, признаются ими допустимыми. В контекстах с неравным социальным статусом собеседников, не предполагающих какой-то официальной обстановки коммуникации (например, в разговоре со старшими родственниками), употребление *-âma* оценивается как вполне естественное (34).

(33) *mă-lăn-em pāšă găc iră-rāk ke-ăš razrešăj-ă-dă* / ^{??}*razrešăj-emă-dă*.
я-DAT-POSS.1SG работа EL ранний-CMPR идти-INF разрешать-IMP.2PL разрешать-POL2-IMP.2PL
'Разрешите мне уйти пораньше с работы, пожалуйста'.

(34) *papī, jamak-âm šajăšt-∅ pu-emă-∅!*
бабушка.KIN сказка-ACC рассказывать-CVB давать-POL2-IMP
'Бабушка, расскажи сказку!'

Имеющиеся расхождения в интерпретациях и оценках допустимости примеров типа (32) и (33) соотносятся, по-видимому, с индивидуальными стратегиями, которые информанты выбирают в ситуации официальной коммуникации (будь то общение с коллегами или начальством). Дополнительная прагматическая окраска побудительного высказывания воспринимается некоторыми носителями как излишняя и неуместная (ср. также недопустимость маркера *=aj* в просьбах «снизу вверх» в ряде идиолектов), для других же такой способ общения вполне привычен. Это позволяет нам прийти к выводу о том, что в контексте просьбы показатель *-âma* всё же не проявляет сколько-нибудь значимых отличий от маркера *=aj*.

В корпусе маркер *-âma* встречается в контекстах просьбы (35) или совета (36). Пример (35) взят из самого начала текста, в записи которого участвуют два информанта. Один из них просит другого рассказывать только на марийском языке, чтобы исключить переключение на русский, которое возникло у рассказчика (адресата директива в (35)) в предыдущем предложении. Отметим, что глаголы речи (*šajăštaš* 'рассказывать', *manaš* 'говорить', *jadaš* 'спрашивать' и сложный глагольный комплекс *šajăšt puas* 'рассказать') являются наиболее частотными «носителями» маркера *-âma* в записанных нами текстах (на 24 вхождения маркера 15 приходится на глаголы речи; ср. с маркером *=aj*, который был употреблен с глаголами речи лишь дважды из 18 случаев в корпусе).

(35) *mar-la šajăšt-âma-∅*.
мари-SIM говорить-POL2-IMP
'По-марийски говори'. [Корпус: «Петров день», 3]

Примеру (36) предшествует воспоминание о том, как рассказчик повредил руку во время погрузки капусты и никакие медикаменты ему не помогли, пока знакомый не посоветовал ему повязать на руку шерстяную нитку. Этот совет передается в нарративе с помощью прямой речи, где используется приимперативный маркер *-âma*.

(36) *vot, man-eš, miž šärtă-m kid-eš jalšt-en šănd-emă-∅, man-eš,*
вот говорить-NPST.3SG шерсть нить-ACC рука-LAT завязывать-CVB сажать-POL2-IMP говорить-NPST.3SG
jalšt-en šănd-emă-∅, man-eš, tol'kâ, tol'kâ, man-eš,
завязывать-CVB сажать-POL2-IMP говорить-NPST.3SG только только говорить-NPST.3SG
jalšt-en măšt-aš kel-eš, man-eš.
завязывать-CVB уметь-INF быть_нужным-NPST.3SG говорить-NPST.3SG
'Вот, говорит, шерстяную нитку завяжи на своей руке, только, говорит, надо уметь завязывать, говорит'. [Корпус: «Нитка», 55]

Приимперативный маркер *-âma* совместим со всеми типами речевых актов, кроме приказа и инструкции, и не выявляет никаких дополнительных семантических эффектов (как это было в случае маркера *=aj*). Это позволяет считать его нейтральным маркером вежливости, и мы предлагаем для него следующую инвариант: 'каузирование осуществления Р в смягченной форме'.

5.3. Частица *=jă*

Как уже отмечалось во введении, частица *=jă* имеет транскатегориальный статус: она способна соединяться не только к императиву, но и к именным группам (37), к клаузе с финитным глаголом, в том числе с перемещением на левую периферию (38). Ее основной функцией является маркирование контраст-

ного фокуса (ср. (37)—(38) и (39): в последнем случае контраст отсутствует и употребление данной частицы невозможно).

(37) *ti pak'et-äštä produktâ-vlä=jä.*

этот пакет-IN продукт-PL=CONTR

‘В этом пакете именно продукты {а не что-то другое}’.

(38) *jä tän' vele šajâšt-at, jâl-äm a-t kol-âšt.*

CONTR ты только говорить-NPST.2SG люди-ACC NEG.NPST-2SG слышать-ITER2

‘Ты всё только говоришь, а других не слушаешь’.

(39) a. *vas'a lapka gäc-än ma-m kand-en?*

Вася магазин EL-FULL что-ACC приносить-PRET

b. *vas'a kand-en šäšer-äm / *šäšer-äm=jä.*

Вася приносить-PRET молоко-ACC молоко-ACC=CONTR

‘Что Вася принес из магазина? — Вася принес молоко’.

В юссивных и прохибитивных контекстах частица =*jä*, так же, как и приимперативный маркер =*aj*, не имеет каких-либо структурных ограничений на сочетаемость:

(40) *ät'ä-ävä-län pačkata-n i-t popâ=jä!*

отец-мать-DAT резкий-ADV PRON-2SG говорить=CONTR

‘Ну не груби же ты родителям!’

(41) a. *maša ät'ä-ävä-žä-vlä don soredäl-Ø šänd-en. kâce ände nänä-län mirej-äš?*

Маша отец-мать-POSS.3SG-PL с ссориться-CVB сажать-PRET как теперь они-DAT мириться-INF

b. *zvon'-altâ-žê dä prost'-aš jad-šâ=jä.*

звонить-PUN-JUSS.SG и простить-INF просить-JUSS.SG=CONTR

‘Маша поссорилась с родителями. Как же им теперь помириться? — Пусть позвонит им и попросит уже прощения’.

В императивных контекстах данная частица маркирует фокус на каузировании ситуации Р в противовес не-Р. Наиболее типичным речевым актом для нее оказывается «эмфатическая» просьба (носители отмечают в примерах настойчивость (42) или раздражение (43) говорящего; последнее возникает в силу того, что говорящий озвучивает просьбу не в первый раз)⁴. В просьбах «снизу вверх» употребление данной частицы недопустимо (44)—(45).

(42) *män'-äm irgod-äm vaštaltâ-Ø=jä män' ädär-em bol'n'icâ-š nänge-em.*

я-ACC завтрашний_день-ACC менять-IMP=CONTR я девушка-POSS.1SG больница-ILL увозить-NPST.1SG

‘Очень прошу, подмени меня завтра, я везу дочь в больницу’.

(43) *el'ena p'etrovna ti pumaga-vlä-m mä-län-em kandâ-da=jä.*

Елена Петровна этот бумага-PL-ACC я-DAT-POSS.1SG приносить-IMP.2PL=CONTR

{Начальник раздраженно и нетерпеливо обращается к секретарю:} ‘Елена Петровна, принесите мне уже эти бумаги’.

(44) **ti prav'ilâ-m ängâl-dar-en pu-dü=jä.*

этот правило-ACC понимать-CAUS-CVB дать-IMP.2PL=CONTR

{Ученик обращается к учителю:} ‘Объясните это правило’.

(45) **päšä gäc irä-räk koltâ-da=jä.*

работа EL ранний-CMPR посылать-IMP.2PL=CONTR

{Обращение к начальнику:} ‘Отпустите пораньше с работы, пожалуйста’.

В контексте речевого акта предложения =*jä* не допускается:

⁴ В понимании терминов «эмфаза» и «эмфатический» мы следуем Т. Е. Янко, которая определяет эмфазу как коммуникативное значение, связанное с выражением сильных чувств говорящего по поводу ненормативных явлений жизни (см. [Янко 2001: 64]). «Эмфатическая» просьба в данном случае противопоставлена нейтральной, которая не сопровождается выражением эмоционального отношения говорящего.

(46) a. *män'-än mašinä-em pädâr-g-en, voks'=ok a-k zavoj-alt.*
я-GEN машина-POSS.1SG ломаться-DETR-PRET вовсе=EMPH NEG.NPST-3 заводить-MED

b. *a-m=at pälä ma-m äštä-šäs-lâk âl-at.*
NEG.NPST-1SG=ADD знать что-ACC делать-OPT-DEST быть-NPST.2SG

*akkumul'atâr-âm vaštaltâ-Ø>(*jü), trük pals-a.*
аккумулятор-ACC менять-IMP-CONTR вдруг помогать-NSPT.3SG

‘У меня сломалась машина: никак не заводится. — Даже не знаю, что тебе сделать. Поменяй аккумулятор: вдруг это поможет’.

В контексты разрешения (47) и совета (48) =*jä* привносит оттенок нетерпения: говорящий торопит слушающего совершить действие.

(47) a. *ävi, mä-läm mad-aš ke-äs li-eš?*
мама.KIN я-DAT.POSS.1SG играть-INF идти-INF становиться-NPST.3SG

b. *ke-Ø=jü.*
идти-IMP=CONTR

‘Мам, а можно я поиграть пойду? — Да иди уже’.

(48) a. *maxan' sarapan-âm ajârâ-šas oš-â-m äli šim-ä-m?*
какой платье-ACC выделять-OPT белый-FULL-ACC или черный-FULL-ACC

b. *kok-tâ-ge nül-Ø=jü.*
два-FULL-COM брать-IMP=CONTR

‘Какое платье мне выбрать: белое или черное? — Да бери оба уже {и пойдем}’.

Таким образом, из общего функционала частицы =*jä* как маркера контрастного фокуса вытекает ее употребление в императивных контекстах, где выражается фокус на каузации ситуации Р в противовес ситуации не-Р (которая является нежелательной для говорящего). Это объясняет возникающие семантические эффекты «эмфазы» (‘прошу, выполни Р, поскольку ситуация не-Р для меня нежелательна’) и «нетерпения» (‘выполни Р как можно скорее, поскольку ситуация не-Р для меня нежелательна’). Показательны в этом отношении примеры (49)—(50) и комментарии носителей к ним, указывающие на употребление частицы =*jä* при тех или иных признаках осуществления ситуации не-Р:

(49) *poKa män'ä či-em, kädëž-äs i-t pârâ=jü!*
пока я одеваться-NPST.1SG комната-ILL PRON-2SG входить=CONTR

‘Не заходи в комнату, пока я одеваюсь!’ (Комментарий: *it pârâjü* уместно сказать в том случае, когда адресат уже заходит в комнату / показался в дверном проеме и т. п.)

(50) *pištä-dü=jü oxâra-m lem-äs!*
класть-IMP.2PL=CONTR луковица-ACC суп-ILL

{Обращение к повару:} ‘Положите луковицу в суп!’ (Комментарий: при обращении к повару, который не собирается добавлять луковицу в суп, а помощники уговаривают его это сделать, поскольку иначе суп окажется невкусным.)

Это также позволяет прояснить несовместимость частицы =*jä* с речевым актом предложения: предложение, согласно [Храковский, Володин 1986/2001], делается в интересах слушающего и не связано с ситуацией, как-либо противоречащей интересам говорящего. Поэтому у говорящего не возникает причин настаивать на его исполнении (как это происходит в «эмфатических» просьбах или «поторапливающих» разрешениях и советах).

6. Обобщение

В статье было рассмотрено несколько показателей, способных сочетаться с формой императива в горномарийском языке и неодинаково взаимодействующих с исходной семантикой побуждения. Отсутствие в типологических работах четкого механизма исследования приимперативных маркеров (как и в целом показателей (не)категоричности) вызвало необходимость предложить набор факторов, которые могут быть релевантны. Это тип директивного речевого акта, социальный статус участников речевого акта и наличие ограничений на сочетаемость со специфическими контекстами побуждения: побуждение к 3-му лицу и побуждение к невыполнению действия (прохибитив, т. е. форма императива под отрица-

нием). На основании первых двух параметров были предложены семантические инварианты для каждого маркера. Последний параметр в наших материалах выступает как независимая морфосинтаксическая характеристика, которая не влияет на семантические свойства маркеров. Полученные данные суммируются в таблице 6.

Таблица 6. Параметры варьирования приимперативных маркеров

		$=aj$	$-\acute{e}ta$	$=j\grave{a}$
Тип иллокутивного акта	приказ	*	*	*
	инструкция	*	*	*
	просьба	+	+	+
		(вежливая)		(эмфатическая)
	предложение	+	+	*
	разрешение	+	+	+
	(эффект незаинтересованности)		(эффект нетерпения)	
	совет	+	+	+
		(эффект незаинтересованности)		(эффект нетерпения)
Под отрицанием		+	*	+
В юссивных формах		+	*	+
Соц. статус		потенциально любой; в нек. идиолектах недопустима просьба «снизу вверх»	потенциально любой; в некоторых идиолектах равный статус собеседников может переосмыслиться до неравного	может быть как равным, так и неравным, но просьба «снизу вверх» недопустима
Инвариант		‘каузирование осуществления Р, если Р не противоречит текущим интересам адресата и на адресата не оказывается коммуникативного давления’	‘каузирование осуществления Р в смягченной форме’	‘каузирование ситуации Р в противовес ситуации не-Р, являющейся для говорящего нежелательной’

Можно сделать вывод, что маркеры $=aj$ и $=j\grave{a}$ чувствительны к типу речевого акта, поскольку демонстрируют различные семантические эффекты в контекстах просьбы, разрешения и совета. Приимперативный маркер $=aj$ ориентирован на адресата: благодаря стратегии отрицательной вежливости снимается давление на адресата, просьба воспринимается как более вежливая и осторожная, а разрешение и совет интерпретируются как слишком дистанцированные. На возникающий в случае $=aj$ эффект смягчения просьбы обращали внимание и наши предшественники (см. [Сибатрова 1987; Саваткова 2002; Krasnova et al. 2017]), однако другие типы директивных речевых актов ими не рассматривались.

Частица $=j\grave{a}$, напротив, ориентирована на говорящего и отражает его стремление к достижению желательной для себя ситуации Р в противовес имеющей место не-Р (отсюда эффекты «эмфатической» просьбы и нетерпения). Значение этой частицы в более ранних работах формулировалось предельно общо: «усиление значения побуждения» в грамматике [Саваткова 2002: 191] или «приказ, побуждение к действию» в [Сибатрова 1987: 122], хотя, безусловно, отмечалось, что частица служит именно для усиления, а не смягчения требования.

Приимперативный маркер $-e\acute{t}a$, в отличие от $=aj$ и $=j\grave{a}$, не проявляет сколько-нибудь значимых семантических эффектов в разных типах речевых актов, его употребление в целом укладывается в представление о стандартном средстве смягчения побуждения (еще в [Сибатрова 1987] он рассматривался в этом качестве в одном ряду с $=aj$). При этом любопытно, что только этот маркер обладает структурными ограничениями на употребление в контекстах отрицания и юсвива. Можно было бы предположить, что это связано с его морфологическим статусом: в отличие от энклитик $=aj$ и $=j\grave{a}$, $-e\acute{t}a$ является суффиксом, который может иначе взаимодействовать с показателями указанных категорий. Однако ограничение на сочетание с формой юсвива имеется также у энклитики $=ok$, свойства которой в данной статье подробно не рассматривались. По-видимому, сугубо структурного объяснения сочетаемости в данном случае недостаточно, и этот вопрос требует дальнейших исследований, возможно, диахронических.

Наше исследование показало, что рассмотрение типа директивного речевого акта и социального статуса собеседников как отдельных факторов было оправдано. В ряде случаев действительно имеет смысл

отдельно рассматривать один и тот же речевой акт в контексте равного vs. неравного статуса собеседников: так, просьба может быть обращена от лица с заведомо более низким статусом к лицу вышестоящему, и в подобных просьбах «снизу вверх» приимперативный маркер может оказаться недопустимым (при том, что в просьбах от вышестоящего лица к нижестоящему или в просьбах при равном социальном статусе собеседников тот же маркер абсолютно уместен).

Результаты проведенной работы и выделенные факторы можно было бы применять в дальнейших типологических исследованиях приимперативных маркеров. Однако очевидно, что представленная модель исследования не претендует на окончательность: изучение аналогичных показателей в других языках может расширить использованный набор параметров или уточнить уже предложенные.

Список сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	INF — инфинитив
ACC — аккузатив	ITER2 — 2-й итератив
ADD — аддитивная частица	JUSS — юссив
ADV — адвербиализатор	KIN — особая форма для терминов родства
ATT — аттенуатив	LAT — латив (обстоятельственный падеж)
CAUS — каузатив	LAT2 — 2-й латив (2-й обстоятельственный падеж)
CMPR — компаратив	MED — медий
COM — комитатив	NEG — отрицание
CONTR — контрастивная частица	NPST — непрошедшее время
CVB — деепричастие	OPT — оптатив
DAT — датив	PL — множественное число
DEST — дестинатив	POL1,2 — приимперативные маркеры
DETR — детранзитив	POSS — посессивный показатель
EL — элатив	PRET — претерит (2-е прошедшее время)
EMPH — эмфатическая частица	PRON — прохитив
FULL — полная форма	PROP — проприетив
GEN — генитив	PTCP.PASS — пассивное причастие
ILL — иллатив	PUN — пунктив
IMP — императив	SG — единственное число
IN — инессив	SIM — симилатив

Литература

Гусев 2013 — Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. {Gusev V. Yu. Typology of the imperative. Moscow, 2013.}

Кашкин и др. 2018 — Кашкин Е. В., Сидорова М. А., Мордашова Д. Д., Гарейшина А. Р., Учитель И. К. Всё =ok: о семантике одной горномарийской энклитики // Малье языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017 / Ред. Кс. П. Семёнова. М., 2018. С. 83—90. {Kashkin E. V., Sidorova M. A., Mordashova D. D., Gareishina A. R., Uchitel I. K. Everything is =ok: on the semantics of one enclitic in Hill Mari language // Small languages in big linguistics. Proceedings of the conference 2017 / Ed. X. P. Semenova. Moscow, 2018. P. 83—90.}

Коведяева 1976 — Коведяева Е. И. Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / Ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская и др. М., 1976. С. 3—96. {Kovedyaeva E. I. Mari language // Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Mari, Permian, and Ugric languages / Ed. V. I. Lytkin, K. E. Maitinskaya et al. Moscow, 1976. P. 3—96.}

Левонтина 1991 — Левонтина И. Б. Словарные статьи частицы *-ка* и существительного *месяц* // Семиотика и информатика, 32. Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей). М., 1991. С. 136—140. {Levontina I. B. Dictionary entries of the particle *-ka* and the noun *месяц* // Semiotics and informatics, 32. Materials for the Integral Dictionary of the Modern Standard Russian Language (samples of dictionary entries). Moscow, 1991. P. 136—140.}

Матросова 2013 — Матросова Л. С. Императивная модальность и временная неопределенность в современном марийском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013, 6 (24), ч. 2. С. 128—131. {Matrosova L. S. Imperative modality and temporal uncertainty in the modern Mari language // Philological sciences. Problems of theory and practice. 2013, 6 (24), part 2. P. 128—131.}

- Саваткова 2002 — *Саваткова А. А.* Горное наречие марийского языка. Bibliotheca Ceremissica Tomus V. Savariae, 2002. {*Savatkova A. A.* Hill dialect of the Mari language / Bibliotheca Ceremissica. Vol. 5. Savariae, 2002.}
- Сибатрова 1987 — *Сибатрова С. С.* Частицы горного наречия марийского языка // Вопросы марийского языка. Материалы и исследования по марийской диалектологии / Ред. *Т. А. Товашова*. Йошкар-Ола, 1987. С. 113—133. {*Sibatrova S. S.* Particles of the Hill dialect of the Mari language // Problems of the Mari language. Materials and research on the Mari dialectology / Ed. *T. A. Tovashova*. Yoshkar-Ola, 1987. P. 113—133.}
- Фортейн 2008 — *Фортейн Э.* Полисемия императива в русском языке // Вопросы языкознания. 2008, 1. С. 3—23. {*Fortein E.* Polysemy of the imperative in Russian // Topics in the study of language. 2008, 1. P. 3—23.}
- Храковский (ред.) 1992 — *Храковский В. С.* Типология императивных конструкций. СПб, 1992. {*Khrakovsky V. S.* Typology of the imperative constructions. St. Petersburg, 1992.}
- Храковский, Володин 1986/2001 — *Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива. Русский императив. М., 2001 (1-е изд. Л., 1986). {*Khrakovsky V. S., Volodin A. P.* Semantics and typology of the imperative. Russian imperative. Moscow, 2001. (1st ed. Leningrad, 1986.)}
- Эрцикова 2016 — *Эрцикова Г. А.* Сравнительный анализ частиц-прилеп в марийском и мордовских языках // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016, т. 10, № 1. С. 9—16. {*Ertsikova G. A.* Comparative Analysis of the Particles — Agglutinative Affixes in the Mari and Mordvinian Languages // Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2016. Vol. 10. Issue 1. P. 9—16.}
- Янко 2001 — *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001. {*Yanko T. E.* Communicative strategies of Russian speech. Moscow, 2001.}
- Aikhenvald 2010 — *Aikhenvald A.* Imperatives and commands. Oxford, 2010.
- Alhoniemi 1993 — *Alhoniemi A.* Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg, 1993.
- Brown, Levinson 1987 — *Brown P., Levinson S.* Politeness. Cambridge, 1987.
- Krasnova et al. 2017 — *Krasnova N., Yefremova T., Riese T., Bradley J.* Reading Hill Mari through Meadow Mari. Vienna, 2017.
- van der Auwera et al. 2003 — *van der Auwera J., Dobrushina N., Goussev V.* A semantic map for Imperative-Hortatives // Contrastive Analysis in Language / Eds. *D. Willems, B. Defrancq, T. Coleman, D. Noël*. London, 2003. P. 44—66.

Discourse marker use regarding age factor: the case of Mongolian spoken discourse

Munkhtsetseg Namsrai, Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar);
munkhtsetsegn@mas.ac.mn, munkhtsetseg.namsrai999@gmail.com
Sainbilegt Dashdorj, School of Arts and Sciences, National University of Mongolia (Ulaanbaatar);
sainbilegtd@num.edu.mn, sainbileg@hanmail.net

The present paper focuses on the age differences in the use of discourse markers (DMs), especially the most common ones, in Mongolian spontaneous speech. Even though DMs are typical of any spoken utterance, it is sometimes argued that young people make excessive use of DMs due to their lexical poverty. Thus, this paper evaluates this claim by analyzing the use of DMs by several age groups both quantitatively and qualitatively in terms of frequency, distribution, and choice.

According to the study, all possible DMs were used more frequently by the younger group compared to the other two groups. The percentage of the DMs used by the older speakers was 13.7% (13081) out of the total of 95485 tokens, while the frequency of the DMs used by the middle-aged participants was 15.5% (14214) out of the total of 91706 tokens, and the frequency of the DMs used by the younger participants was 18.6% (16288) out of the total of 87570 tokens. The results of the study confirm that the younger speakers use more fillers, false starts, repetitions, and hesitation markers than the older speakers. Additionally, the percentage of the DMs in their whole lexicon might also support the hypothesis. Moreover, it has been revealed that the younger speakers use new variants of DMs more often. Thus, it can be deduced that young people might influence language change.

One interesting finding is that the most common DMs are used differently by each age group in terms of their frequency, variation, and function. *Tegeed* is the most frequent DM amongst the younger speakers, whereas *odoo* is the most frequent DM amongst the older speakers, and *bol* is the most frequent DM amongst the middle-aged speakers.

Keywords: Mongolian discourse markers, age, gender, frequency, filler, spontaneous speech, corpus linguistics

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В СООТВЕТСТВИИ С ВОЗРАСТНЫМ ФАКТОРОМ В РАЗГОВОРНОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Мунхцэцэг Намсрай, Институт языка и литературы, Монгольская академия наук (Улан-Батор);
munkhtsetsegn@mas.ac.mn, munkhtsetseg.namsrai999@gmail.com
Сайнбилэгт Дашдорж, Школа искусств и наук, Монгольский государственный университет (Улан-Батор);
sainbilegtd@num.edu.mn, sainbileg@hanmail.net

Статья посвящена дискурсивным маркерам (ДМ) монгольского языка и в особенности исследованию наиболее употребительных ДМ в разговорном монгольском языке с учетом возрастных факторов говорящих. Хотя ДМ принято рассматривать как вполне нормальное явление в разговорном языке, по утверждению лингвистов, молодежь чрезмерно использует их в своей речи, ссылаясь на недостаточность словарного запаса родного языка. Таким образом, в статье рассматривается достоверность данного утверждения на основе анализа использования ДМ разными возрастными группами. Применяются как количественные, так и качественные методы исследований частотности, выборочности и позиции ДМ.

Согласно результатам исследования, молодежная группа значительно чаще использует в своей речи всевозможные ДМ, чем группы пожилых и людей среднего возраста. Если процент ДМ, используемых группой пожилых людей, составил 13.7% (13081) от корпуса данных из 95485 токенов, то частотность использования ДМ представителями средней возрастной группы составила 14214 токенов, т. е. 15.5% от корпуса из 91706 единиц. Использование же ДМ представителями молодежной группы составляет 18.6% (16288) от корпуса из 87570 токенов. Результаты исследования подтвердили, что представители молодежной группы значительно в большей степени использовали в своей речи словесные наполнители и маркеры хезитации и у них гораздо чаще наблюдаются фальстарты и повторы. Следует также отметить, что процент ДМ, составляющий их словарный запас, также свидетельствует в пользу вышеуказанной гипотезы. Более того, выяснилось, что представители молодежной группы используют в своей речи всё больше новых вариантов ДМ. Таким образом, можно с большой долей уверенности считать, что молодежь в значительной мере влияет на языковые изменения.

Еще одним заслуживающим внимания выводом нашего исследования является то, что каждая возрастная группа поразному использует ДМ в своей речи с точки зрения их частотности, вариативности и функции. Нами установлено, что *тегээд* — самый частый ДМ, который встречается в речи молодежи, тогда как *одоо* — самый частый ДМ среди людей старшего поколения, а *бол* — самый частый ДМ среди говорящих лиц среднего возраста.

Ключевые слова: монгольские дискурсивные маркеры, возраст, пол, частотность, филлер, спонтанная речь, корпусная лингвистика

This research is the part of the project “A corpus-based sociolinguistic analysis of Mongolian spoken language” (reference P2016113) supported by National University of Mongolia.

1. Introduction¹

The present paper deals with the use of discourse markers (henceforth DMs), especially the three most frequent DMs *tegeed*, *bol*, *odoo* in the Mongolian language in terms of their frequency and function by age group.

Various DM-like elements have been analyzed by a number of researchers in the field of Mongolian linguistics. However, those language units have not been studied in terms of pragmatic function using discourse analysis and accounting for sociolinguistic factors, such as age. In other words, corpus-based sociolinguistic research on the use of DMs in the Mongolian spoken language is very rare. This research gap seems to leave open the important questions of which DMs are in fact commonly used within daily linguistic practices of different age groups, and of how they may be associated with the issues of language disfluency. For this reason, the present paper aims to address this gap. Firstly, we will calculate the overall frequency of DMs in the total word count. Secondly, we will analyze the frequency, function, and usage of the three most common DMs *tegeed*, *odoo*, and *bol* in Mongolian spontaneous speech in daily life based on age factor. Thirdly, we will analyze whether younger speakers use DMs more than the other two groups of speakers due to disfluency and whether all age groups use those DMs for the same purposes.

In Section 2 we begin by introducing the previous studies on the DMs in terms of their terminology, function, and roles in discourse, especially in spoken discourse. In Section 3, we describe the research data and methodology to calculate the frequency of DMs in the entire corpus and among the three different age groups within the speech corpora. It is hypothesized that the young generation uses more DMs than the other age groups of people in order to express their opinion due to their native language disfluency. For this reason, in Section 4, we focus on the usage of DMs broken down by age groups. In section 4.1, we introduce the results of the study analyzing the overall frequency of various DMs according to age groups. In Section 4.2, the use of the most common DMs *tegeed*, *odoo*, and *bol* by age groups is studied in terms of their frequency and function. In Section 4.3, we sum up the results of the present study and finally in Section 5, we suggest our own conclusion about the use of DMs regarding age factor.

2. Literature review

DMs are important features of spoken language with many different functions. Thus, an increasing number of researchers have investigated DMs across different languages since the 1970s [Schourup 1999]. However, the discussion on the DMs in terms of terminology, classification, characteristics, and function is still ongoing.

The earliest research works on DMs have focused on their coherence, meaning, and pragmatic functions. However, DMs have rarely been studied in terms of sociolinguistic factors, especially the age factor. Research on the use of DMs in terms of the age factor has been conducted by several researchers, see [Erman 2001; Tagliamonte 2005; Matei 2011; Belicová 2011; Markó, Dér 2012; Gabrys 2017; Gabarró-López 2020] etc. For example, Erman studied the usage of the DM *you know* in adult and adolescent talk. According to his research, young speakers use this marker as a metalinguistic monitor with a modal function emphasizing the force of the speech-act and as a social monitor eliciting a reaction from the addressee(s); adults, in contrast, primarily use the marker to build up a text and create coherence using the marker to function as a textual monitor (cf. [Erman 2001: 1337]). Later, S. Tagliamonte [Tagliamonte 2005] studied the use of the DMs *like*, *just*, *so*, etc. in spoken discourse of 15-16-year-old young Canadians. Hence, most of the above-mentioned researchers have focused on the use of DMs in developmental stages of language (in children and adolescents) and in second language learning or cross-linguistic situations. In other words, it can be said that research on the use of DMs in native language spontaneous speech regarding the age factor is rare. Thus, our research has focused on age differences in the usage of DMs, especially the three most frequent DMs *tegeed*, *odoo*, and *bol*, in adult (19–86 years old) spontaneous speech to measure disfluency.

DMs are considered to be fluency and disfluency markers at the same time. Crible claims that “...the formal and functional diversity of these elements is the direct consequence of the multifaceted nature of the abstract constructs of fluency and disfluency, which are in fact two sides of the same coin” [Crible 2016: 2]. Even though most researchers consider DMs as a disfluency marker related to non-native speakers and native speakers of L1 and L2, their study in terms of disfluency related to language change and connected to the age factor is very rare.

¹ We would like to express our special thanks to the Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences and Institute of Social Sciences, Inner Mongolia of China who provided us with the spoken corpus data that greatly assisted the research. We are grateful to Dr. Carleen Curley Velez (Lecturer in Writing Programs at the University of California, Los Angeles) for her assistance in proof reading this article.

In Mongolian, words used as DMs have different designations among various linguists, such as “modal words” [Onorbayan 1987; Munkh-Amgalan 1998; Guliraanz 1995], “inserted words” [Bertagaev 1964], “linking words” [Onorbayan 1987] “attitude words” [Chingeltei 1963; Choijinjav 1989; Vaanchig 1990], “empty words” [Bobrovnikov 1849; Orlov 1878; Rudneev 1905; Ishdorj 1930; Luvsanvandan 1939, 1956], “sentence initial decorating words” [Onorbayan 1991], etc.

Most Mongolian linguists including Purevdorj [Purevdorj 2008], Battogtokh [Battogtokh 2009], and Munkhtsetseg [Munkhtsetseg 2014] believe that excessive use of DMs is evidence of a speaker’s disfluency in their native language. In other words, the speakers overuse DMs due to their disfluency or shortage of vocabulary in Mongolian. As a rule, Mongolians tend to avoid using DMs such as fillers, particles, and function words with any great frequency and instead prefer to use them to add appropriate emphasis to their speech and writing.

Disfluencies generally include filled and silent pauses, repetitions, truncations, false starts, and reformulations, and taking up the seminal typology [Shriberg 1994]. In verbal communication, filled pauses are hypothesized to either act as an unconscious sign of speech disfluency or to serve as a signal sent by speakers to convey a certain message. [Laserna, Yi-Tai Seih, Pennebaker 2014]. Fillers are elements “whereby the speaker, momentarily unable or unwilling to produce the required word or phrase, gives audible evidence that he is engaged in speech-productive labor” [Goffman 1981: 293].

Since we agree with those views, in Section 4 we will calculate the rate of fillers, false starts, and repetitions in the corpus in order to check the use of DMs as disfluency markers in the study.

3. Research data and methodology

The data for this study was collected as part of a larger joint project on the peculiarities of the Mongolian spoken language in terms of social factors by the Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences, in collaboration with the Institute of Social Sciences, Inner Mongolia, Republic of China, in 2017. The data consists of tape-recordings (5040 min or about 84 hours with 274761 tokens) from 90 respondents of rural (Khentii, Khovsgol, Zavkhan, Sukhbaatar, Bulgan, Uvs and Khovd, Bayankhongor and Dundgovi, Selenge provinces) and urban areas (Ulaanbaatar, Darkhan cities) of Mongolia. The respondents were between the ages of 19 and 86. The respondents were asked to talk about their place of origin, national holidays, childhood memories and families. The audio recordings were transcribed entirely by research assistants and then checked by the researchers.

Since the main focus of the present study is the age difference in the frequency of DMs in Mongolian spontaneous speech, the corpus data was divided into three age groups: young (19—35 years old), middle-aged (36—50), and old speakers (above 50). Each group consisted of 30 people.

The data was analyzed quantitatively and qualitatively, and the results are presented in Section 4. The quantitative analysis dealt with the frequency of all the occurrences of DMs and the most common DMs in the data for different age groups using software packages such as TextStat² and AntConc³. The qualitative analysis dealt with the pragmatic functions of the most common DMs employed by each age group. The average time of the recordings per person was 30 minutes, and the average number of words per person was 4500 words.

4. Results

4.1. The use of DMs by age groups

The corpus data was divided into three major groups according to the participants’ age. As we have mentioned in Section 3, each age group consisted of 30 people. Table 1 shows the total number of tokens and DMs as well as the average number of DMs per person (30-minute speech) among different age groups.

Table 1. Overall DM frequencies in the speech of different age groups

Age group	Tokens	Total number of DMs	% of DMs in all the words	Average occurrence of DMs in one’s 30-minute speech
19—35	87570	16288	18.6%	544.7
36—50	91706	14214	15.5%	481.2
Above 50	95485	13081	13.7%	445.3

² © 2001/2002 — Matthias Hüning

³ © Laurence Anthony

As we can see from table 1, all possible DMs were used more frequently by the younger group compared to the other two groups. The percentage of the DMs used by the older speakers was 13.7% (13081) out of the total of 95485 tokens, while the frequency of the DMs used by the middle-aged participants was 15.5% (14214) out of the total of 91706 tokens, and the frequency of the DMs used by the younger participants was 18.6% (16288) out of the total of 87570 tokens.

4.2. The use of the most common DMs by age groups

According to the speech data, the most frequent DMs used by all age groups were *tegeed* ‘so’, ‘and’ or ‘then’, *bol* (copula), and *odoo* ‘now’. The numbers shown in table 2 below are the average occurrences of the DMs per person in a 30-minute talk.

Table 2. Statistical comparison of the most common DMs used by age groups

№	DMs	19—35 (per person)	36—50 (per person)	Above 50 (per person)
1	<i>tegeed</i>	88.4	67.2	74.1
2	<i>bol / bolbol</i>	55.6	66.4	65.8
3	<i>odoo</i>	45.7	64.2	93.8
	TOTAL	(189.7)	(197.8)	(233.7)

As table 2 illustrates, the DM *tegeed* occurred 88.4 times in each young speaker’s talk, while it occurred 67.2 times in each middle-aged speaker’s and 74.1 times in each older speaker’s talk. The DM *bol* was used 55.6 times by each young speaker, 66.4 times by each middle-aged speaker and 65.8 times by each older speaker in their 30-minute talk. The DM *odoo* occurred 45.7 times in each young speaker’s talk while it occurred 64.2 times in each middle-aged speaker’s talk and 93.8 times in each older speaker’s talk. The total average number of the three common DMs in the speech of the older group of speakers (233.7) is significantly higher than that of the younger speakers (189.7) and of the middle-aged speakers (197.8).

4.2.1. The use of the DM *tegeed*

Tegeed is the most common linking word and has a slight variation in meaning from ‘so’, ‘then’, and ‘and’ in spoken Mongolian. According to [Purev-Ochir 2000], *tegeed* is a coordinating conjunction that connects a sentence to the previous one as a “conjunction of sentence”. In pragmatics, it usually functions as follows:

a) As a coherence marker connecting an utterance to the preceding one. For example:

- (1) *Öglöö bosood tsaiyaa chanana. Tegeed zolgono.*
Öglöö bos-ood tsai-(γ)aa chana-na. Tegeed zolgo-no.
 morning get.up-CVB tea-REF boil-PRS then greet-PRS
 ‘As soon as I get up in the morning, I boil tea. Then we greet each other’. (IMAHAC131-1)

b) As a hesitation filler. For example:

- (2) *Uuland bol tegeed gōrōōs, buya, tegeed khüder geed l bii.*
Uul-d bol tegeed gōrōōs, buya, tegeed khüder geed l bii.
 mountain-DAT COP so antelope, deer, and musk.deer etc PTCL have
 ‘There are various animals such as antelopes, deer, and musk deer in the mountains’. (IMAHAC129)

The word *tegeed* was used 10440 times as a DM which was 81% of the total occurrences of the word (12900). Table 2 shows that the DM *tegeed* was used more frequently by the younger group than the other two groups.

Andersen ([Andersen 2001], cited in [Drăgușin 2016]) claims that DMs are not only multifunctional in the sense that they can have different pragmatic functions in different contexts, but that they are also multifunctional in the sense that they can take up multiple functions in one and the same context. Mongolian *tegeed* is multifunctional in discourse, and its functions vary in different contexts based on the age factor. According to the study, the DM *tegeed* usually functions as a coherence marker, filler, and false start in the speech of all the age groups examined. Mostly it is used to indicate the succession between the prior and upcoming talk.

The functional proportion of *tegeed* used by various age groups is presented in figure 1 below.

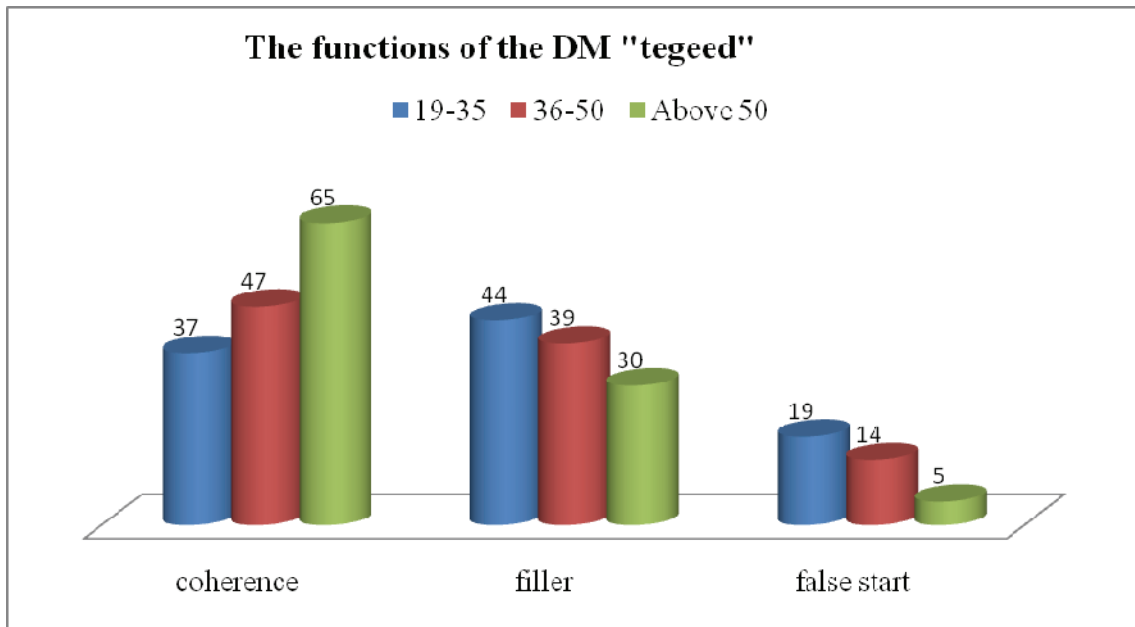

Figure 1. The functions of the DM *tegeed* by age groups

As we can see from figure 1, among the older group of people, *tegeed* is used as a coherence marker in 65%, as a filler in 30%, and as a false start in 5% out of all of the occurrences in the discourse. However, among the younger group of people, it functions as a filler in 44%, as a coherence marker in 37%, and as a false start in 19% out of all of the occurrences in the discourse. Among the middle-aged group of people, it functions as a coherence marker in 47%, as a filler in 39%, and as a false start in 14% out of all of the occurrences in the discourse. Thus, for the older and middle-aged people *tegeed* was most frequently used as a coherence marker, whereas for the younger people, it was most frequently used as a filler. For example:

- (3) *Bi Binder sumand tōrsōn. Tegeed tend baya nasaa ōngōrōōsōn.*
Bi Binder sum-d tōr-sōn Tegeed tend baya nas-aa ōngōrōō-sōn
 1SG Binder province-DAT born-PST **And** there little age-REF spend-PST
 ‘I was born in Binder sum. And I spent my childhood there’. (1MHTAC111: Female, 56)
- (4) *Tegeed hūn amyn odoo baidal tegeed her hugatsaand ōssōn ni tegeed todorhoigūi.*
Tegeed hūn am-yn odoo baidal tegeed her hugatsaa-d ōs-sōn ni tegeed todorhoi-gūi
 so population-GEN now state **and** how duration-DAT grow-PST 3REF so clear-NEG
 ‘So the state of population and its duration for growing is not clear’. (1MUBHC018-2: Male, 23)
- (5) *Tegeed odoo hūrtel tend ajillaj baina.*
Tegeed odoo hūrtel tend ajilla-j bai-na.
and now until there work-CVB be-PRS
 ‘And he has been working there until now’. (1MUBHC029-1: Female, 38)

In examples (3) and (5) by the older and middle-age speakers, *tegeed* performed as a coherence marker signalling continuation of the previous utterances, while in example (4) by a younger speaker, it served as a filler when he planned to say his next utterance. Moreover, *tegeed* was quite often used as a false start with the meaning ‘so’ in the younger people’s speech, while it was practically never used in this way in the speech of the older and middle-aged people. For example:

- (6) *Tegeed odoo yariagaa ehelie.*
Tegeed odoo yaria-aa ehel-e
 so now talk-REF start-IMP
 ‘Let’s start my talk now’. (1MUBHC055-1: Male, 25)

In example (6), *tegeed* is rudimentary, so it can be omitted since the speaker has just started his speech.

Tegeed was found to co-occur with other openings, hesitations, and emphasizing markers in all age groups' discourses. However, there are some differences in choice and quantity of their usage, which are presented in table 3.

Table 3. The rate of co-occurrences of the DM *tegeed* by age groups

	19—35	36—50	Above 50
<i>Tegeed bas</i>	1.4	1.2	0.46
<i>Tegeed odoo</i>	2.2	2.5	3.1
<i>Tegeed nõgõõ</i>	2.6	1.5	0.53
<i>Tegeed yag</i>	1.4	0.18	0.06
<i>Uh tegeed</i>	2.0	1.3	1.1
<i>Za tegeed</i>	2.5	2.1	1.3

Table 3 presents the co-occurrences of the DM *tegeed* with the hesitation marker *bas* 'also', *nõgõõ* 'other' and *uh*; attention marker *odoo* 'now' and *yag* 'exactly'; opening marker *za* 'well' and their proportions for each person in different age groups.

As we can see from table 3, *tegeed* co-occurs with *bas* more frequently (1.4 times) in the younger group's discourse than in the older group's (0.46 times) or in the middle-aged group's (1.2 times) ones; however, its co-occurrence with *odoo* as a marker of emphasis was more frequent in the older group's (3.1 times) than in the younger group's discourse (2.2 times) or in the middle-aged group's discourse (2.5 times). The co-occurrence of *tegeed* with *uh* was more frequent in the discourse of the younger group of speakers than of the other two groups of speakers.

The co-occurrence of *tegeed* with *yag* 'exactly' was relatively higher in the discourse of the younger speakers (1.4 per person) than in that of the older speakers (0.06 per person) or of the middle-aged speakers (0.18 per person). The co-occurrence of *tegeed* with *nõgõõ* is more frequent in the discourse of the younger people (2.6) than in that of the middle-aged people (1.5) or the older people (0.53). The co-occurrence of *tegeed* with *za* was more frequent in the discourse of the younger speakers (2.5 times) and in that of the middle-aged speakers (2.1) than in that of the older speakers (1.3 times).

In the young people's discourses, *tegeed* is accompanied by a hesitation marker *nõgõõ* 'other', which is likely to have been used to delay speech while the speaker tries to find an appropriate description for the object of their speech. For example:

- (7) *Tegeed nõgõõ bi bodohdoo nõgõõ end tendhiin oyutnuud irdeg.*
Tegeed nõgõõ bi bodoh-d-oo nõgõõ end tend-iin oyutan-uud ir-deg.
 so DM 1SG think-DAT-REF DM here there-GEN student-PL come-PRS
 'So I think that students come from everywhere'. (1MUBHC055-2: Male, 21)

In example (7), *tegeed nõgõõ* suggests that the speaker was thinking about the upcoming information.

Tegeed accompanied by *odoo* was mostly used as a marker of emphasis by the older people. For example,

- (8) *Tegeed odoo ber ireheer odoo huvintai sũũ õgnõ.*
Tegeed odoo ber ireh-eer odoo huvin-tai sũũ õg-nõ.
 then DM bride come-INST DM bucket-COM milk-ACCØ give-PRS
 'Then when the bride comes, a bucket of milk is given to her'. (1MHTAM112: Male, 67).

Tegeed co-occurring with *za* 'well' in the beginning of an utterance is more frequent as an opening marker in the discourse of the younger group and of the middle-aged group than of the older group. For example:

- (9) a. *Za tegeed bi 1990 ond Selenge aimgiin Nomgon sumand tõrsõn.*
Za tegeed bi 1990 on-d Selenge aimag-iin Nomgon sum-d tõr-sõn.
 well so 1SG 1990 year-DAT Selenge province-GEN Nomgon sum-DAT born-PST
 'Well, so I was born in 1990 in Nomgon sum of Selenge province'. (1MUBHC003-2: Male, 29)
- b. *Za tegeed õvõõ, emee bol yag Selenge nutgiin hũmũús.*
Za tegeed õvõõ, emee bol yag Selenge nutag-iin hũmũús.
 Well so grandpa, grandma COP exactly Selenge land-GEN people
 'Well, so my grandpa and grandma are the people of Selenge province'. (1MUBHC003-2: Male, 29)

- c. *Za tegeed deer üyiin khatad, noyod odoo tiim ulamjlaltai baisan.*
Za tegeed deer üy-iin khatad, noyod odoo tiim ulamjal-tai bai-san.
 well then ancient time-GEN queens, nobles DM such tradition-COM be-PST
 ‘Ancient queens and nobles had such a tradition’. (MHSAC145-1: Female, 41)

In example (9) *za* and *tegeed* were used as an opening marker in the utterance. Had they been removed from the utterance, the meaning would not have changed since they do not function either as a connective or as a word with a special meaning. Thus, they only function as a filler when they co-occur.

One of the interesting findings was that *tegeed* accompanied with *yag* ‘exactly’ was relatively more frequent in the discourse of the younger group than of the other two groups who almost never used it (only 2 and 3 occurrences for three groups). Below is a sample utterance made by a young speaker.

- (10) *Tegeed yag manai nutag bol nǫgǫǫ gobi bolohoor elserheg.*
 and exactly our land COP DM gobi because sandy
 ‘And our land is sandy since it is gobi’. (1MUBHC040-2: Female, 20)

In example (10), the co-occurrence of *tegeed* with *yag* signals emphasis on a part of what has been said by the young speaker.

Moreover, young speakers frequently use all the three most common DMs with other DMs in one utterance. For example,

- (11) *Kazakuud. Tegeed erǫnhiidǫǫ bol guravd ni bol odoo solongoschuud.*
Kazakuud. Tegeed erǫnhiidǫǫ bol gurav-d ni bol odoo solongoschuud.
 Kazaks. DM DM (= ‘typically’) three-DAT 3POSS DM DM Koreans
 ‘Kazaks. Then third, Koreans’. (1MUBHC012-2)

In example (11), there are four DMs: *tegeed*, *erǫnhiidǫǫ*, *bol*, and *odoo* as hesitation markers and fillers.

4.2.2. The use of the DM *odoo*

In Mongolian, *odoo* is a temporal adverb which refers to the time of speech. It means ‘at the present time or moment.’ In pragmatics, the word *odoo* is frequently used as an utterance filler and marker of emphasis. Therefore, *odoo* qualifies as a DM when it is not used as a temporal adverb. The word *odoo* was used 7649 times as a DM, which was 76% of the total occurrences of the word (10056). It was the second most frequent DM in the whole corpus. Let’s consider the differences between the following examples:

- (12) *Ter odoo zuragt ūzej baina.*
Ter odoo zuragt ūz-j bai-na.
 3SG now TV watch-CVB be-PRS
 ‘He is watching TV now’.
- (13) *Tend odoo hyars bas odoo ūneg gej baiday.*
Tend odoo hyars bas odoo ūneg gej bai-day.
 there DM corsac also DM fox AUX have-PRS
 ‘There are corsacs and foxes’.
- (14) *Deer ūyed bol odoo eej ūnegnii arisaar odoo malgai hij ǫgdǫǫg baisan.*
Deer ūyed bol odoo eej ūneg-ii aris-aar odoo malgai hii-j ǫg-dǫǫg bai-san.
 In the old days COP DM mother fox-GEN skin-INST DM hat do-CVB give-HAB be-PST
 ‘Formerly, my mother used to make hats from fox skin for me’. (1MHTAM121)

As we can see from the above examples, the word *odoo* is used as a temporal adverb, meaning ‘at the moment or now’ in example (12), while in examples (13) and (14) it serves as a DM since it is not used as a temporal adverb.

Table 2 above shows that the older people use *odoo* 86.5 times as a DM, while the younger people use it 46.9 times (per person) in spontaneous speech (average of 30 minutes). It appears that the older group of speakers uses it more frequently than the younger group of speakers.

This DM was used differently by various age groups in terms of functional proportion, choice, and context in discourse. According to the study, the DM *odoo* is also multifunctional, having three main pragmatic functions: emphasis, filler, and repair marker in the discourse. Figure 2 presents the proportion of the DM *odoo* based on its function in the speech of different age groups.

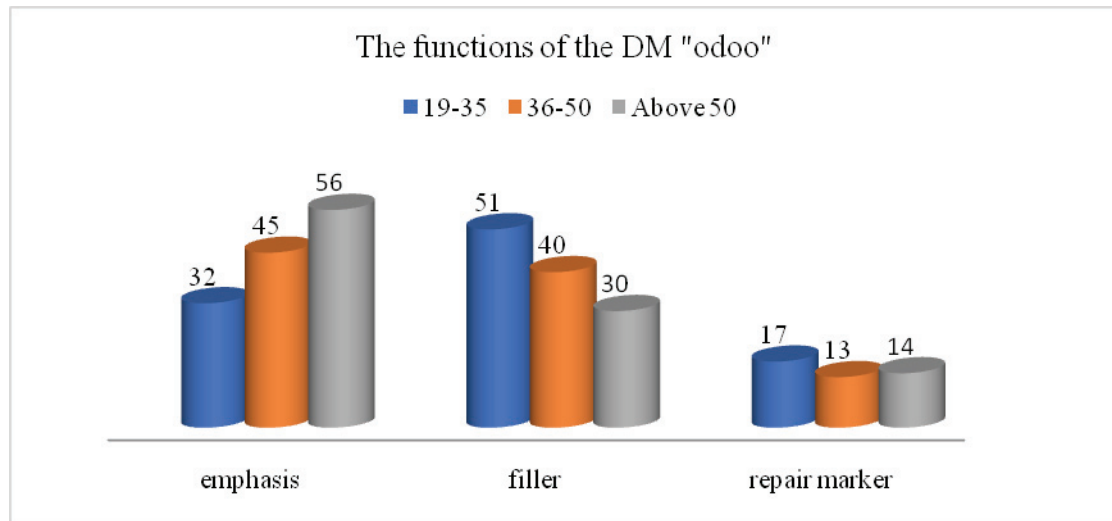

Figure 2. The functions of the DM *odoo* by age groups

As we can see from Figure 2, *odoo* serves as a marker of emphasis in 56%, as a filler in 30% and as a repair marker in 14% out of all the occurrences (100%) in the discourse of the older group of people. In the discourse of the younger people, however, the results were 32%, 51%, and 17%, and in the discourse of the middle-aged people, the results were 45%, 40%, and 13% respectively.

When we observed some examples of the older speakers' discourse, *odoo* was more often used as a marker of emphasis, as we mentioned before. For example:

- (15) *Negliin üher saadag tiim l bailaa daa odoo.*
Negdel-iin üher saa-dag tiim l bai-laa daa odoo.
 community-GEN cow-ACCØ milk-HAB such PTCL be-PST MOD DM
 'We used to milk cows of the farming community'. (1MHSAC138-2: Female, 72)
- (16) *Bid hoyor chin odoo suugaad 25 jil bolj baina.*
Bid hoyor chin odoo suu-aad 25 jil bol-j bai-na.
 we two 2SG.POSS DM marry-CVB 25 year become-CVB be-PROG
 'We have been together for 25 years after our marriage'. (1MAHAC129: Female, 57)
- (17) *Baga nasaa odoo yostoi l honi hurgatai hõotsöldõj õslõõ.*
Baga nas-aa odoo yostoi l honi hurga-tai hõotsöld-j õs-lõõ.
 small age-REF DM MOD PTCL sheep lamb-COM chase-CVB grow-PST
 'I spent my childhood herding sheep and lambs'. (1MHSAC138-1: Male, 63)
- In example (15) the speaker emphasized her past job, whereas in example (16) the speaker emphasized the duration of marriage, and in example (17) the speaker emphasized his childhood activity with the DM *odoo*.
- Besides emphasis, older speakers used the DM *odoo* as a false start and filler for remembering next utterances. For example:
- (18) *Odoo odoo energiin töv gedeg odoo yuny gazar bolgood avchihsan.*
Odoo odoo energy-iin töv ge-deg odoo yu-y gazar bolgo-ood av-chihsan.
 DM DM energy-GEN center call-HAB DM what-GEN place make-CVB take-PTCP
 'They turned it into an energy center now'. (1MUBHC009-2: Female, 62)
- (19) *Tegeed l odoo manaih chin odoo tavin dõrvõn ond negdeld orson doo.*
Tegeed l odoo manaih chin odoo tavin dõrvõn on-d negdel-d or-son doo.
 then PTCL DM ours 2SG.POSS DM fifty four year-DAT community-DAT enter-PST MOD
 'So, our family entered the agricultural community in 1954'. (1MHSAC138-1: Male, 63)
- (20) *Hamgiin tom hũũ maani odoo 84 ony hũũhed gedeg chin odoo 27-toi, yu bilee?*
Hamgiin tom hũũ maani odoo 84 on-y hũũhed ge-deg chin odoo 27-toi, yu bilee?
 the.most big son 1SG.POSS DM 84 year-GEN child call-CVB 2SG.POSS now 27-COM, what MOD
 'My oldest son was born in 1984, so now he is 27, isn't he?' (1MAHAC129: Female, 57)

Younger speakers used *odoo* as a marker of emphasis in 32%, as a filler in 51% and as a repair marker in 17% of all the cases, according to figure 2. For example:

- (21) *Odoo* *nǎgǎǎ* *Mongolchuud* *odoo* *ingeed* *l* *jil* *bolgon* *odoo* *nemegdchihsen* *baidag*.
Odoo *nǎgǎǎ* *Mongolchuud* *odoo* *ingeed* *l* *jil* *bolgon* *odoo* *nemegd-chihsen* *bai-dag*.
 DM DM Mongolians DM thus PTCL year every DM increase-PTCP be-HAB
 ‘The Mongolians have increased from year to year’. (1MUBHC002-1: Female, 22)
- (22) *Eej had bol ter odoo dursgal, odoo tǔǔhiin dursgalt gazar gej helj bolno.*
Eej had bol ter odoo dursgal, odoo tǔǔh-iin dursgalt gazar gej hel-j bolno.
 mother rock COP that DM memorial, DM history-GEN memorable site AUX say-CVB possible
 ‘The Mother rock can be considered as historical site’. (1MUBHC008-2: Male, 23)

In example (21) the speaker used the DM to fill the pauses for hesitation, whereas in example (22) another speaker used it as a repair marker correcting his previous utterance in his next utterance.

The middle-aged speakers used *odoo* as a marker of emphasis in 45%, as a filler in 40%, and as a repair marker in 13% of all the occurrences, according to figure 2. For example:

- (23) *Yer odoo ene bosoo mongol bichgiig chin erdǎǎsǎǎ zaagaagǔi.*
Yer odoo ene bosoo mongol bichig-iig chin erdǎǎsǎǎ zaa-aagǔi.
 generally DM this vertical mongol script-ACC 2SG.POSS ever teach-PST.NEG
 ‘Generally, vertical Mongolian script was not taught to us’. (1MHSAC145-2: Male, 48)
- (24) *Tegeed ǎǎr chin odoo goy goy yum ikh bii manai nutagt.*
Tegeed ǎǎr chin odoo goy goy yum ikh bii manai nutag-t.
 DM other 2SG.POSS DM beautiful beautiful thing many have our land-DAT
 ‘So we have many beautiful things in our homeland’. (1MHSAC146-2: Female, 46)
- (25) *ǎǎǎǎdǎǎr ter setguulchiin yos zǔi, odoo nǎgǎǎ yos surtahuun gedeg yum*
ǎǎǎǎdǎǎr ter setguulch-iin yos zǔi, odoo nǎgǎǎ yos surtahuun ge-deg yum
 today that journalist-GEN ethics, DM DM ethics call-HAB thing
joohon aldagdaj baigaa.
joohon ald-gd-j bai-aa.
 little loose-PV-CONV be-PRS
 ‘Today the ethics of journalists has been lost a little’. (1MUBHF109: Female, 49).

In example (23) *odoo* was used as a marker of emphasis, whereas in example (24) it functions as a filler, and in example (25) — as a repair marker.

4.2.3. The use of the DM *bol*

In Mongolian linguistics, *bol* is considered a copula. According to [Tserenpil 2005], *bol* is a neutral focus particle which has two functions:

a) It serves as a copula and subject indicator. It can be omitted in colloquial speech because the sentence structure is made clear by either the use of intonation or a pause.

- (26) a. *Bi bol mongol hǔn.*
Bi bol mongol hǔn.
 1SG COP mongol person
 ‘I am a Mongolian person’.
- b. *Ter emegtei bol bagsh.*
Ter emegtei bol bagsh.
 that woman COP teacher
 ‘She is a teacher’.
- c. *Ene bol mash zǔitei.*
Ene bol mash zǔitei.
 This COP very correct
 ‘This is very correct’ (literal translation), etc.

In the examples above, the copula *bol* may be interpreted as a marker of clausal topics or topic marker.

b) It is used to emphasize subjects, objects, or attributes of the utterance. For example:
Emphasizing a subject:

- (27) *German hūn **bol** tsayyg nariin barimtalday.*
*German hūn **bol** tsay-yg nariin barimtal-day.*
 German person COP time-ACC firmly pursue-HAB
 ‘The Germans strictly keep time’.

Emphasizing an object:

- (28) *German hūnd **bol** tsay hamgiin chuhal.*
*German hūn-d **bol** tsay hamgiin chuhal.*
 German person-DAT COP time the.most important
 ‘For the Germans, time is the most precious thing’.

Attributes:

- (29) *Hūnii **bol** deed ni, hūūhnii **bol** tsarailag ni eej mini bilee.*
*Hūn-ii **bol** deed ni, hūūhen-ii **bol** tsarailag ni eej mini bilee.*
 Person-GEN COP best 3SG.POSS, woman-GEN COP pretty 3SG.POSS mother 1SG.POSS MOD
 ‘Among people the best, among ladies the most beautiful, my mother’.

According to the study, *bol* was the third most frequent DM, constituting 11.7% (7425) of all the DMs in the entire corpus.

As table 2 shows, the younger speakers used *bol* 55.6 times (per person), while the older speakers used it 65.8 times (per person), and the middle-aged speakers used it 66.4 times (per person) on average. Thus, from the point of view of the quantity of this DM, the middle-aged speakers and older speakers used it more often than the younger speakers. The study shows that the DM *bol* pragmatically functions as a marker of emphasis and a filler in spoken discourse. In addition, it serves as a conditional marker with the inflectional suffix of the verb *-san* (*-sen*, *-son*, *-sön*) and the negative suffix *-gūi*. Figure 3 shows the functional proportion of the DM *bol* according to the age factor.

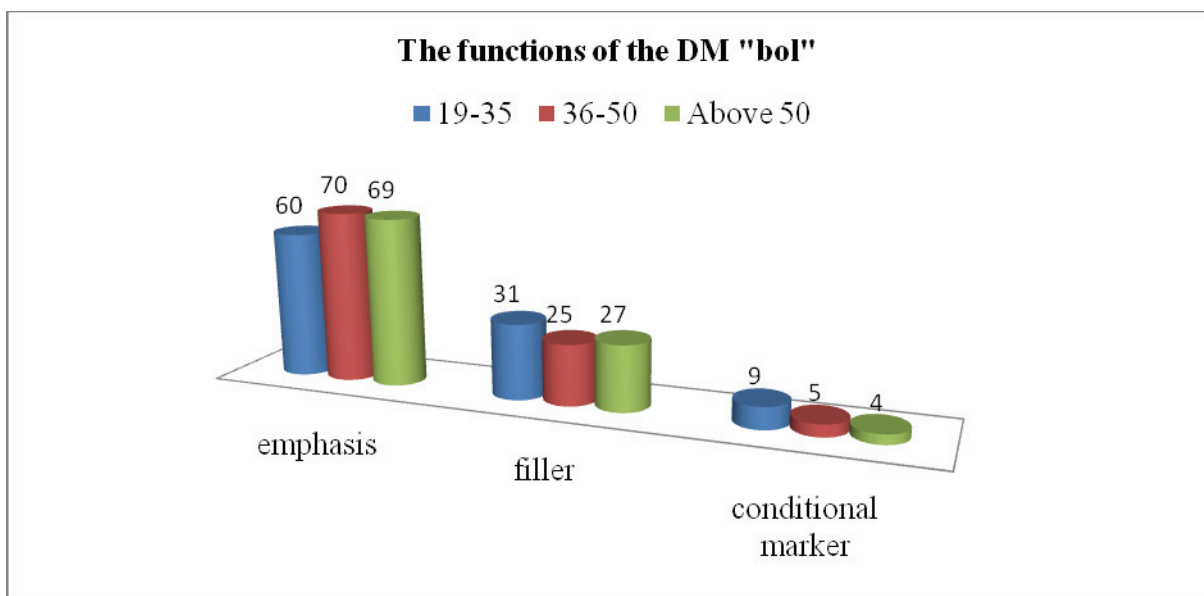

Figure 3. The functions of the DM “*bol*” by age groups

According to Figure 3, the older speakers used the DM *bol* as a marker of emphasis in 69%, as a filler in 27%, and as a conditional marker in 4% of all the cases, whereas the younger speakers used it as a marker of emphasis in 60%, as a filler in 31%, and as a conditional marker in 9% of all the cases. For the middle-aged speakers, the figures are as follows: 70%, 25%, and 5% respectively. Thus, it is obvious that all the age groups used *bol* more frequently as a marker of emphasis than as other markers. However, the middle-aged and older people used it for emphatic purposes more frequently than the younger people. On the other hand, the younger

people used it as a filler and a conditional marker more frequently than the middle-aged and older people. Let's consider some examples:

- (30) *Bi **bol** ter tavyg **bol** asar ih yu gūitsetgesen gej bodoj baina.*
*Bi **bol** ter tav-yg **bol** asar ih yu gūitsetge-sen gej bod-j bai-na.*
 1SG DM that five-ACC DM intensifier many what perform-PST AUX think-CVB be-PRS
 'I think that they five have done a lot of things'. (1MHSAC145-2: Male, 48).
- (31) *Bid naryn ūyed **bol** gar utas baihgūi shūū dee.*
*Bid nar-yn ūye-d **bol** gar utas baih-gūi shūū dee.*
 we PL-GEN period-DAT DM hand phone be-NEG MOD MOD
 'In our time, there wasn't a mobile phone'. (1MUBHC073-2: Female, 61)
- (32) *Hōdōō **bol** morior l davhina.*
*Hōdōō **bol** mori-oor l davhina.*
 countryside-DATØ DM horse-INST PTCL gallop-FUT
 'In the countryside, we gallop on horseback'. (1MUBHC079-2: Male, 72)

The DM *bol* was used as a marker of emphasis which highlighted the subject and the object of the utterance by a middle-aged speaker in example (30), whereas it points to time in example (31) and place in example (32) in the discourse of the older group of speakers.

- (33) *Bid nar **bol** odoo mongol hūmūūs mōrtlōō mongol*
*Bid nar **bol** odoo mongol hūmūūs mōrtlōō mongol*
 we DM now Mongolian people despite Mongolian
*bichigiig shuud haraad **bol** yag **bol** unshij chadahgui.*
*bichig-iig shuud har-aad **bol** yag **bol** unsh-j chadah-gui.*
 script-ACC directly see-CVB DM exactly DM read-CVB be.able-NEG
 'Even though we are Mongolians, we are not able to read Mongolian script fluently'. (1MUBHC024: Female, 22)
- (34) *...beleg selt avchirsan **bol** teriigee ᠔ᠭ᠔᠔, yer᠔᠔ heldeg.*
*...beleg selt avchir-san **bol** ter-iig-ee ᠔ᠭ-᠔᠔, yer᠔᠔ hel-deg.*
 gift-ACCØ bring-PST DM that-ACC-REF give-CVB, wishes-ACCØ say-HAB
 'If you bring some gifts, you say wishes when you give it'. (1MUBHC017: Male, 21)

In example (33), the young speaker used the DM *bol* as a filler three times in a sentence for hesitation while in example (34) another young speaker used it as a conditional marker with the past tense form of the verb *avchirsan bol* 'if bring or brought'. Moreover, the DM *bol* was frequently used with *Erōnhiidōō* in the young people's speech, whereas it was not used in the older people's speech. Let's analyze some examples of the young speakers' discourse.

- (35) *Erōnhiidōō **bol** Darhand suurishina gej boddog.*
*Erōnhiidōō **bol** Darhan-d suurish-na gej bod-dog.*
 typically DM Darhan-DAT settle-FUT AUX think-PRS
 'Generally, I think that I will settle down in Darhan'. (1MUBHC008-1: Female, 22)
- (36) *Tegeed l erōnhiidōō **bol** tōgssōndōō aimaar bayartai baina.*
*Tegeed l erōnhiidōō **bol** togs-sōn-d-ōō aimaar bayartai bai-na.*
 So PTCL typically DM graduate-PST-DAT-REF terribly happy be-PRS
 'Typically, I am terribly happy for my graduation'. (1MUBHC008-2: Female, 21)
- (37) *Halhuud **bol** erōnhiidōō **bol** ingej erōnhiidōō **bol** end*
*Halh-uud **bol** erōnhiidōō **bol** ingej erōnhiidōō **bol** end*
 Khalkha-PL DM typically DM such.manner typically DM here
tend ingej tarhan amidardag.
tend ingej tarh-n amidar-dag.
 there such.manner spread-CVB live-HAB
 'Typically, Khalkha people sparsely settle down here and there'. (1MUBHC012-2: Male, 23)

In examples (35) and (36), *bol* with the DM *erōnhiidōō* was used as a marker of emphasis, whereas it was used as a filler in example (37).

4.3. Summary of the findings

1. One of the most interesting findings of this study was the ratio of the number of tokens between three age group corpora and the variation in the percentage of DMs used by each group. The younger group of speakers uses DMs more frequently than the older group of speakers in their speech (table 1). The number of word forms in the older group corpus is higher, and the percentage of all the DMs in the total word count is lower. On the other hand, the number of word forms in the younger group corpus is lower, and the percentage of all the DMs in the total word count is higher. These findings support the hypothesis that the younger speakers use DMs more frequently due to their lack of native language vocabulary. In the middle-aged group the number of tokens and percentages of all the DMs in total were in between the other two groups.

2. The use of DMs by the middle-aged people is neutral compared to the other two groups.

3. Even though we expected that the three most common DMs *tegeed*, *odoo*, and *bol* would be used more frequently by the younger speakers, they were used more frequently by the older speakers (table 2).

4. The frequencies of each of the three common DMs for different age groups were different. The DM *tegeed* is the most frequent DM for the younger group, whereas *odoo* is the most frequent DM for the older group, and *bol* is the most frequent DM for the middle-aged speakers (table 2).

5. The young speakers used new variants of the DMs more often compared to the middle-aged and older speakers.

6. The co-occurrences of the DM *tegeed* with hesitation markers and fillers were more common among the younger speakers than among the other groups of speakers. In general, the younger speakers used the DMs as fillers, hesitation markers, repetitions, and false starts more frequently than the older speakers. Thus, it can be hypothesized that the Mongolian language might be influenced by other languages as younger speakers tend to use fillers and search for words to express themselves.

5. Conclusions

The main aim of the present paper was to find evidence to support the hypothesis that the younger speakers use DMs more frequently than the older speakers. Our analysis demonstrated small but systematic differences in the way of using DMs in spontaneous speech by different age groups, both in terms of frequency, function, and choice. According to the study, 18.6% of all the uttered words in the discourse of the younger group were DMs, which is indeed considerably higher compared to the other groups who used DMs less frequently in their speech. Additionally, their range of word forms is also broader than those used by the younger speakers.

Indeed, one of the important questions raised in the study was whether these linguistic items really distinguish the language of the younger speakers from the language of the older speakers. We argued that young people use too many DMs due to their disfluency in their native language. The results of this study might confirm this claim since the younger speakers used more fillers, false starts, repetitions, and hesitation markers than the other age groups. Additionally, the percentage of DMs in their whole vocabulary might also serve as evidence to support the hypothesis. Moreover, it was revealed that the younger speakers use new variants of DMs more frequently. Thus, it can be concluded that young people might influence language change.

Likewise, the present analysis expected young speakers to use the common DMs more frequently than the older and middle-aged speakers. However, the results of the study show that the DM *odoo* was more frequently used by the older speakers, and the DM *bol* was more often used by the middle-aged speakers, while the DM *tegeed* was more frequently used by the younger speakers. According to the study, the DMs are used with different functions by the three age groups. Therefore, it seems that socio-demographic variables of age considerably influence the choice, function, and frequency of DMs.

For future research, it would be interesting to study the use of DMs in terms of gender, language economy, psychology, and urbanization. In other words, there are many gaps in the research on DMs in Mongolian that linguists are working to fill.

Abbreviations

1, 2, 3 — first, second, third person
ACC — accusative case
AUX — auxiliary
COM — comitative case
COND — conditional

COP — copula
CVB — converb
DAT — dative case
DM — discourse marker
FUT — future

GEN — genitive case	PROG — progressive tense
HAB — habitual	PRS — present tense
IMP — imperative	PST — past tense
INF — infinitive	PTCL — particle
INST — instrumental case	PTCP — participle
MOD — modal word	PV — passive
NEG — negation	REF — reflexive
NOM — nominative case	SG — singular
PL — plural	Ø — zero ending
POSS — possessive case	

Sources

MAHAC — Arkhangai	MHTAM — Tuv
MHSAC — Khuvs gul	MUBHC — Ulaanbaatar
MHTAC — Khentii	

References

- Andersen 2001 — *Andersen G.* Pragmatic Markers and Sociolinguistic Variation. A relevance-theoretic approach to the language of adolescents. Bergen, 2001.
- Battogtokh 2009 — *Battogtokh D.* Үгийн ширэнгээр бэдрэхүй [Seeking in word jungle]. Ulaanbaatar, 2009.
- Belicová 2011 — *Belicová J.* Japanese Discourse Markers: An Analysis of Native and Non-native Japanese Discourse. Diploma thesis. Olomouc, 2011.
- Bertagaev 1964 — *Bertagaev T. A.* Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение [The syntax of modern Mongolian in comparative lighting. Simple sentences]. Moscow, 1964.
- Bobrovnikov 1849 — *Bobrovnikov A. A.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка [Grammar of the Mongolian-Kalmyk language]. Kazan, 1849.
- Chingeltei 1963 — *Chingeltei.* A grammar of the Mongol language. New-York, 1963.
- Choijinjav 1989 — *Choijinjav.* Монгол хэлний зүйн судлал [The studies of Mongolian grammar]. Hohhot, 1989.
- Crible 2016 — *Crible L.* Discourse Markers and Disfluencies: Integrating Functional and Formal Annotations // Proceedings of the 12th Joint ACL—ISO Workshop on Interoperable Semantic Annotation. 2016. P. 38—44.
- Drăgușin 2016 — *Drăgușin D.* Discourse Markers: Contextual Indices of Communication // Cultural and linguistic communication. 2016, 6. P. 152—164.
- Erman 2001 — *Erman B.* Pragmatic Markers revisited with a focus on ‘you know’ in adult and adolescent talk // Journal of Pragmatics. 2001, 33 (9). P. 1337—1359.
- Gabarró-López 2020 — *Gabarró-López S.* Are discourse markers related to age and educational background? A comparative account between two sign languages // Journal of Pragmatics. 2020, 156. P. 68—82.
- Gabrys 2017 — *Gabrys M.* Like as a discourse marker in different varieties of English: A contrastive corpus-based study. Master’s Thesis. Louvain-la-Neuve, 2017.
- Goffman 1981 — *Goffman E.* Radio talk // Forms of talk. Philadelphia, PA, 1981. P. 197—327.
- Guliraanz 1995 — *Guliraanz.* Монгол хэлний энгийн өгүүлбэр, эхийн онол — практикийн зарим асуудал [Theoretical and practical issues of Mongolian simple sentences and texts]. Vol. III. Ulaanbaatar, 1995. P. 120—150.
- Ishdorj 1930 — *Ishdorj B.* Монгол хэлний дүрэм [The grammar of the Mongolian language]. Ulaanbaatar, 1930.
- Laserna, Yi-Tai Seih, Pennebaker 2014 — *Laserna C. M., Yi-Tai Seih, Pennebaker J. W.* Um... Who Like Says *You Know*: Filler Word Use as a Function of Age, Gender, and Personality // Journal of Language and Social Psychology. 2014, 33 (3). P. 328—338.
- Lvsanvandan 1939 — *Lvsanvandan S.* Монгол хэлний зүй [Mongolian grammar]. Ulaanbaatar, 1939.
- Lvsanvandan 1956 — *Lvsanvandan S.* Монгол хэл зүйн сурах бичиг [The textbook of Mongolian grammar]. Ulaanbaatar, 1956.
- Markó, Dér 2012 — *Markó A., Dér C. I.* Age-specific features of the use of discourse markers in Hungarian // Language, Communication, Information. 2012, 7. P. 61—78.
- Matei 2011 — *Matei M.* The Influence of Age and Gender on the Selection of Discourse Markers in Casual Conversations // Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series IV: Philology and Cultural Studies. 2011, 4 (53). P. 213—220.
- Munkh-Amgalan 1998 — *Munkh-Amgalan Y.* Орчин цагийн монгол хэлний баймжийн ай [The category of modern Mongolian modality]. Ulaanbaatar, 1998.

- Munkhtsetseg 2014 — *Munkhtsetseg N.* Орчин цагийн монгол хэлний туслах үгийн тогтолцоо, утга, үүрэг, хэрэглээ [The System, Meaning, Functions and Use of Modern Mongolian Function Words]. Doctoral thesis. Ulaanbaatar, 2014.
- Onorbayan 1987 — *Onorbayan T.* Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт [The morphological structure of Mongolian language]. Vol. II. Ulaanbaatar, 1987.
- Onorbayan 1991 — *Onorbayan T.* Орчин цагийн монгол хэлний үг зүй [The morphology of modern Mongolian]. Ulaanbaatar, 1991.
- Orlov 1878 — *Orlov A. M.* Грамматика Монголо-бурятского разговорного языка [Grammar of Mongolian-Buryat spoken languages]. Kazan, 1878.
- Purevdorj 2008 — *Purevdorj D.* “Мэдээж” дүүтэй золгох мэндийн самбай [Greeting khadag for guy “Medeej” (certainly)] // <https://dusal.blogmn.net/18036/medeej—duutei—zolgoh—mendiin—sambai.html>. 2008.
- Purev-Ochir 2000 — *Purev-Ochir B.* Орчин цагийн монгол хэлний өгүүлбэрзүй [Modern Mongolian syntax]. Vol. II. Ulaanbaatar, 2000.
- Rudneev 1905 — *Rudneev A. D.* Лекции по грамматике монгольского письменного языка [Lectures on Mongolian written language grammar]. Saint Petersburg, 1905. P. 30—93.
- Schourup 1999 — *Schourup L.* Discourse Markers // *Lingua*. 1999, 107. P. 227—265.
- Shriberg 1994 — *Shriberg E. E.* Preliminaries to a Theory of Speech Disfluencies. Doctoral thesis. University of California, 1994.
- Tagliamonte 2005 — *Tagliamonte S.* So who? Like how? Just what? Discourse markers in the conversations of Young Canadians // *Journal of Pragmatics*. 2005, 37. P. 1896—1915.
- Vaanchig 1990 — *Vaanchig B.* Монгол хэлний хийсвэр үгийн толь [Dictionary of Mongolian abstract words]. Hohhot, 1990.

**Применение методики кластеризации
в решении проблем диалектного членения карельского языка
(на примере дистрибуции переднеязычных щелевых согласных)**

Новак Ирина Петровна, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); novak@krc.karelia.ru

К настоящему моменту назрела необходимость пересмотра диалектной классификации карельского языка с привлечением современных методик обработки больших объемов данных. В статье рассматриваются возможности применения в этих целях алгоритма кластерного анализа на примере одного из наиболее ярких фонетических маркеров карельской диалектной речи — дистрибуции переднеязычных щелевых согласных, зависящей от большого количества факторов, выступающих изолированно или в совокупности в самых различных пропорциях: позиция согласного в слове, переднерядная или заднерядная огласовка слова, наличие в непосредственной близости гласного *i* и пр. Материалом для исследования послужили предварительно оцифрованные и закодированные диалектные данные «Программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка» (37,5 тыс. единиц), заполненных в 1937—1950 гг. в 146 населенных пунктах Карелии. Визуализация материалов кластеризации на карте дает наглядное представление об истории сложения наречий и диалектов карельского языка и позволяет уточнить отдельные изоглоссы исследуемого фонетического явления. Проверка достоверности результатов кластерного анализа производится при помощи их сравнения с данными, полученными путем применения к тому же диалектному материалу инструмента *Cognate analysis* лингвистической платформы *LingvoDoc*, а также с основанными на традиционных методах лингвистической географии выводами, представленными в трудах Д. В. Бубриха и П. Виртаранта. Итоги проведенного исследования свидетельствуют о возможности использования предложенной методики в качестве базовой в процессе решения проблем диалектного членения карельского языка.

Ключевые слова: карельский язык, диалектология, лингвистическая география, диалектная классификация, кластерный анализ, анализ когнатов

**APPLICATION OF THE CLUSTERING TECHNIQUE TO DIALECT DIVISION
OF THE KARELIAN LANGUAGE
(CASE STUDY OF THE DISTRIBUTION OF FRONT FRICATIVE CONSONANTS)**

Irina P. Novak, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, RAS (Petrozavodsk),
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); novak@krc.karelia.ru

The need has arisen to revise the dialect division of the Karelian language using modern methods for processing big data. This article examines how this task can be handled using the cluster analysis algorithm through the case study of one of the most vivid phonetic markers of Karelian dialectal speech — the distribution of front fricative consonants, which depends on a variety of factors working individually or together in different proportions: position of the consonant in the word, front or back vocalism of the word, presence of the vowel *i* in the immediate vicinity, etc. The source material for the study was digitalized and coded dialectal data from “Programs for collecting material for the dialectal atlas of the Karelian language” (approx. 37 500 units) filled out in 1937—1950 in 146 settlements in Karelia. Mapping of the clustering output visualizes the formation history of Karelian supradialects and dialects, and enables a more precise drawing of certain isoglosses of the phonetic phenomenon in question. The results of the cluster analysis were verified by comparing against the data derived by processing the same dialectal material with the *Cognate analysis* tool of the *LingvoDoc* linguistic platform, and against the conclusions based on traditional linguistic geography methods as published by D. Bubrikh and P. Virtaranta. We can conclude from the study that the suggested technique can be applied as the basis for dealing with dialect division of the Karelian language.

Keywords: Karelian language, dialectology, linguistic geography, dialect division, cluster analysis, cognate analysis

Исследование проведено в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН.
Раздел «Анализ материала с помощью алгоритма *Cognate analysis* лингвистической платформы *ЛингвоДок*» выполнен при поддержке гранта РФФИ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных» (рук. Ю. В. Норманская).

Введение

Карельский — один из языков прибалтийско-финской ветви уральской языковой семьи, наиболее близок к ижорскому, финскому и вепсскому языкам. Общее число владеющих карельским языком в Российской Федерации, согласно данным официальной статистики, в 2010 г. составило 25,6 тыс. чел. Носители карельского языка проживают на территориях Республики Карелия (19100 чел.), Тверской (3641) и Ленинградской (573) областей [Итоги]. Численность карелоязычного населения Финляндии по неофициальным данным составляет около 30 тыс. чел. [Sarhimaа 2017: 111—115].

Согласно «Атласу языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО (2016), карельский язык (Karelian и Olonetsian) относится к группе “definitely endangered” (определенно находящийся под угрозой), а его людиковское наречие (Lude) даже к группе “severely endangered” (находящийся под сильной угрозой исчезновения) [Atlas]. Результаты международного проекта ELDia показали, что карельский язык в Финляндии находится в статусе «критически уязвимого» [Sarhimaа 2016: 23], а в России — «серьезно уязвимого» [Karjalainen et al. 2013: 189].

Согласно традиционной в прибалтийско-финском языкознании классификации, в процессе диалектного членения карельского языка принято использовать иерархию «наречие — диалект — говор», см., напр., [Зайков 2000: 27; KKVС; ALFI]. Разделение карельского языка на три наречия: собственно карельское, ливвиковское и людиковское, — берет начало еще в работах Д. В. Бубриха [Бубрих 1947а, 1948].

Начало процесса формирования наречий карельского языка было обусловлено русско-шведским военным противостоянием XVI—XVII вв., в результате которого произошло переселение карел с исторической родины, северо-западного Приладожья, в регион современной Карелии, а также на тверские и новгородские земли [Leskinen 1998: 353—359; Saloheimo 2010]. Если собственно карельское наречие в процессе сложения не ощутило существенного влияния извне, то формирование ливвиковского и людиковского наречий произошло в результате вепско-карельского контактирования [Itkonen 1971: 179, 182; Virtaranta 1972: 26—27; Sammallahti 1977]. Относительно людиковских говоров российская и финляндская школы прибалтийско-финского языкознания расходятся в том плане, что в Финляндии их принято выделять в самостоятельный язык [Virtaranta 1972; Pahomov 2017: 9, 33, 108, 285].

Сложение карельских диалектов — еще более сложный процесс, включивший в себя внутренние языковые изменения, вызванные интенсивными миграциями карел, а также влияния со стороны родственных (финского, вепского) и неродственных (русского) языков, продолжающиеся на протяжении нескольких столетий. Разработка языковедами Института языка, литературы и истории диалектной карты карельского языка в ходе подготовки целого ряда изданий по лингвистической географии: «Диалектологического атласа карельского языка» (1997), «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков» (2004), «Сопоставительно-ономазиологического словаря диалектов карельского, вепского и саамского языков» (2007) и др., — относится к 80-м — 90-м гг. XX в. Анализ большого числа данных по разным говорам позволил выявить взаимосвязь диалектных границ карельского языка с границами волостного деления территории Карелии начала XX в., в результате чего было принято решение использовать административный принцип в качестве основного в процессе диалектного членения карельского языка [Керт, Рягоев 1997: 4] (Карта 1).

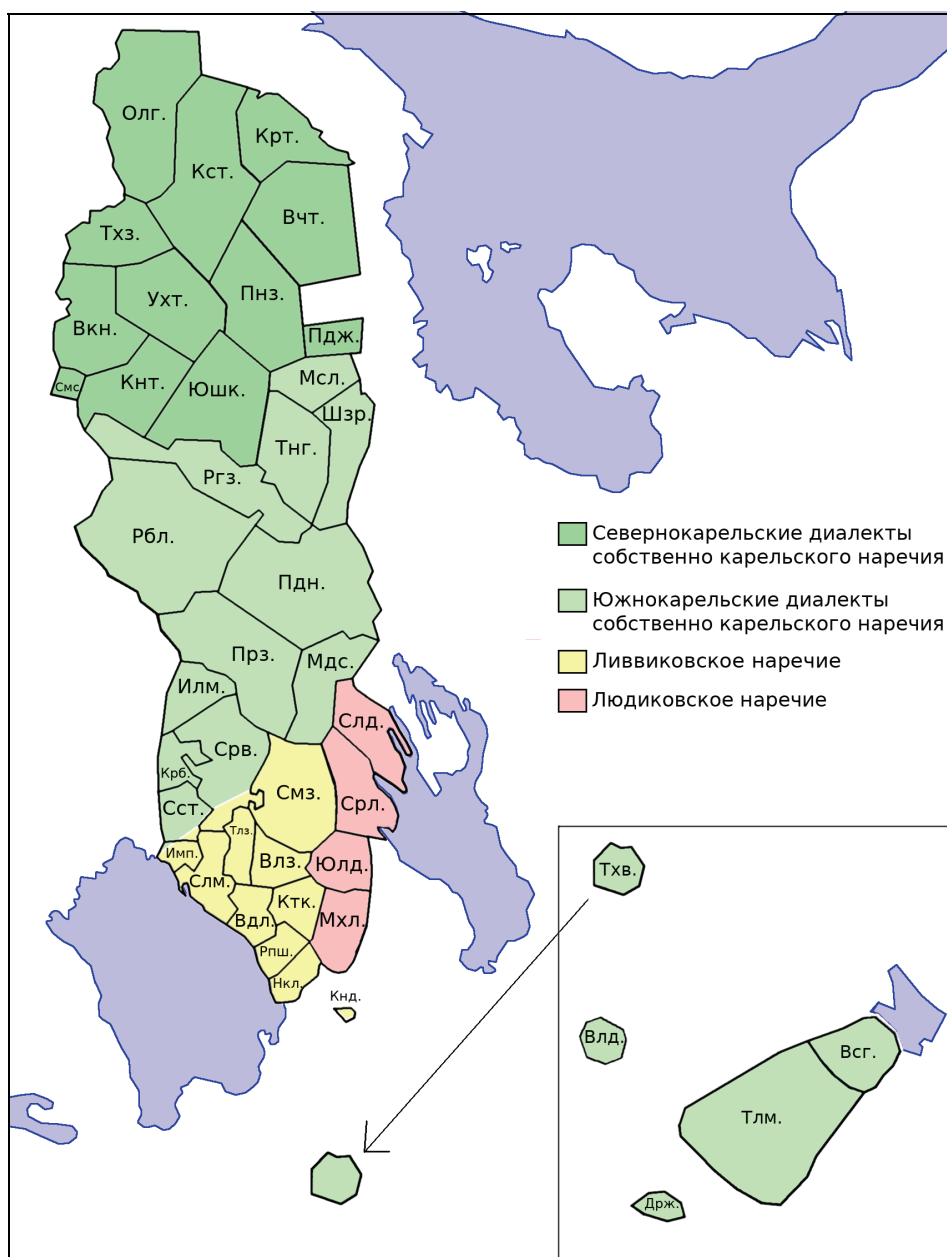
Со временем эта карта диалектов карельского языка, а соответственно и классификация, получила негласный статус традиционной, однако до сих пор не решен целый ряд проблем, связанных с ее разработкой:

1) в вариантах классификации количество диалектов варьируется от 35 до 45, что, очевидно, является завышенным показателем для такого языка, как карельский. К тому же сравнение говоров отдельных соседних диалектов (напр., севернокарельских диалектов собственно карельского наречия или ливвиковских рыпушкальского и некульского диалектов) не позволяет обнаружить между ними каких-либо существенных различий. По сути, на карте 1 представлены наречия и говоры (группы говоров) карельского языка, а проблема диалектного членения оставлена нерешенной;

2) волостные границы далеко не всегда совпадают с изоглоссами диалектных маркеров. Например, на территории паданского диалекта существует две группы говоров, обнаруживающих существенные отличия на уровне как фонетики, так и морфологии, однако они оказались объединены в одну группу. Выбор административного принципа в качестве основного критерия диалектного членения карельского языка является, таким образом, неудачным;

3) решения ждут проблемы определения языкового или диалектного статуса отдельных групп говоров: людиковских и говоров Приграничной Карелии (иломантсинских, корбисельгских, суйстамских, суоярвских).

Наличие этих и других проблем указывает на то, что к настоящему моменту назрела необходимость пересмотра диалектной классификации карельского языка с привлечением современных методик лингвистической географии.

Карта 1. Сводная карта диалектов карельского языка

В рамках статьи на примере одного из наиболее ярких фонетических маркеров карельской диалектной речи: дистрибуции переднеязычных щелевых согласных, разница между которыми уловима без привлечения какого-либо специального оборудования, — продемонстрированы возможности использования диалектометрической методики кластерного анализа в решении проблем диалектного членения языка. Данная методика позволяет наглядно представить и проследить основные процессы, сыгравшие решающую роль в ходе формирования современной карельской диалектной карты, что особенно важно в процессе разработки лингвистически обоснованной диалектной классификации карельского языка.

1. Исследование дистрибуции переднеязычных щелевых согласных в диалектах карельского языка

Дистрибуции переднеязычных щелевых согласных ($s/\š$, $z/\ž$), являющейся одним из важнейших фонетических признаков, маркирующих группы диалектов и говоров карельского языка, уделяется отдельное место в ряде дескриптивных описаний его диалектов.

Уже в первых грамматиках карельского языка А. Генетцом приводятся основные позиции, в которых выступают свистящие и шипящие согласные. Так, он отмечает, что для суоярвских говоров характерно преимущественное использование свистящих щелевых *s*, *z*, тогда как *š* выступает лишь в начале и в середине слова перед палатализованным *t* (*hyväšt'i* ‘хорошо’) и *k* (*kiškuo* ‘вырывать’), а также в виде геминаты (*bošši* ‘баран’), а *ž* — только в заимствованной из русского языка лексике [Genetz 1870: 209—211]. При описании людиковских говоров исследователь выделяет две группы: Святозеро и Виданы с одной стороны, где согласные *š*, *ž* выступают в фонетической позиции после *i* (*ištuu* ‘он сидит’, *ottaiž* ‘он взял бы’), и Мунозеро и Уссун с другой, где, помимо предыдущей позиции, шипящие выступают в положении перед *i*, а также другими гласными переднего ряда (*piäžin* ‘я попал’, *šen* ‘того’) и перед *k* (*käšköi* ‘он велит’) [Genetz 1872: 12]. Относительно ливвиковских говоров Генетц отмечает использование глухого шипящего *š* в позиции между *i* и *k*, а также перед палатализованным *t* (*kiškuo* ‘вырывать’, *höštē* ‘навоз’), а звонкого шипящего *ž*, кроме заимствованной лексики, еще и в позициях после и перед гласным *i* (*ižä* ‘отец’, *kaži* ‘кошка’) [Genetz 1884: 123].

Х. Оянсуу и Ю. Куйола в своих работах подытожили выводы, сделанные предшественником, следующим образом: *š*, *ž* в северно- и южнокарельских говорах собственно карельского наречия выступают повсеместно, кроме позиции перед гласным *i*, а в ливвиковских говорах, наоборот, только в позиции после гласного *i*, включая те лексемы и словоформы, из которых *i* выпал в результате фонетических преобразований [Ojansuu 1907: 39—40, 1918: 36—40; Kujola 1922: 66].

Условия употребления свистящих и шипящих согласных рассматриваются и в описаниях отдельных говоров карельского языка [см., напр., Kujola 1910: 38—39; Liljeblad 1931: 36—39; Turunen 1946: 213—238; Беляков 1949: 40—41; Баранцев 1975: 71; Рягоев 1977: 26—32; Новак 2016: 65—70], в которых исследователями отмечается отсутствие последовательности в их использовании. Так, например, В. Д. Рягоев, анализируя представительство переднеязычных щелевых в тихвинских говорах и отмечая довольно частое употребление в них шипящих согласных (*lapši* ‘ребенок’), за исключением позиции после *i* (*koista* ‘из дома’), а также перед *i* в словах переднерядной огласовки (*s'il'mä* ‘глаз’, *käz'i* ‘рука’, но *kuuži* ‘шесть’, *onži* ‘волокно в корнеплодах’), отдельное внимание обращает на непоследовательность использования шипящего в начале слова в положении перед гласным *i* (*s'iula* ‘тебе’ / *šie* ‘ты’, *s'ilda* / *šilda* ‘мост’, *s'il'mä* / *šil'mä* ‘глаз’) [Рягоев 1985: 30—32].

В статье «Дистрибуция и фонологический статус /s/ и /š/ в диалектах карельского языка» П. М. Зайков исследует проблему определения фонологического статуса переднеязычных щелевых согласных и делает вывод о необходимости трактовки этих фонем как самостоятельных в нормированных вариантах карельского языка [Зайков 2014: 11—13].

Подробному описанию дистрибуции свистящих и шипящих согласных карельских говоров посвящены работы Д. В. Бубриха «Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах» (1947) и П. Виртаранта «Eteläkarjalaisten murteiden s» (1946), «Über das s im Karelischen» (1984). Оба языковеда производят классификацию описываемой группы говоров в зависимости от условий употребления в них переднеязычных щелевых.

1.1. Распределение свистящих и шипящих согласных в диалектах карельского языка по Д. В. Бубриху

В статье «Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах» (1947) Д. В. Бубрих анализирует представительство переднеязычных щелевых согласных во всех собственно карельских, ливвиковских и людиковских говорах Республики Карелия на основе полевых диалектных материалов, собранных в 200 населенных пунктах в процессе работы над «Диалектологическим атласом карельского языка» (1997), и приходит к следующему выводу:

Когда-то было лишь две области трактовки свистящих и шипящих — южная и северная, причем граница между ними... строго совпадала с границей между ливвиковским и людиковским наречиями в совокупности, с одной стороны, и собственно-карельским — с другой [Бубрих 1947b: 157—158].

Бубрих выводит три основные области трактовки свистящих и шипящих, сформировавшиеся в результате дальнейшего развития карельского языка:

А. — южная область, в которой представлены преимущественно свистящие согласные (**s*, *z* > *s*, *z*; **s'*, *z'* > *š*, *ž*), с шестью подобластями: А.1. основная часть ливвиковских говоров и людиковские говоры вдоль р. Шуя; А.2. северные и южные говоры людиковского наречия; А.3. ливвиковские говоры вдоль р. Олонка; А.4. койкарско-святнаволоцкие говоры собственно карельского наречия; А.5. юстозерские говоры собственно карельского наречия; А.6. линдозерские, совдозерские, янгозерские и поросозерские говоры собственно карельского наречия;

Б. — северная область, с преимущественным употреблением шипящих согласных (**s*, *z* > *š*, *ž*; **s'*, *z'* > *s'*, *z'*), с тремя подобластями, представленными собственно карельскими говорами: Б.1. говоры юго-западной части Сегозерского района (с. Паданы и южнее); Б.2. говоры северо-западной части Сегозерского района и говоры вдоль р. Кемь; Б.3. остальная область собственно карельского наречия;

В. — средняя область, объединяющая юго-восточные паданские собственно карельские говоры (Петельнаволок, Карельская Масельга, Саезеро, Евгора) и северные мяндусельгские говоры, в которой за редким исключением представлены свистящие согласные [Бубрих 1947b: 130—151].

Наблюдения языковеда относительно различий, обнаруженных им между «подобластями», можно представить в виде таблицы 1, в которой перечислены основные подвергнутые анализу фонетические позиции.

Таблица 1. Распределение переднеязычных щелевых согласных в говорах карельского языка согласно Д. В. Бубриху¹

Подобласть		Позиция в слове									
		A.1.	A.2.	A.3.	A.4.	A.5.	A.6.	Б.1.	Б.2.	Б.3.	В.
после <i>i</i>	основа										
	<i>iS</i>	<i>š</i> , <i>ž</i>	<i>š</i> , <i>ž</i>	<i>š</i> , <i>ž</i>	<i>š</i> , <i>ž</i>	<i>š</i> , <i>ž</i> (п.о.)		<i>s'</i> , <i>z'</i> (п.о.)	<i>s'</i> , <i>z'</i>		
	<i>ViS</i>	<i>š</i> , <i>ž</i>	<i>š</i> , <i>ž</i>	<i>š</i> , <i>ž</i>	<i>š</i> , <i>ž</i>	<i>š</i> , <i>ž</i>		<i>s'</i> , <i>z'</i>	<i>s'</i> , <i>z'</i>		
	<i>iS</i> в конце слова	<i>s</i> , <i>z</i>	<i>š</i> , <i>ž</i>	<i>š</i> , <i>ž</i>	<i>š</i> , <i>ž</i>	<i>s</i> , <i>z</i>					
	суфф.										
	* <i>ViS</i> в четном слог	<i>z</i>	<i>ž</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	<i>z</i>		<i>ž</i>	<i>ž</i>	<i>z</i>	
	* <i>ViS</i> в нечетном слог	<i>z</i>	<i>ž</i>	<i>ž</i>	<i>ž</i>	<i>z</i>		<i>ž</i>	<i>ž</i>	<i>z</i>	
перед <i>i</i>	<i>Si</i> , <i>Sy</i>						<i>š</i> , <i>ž</i>	<i>s'</i> , <i>z'</i>	<i>s'</i> , <i>z'</i>		
	<i>Sti</i>	<i>š</i>				<i>š</i>					
	<i>kSi</i> , <i>pSi</i>							<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i> (п.о.)	
	<i>nSi</i>							<i>ž</i> (п.о.)	<i>ž</i> (п.о.)	<i>ž</i>	
	<i>rSi</i>							<i>ž</i>	<i>ž</i>	<i>ž</i>	<i>ž</i>
	<i>uSi</i>										<i>š</i> , <i>ž</i>
п.о.	<i>Sä</i> , <i>Sö</i> , <i>Sy</i> , <i>Se</i> , <i>Si</i> в начале слова					<i>š</i>	<i>š</i>	<i>s'</i>	<i>s'</i>		<i>s'</i>
	<i>Sä</i> , <i>Sö</i> , <i>Sy</i> , <i>Se</i> , <i>Si</i> (кроме конца слова и <i>rS</i>)							<i>s'</i> , <i>z'</i>			

Кроме приведенных в таблице позиций, в исследовании учтены действие таких факторов, как ассимиляция и аналогия, а также возможность заимствования из говора в говор [Бубрих 1947].

1.2. Распределение переднеязычных щелевых согласных в собственно карельских диалектах по П. Виртаранта

Исследование системы дистрибуции свистящих и шипящих согласных карельского языка профессора П. Виртаранта “*Eteläkarjalaisten murteiden s*” (1946) основано главным образом на данных, собранных им в 1943—1944 гг. из образцов карельской диалектной речи, записанных финляндскими лингвистами в конце XIX — начале XX в., а также собственных полевых материалов. Анализируя представительство свистящих и шипящих согласных в группе южнокарельских диалектов собственно карельского наречия, а также в соседних с ней калевальских собственно карельских и северных людиковских говорах в двух позициях: в начале и середине слова в различных фонетических условиях, — Виртаранта выделяет шесть групп говоров:

¹ Сокращением «п.о.» в таблице обозначены лексемы переднерядной огласовки. S — любой переднеязычный щелевой согласный, V — любой гласный. Пустые ячейки указывают на отсутствие в статье сведений по данной позиции для конкретного говора.

1. — северная группа южнокарельских диалектов (ребольские, ругозерские, тунгудские, шуезерские и говоры, расположенные севернее), в которой, как и в севернокарельских говорах, произошел переход *s* в *š* в начале слова, а также в середине слова, кроме позиции после гласного *i*;

2. — группа северных паданских говоров, в которых шипящий согласный представлен в начале слова в позиции перед заднерядными *a*, *o*, *u*, а также в середине слова, кроме позиции перед и после гласного *i*;

3. — группа средних паданских говоров (Паданы, Сельги), где позиция начала слова представлена аналогично предыдущей группе, но *š* также нерегулярно появляется в позиции перед *e*; в середине слова шипящий согласный характерен для заднерядных лексем за исключением позиции перед гласным *i*;

4. — граничащая с северными людиковскими говорами группа западных поросозерских, юго-восточных паданских и северных мяндусельгских говоров с преимущественным сохранением свистящего согласного во всех позициях;

5. — группа северо-западных поросозерских говоров, в которых представлены свистящие согласные;

6. — граничащая с ливвиковскими и людиковскими говорами южная группа южнокарельских (юго-восточных поросозерских и южных мяндусельгских) говоров, в которой в начале слова шипящие представлены в позиции перед гласными *i*, *y*, *ö* (в восточных говорах группы (6.В.) также перед остальными переднерядными гласными), а в середине слова — лишь в позиции перед *i*, как и в северных людиковских говорах [Virtaranta 1946: 5—35].

Представленную языковедом систему с учетом основных анализируемых позиций также можно продемонстрировать в виде сводной таблицы 2.

Таблица 2. Распределение переднеязычных щелевых согласных в говорах карельского языка согласно П. Виртаранта²

Группа		Позиция в слове						
		1.	2.	3.	4.	5.	6. З. В.	
В начале слова	<i>Sa, Su, So</i>	<i>š</i>	<i>š</i>	<i>š</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>
	<i>Se</i>	<i>š</i>	<i>s</i>	<i>š, s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>
	<i>Si, Sy, Sö</i>	<i>š</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>š</i>	<i>š</i>
	<i>Sä</i>	<i>š</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>š</i>
В середине слова	з.о.	<i>š</i>	<i>š, ž</i>	<i>š, ž</i>	<i>s, z</i>	<i>s, z</i>	<i>s, z</i>	<i>s</i>
	п.о.	<i>š</i>	<i>š, ž</i>	<i>s, z</i>	<i>s, z</i>	<i>s, z</i>	<i>s, z</i>	<i>s</i>
	<i>Si</i>	<i>š</i>	<i>s, z</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>š</i>	<i>š</i>
	<i>iS</i>	<i>s, z</i>	<i>s, z</i>	<i>š, s, z, ž</i>	<i>s, z</i>	<i>s, z</i>	<i>s</i>	<i>s</i>
В конце слова	<i>VS</i>	<i>š, ž</i>	<i>š, ž</i>	<i>š, ž</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s, š</i>
	<i>iS</i>	<i>s, z</i>	<i>s</i>	<i>š, ž</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>s, š</i>	<i>s</i>

Выделенные Д. В. Бубрихом и П. Виртаранта группы говоров собственно карельского наречия в целом совпадают: группе 1., отмеченной Виртаранта, соответствует подобласть Б.3. у Бубриха, группе 2. — подобласть Б.2., группе 3. — подобласть Б.1., группе 4. (без западных поросозерских говоров) — подобласть В. Группа 6., отмеченная финским исследователем, соответствует обозначенным советским языковедом подобластям А.4., А.5. и А.6. в совокупности. Нужно обратить внимание, что Виртаранта указывает на наличие особенностей в восточной части группы 6. (соответствует подобласти А.4. у Бубриха), однако обособление юстозерского говора (подобласть А.5. у Бубриха) им не предпринимается. Из подобласти А.6., выделенной Бубрихом, у Виртаранта отделена группа 5. (северо-западные поросозерские говоры). Использование методики кластерного анализа способно уточнить намеченные лингвистами изоглоссы исследуемого фонетического явления.

² Сокращением «з.о.» обозначены лексемы заднерядной огласовки, «п.о.» — переднерядной, S — любой переднеязычный щелевой согласный, V — любой гласный. Сокращения З. и В. указывают на западную и восточную подгруппы, выделенные П. Виртаранта внутри группы 6.

2. Методика и материал исследования

В основу компьютерной программы кластеризации диалектного материала карельского языка [Klusterit], разработанной совместными усилиями российских и финляндских языковедов и программистов, заложен агломеративно-иерархический статистический метод (об этом методе см., напр., [StatSoft; Малых 2018: 43—47]). Программа способна в кратчайшие сроки обрабатывать огромные массивы предварительно закодированных языковых данных.

Методика использования кластерного анализа применительно к карельскому диалектному материалу была успешно апробирована на базе «Диалектологического атласа карельского языка» [Атлас 1997]. Работа над Атласом была начата еще в 1936 г. под руководством исследователя финно-угорских языков профессора Д. В. Бубриха, а завершена в 1956 г. А. А. Беляковым при участии сотрудников сектора языкознания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. На последнем этапе работы в него были включены подготовленные А. В. Пунжиной карты с тверскими карельскими говорами. Итоговый вариант Атласа включает в себя 206 карт, отражающих фонетическую, морфологическую и лексическую системы 186 карельских говоров, т. е. более 38 тысяч диалектных языковых единиц, собранных в полевых условиях в период с 1937 по 1973 гг. [Керт, Рягов 1997: 1—4].

Нужно обратить особое внимание на то, что достоверность представленного в Атласе материала не вызывает сомнений, поскольку каждое явление, каждая категория и каждая лексема из «Программы по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка» [Программа 1937, 1946] записывались по каждому говору от нескольких носителей и многократно перепроверялись, о чем свидетельствуют рабочие материалы Атласа, хранящиеся в Научном архиве КарНЦ РАН. Например, за каждой включенной в Атлас картой из раздела «Фонетика» стоит несколько рабочих карт, на которых явления проанализированы в аналогичной фонетической позиции в других лексемах.

Первой попыткой визуализации материалов Атласа является исследование финляндского лингвиста К. Виика “Karjalan kielen murteet. Kvantitatiivinen tutkimus” (2004). Методом составления таблиц, в процентном отношении отражающих, насколько говоры отдельных выбранных для анализа пунктов Атласа отличаются друг от друга, им были намечены границы между наречиями и диалектами карельского языка, отличающиеся от принятых в традиционной классификации [Wiik 2004: 58—61].

Развитие идеи Виика было произведено путем использования программы кластеризации, визуализирующей все имеющиеся диалектные материалы в виде кластерных карт. На базе предварительно закодированного вручную материала Атласа программа создает таблицы различий между пунктами картографирования, находит среди говоров «ближайших соседей» и объединяет таких «соседей», обнаруживающих между собой минимальное число отличий, в пары, а минимально различающиеся пары — в кластеры. Собираясь от уровня к уровню в более крупные, кластеры намечают границы между группами говоров, диалектами и наречиями карельского языка. Количество уровней на разных кластерных картах варьируется от двух до четырех, причем на нулевом уровне каждый пункт представлен обособленно, а на максимально высоком уровне все пункты объединены в один общий кластер. Программа позволяет задать определенные параметры для анализа, т. е. выбрать интересующие исследователя фонетические явления или грамматические категории, а также конкретные говоры [Новак и др. 2019: 40—41; Novak, Penttonen 2021: 85—88]. Пополнение базы кластеризации производится непрерывно. Подбор языкового материала для кодирования напрямую зависит от задач конкретного исследования.

По дистрибуции переднеязычных щелевых согласных в базе программы кластеризации изначально было представлено немногим более 4800 диалектных единиц. Это материалы 26 карт Атласа [Атлас: 74—99], за каждой из которых стоит огромная предварительная работа. В первом варианте «Программы по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка», составленной Д. В. Бубрихом, данному явлению уделено 316 вопросов [Программа 1937: 57—87]. Во втором издании «Программы» (под ред. В. И. Алатырева), вышедшем в 1946 г., когда после войны возобновилась работа над Атласом, заключавшаяся в перепроверке собранного ранее материала, количество вопросов по дистрибуции свистящих и шипящих согласных сокращено до 200 [Программа 1946: 43—53], что объясняется изъятием из списка лексем, дублирующихся в разделе «Лексика». Исполнителями отмечается, что разработка каждой карты осуществлялась с привлечением обширного материала из раздела программы «Лексика», а также всех имеющихся в распоряжении коллектива образцов карельской диалектной речи [Протоколы: 25].

По результатам первого этапа сбора материала Д. В. Бубрихом было подготовлено около 300 рабочих карт. В Научном архиве КарНЦ РАН хранится 205 таких карт, из которых 171 карта посвящена дистрибуции свистящих и шипящих согласных в северных, южных и центральных регионах Карелии [Карты 1937—1941: кк. 43—80, 84—143, 147—161, 164—165, 167—172, 176—183, 186—198, 200—210,

212—29]. Из 800 карт, подготовленных на втором этапе работы по результатам перепроверки диалектного материала, дистрибуцию переднеязычных щелевых в 150 пунктах Карелии освещает 198 карт [Карты 1947—1949: кк. 211—408]. Таким образом, обработанный в ходе подготовки Атласа материал в разы превысил количество карт, вошедших в его итоговый вариант.

Данные рабочих карт и заполненных на первом этапе работы над Атласом анкет [Программы] являются прекрасным материалом для кластеризации. Стоит особо отметить, что собранные даже 80 лет назад полевые материалы по карельскому языку являются подходящими для решения проблем его диалектного членения. Во-первых, результаты экспедиции 2019 г. к носителям севернокарельских диалектов собственно карельского наречия показали, что за прошедший временной промежуток диалектная речь, словно застыв на определенном этапе своего развития, не претерпела каких-либо существенных изменений (за исключением лексики, ощутившей серьезное влияние со стороны русского языка). Во-вторых, по отдельным группам говоров собрать столь качественный материал, как это было сделано в середине прошлого столетия, уже невозможно в связи с их угасанием.

В целях оцифровки, кодирования и сохранения архивных данных сотрудником Института прикладных математических исследований Н. Б. Крижановской была разработана диалектная база карельского языка Murreh [Murreh]. На первом этапе работы база была заполнена именно материалами, отражающими представление анализируемого явления (в общей сложности 37,5 тыс. единиц) в говорах карельского языка Карелии (146 говоров). В процессе оцифровки рукописей, исходя из требований программы кластеризации об использовании латинской графики, была произведена транслитерация материалов, полностью или частично записанных собирателями кириллицей. Ввод данных в базу кластеризации позволил получить подробные кластерные карты, демонстрирующие распределение переднеязычных щелевых согласных, выступающих в различных фонетических позициях.

В целях проверки достоверности результатов диалектометрического метода архивные материалы по дистрибуции щелевых согласных карельского языка были обработаны при помощи инструмента *Cognate analysis* лингвистической платформы ЛингвоДок [Словари].

3. Кластерный анализ

3.1. Определение параметров кластеризации

Для позднего прибалтийско-финского праязыка наличие согласного *š* не было характерно [Lehtinen 2007: 137]. Согласно П. Виртаранта, шипящие согласные отсутствовали и в фонетической системе древнекарельского языка, поскольку они не представлены в таких его дочерних идиомах, как ижорский язык и диалект Саво финского языка [Virtaranta 1984: 260]. А. Лаанест, однако, отмечает использование *š*, *ž* в ижорских ордежском (последовательно), сойкинском и хэваском диалектах, возводя эти согласные к древним явлениям фонетической системы языка [Лаанест 1966: 54—58]. В связи с этим нельзя исключать возможности, что шипящие согласные пришли в древнекарельский язык в результате влияния русского на заключительном этапе его функционирования. Такой вывод позволяет сделать отсутствие фонологической оппозиции между анализируемыми фонемами. В качестве доказательства следует привести зафиксированные в писцовых книгах того времени топонимы, содержащие согласные *ж*, *ш* [Kalima 1934: 255—256]. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что собственно карельские говоры Центральной России, развивающиеся на протяжении четырех столетий на расстоянии более тысячи километров от собственно карельских говоров северной и средней Карелии, не обнаруживают существенных отличий с ними, в том числе в плане консонантизма. Это указывает на то, что переселенцы-карелы принесли с собой уже устоявшуюся систему согласных на новые территории проживания, т. е. подтверждает предположение Я. Калима о наличии шипящих согласных в древнекарельском языке или отдельных его диалектах на момент массового переселения карел.

В современных наречиях карельского языка распределение переднеязычных щелевых согласных демонстрирует диаметрально противоположную картину. В ливвиковском и людиковском наречиях согласные *s* и *z* в позиции после гласного *i* подверглись палатализации и постепенно перешли в шипящие *š*, *ž*. В собственно карельском же наречии палатализованные *s'*, *z'*, наоборот, сохранились, тогда как твердые *s*, *z* оказались представленными шипящими *š*, *ž* [Virtaranta 1984]. Расположение южных собственно карельских говоров (паданских, мяндусельгских, поросозерских) на границе наречий с отличной дистрибуцией переднеязычных щелевых не могло не отразиться на их консонантной системе.

Употребление свистящего/шипящего согласного в диалектах карельского языка зависит от нескольких факторов, выступающих либо независимо друг от друга, либо в совокупности:

— позиция переднеязычного щелевого согласного в слове;

— непосредственное фонетическое окружение: наличие / отсутствие до или после согласного гласного *i*;

— рядность гласных слова.

В связи с этим, наряду с диалектометрическим анализом всего объема предварительно закодированных данных (485—800³ — 3 уровня), также намечается несколько очевидных вариантов выборки лексем для кластеризации, что позволит обнаружить отличия в представительстве исследуемого явления на уровне отдельных говоров:

1) по позиции в слове:

— в начале слова (485—546 — 2 уровня);

— в середине слова (547—770 — 3 уровня);

— в абсолютном конце слова (771—800 — 3 уровня);

2) по наличию в непосредственной близости фонемы *i*:

— в положении после гласного *i*, дифтонга на *i* (**i*) (2 уровня, 72 лексемы: 547, 548, 560—562, 566, 568—570, 572, 579, 591—593, 595, 598, 599, 601—603, 605, 608—611, 615, 617, 619, 630, 633—635, 638, 640—642, 652, 653, 665, 668, 669, 672—678, 681, 685, 687, 693, 695—700, 705, 706, 713, 717, 719, 722, 727—730, 733, 759, 760, 763, 764);

— в положении перед гласным *i* (2 уровня, 115 лексем: 502—521, 535—537, 540, 541, 549, 550, 552—558, 564, 565, 569, 571, 575, 576, 578, 580, 581, 586—588, 590, 600, 603—605, 608, 610, 612, 616, 618, 620, 621, 625, 629, 645—659, 679—682, 690—692, 703, 711, 714, 716, 732, 735—758, 761—764);

3) по рядности гласных слова:

— в лексемах переднерядной огласовки (кроме позиции после или перед *i*) (3 уровня, 62 лексемы: 489—501, 526—534, 538, 539, 543—546, 559, 567, 577, 584, 585, 596, 597, 607, 613, 623, 631, 643, 660, 662, 664, 666, 667, 671, 684, 689, 704, 710, 712, 715, 718, 723—726, 731, 734, 767—769);

— в лексемах заднерядной огласовки (кроме позиции после или перед *i*) (2 уровня, 43 лексемы: 485—488, 522—525, 542, 551, 573, 582, 583, 589, 594, 606, 614, 622, 624, 626—628, 632, 636, 637, 639, 644, 661, 663, 670, 683, 688, 694, 701, 702, 707—709, 720, 721, 765, 766, 770).

В ходе работы было произведено восемь кластеризаций, результаты каждой из которых визуализированы на двух-трех уровнях. В общей сложности получено 20 карт⁴. Границы между кластерами на картах представляют собой изоглоссы исследуемого фонетического явления. Таким образом, на высших уровнях кластеризации (второй и третий) речь идет о пучках изоглосс. Картину диалектного представительства различных вариантов распределения свистящих и шипящих согласных в говорах карельского языка предлагается проследить на основе наиболее информативных кластерных карт: в позиции после и перед гласным *i*, в словах передне- и заднерядной огласовки, в абсолютном конце слова, а также на сводной карте, анализирующей весь привлеченный из базы кластеризации материал. Карты, отражающие ситуацию начала и середины слова, пересекаются с картами, составленными с учетом критерия непосредственного фонетического окружения переднеязычных щелевых фонем.

3.1. Переднеязычные щелевые согласные в позиции после гласного *i*

На карте 2 проанализированы шипящие и свистящие согласные, выступающие в позиции не только после одиночного гласного *i*, но и после нисходящих дифтонгов на *i*, в том числе в тех случаях, когда этот *i* в целом ряде говоров выпал в ходе исторического развития языка.

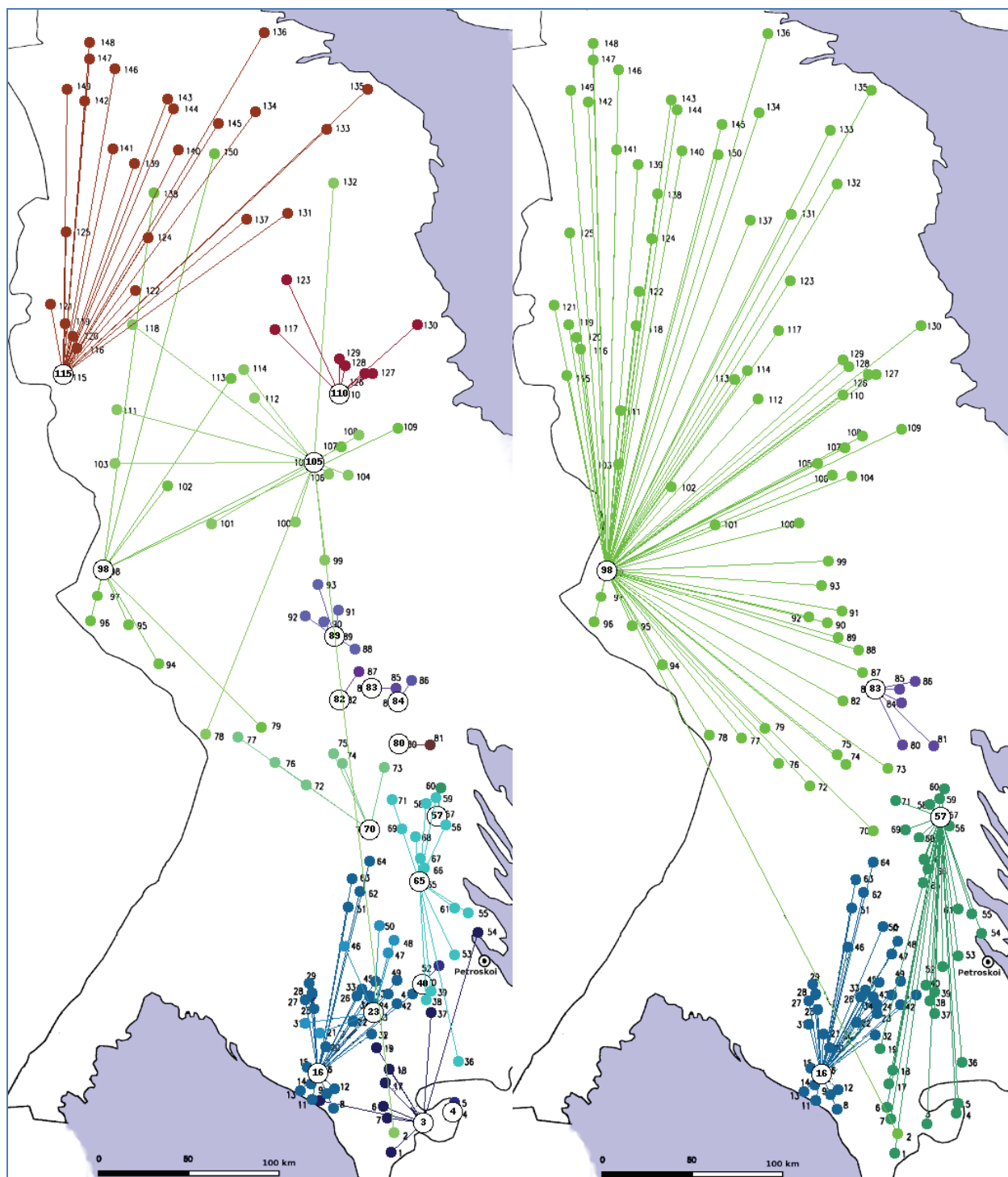
На втором уровне кластеризации (правая карта) все анализируемые говоры распределились на 4 кластера.

Самый крупный **кластер 98⁵** состоит из **собственно карельских** говоров северной и средней Карелии, в которых в позиции после гласного *i* представлены преимущественно свистящие согласные *s*, *z*. На

³ Нумерация вовлеченного в кластеризацию лексического материала приводится в соответствии с нумерацией из диалектной базы карельского языка.

⁴ С кластерными картами, полученными на базе материалов отдельных разделов программ (25 карт по 11 разделам), можно познакомиться на вкладке «Разделы вопросов» на сайте диалектной базы карельского языка: http://murreh.krc.karelia.ru/ques/qsection?search_id=&search_title=&search_section=&limit_num=100.

⁵ Важно обратить внимание, что центральный пункт кластера, к которому притягиваются все остальные пункты и по номеру которого называется весь кластер, условный, т. е. он не является центром распространения того или иного явления, а выбирается программой автоматически. Этот выбор основан на функциональном и эстетическом аспектах: программа выбирает в качестве центральной такую точку, чтобы проведение к ней линий не привело к их наложению или хаотичному перекрещиванию и не затрудняло дальнейшую работу с картой.

Карта 2. Переднеязычные щелевые согласные в позиции после гласного *i*. Уровни 1, 2

первом уровне (левая карта) собственно карельский кластер разбит на шесть более мелких. Выделение северо-западного кластера 115 объясняется отсутствием в его говорах звонкого согласного *z*, напр., *aisa* 'оглобля', *isäntä* 'хозяин', *kisa* 'игра', *pisara* 'капля', *reisi* 'бедро', *visva* 'гной', *toiset* 'другие', *viisi* 'пять', в то время как в кластере 105 в анализируемой позиции встречаем звонкий согласный: *aiza*⁶, *izändä*, *kiza*, *pizara*, *reizi*, *vizva*, *toizet*, *viizi*. Формирование кластера 98, представленного ребольскими и западными ругозерскими говорами, базируется на появлении шипящего *š* в позиции после согласного *k*, напр., *varikšet* 'вороны', *kaloikši* 'рыбами'. На востоке территории в бассейне р. Кемь (от среднего течения до устья) и ее притока р. Нижняя Охта оформилась группа говоров (кластер 110), в которых в лексемах заднерядной огласовки появляются шипящие согласные, напр., *ižo* 'большой', *kiža*, *niška* 'затылок', *vižva*, *kiškou* 'тащит', *viškou* 'бросает'. Схожая ситуация характерна и для кластера 89 (*niška*, *nižu* 'пшеница', *sižar* 'сестра', *vižva*, *ištuu* 'сидит', *kiškou*, *viškou*). В соседнем с ним кластере 82 шипящие начинают появляться и в лексемах переднерядной огласовки (*kiža*, *lašku* 'ленивый', *niška*, *nižu*, *puoliško* 'половина', *endižet* 'прежние', *mögižöy* 'мычит'). На самом юге территории проявился граничащий с южными наречиями карельского языка кластер 70 со звонким шипящим согласным *ž*, выступающим в суффиксах, содержащих / ранее содержавших гласный *i* (*kuldažilla* 'золотыми', *lyhyžillä* 'короткими', *toizilla* 'другими', *avaži* 'он открыл', *varaži* 'он боялся', *andažin* 'я бы дал').

На юго-востоке от собственно карельского кластера второго уровня оформилась группа северных мяндусельгских и юго-восточных паданских говоров (**кластер 83**), характеризующаяся употреблением свистящих согласных, напр., *kiza* 'игра', *nuorizo* 'молодежь', *vizva* 'гной', *toizet* 'другие', *naista* 'женщин', *istuu* 'сидит', *muistau* 'помнит', *seizou* 'стоит'. На первом уровне кластер представлен тремя маленькими группами, обнаруживающими между собой минимальные отличия.

Крупный **ливвиковский кластер 16** второго уровня кластеризации, как и два предыдущих, характеризуется преимущественным употреблением свистящих согласных, напр., *pizara* 'капля', *reizi* 'бедро', *endizet* 'прежние', *toizet* 'другие', *viizi* 'пять', *pisty* 'вертикально', *eisty* 'продвигается', *istuu* 'сидит', *kiistäy* 'спорит', *pizyu* 'держится', *seizou* 'стоит'. Шипящие согласные в нем появляются в позиции перед согласным *k* (напр., *lašku* 'ленивый', *niška* 'затылок', *išköy* 'бьет', *kiškou* 'тащит', *viškou* 'бросает'), а также в некоторых лексемах в интервокальном положении (напр., *aiza* 'оглобля', *izändy* 'хозяин', *kiža* 'игра', *nižu* 'пшеница', *ližiäy* 'добавляет'). На первом уровне кластеризации в центральной зоне выделяется небольшая группа говоров (кластер 23), уходящая по течению р. Шуя на восток; для этой группы приоритетным в интервокальной позиции является употребление свистящего *z*.

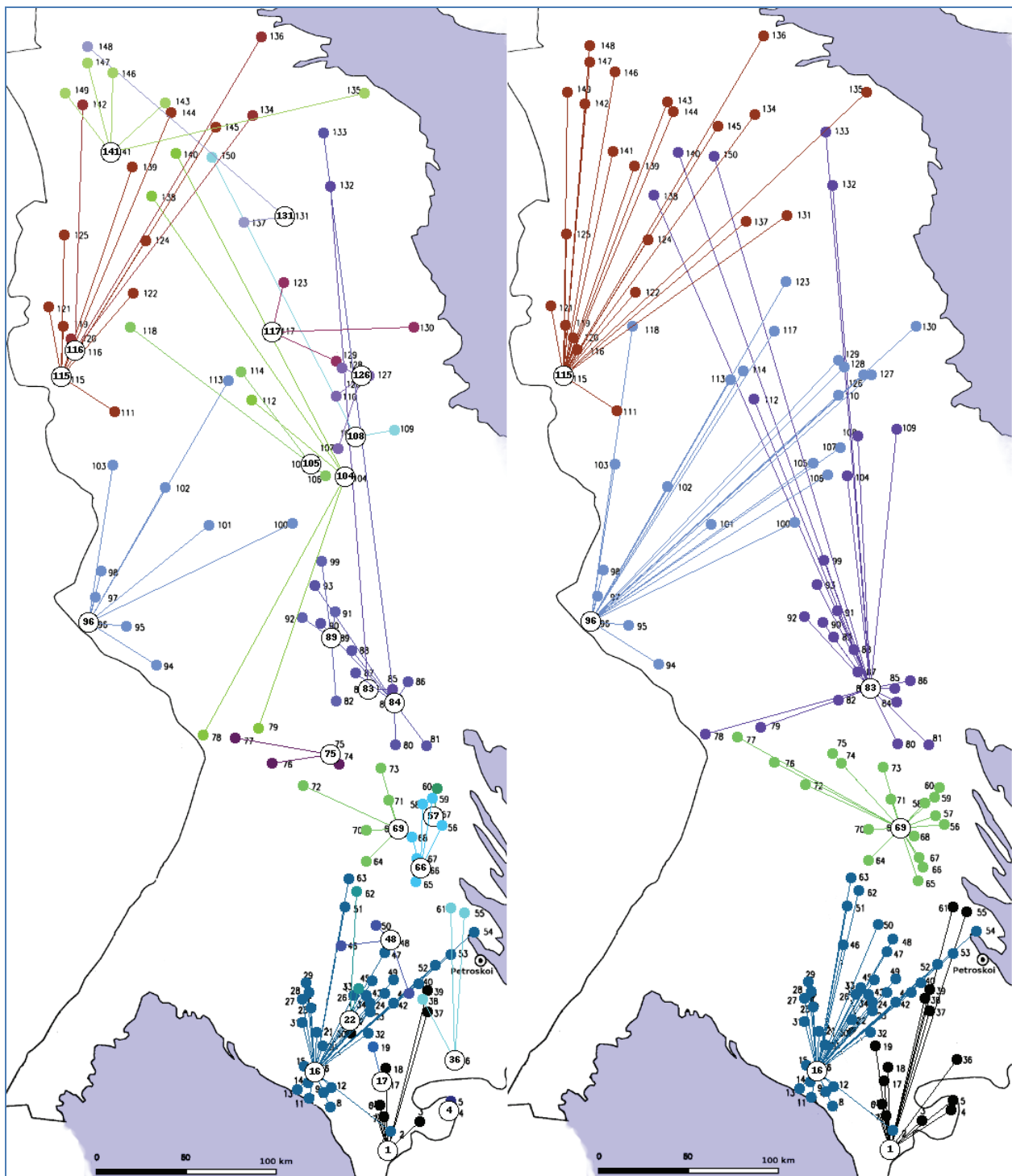
Юго-восточные ливвиковские говоры (Мегрега, Большая и Малая Сельга, Торосозеро, Коткозеро, Вагвозеро) на втором уровне примыкают к крупному **людиковскому кластеру 57**, распространившемуся на север вплоть до южнокарельских говоров собственно карельского наречия (Святнаволоок, Койкары). Для данного кластера характерно использование в анализируемой позиции шипящих согласных, напр., *kiža* 'игра', *laške* 'ленивый', *niža* 'пшеница', *paiže* 'нарыв', *reizi* 'бедро', *kuldaižet* 'золотые', *ližadai* 'добавляет'. На первом уровне кластер оказался разбит на две группы: южную (кластер 3 с михайловским кластером 4 на юго-востоке) и северную (кластер 65 с выделившимся на его северной окраине кластером 57), в которой, очевидно, в результате влияния соседних собственно карельских говоров в некоторых из привлеченных к анализу лексемах употребляется свистящий согласный *z* (напр., *kiza*, *raizivo* 'колея', *tuuliza* 'ветренный'). Между южными и северными людиковскими говорами намечился переходный кластер 40.

Анализ представленных карт и диалектных материалов, на базе которых они были составлены, позволяет констатировать наличие в карельском языке двух крупных зон распределения переднеязычных щелевых согласных, выступающих (или ранее выступавших) в позиции после гласного *i*: ливвиковско-собственно карельской и людиковской (с примыкающими к ней юго-восточными ливвиковскими говорами).

3.2. Переднеязычные щелевые согласные в позиции перед гласным *i*

Для демонстрации вариантов распределения переднеязычных щелевых согласных, выступающих в положении перед гласным *i*, наиболее показательным является второй уровень кластеризации (карта 3, правая). На первом уровне (левая карта) данной кластерной карты представлено 24 кластера, на отдельных территориях тесно переплетающихся друг с другом и обнаруживающих между собой минимальные отличия. На втором уровне из них сформировалось шесть кластеров, анализ которых позволяет выявить различия в употреблении переднеязычных щелевых согласных в анализируемой фонетической позиции.

⁶ Здесь и далее перевод для примеров, повторяющихся в рамках одного абзаца, повторно не приводится.

Карта 3. Переднеязычные щелевые согласные в позиции перед гласным *i*.
Уровни 1, 2

Кластер 115 включил в себя основную массу севернокарельских говоров собственно карельского наречия. Южнее оформился **кластер 96**, представленный южнокарельскими (ребольскими, ругозерскими, шуезерскими, тунгудскими, юшкозерскими и панозерскими) говорами. Оба кластера характеризуются преимущественным употреблением шипящих согласных с той лишь разницей, что в кластере 115 отсутствуют звонкие шипящие, напр. *šiek/gla* ‘сито’, *šiip/bi* ‘крыло’, *šije* ‘завязка’, *šilmä* ‘глаз’, *lakši* ‘залив’, *hirš/ži* ‘бревно’, *kynš/ži* ‘ноготь’, *täyš/ži* ‘полный’, *uus/ži* ‘новый’, *varš/ži* ‘рукоятка’. Свистящие согласные возможны в интервокальной позиции, напр., *as/zie* ‘дело’, *käs/zi* ‘рука’, *lus/zikka* ‘ложка’, *ves/zi* ‘вода’, *vuos/zi* ‘год’, *nous/zi* ‘он встал’, *pes/zi* ‘он помыл’. Оба кластера на восточной территории переплетаются с кластером 83, представленным преимущественно паданскими, поросозерскими, северными мяндусельгскими и юго-восточными ругозерскими говорами, которые характеризует использование свистящих согласных, напр., *siegla*, *sigä* ‘свинья’, *siibi*, *silmä*, *azie*, *kynzi*, *lapsi* ‘ребенок’, *luzikka*, *täyzi*, *vezi*, *nouzi*. Шипящие непоследовательно проявляются здесь в середине слов заднерядной огласовки, напр., *mužie* ‘темный’, *uuži*, *ražie* ‘сочный’, *toži* ‘правда’, *varži*, *vuoži*, *kuuži* ‘шесть’.

Кластер 16, представленный ливвиковскими говорами (за исключением юго-восточных), характеризуется использованием свистящих согласных в положении перед гласным *i* (за редким исключением, напр., *kaži* ‘кошка’, *läživ* ‘болеет’). Людиковско-ливвиковский **кластер 1** отличается от него лишь незначительным ростом числа исключений (напр., *hagožikko* ‘валежник’, *kynžzi* ‘ноготь’, *kovašti* ‘сильно’). Следует также обратить внимание на тот факт, что в обоих кластерах позиция после гласного *i* является доминирующей над позицией перед гласным *i* (напр., *raiživo* ‘колея’, *kivižikko* ‘каменное место’, *viiži* ‘пять’, *avaiži* ‘он открыл’), при этом в людиковско-ливвиковском кластере, в отличие от ливвиковского, это явление распространяется и на суффиксальную часть слова, что, очевидно, объясняется сохранением в ней гласного (*kuldazil / kuldaižil* ‘золотыми’, *andazin / andaižin* ‘я бы дал’).

Кластер 69 объединил северно- и среднелюдиковские говоры с поросозерскими и южными мяндусельгскими говорами собственно карельского наречия, в которых преимущественно употребляются шипящие согласные, напр., *šieni* ‘гриб’, *šiipi* ‘крыло’, *käži* ‘рука’, *kypši* ‘спелый’, *ražie* ‘сочный’, *uuži* ‘новый’, *varži* ‘рукоятка’, *veži* ‘вода’, *vuoži* ‘год’, *kuuži* ‘шесть’, *peži* ‘он помыл’, *tieži* ‘он знал’.

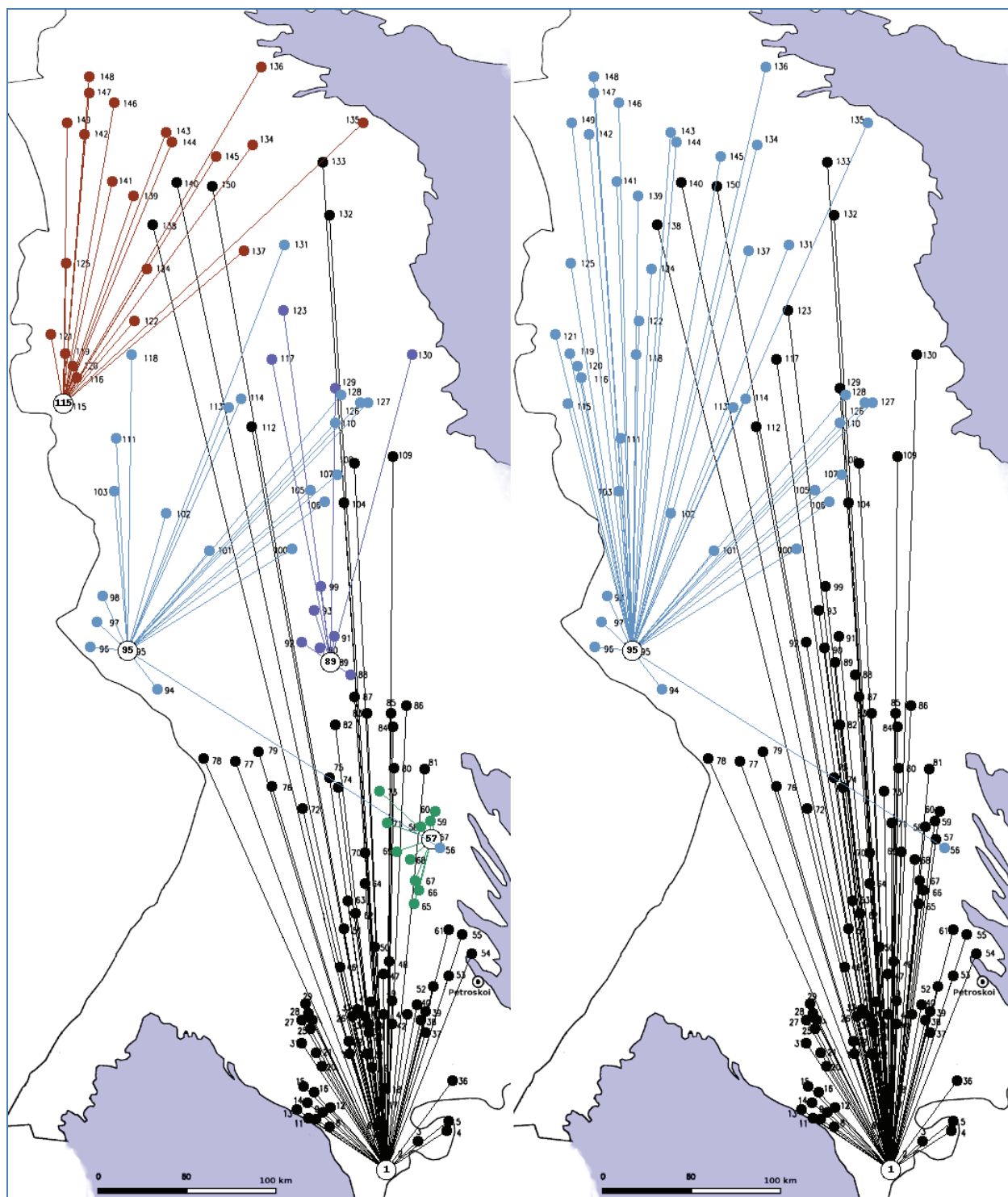
С точки зрения анализа рассматриваемой позиции в карельском языке можно выделить две крупные области: собственно карельскую (без группы паданских говоров) с северными людиковскими говорами с преимущественным употреблением шипящих согласных и ливвиковско-людиковскую (без северных людиковских говоров), к которой примыкают паданские и соседние с ними ругозерские и мяндусельгские говоры, с доминирующим в них употреблением свистящих согласных. Схожая картина проявляется и на втором уровне кластеризации лексических материалов, в которых щелевой согласный выступает в начале слова⁷.

3.4. Переднеязычные щелевые согласные в словах переднерядной огласовки

В позиции перед гласными переднего ряда на соответствующей кластерной карте третьего уровня (карта 4, правая) намечается две крупные зоны: южная, представленная ливвиковскими, людиковскими и южнокарельскими (поросозерскими, паданскими, мяндусельгскими и соседними с ними) говорами собственно карельского наречия, — кластер 1 — и северная, сформированная из собственно карельских говоров (без южнокарельских, вошедших в южный кластер) — кластер 95.

Северная зона, характеризующаяся употреблением шипящих согласных, на втором уровне (левая карта) представлена двумя кластерами (кластеры 115 и 95), разница между которыми заключается лишь в отсутствии звонких согласных на севере территории, напр., *šepä* ‘передок саней’, *šeinä* ‘стена’, *šylki* ‘слюна’, *šärki* ‘плотва’, *šyöy* ‘ест’, *lypšäy* ‘доит’, *keš/žä* ‘лето’, *peš/žä* ‘гнездо’, *kyš/žyu* ‘спрашивает’, *väš/žyu* ‘устаёт’. Южная зона, которой свойственно преимущественное использование свистящих согласных в анализируемой позиции, разделилась на три кластера: кластер 1 (ливвиковские, южные людиковские, собственно карельские поросозерские, мяндусельгские, юго-восточные паданские говоры) — напр., *sebä*, *seiväs* ‘шесть’, *syłgi*, *syvä* ‘глубокий’, *sälgy* ‘жеребенок’, *syöy*, *kezä*, *pezä*, *kyzyy*, *kezreäy* ‘прядет’, *väzyy*, кластер 57 (северно- и среднелюдиковские говоры) с употреблением шипящего в позиции начала слова — напр., *šeiväs*, *šelg*, *šiäri* ‘голень’, *šylgi*, *šärgi*, *šyöy*, кластер 89 (северо-западные паданские, восточные ругозерские, вычetaйбольские говоры, а также говоры бассейна р. Кемь) с употреблением шипящего в позиции середины слова — напр., *kezä*, *käržä* ‘рыло’, *pezä*, *pežöy* ‘моет’, *piäžöy* ‘отходит’.

⁷ http://murreh.krc.karelia.ru/ques/qsection?search_id=&search_title=&search_section=&limit_num=100. Кластерные карты к разделам 37, 38, 40, 41.

Карта 4. Переднеязычные щелевые согласные в словах переднерядной огласовки.
Уровни 2, 3⁸

⁸ Первый уровень кластеризации представлен 17 кластерами, между которыми были обнаружены минимальные отличия. В связи с малой информативностью карта не приводится.

3.5. Переднеязычные щелевые согласные в словах заднерядной огласовки

Анализ карты представительства переднеязычных щелевых согласных в словах заднерядной огласовки второго уровня (карта 5, левая) позволяет провести четкую изоглоссу между северо-западными и юго-восточными паданскими говорами на востоке территории и между ребольскими и поросозерскими говорами на западе.

Для южного **кластера 6** свойственно преимущественное употребление свистящих согласных (напр., *sada* ‘сто’, *savi* ‘дым’, *sormi* ‘палец’, *mustu* ‘черный’, *veza* ‘побег’, *kuuzet* ‘ели’, *lapset* ‘дети’, *konzu* ‘когда’, *kazvau* ‘растет’, *nouzou* ‘встает’), тогда как северные **кластеры 87 и 116** характеризуются использованием в рассматриваемой позиции шипящих, при этом отличия между этими двумя кластерами заключаются в отсутствии в кластере 116 звонких согласных (напр., *šada*, *šavi*, *šormi*, *mušta*, *veš/ža*, *kuuš/žet*, *lapš/žet*, *konš/ža*, *kaš/žvau*, *nouš/žou*). Первый уровень кластеризации позволяет выделить в каждой из групп второго уровня несколько кластеров, между которыми обнаруживаются незначительные отличия.

3.6. Переднеязычные щелевые согласные конца слова

Изоглосса между северной (шипящий согласный *š*, кроме позиции после гласного *i*: *ilveš* ‘рысь’, *kirveš* ‘топор’, *mieš* ‘мужчина’, *mätäs* ‘кочка’, *vieraš* ‘чужой’, *viizaš* ‘умный’, *huovis* ‘дешевый’, *valmis* ‘готовый’, *eläis* ‘он бы жил’) и южной (свистящий согласный *s*: *ilves*, *kirves*, *mies*, *mätäs*, *vieras*, *viizas*, *huovis*, *valmis*, *eläis*) зонами на карте третьего уровня кластеризации, демонстрирующей распределение свистящих и шипящих конца слова, практически полностью совпадает с изоглоссой предыдущей позиции (в связи с чем карта не приводится)⁹. Поскольку для абсолютного конца слова не свойственно наличие звонких переднеязычных щелевых согласных, граница между северо- и южнокарельскими говорами в данной позиции не наметилась.

3.7. Сводная кластерная карта дистрибуции переднеязычных щелевых согласных

Сопоставление результатов кластеризации, отражающих представительство анализируемого явления в различных фонетических позициях (карты 2—5), позволяет получить сводную карту дистрибуции переднеязычных щелевых согласных в диалектах карельского языка (карта 6).

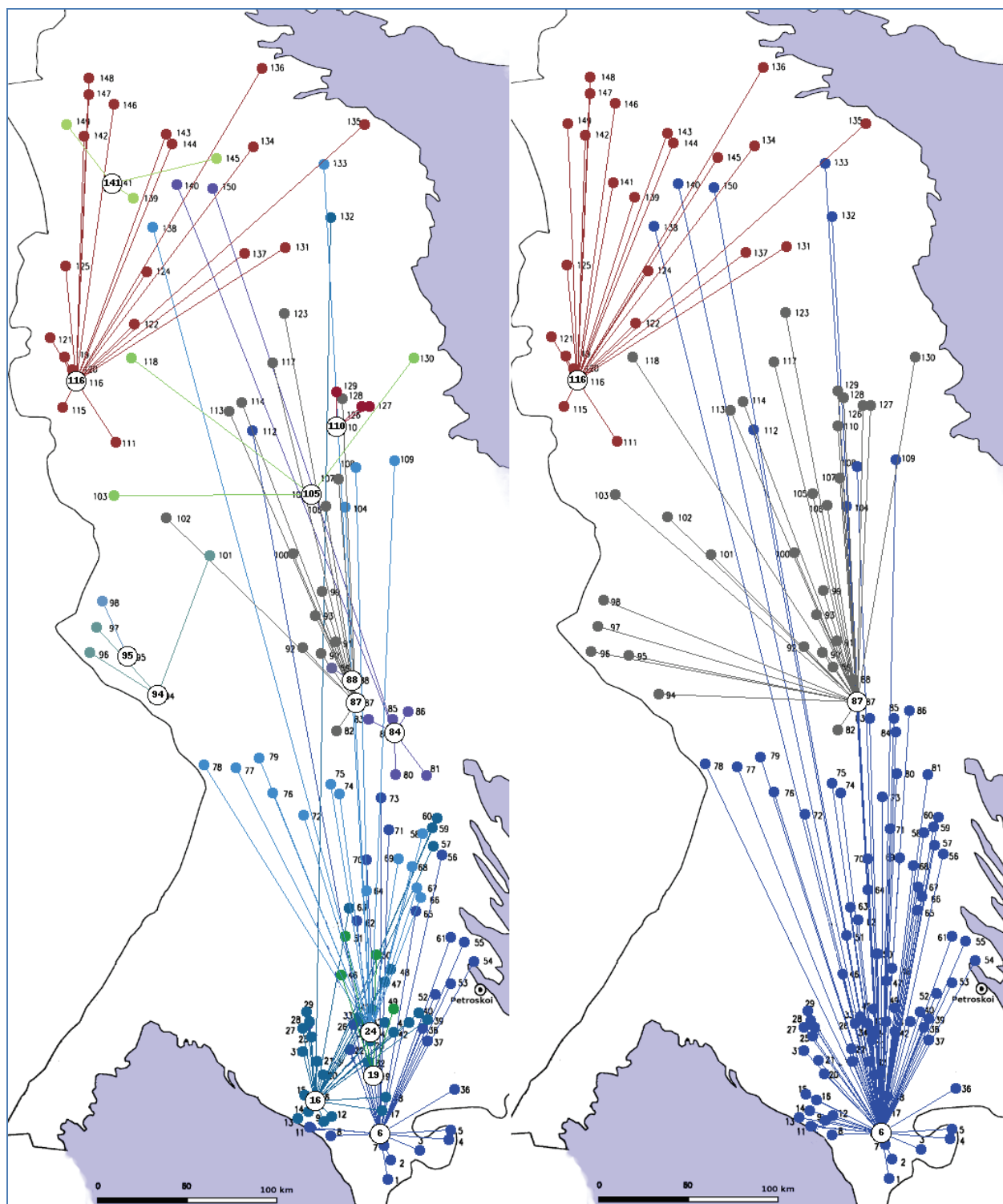
На первом уровне кластеризации сводной карты представлено 22 кластера, многие из которых переплетаются между собой, что указывает на минимальное количество отличий между ними. В связи с этим предлагается рассмотреть более информативные второй и третий уровни кластеризации.

Весь имеющийся в базе материал на третьем уровне кластеризации (карта 6, правая) представлен двумя крупными зонами распределения переднеязычных щелевых согласных: северной собственно карельской и южной ливвиковско-людиковской, к которой притягиваются просозерские, мяндусельгские, юго-восточные паданские говоры собственно карельского наречия, а также отдельные говоры диалектов, расположенных севернее (карта 6).

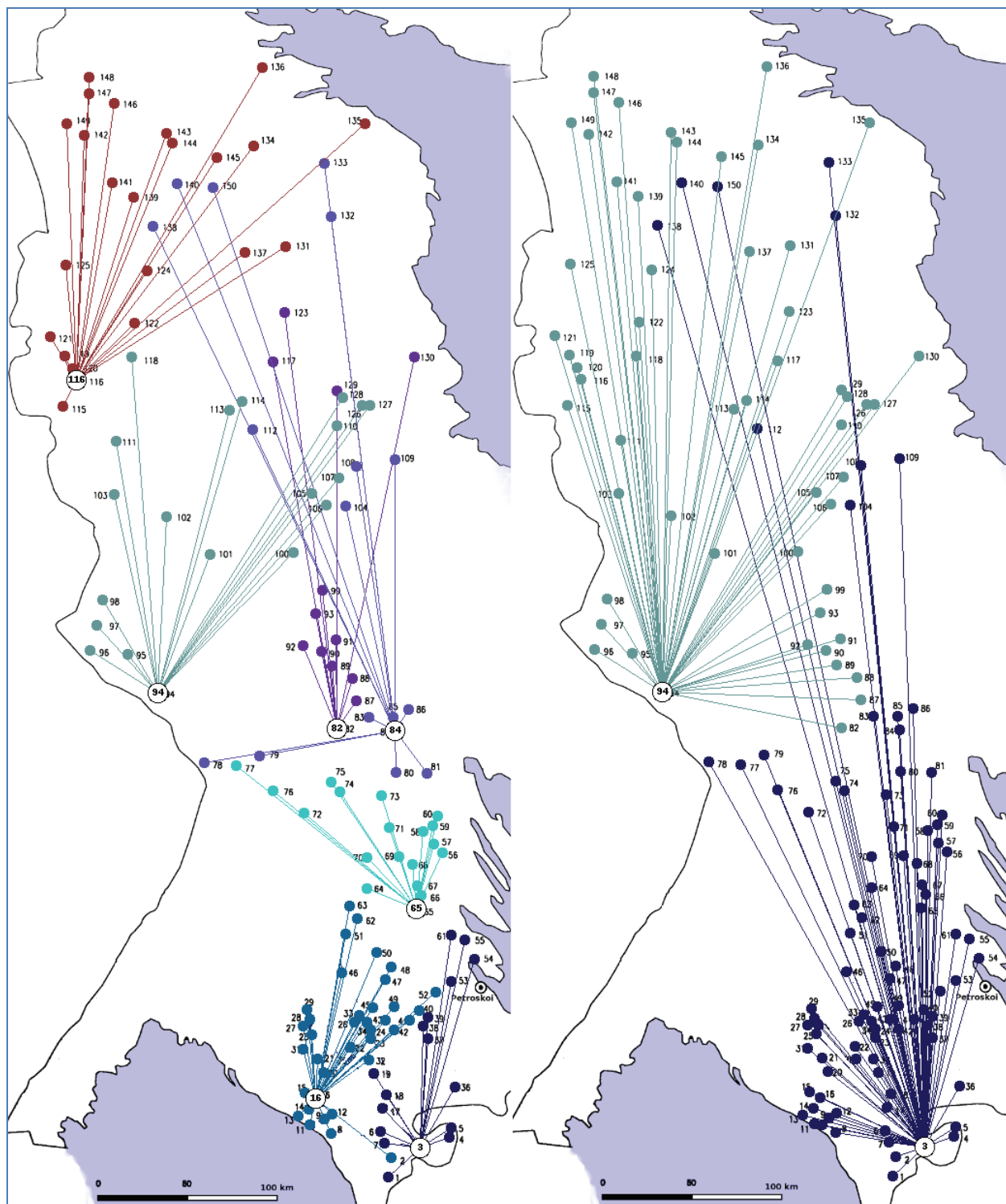
Для северной зоны характерно широкое употребление шипящих согласных, а для южной — наоборот, свистящих. Граница между двумя этими зонами на кластерной карте совпадает с границей, намеченной Д. В. Бубрихом. Однако выделения переходной группы (область В. у Бубриха) на кластерной карте не произошло, поскольку юго-восточные паданские говоры вошли в южный кластер, что указывает на отсутствие резких отличий между ними и говорами, расположенными южнее.

Отнесение к южному кластеру ряда севернокарельских и отдельных южнокарельских говоров собственно карельского наречия (112, 132, 133, 138, 140, 150) представляется сомнительным. Причина этого, очевидно, кроется в субъективных факторах. Часть из программ по перечисленным пунктам записана финнами или карелами — выходцами с приграничной территории. Кроме того, существенным моментом может являться и недостаточно качественный отбор информантов, поскольку знание карелами северной Карелии финского языка в середине прошлого столетия не являлось редкостью. Владение собирателем или информантом финским языком, для которого не характерна дистрибуция свистящих или шипящих согласных, несомненно, также могло наложить отпечаток на качество материала. Карты «Диалектологического атласа карельского языка» [Атлас: 73—100] отражают абсолютно противоположную картину по перечисленным говорам. В протоколах рабочих заседаний авторского коллектива указано,

⁹ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/qsection/46/map/3>. Второй и первый уровень карты оказались малоинформативными, поскольку проявившиеся на них кластеры не обнаруживают между собой каких-либо существенных отличий (в рамках кластеров третьего уровня).

Карта 5. Переднеязычные шелевые согласные в словах заднерядной огласовки.
Уровни 1, 2

Карта 6. Дистрибуция переднеязычных щелевых согласных. Сводная карта. Уровни 2, 3

что на заключительном этапе работы все сомнительные моменты повторно перепроверялись и редактировались, однако данные материалы к настоящему моменту не удалось обнаружить. Кроме того, обработка полевых материалов, полученных в Лоухском районе в 2019 г., позволила доказать, что с точки зрения анализируемого фонетического явления говор с. Кестеньга (140) не обнаруживает каких-либо отличий с говорами соседних населенных пунктов (Софьянга (139) и Оланга (148)), что подтверждает обоснованность высказанных сомнений.

Сложение двух крупных зон, противостоящих друг другу условиями функционирования вариантов переднеязычных щелевых согласных, позволяет сделать определенные выводы об истории сложения системы их дистрибуции. Очевидно, причиной возникновения различий между северной и южной группами диалектов карельского языка является влияние фонетической системы древневепсского языка (в современных вепсских диалектах явление совпадает с его представительством в южных карельских наречиях). Для вепсского языка характерно наличие раннего общевепсского перехода свистящих в шипящие в позиции после *i* (*surikš* 'большим', *oližin* 'я бы был') [Tunkelo 1946: 241—242, 245—246, 510].

Согласно археологическим и историческим данным, заселение вепсами Олонецкого перешейка приходится на XI—XII вв. Топонимические исследования позволили установить северную границу исторической вепсской территории: от северо-западного угла Ладожского озера до северо-восточного угла Онежского озера, что полностью совпадает с современной границей между собственно карельским наречием карельского языка с одной стороны и ливвиковским и людиковским наречиями в совокупности — с другой [Муллонен 2010б: 18—21].

Древнекарельский этнос, сформировавшийся на рубеже I—II тысячелетий в северо-западном Приладожье, в результате многократных разномасштабных волн переселений, длившихся на протяжении столетий (XIII—XVIII вв.), активно осваивал северные, заселенные саамами, и восточные, заселенные вепсами, территории [Жуков 2013: 60—103, 143]. На Олонецком перешейке древние карелы столкнулись с носителями древневепсского языка, в котором шипящие согласные, очевидно, уже оформились. Таким образом, вепсская модель дистрибуции переднеязычных щелевых согласных в разной степени нашла в качестве субстрата отражение в южных наречиях карельского языка.

В завершающий период функционирования древнекарельского языка в результате влияния фонетической системы русского языка в нем могла наметиться тенденция к использованию шипящих согласных [Зайков 2014], однако в противоположных в сравнении с древневепсским языком условиях. Именно такую консонантную систему принесли с собой карелы в среднюю и северную Карелию в результате массовых переселений XVI—XVII вв. Очевидно, часть переселенцев осела на Олонецком перешейке, в результате чего там завершился процесс формирования ливвиковского и людиковского наречий карельского языка. Граница между ними совпадает с водно-волоковым путем из Присвирья через Онежское озеро к Белому морю, который вепсы активно использовали и в период карельского освоения региона, что и объясняет наличие более сильного вепсского компонента в людиковском наречии [Муллонен 2010б: 23].

На сводной кластерной карте третьего уровня отчетливо видно, что основной пучок изоглосс анализируемого фонетического явления оказался сдвинут на 80 километров севернее границы между собственно карельским и южными наречиями карельского языка. Такая ситуация является типичной для говоров, расположенных в приграничной между наречиями или диалектами зоне, на периферии своей группы. Внутренние миграции карел, подтверждаемые документально, а также непрерывные контакты между представителями разных говоров [Рягоев 2003: 177] являются причиной того, что собственно карельские говоры пограничной между наречиями территории подверглись довольно сильному влиянию со стороны ливвиковского и людиковского наречий, что повлекло за собой существенные изменения их фонетической системы, являющейся, как известно, наряду с лексикой, наиболее подверженной влияниям извне. В группе южных собственно карельских говоров в результате перекрестного влияния северной и южной зон представительства анализируемого явления произошло смешение случаев употребления свистящих и шипящих согласных.

Отдельное внимание следует уделить анализу кластеров, сформировавшихся внутри каждой из групп **на втором уровне** сводной кластерной карты (карта 6, левая). Особый интерес представляет их соотнесение с классификациями, разработанными Д. В. Бубрихом и П. Виртаранта. Полученные выводы можно представить в виде таблицы 3.

Собственно карельский кластер третьего уровня распался на три группы: севернокарельский **кластер 116**, **кластер 94**, представленный ребольскими, ругозерскими, тунгудскими, маслосерскими и юшкозерскими говорами, а также **кластер 82**, объединивший северо-западные паданские и восточные ругозерские говоры.

Таблица 3. Распределение переднеязычных щелевых согласных в говорах карельского языка согласно результатам кластерного анализа¹⁰

Кластер		Позиция в слове						
		116.	94.	84.	82.	65.	16.	3.
В начале слова	Sa, Su, So	š	š	s	š	s	s	s
	Si	š	š в.: (s)	s	s	š	s	s
	Sy, Sä, Sö, Se	š	š	s	s	š з.: se	s	s
В середине слова	з.о.	š	š, ž	s, z	š, ž	s, z	s, z	s, z
	п.о.	š	š, ž	s, z	с.: š, ž ю.: s, z	s, z	s, z	s, z
	Si	š (VsV)	š, ž (VzZ)	s, z (ž)	s, z (ž)	š, ž	s, z	s, z
	iS	s	з.: s, z ю.: (kš) в.: (š, ž)	s, z	с.: (š, ž) s, z	з.: s, z в.: š, ž	(šk, š, ž)	š, ž
В конце слова	VS	š	š	s	š	s	s	s
	iS	s	s	s	š	з.: s в.: š, ž	s	с.: s, z ю.: ž
Соотношение кластеров	с подобластями (Д. В. Бубрих)	Б.3.	Б.3., Б.2.	В.	Б.1, Б.2.	А.4., А.5., А.6.	А.1.	А.2., А.3.
	с группами (П. Виртаранта)	1.	1.	4., 5.	2., 3.	6.3., 6.В.	—	—

Отделение севернокарельского кластера (отсутствие звонких вариантов парных согласных), которое удалось проследить выше практически на всех тематических картах, объясняется языковедами непосредственной связью говоров данной территории с транзитным путем из Приботнии, откуда в XVII—XIX вв. осуществлялся приток «финнизированных» карел и саво [Муллонен 2010а: 6].

Кластеры 116 и 94 соответствуют подобласти Б.3. у Д. В. Бубриха и группе 1. у П. Виртаранта. В своем исследовании Бубрих обращает внимание на особенности представительства описываемого явления в группе говоров, расположенных в верхнем течении р. Кемь (подобласть Б.2.). На тематических кластерных картах нижнего уровня кластеризации в этом регионе проявляются не совпадающие при наложении изоглоссы. На фоне всего объема привлеченного к анализу материала, однако, эти особенности не являются существенными, что не позволило говорам выделиться в самостоятельный кластер. Виртаранта, подробно проанализировав карельские говоры верхнего течения р. Кемь, также не посчитал необходимым обособлять их в самостоятельную группу.

Выделение северо-западного паданского кластера 82 с прилегающими восточными ругозерскими говорами из собственно карельского базируется на разнице представительства переднеязычных щелевых согласных в позиции перед гласным *i*, а также в позиции после *i* в лексемах заднерядной огласовки. Данный кластер соответствует подобластям Б.1. и Б.2., выделенным Бубрихом, и группам 2. и 3., намеченным Виртаранта. При детальном рассмотрении отдельных уровней тематических кластерных карт, представленных ранее (карты 2, 4), следует констатировать наличие нескольких незначительно смещающихся изоглосс между северными и южными группами кластеров, оказавшихся, однако, в общей массе материала не столь существенными для их разделения. На первом уровне сводной карты говоры данной территории представлены двумя кластерами.

Крупный ливвиковско-людиковский кластер третьего уровня кластеризации на втором уровне разделяется на четыре кластера, которые можно условно назвать следующим образом: ливвиковский кластер 16; людиковский кластер 3, включивший в себя южные говоры людиковского наречия, а также юго-восточные ливвиковские говоры; пограничный кластер 65, состоящий из северно- и среднелюди-

¹⁰ Сокращениями с., ю, з., в. в таблице обозначены территории по соответствующим частям света — в том случае, если внутри кластера обнаруживаются отличия в данной конкретной позиции. В скобках приводится информация о наличии ярко выраженных исключений из основного правила, характерного для кластера.

ковских, а также собственно карельских восточных поросозерских и южных мяндусельгских говоров; переходный **кластер 84**, представленный юго-восточными паданскими, северными мяндусельгскими и западными поросозерскими говорами.

Наиболее ограниченное употребление шипящих согласных обнаруживают два кластера: ливвиковский (кластер 16), где шипящие выступают нерегулярно в позиции после гласного *i*, и переходный (кластер 84), для которого наличие шипящих характерно лишь для редких лексем в позиции перед гласным *i*.

Границы кластера 84 совпали с переходной областью В. у Бубриха и группами 4. и 5. у Виртаранта. Группа 5. представлена западными поросозерскими говорами, которые у Бубриха особо не выделяются. На сводной кластерной карте именно на северо-западной границе кластера 84 сосредоточен наиболее густой и плотный пучок изоглосс, разделивший на две группы расположенные на берегах озера Сегозеро на относительно небольшом расстоянии друг от друга (15—20 км) говоры бывшей Паданской волости. Выделение юго-восточной группы паданских говоров (кластер 84) может объясняться поздними внутренними миграциями карел в саамскую среду, на что указывает самоназвание носителей этих говоров «*lappalazet*» (саамы) [Муллонен 2014: 11]. Расположение рассматриваемой группы говоров в непосредственной близости от торгово-промышленной трассы от Ладоги к Белому морю [Жуков 2013: 172] свидетельствует о возможности притока сюда карельского населения с ливвиковско-людиковским вариантом представительства анализируемого явления.

Ливвиковский кластер 16 практически совпадает с выделенной Бубрихом подобластью А.1., его восточная граница в центральной части кластера (вдоль бассейна р. Шуя) совпадает с границей между ливвиковским и людиковским наречиями, тогда как Бубрих отодвигает эту границу на восток до Онежского озера. Действительно, на карте 3 в данной зоне проявляются кластеры, объединяющие ливвиковские и людиковские говоры, но эти особенности оказались не столь существенными, чтобы повлиять на общую картину описываемого явления.

Выделенная Бубрихом в самостоятельную подобласть А.3. группа ливвиковских говоров, расположенных в бассейне р. Олонки, на сводной кластерной карте образовала общую группу с южными людиковскими говорами (кластер 3), где регулярным является употребление шипящих лишь в позиции после гласного *i*. В связи с этим важно обратить внимание на то, что и на картах, посвященных анализу рассматриваемого явления в конкретных фонетических позициях, на юге карельской территории вертикальных изоглосс практически не обнаруживается. Анализ вепсского диалектного материала позволяет констатировать более высокую степень вепсского влияния именно на данной территории.

Приграничный кластер 65 отличается довольно частым употреблением шипящих (в позиции после и перед *i*, в начале слов переднерядной огласовки) в сравнении с остальными группами южнокарельского представительства дистрибуции переднеязычных щелевых согласных. Данный кластер, оформившийся в пограничной между наречиями зоне, совпадает с выделенными Виртаранта группами 6.З. и 6.В. При рассмотрении изоглосс в позиции после гласного *i* в середине и в абсолютном конце слова здесь все же намечаются границы между восточными и западными говорами кластера. Анализ карт 2, 3, 4 позволяет отделить группу восточных собственно карельских говоров (Койкары, Святнаволок), совпадающую с подобластью А.4. у Бубриха, однако при кластеризации она образует общий кластер со среднелюдиковскими говорами (подобласть А.2. у Бубриха). Ряд особенностей обнаруживает и выделенный Бубрихом в самостоятельную подобласть (А.5.) говор с. Юостзеро, который на разных картах притягивается к различным группам говоров. Ситуация кластера 65 свидетельствует об осязаемом влиянии на северные людиковские говоры юго-западных говоров собственно карельского наречия, связанных бассейном р. Суна.

С точки зрения дистрибуции свистящих и шипящих согласных северные и южные людиковские говоры на втором уровне сводной карты оказались разделены между двумя кластерами, тогда как в классификации Бубриха они составили общую подобласть. При сопоставлении имеющихся кластерных карт обнаруживается наличие плотного пучка изоглосс между анализируемыми группами (представительство переднеязычных щелевых в словах переднерядной огласовки (карта 4) и в позиции перед *i* (карта 3)), что не позволило программе кластеризации объединить их в один кластер.

4. Анализ материала с помощью алгоритма Cognate analysis лингвистической платформы ЛингвоДок

Лингвистическая он-лайн платформа ЛингвоДок¹¹ обладает целым набором уникальных инструментов и программ анализа больших объемов данных для урало-алтайских языков. Так, например, применение алгоритма Cognate analysis к предварительно соединенным этимологиями материалам диалектных

¹¹ <http://lingvodoc.ispras.ru/>.

словарей по определенным параметрам (начальный гласный, гласный первого слога, начальный согласный) обесчитывает расстояние между этими диалектами, выводя подробные списки соответствий между ними и автоматически показывая степень их близости [Норманская 2020: 632—638]. Специфика отображенных для настоящего исследования списков диалектных материалов по говорам карельского языка позволяет применить к ним представленный алгоритм и сравнить результаты, полученные при помощи обоих методов обсчета данных, между собой.

В целях применения алгоритма *Cognate analysis* из всего множества размещенных на платформе ЛингвоДок диалектных словарей (146) карельского языка [Словари] в порядке случайной выборки было отобрано по три говора из каждой группы, оформившейся на сводной кластерной карте (карта 6, правая). Однотипность материалов позволила получить хороший процент соответствий для каждого из словарей. Анализ близости диалектов был произведен на основе данных 21 словаря:

- кластер 3: Мегрега (93% от числа соотв.), Торосозеро (82%), Святозеро (76%);
- кластер 16: Куйтежа (84%), Колатсельга (89%), Чалкосельга (82%);
- кластер 65: Тивдия (71%), Койкары (73%), Кудамгуба (84%);
- кластер 82: Паданы (89%), Шалговаара (88%), Кузнаволоок (80%);
- кластер 84: Лубосалма (89%), Мяндусельга (80%), Компаково (83%);
- кластер 94: Лендеры (85%), Ругозеро (87%), Костомукша (89%);
- кластер 116: Вокнаволоок (87%), Регозеро (85%), Кундозеро (82%).

Подробные результаты анализа со списками слов, на базе которых выявлены соответствия, программа представляет в виде онлайн-таблицы. В тексте статьи приводится обобщенный вариант итоговой таблицы, в которой учтены лишь результаты анализа представительства в диалектах переднеязычных щелевых согласных. В процессе редакторской работы было произведено объединение рядов, которые программа разделила по наличию или отсутствию дополнительной артикуляции — палатализации. Такое решение обосновано отсутствием в инструкции к заполнению анкет четких требований по обозначению палатализации, за исключением соответствующего раздела программы: «В остальных случаях можно мягкость не обозначать, если она не бросается в глаза» [Программы: 4]. В связи с этим можно утверждать, что системность в расстановке символов смягчения в используемом материале отсутствует, что, в свою очередь, не позволяет применить к нему соответствующую опцию инструмента.

Кроме выявления надежных, сомнительных и единичных рядов соответствий фонем между диалектами программа предлагает возможные правила их распределения. Редакторская работа с таблицей по объединению рядов позволяет представить довольно четкую систему распределения свистящих и шипящих согласных в начале слова и в позиции после гласного первого слога в выбранных для анализа говорах карельского языка (таблица 4).

Сопоставление данных, представленных в таблицах 3 и 4, позволяет сделать вывод о практически полном совпадении результатов, полученных двумя методами. Таблица 4, разработанная на основе применения инструмента *Cognate analysis*, четко отображает все возможные позиции дистрибуции свистящих/шипящих начала и середины слова для каждого говора по отдельности, учитываются сочетания согласных, но анализ не распространяется на позиции далее второго слога слова. В таблице 3, обобщающей результаты применения методики кластеризации, приведены доминирующие позиции, т. е. усредненные выводы для группы говоров, а не для каждого по отдельности, при этом анализ основан на данных 146 говоров. Перечисленные особенности объясняют выявленные в ходе работы незначительные отличия в полученных результатах. Так, в таблице 4 для говоров Мегрега и Торосозеро в сочетании согласных *St* в позиции после гласного *i* отмечено использование свистящего согласного, тогда как таблица 3 дает для кластера 3 в соответствующей позиции шипящий, не беря в расчет согласный *t*, очевидно, играющий здесь ключевую роль.

Материалы таблицы 4, а именно обнаруженные различия между говорами Койкары и Тивдия с одной стороны и говором Кудамгуба — с другой, свидетельствуют о наличии особенностей представительства переднеязычных щелевых в позиции начала слова перед гласным *e*, а также середины слова после гласного *i* у западных и восточных говоров кластера 65, что отмечено и в таблице 3. Также следует обратить внимание на то, что отобранные для анализа говоры показывают наличие отличий между северными и южными говорами кластера 82 (Паданы, Шалговаара, Кузнаволоок). Отличия, обнаруженные между говором Костомукша и говорами Ругозеры, Лендеры (кластер 94), объясняются отсутствием в первом корреляции по глухости/звонкости, распределение же в них свистящих/шипящих согласных идентично.

На основе обсчета регулярных соответствий в материалах словарей программа *Cognate analysis* определяет фонетическую близость говоров, визуализируя результаты в виде таблицы и графика, отображающих матрицу различий. Расчет основан на анализе гласных первого слога, а также начальных согласных слова. На выходе программой предлагается отдельная матрица для каждой позиции, а также суммарная матрица; подробнее об алгоритме см. [Норманская 2020: 636—638].

Таблица 4. Распределение переднеязычных щелевых согласных в говорах карельского языка согласно алгоритму Cognate analysis¹²

Говор		Позиция																				
		Мегрега (3)	Торозеро (3)	Святозеро (3)	Куйтежа (16)	Колатсельга (16)	Чалкосельга (16)	Тивдия (65)	Койкары (65)	Кудамгуба (65)	Падапы (82)	Шалговаара (82)	Кузнаволок (82)	Лубосалма (84)	Мяндусельга (84)	Компаково (84)	Лендеры (94)	Ругозеро (94)	Костомукша (94)	Вокнаволок (116)	Регозеро (116)	Кундозеро (116)
Нач. согл.	Sa, So, Su (6)	s	s	s	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
	Si, Sy (25)	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
	Se, Sä (16)	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
Согл. после гл. первого слога	VSV, Zr, Zv* (18)	z	z	z	z	z	z	z	z	z	ʒ	ʒ	ʒ	z	z	z	ʒ	ʒ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
	Si* (18)	z	z	z	z	z	z	ʒ	ʒ	ʒ	z/ʒ	z/ʒ	z/ʒ	z	z/ʒ	z	z/ʒ	z/ʒ	z/ʃ	s/ʃ	s/ʃ	s/ʃ
	iS* (23)	ʒ	ʒ	ʒ	z	z	z	ʒ	ʒ	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	s	s	s
	rZi, nZi* (9)	z	z	z	z	z	z	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	z	ʒ	z	ʒ	ʒ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
	iSt* (9)	s	s	ʃ	s	s	s	ʃ	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s
	St, pSV, ksV* (15)	s	s	s	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
	iSk* (6)	ʃ	ʃ	ʃ	s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	s	ʃ	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s
	Ski (4)	s	s	s	s	s	s	ʃ	s	s	s	ʃ	ʃ	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
	SkV* (5)	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
	pSi, kSi* (12)	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ

В ходе обсчета предложенного программе карельского диалектного материала матрица соответствий по начальному согласному полностью совпала с суммарной матрицей, что объясняется характером используемых данных, где упор сделан именно на представительстве в лексемах переднеязычных щелевых согласных. Такие важнейшие диалектные маркеры карельского языка, как, например, рефлекс праязыкового долгого гласного первого слога, на базе привлеченного к настоящему исследованию материала проследить невозможно.

Таким образом, инструмент программы ЛингвоДок с учетом различий между начальными согласными слова распределил привлеченные к анализу говоры (таблица 5 и рис. 1) по следующим группам:

1) Лендеры, Ругозеро, Костомукша, Вокнаволок, Регозеро, Кундозеро (кластеры 94, 116), для которой характерно использование шипящего *ʃ* в начале слова (*šukši* ‘лыжи’, *šavi* ‘дым’, *šiiipi/šiiibi* ‘крыло’, *šylki/šylgi* ‘слюна’, *šilmä* ‘глаз’, *šelkä/šelgä* ‘спина’, *šeinä* ‘стена’);

2) Койкары, Тивдия (кластер 65), в которой, в отличие от предыдущей группы, в словах заднерядной огласовки преимущественно употребляется свистящий согласный (*sukš(i)*, *savi*, *šiiibi/šiiibe*, *šyl'g/šylgi*, *šil'm(e)*, *šel'g'(ä)*, *šein'(ä)*);

3) Кудамгуба (кластер 65), отличающаяся от предыдущей лишь использованием свистящего согласного в позиции перед гласным *e* (*sukši*, *savi*, *šiiibi*, *šyl'g'i*, *šil'mä*, *sel'gä*, *sein'ä*);

¹² В таблице приняты следующие обозначения: S — любой переднеязычный щелевой согласный, V — любой гласный за исключением *i*. Символом * отмечены позиции, выведенные автором статьи на основе преобладающих для конкретного говора примеров, т. е. источниковая база позволяет обнаружить здесь отдельные исключения из приведенного правила. Такие исключения объяснимы или характером происхождения лексемы (напр., заимствование из русского языка или дескриптивный характер слова), или особенностями говора (напр., его положение на периферии диалекта), или качеством записанного материала. Привлечение к сравнению диалектных данных из других источников (напр., опубликованных образцов речи) позволяет сделать вывод о наличии незначительного числа ошибок/описок, процент которых, однако, не способен повлиять на общую картину представительства описываемого явления. В скобках указано количество примеров из таблицы, демонстрирующих каждый из выявленных рядов соответствий. Цветом в таблице залиты ячейки, обнаруживающие расхождение с выводами, представленными в таблице 3.

Таблица 5. Суммарная матрица / Матрица соответствий по начальному согласному говоров карельского языка, составленная в программе ЛингвоДок¹³

Мегрега (3)	Торосозеро (3)	Святозеро (3)	Куйтежа (16)	Колатсельга (16)	Чалкосельга (16)	Тивдия (65)	Койкары (65)	Кудамгуба (65)	Паданы (82)	Шалговаара (82)	Кузнаволоок (82)	Лубосалма (84)	Мяндусельга (84)	Компаково (84)	Лендеры (94)	Ругозеро (94)	Костомукша (94)	Вокनावолоок (116)	Регозеро (116)	Кундозеро (116)
-	0	4	0	0	0	10	10	6	2	2	2	0	0	0	12	12	12	12	12	12
-	-	4	0	0	0	10	10	6	2	2	2	0	0	0	12	12	12	12	12	12
-	-	-	4	4	4	14	14	10	6	6	6	4	4	4	16	16	16	16	16	16
-	-	-	-	0	0	10	10	6	2	2	2	0	0	0	12	12	12	12	12	12
-	-	-	-	-	0	10	10	6	2	2	2	0	0	0	12	12	12	12	12	12
-	-	-	-	-	-	10	10	6	2	2	2	0	0	0	12	12	12	12	12	12
-	-	-	-	-	-	-	0	4	12	12	12	10	10	10	2	2	2	2	2	2
-	-	-	-	-	-	-	-	4	12	12	12	10	10	10	2	2	2	2	2	2
-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	8	8	6	6	6	6	6	6	6	6	6
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	2	2	2	10	10	10	10	10	10
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	2	2	2	10	10	10	10	10	10
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2	2	10	10	10	10	10	10
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	12	12	12	12	12	12
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	12	12	12	12	12	12
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12	12	12	12	12
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	0	0
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	0
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

4) Лубосалма, Мяндусельга, Компаково, Мегрега, Куйтежа, Торосозеро, Колатсельга, Чалкосельга (кластеры 84, 16, 3), для которой характерно употребление согласного *s* в анализируемой позиции (*suksi / suks'i, savi, siibi/s'iibi, s'ylgi/syl'gi/sylgi/s'yl'gi, s'ilme/sil'my/silmy/silmä/s'il'mä, s'elgä/sel'gy/selgy/selgä/s'el'gä, s'einä/s'ei'nä/sei'n'ä*). К этой же группе примыкает говор Святозеро (кластер 3), отделившийся от остальных на основе отличий, не связанных с анализируемым явлением (использование поствелярного бокового согласного *л* в словах заднерядного вокалического оформления);

5) Шалговаара, Кузнаволоок, Паданы (кластер 82), характеризующаяся наличием свистящего согласного в словах переднерядной, а шипящего — в словах заднерядной огласовки (*šukši, šavi, s'iib'i/s'iibi, s'yl'g'i/syl'gi/s'ylgi, s'il'mä/s'ilmä, s'el'gä/selgä, s'eina/s'ei'n'ä/sei'n'ä*).

Предложенная классификация в целом совпадает с результатами распределения говоров на соответствующей кластерной карте (карта 7).

На втором уровне кластеризации (карта 7, правая) представлено три кластера. Северный кластер 94 включил в себя первые три группы, сформированные с помощью инструмента Cognate analysis (правая

¹³ Для наглядности в таблице говоры приводятся в порядке их распределения по кластерам, цифрами обозначено число фонетических переходов, выявленное программой, градация заливки от темно-серого к белому цвету совпадает с ростом количества таких переходов.

половина диаграммы на рисунке 1) и обнаруживающие незначительные отличия. На первом уровне кластеризации (карта 7, левая) говоры Кудамгуба, Койкары и Тивдия распределились между двумя разными кластерами.

Южный кластер 16 практически идентичен четвертой группе, полученной на втором этапе исследования. Исключением является лишь д. Мяндусельга, говор которой притянулся к центральному кластеру 84, совпадающему с пятой из групп. В данном случае несовпадение результатов объясняется, во-первых, довольно близким характером распределения переднеязычных щелевых согласных в группах 4 и 5 (левая половина диаграммы на рисунке 1), а во-вторых, наличием незначительного, но, очевидно, весомого числа исключений из выведенного правила, обнаруженного обеими программами обсчета диалектного материала (*šara-hein'ä* 'осока', *šeiččumen* 'семь', *šitta* 'испражнения', *šalkku* 'сумка'). На первом уровне кластеризации говор д. Мяндусельга представлен в рамках отдельного кластера, что указывает на наличие в его консонантной системе определенных отличий в сравнении с группой 5 (Паданы, Шалговаара, Кузнаволок), расположенной севернее.

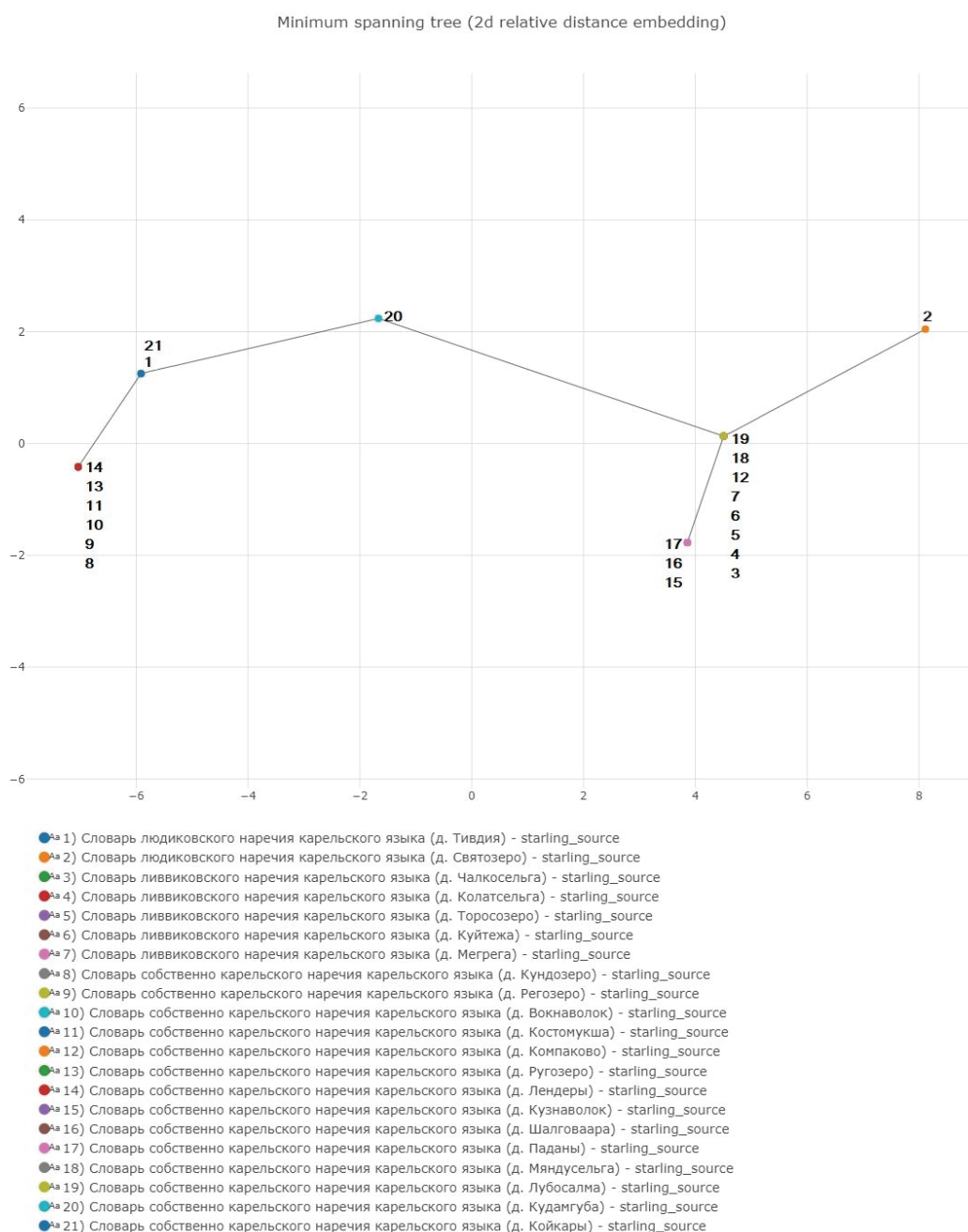
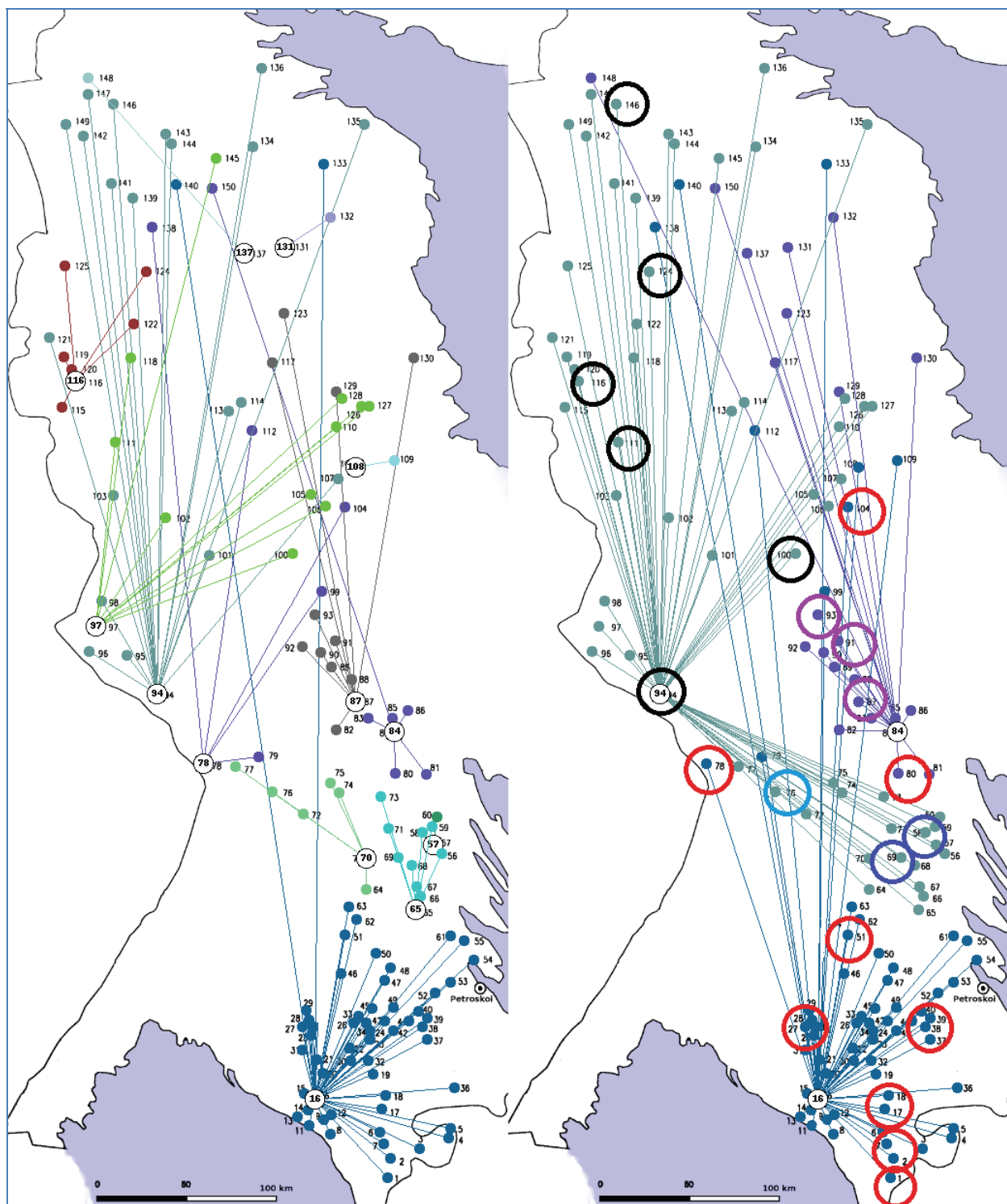

Рис. 1. График суммарной матрицы фонетических различий

Карта 7. Дистрибуция переднеязычных щелевых согласных начала слова.
Уровни 1, 2¹⁴

¹⁴ На правой карте обозначены говоры, материалы которых были привлечены к анализу на лингвистической платформе ЛингвоДок. Распределение по группам, полученное с помощью инструмента Cognate analysis, отмечено разными цветами.

Заключение

Распределение свистящих и шипящих вариантов переднеязычных щелевых согласных является одним из важнейших фонетических маркеров карельской диалектной речи. Как показал проведенный анализ, его варианты в разных группах говоров зависят от большого количества факторов: позиция согласного в слове (как начало, середина или конец, так и основа или аффикс), переднерядная или заднерядная огласовка слова, наличие в положении перед или после переднеязычного щелевого гласного *i* (в том числе исторического **i*) или конкретного согласного (*k, t, p, n, r*). К тому же, если в части говоров доминирующим является один из перечисленных факторов, то в другой части эти факторы могут выступать в совокупности в самых различных пропорциях. Кроме того, в процессе анализа особенностей дистрибуции свистящих и шипящих согласных карельской диалектной речи важно учитывать не только все возможные фонетические позиции, в которых эти согласные проявляются, но и внутриязыковые ассимилятивные процессы, аналогично, а также возможность влияния соседних диалектов и языков (главным образом вепского), не говоря уже об исключениях, особенно часто проявляющихся в заимствованной и дескриптивной лексике. Нередко явление может варьироваться в отдельных лексемах от говора к говору и даже в пределах одного говора, на что обращали особое внимание языковеды [Tuunonen 1946: 215—216; Virtaranta 1946: 14; Бубрих 1947: 135—157]. Все это существенно затрудняет его исследование традиционными методами лингвогеографии. Здесь на помощь приходят точные науки, такие как, например, статистика со своим агломеративно-иерархическим методом кластеризации или математика с современными программами анализа больших объемов данных.

В рассмотренном в статье примере кластерного анализа явления дистрибуции свистящих и шипящих согласных, проведенного на базе архивных данных, собранных в процессе работы над «Диалектологическим атласом карельского языка», на материале соответствующих тематических кластерных карт показано, каким образом проходит автоматическое разбиение говоров на группы по заданным параметрам, т. е., по сути, проводятся изоглоссы исследуемого явления, а на материале сводной кластерной карты — каким образом генерируются группы говоров на основе всех параметров в совокупности, т. е. производится выявление пучков изоглосс разной плотности (на разных уровнях одной карты).

Визуализация материалов кластеризации на карте позволяет получить наглядное представление об истории сложения наречий и диалектов карельского языка, т. е. проследить основные направления расселения и контактов групп карел. Например, на картах прослеживаются основные пути миграций по водным путям вдоль бассейнов крупных рек: р. Кемь и ее притока р. Нижняя Охта, р. Суна, р. Шуя, р. Мегрега.

С точки зрения распределения переднеязычных щелевых согласных в говорах карельского языка не вызывает сомнения наличие значительного вепского субстрата в ливвиковско-людиковской зоне. Смещение наиболее густого пучка изоглосс на север от границы между наречиями карельского языка объясняется сильным контактным влиянием в этой пограничной зоне, спровоцированным поздними миграциями карел. В ходе дальнейшего исследования с применением возможностей платформы ЛингвоДок именно этой территории планируется уделить особое внимание.

Сравнение полученных в рамках настоящего исследования при помощи программы кластеризации результатов с выводами, сделанными на основе применения инструмента Cognate analysis, а также с основанными на традиционных методах лингвистической географии данными, ранее представленными относительно распределения анализируемого явления языковедами Д. В. Бубрихом и П. Виртаранта, позволяет констатировать их относительную идентичность, что подтверждает правомерность описываемой методики. Важно обратить внимание на то, что результаты использования кластеризации с последующей ее визуализацией не только подтверждают основные выводы, сделанные диалектологами ранее, но и позволяют уточнить отдельные изоглоссы анализируемого фонетического явления. Итоги проведенного исследования свидетельствуют о возможности использования предложенной методики в качестве базовой не только в процессе решения проблем диалектного членения карельского языка и разработки его лингвистически обоснованной диалектной классификации, но и применительно к материалам других языков.

Сокращения

Диалекты карельского языка

Собственно карельское наречие
вкн. — вокнаволоцкий
влд. — валдайский

всг. — весьегонский
вчт. — вычetaйбольский
држ. — дёржанский

илм. — иломантсинский
кнт. — контоцкий
крб. — корбисельский

крт. — керетьский
кст. — кестеньгский
мдс. — мяндусельгский
мсл. — маслосерский
олг. — оулангский
пдж. — подужемский
пдн. — паданский
пнз. — панозерский
прз. — поросозерский
рбл. — ребольский
ргз. — ругозерский
смс. — суомуссалмский
срв. — суоярвский

сст. — суйстамский
тлм. — толмачевский
тнг. — тунгудский
тхв. — тихвинский
тхз. — тихтозерский
ухт. — ухтинский
шзр. — шуезерский
юшк. — юшкозерский

Ливвиковское наречие

вдл. — видлицкий
влз. — ведлозерский
имп. — импилахтинский

кнд. — кондушский
ктк. — коткозерский
нкл. — некульский
рпш. — рыпушкальский
слм. — салминский
смз. — сямозерский
тлз. — тулмозерский

Людиковское наречие

слд. — севернолюдиковский
срл. — среднелюдиковский
юлд. — южнолюдиковский
мхл. — михайловский

Список пунктов кластерных карт (с указанием диалекта)

1 — Мегрега (нкл.)	47 — Эссоила (смз.)	89 — Сяргозеро (пдн.)
2 — Куйтежа (нкл.)	48 — Сямозеро (смз.)	90 — Венгигора (пдн.)
3 — Мегрозеро (нкл.)	49 — Гутсельга (смз.)	91 — Шалговаара (пдн.)
4 — Устье (мхл.)	50 — Лахта (смз.)	92 — Лазарево (пдн.)
5 — Михайловское (мхл.)	51 — Чалкосельга (смз.)	93 — Кузнаволок (ргз.)
6 — Большая Сельга (рпш.)	52 — Матросы (юлд.)	94 — Лендеры (рбл.)
7 — Малая Сельга (рпш.)	53 — Виданы (юлд.)	95 — Кимоваара (рбл.)
8 — Тулокса (вдл.)	54 — Половина (юлд.)	96 — Туливаара (рбл.)
9 — Верхняя Видлица (вдл.)	55 — Намоево (срл.)	97 — Реболы (рбл.)
11 — Устье Видлицы (вдл.)	56 — Лычный Остров (слд.)	98 — Емельяновка (рбл.)
12 — Гавриловка (вдл.)	57 — Владимирская (слд.)	99 — Коргуба (ргз.)
13 — Погранкондуши (вдл.)	58 — Тивдия (слд.)	100 — Ругозеро (ргз.)
14 — Кавгозеро (вдл.)	59 — Лижмозеро (слд.)	101 — Тикшозеро (ргз.)
15 — Пертнаволок (вдл.)	60 — Ояжа (слд.)	102 — Кимасозеро (ргз.)
16 — Большие Горы (вдл.)	61 — Гомсельга (срл.)	103 — Лувозеро (ргз.)
17 — Торосозеро (ктк.)	62 — Вохтозеро (смз.)	104 — Компаково (тнг.)
18 — Коткозеро (ктк.)	63 — Сяпчезеро (смз.)	105 — Маркова гора (тнг.)
19 — Вагвозеро (ктк.)	64 — Титнаволок (смз.)	106 — Калливаракка (тнг.)
20 — Кинелахта (вдл.)	65 — Спасская Губа (срл.)	107 — Тунгуда (тнг.)
21 — Пульчейла (влз.)	66 — Мунозеро (срл.)	108 — Машезеро (тнг.)
22 — Юргилица (влз.)	67 — Пялозеро (срл.)	109 — Шуезеро (шзр.)
23 — Щеккила (влз.)	68 — Уссунa (срл.)	110 — Ушково (мсл.)
24 — Габозеро (влз.)	69 — Койкары (мдс.)	111 — Костомукша (кнт.)
25 — Палалахта (тлз.)	70 — Линдозеро (мдс.)	112 — Соповаракка (юшк.)
26 — Хлевнаволок (влз.)	71 — Святнаволок (мдс.)	113 — Юшкозеро (юшк.)
27 — Колатсельга (тлз.)	72 — Поросозеро (прз.)	114 — Суопасалма (юшк.)
28 — Саригора (тлз.)	73 — Юостозеро (мдс.)	115 — Каменное озеро (вкн.)
29 — Сона (тлз.)	74 — Совдозеро (прз.)	116 — Вокнаволок (вкн.)
31 — Кижала (тлз.)	75 — Янгозеро (прз.)	117 — Панозеро (пнз.)
32 — Сосновая Ламба (ктк.)	76 — Кудагуба (прз.)	118 — Алозеро (ухт.)
33 — Савиново I (влз.)	77 — Ключина гора (прз.)	119 — Поньгогуба (вкн.)
34 — Савиново II (влз.)	78 — Лубосалма (прз.)	120 — Пирттигуба (вкн.)
36 — Кашканы (юлд.)	79 — Гимолы (прз.)	121 — Войница (вкн.)
37 — Важинская Пристань (юлд.)	80 — Мяндусельга (мдс.)	122 — Ухта/Калевала (ухт.)
38 — Святозеро (юлд.)	81 — Чебино (мдс.)	123 — Кургиево (пнз.)
39 — Пелдожа (юлд.)	82 — Сельги (пдн.)	124 — Регозеро (ухт.)
40 — Пряжа (юлд.)	83 — Евгора (пдн.)	125 — Тихтозеро (тхз.)
41 — Маньга (смз.)	84 — Саезеро (пдн.)	126 — Ригорека (мсл.)
42 — Салменица (смз.)	85 — Карельская Масельга (пдн.)	127 — Маслозеро (мсл.)
43 — Ламбисельга (влз.)	86 — Петельнаволок (пдн.)	128 — Лежево (мсл.)
45 — Улялега (смз.)	87 — Паданы (пдн.)	129 — Пибозеро (мсл.)
46 — Вешкелица (смз.)	88 — Сондалы (пдн.)	130 — Подужемье (пдж.)

131 — Верхнее Кумозеро (вчт.)	138 — Кябяли (кст.)	144 — Елетозеро (кст.)
132 — Пильдозеро (вчт.)	139 — Софьянга (кст.)	145 — Тикшезеро (кст.)
133 — Боярская (вчт.)	140 — Кестеньга (кст.)	146 — Кундозеро (олг.)
134 — Парфеево (крт.)	141 — Лайдосалма (олг.)	147 — Соколозеро (олг.)
135 — Соностров (крт.)	142 — Оланга (олг.)	148 — Рува (олг.)
136 — Нильмозеро (крт.)	143 — Сенозеро (кст.)	149 — Вартиоламби (олг.)
137 — Корелакша (пнз.)		150 — Лохиваара (кст.)

Литература

Атлас 1997 — Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997. {*Bubrikh D. V., Beljakov A. A., Punzhina A. V. Dialect Atlas of the Karelian Language. Helsinki, 1997.*}

Баранцев 1975 — Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи. Л., 1975. {*Barantsev A. P. Phonological means of Ludik. Leningrad, 1975.*}

Беляков 1949 — Беляков А. А. Фонетика карельского диалекта с. Толмачи Калининской обл. // Советское финноугроведение. V. Петрозаводск, 1949. С. 67—98. {*Beljakov A. A. Phonetics of the Karelian dialect of Tolmachi, Kalinin region // Soviet Finno-Ugric Studies. V. Petrozavodsk, 1949. P. 67—98.*}

Бубрих 1947а — Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. 1947 // <http://knk.karelia.ru/site/bub/files/assets/basic-html> {*Bubrikh D. V. The origin of the Karelian people. 1947 // http://knk.karelia.ru/site/bub/files/assets/basic-html*}

Бубрих 1947б — Бубрих Д. В. Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах // Ученые записки ЛГУ. 1947, 2. С. 129—159. {*Bubrikh D. V. Hissing and hushing consonants in Karelian dialects // Proceedings of LSU. 1947, 2. P. 129—159.*}

Бубрих 1948 — Бубрих Д. В. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // Известия Карело-финской базы Академии наук СССР. Петрозаводск, 1948. С. 42—50. {*Bubrikh D. V. Historical past of the Karelian people in the light of linguistic data // Newsletter of the Karelian-Finnish Research Facility of the USSR Academy of Sciences. Petrozavodsk, 1948. P. 42—50.*}

Жуков 2013 — Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII в. Петрозаводск, 2013. {*Zhukov A. Yu. Self-government in the politics of Russia: Karelia in the 12th — early 17th centuries. Petrozavodsk, 2013.*}

Зайков 2000 — Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000. {*Zaikov P. M. Verb in the Karelian language. Petrozavodsk, 2000.*}

Зайков 2014 — Зайков П. М. Дистрибуция и фонологический статус /s/ и /š/ в диалектах карельского языка // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов. Петрозаводск, 2014. С. 11—13. {*Zaikov P. M. Distribution and phonological status of /s/ and /š/ in the dialects of the Karelian language // Finno-Ugric languages and cultures in the socio-cultural landscape of Russia: materials of the 5th All-Russian conference of Finno-Ugric scholars. Petrozavodsk, 2014. P. 11—13.*}

Итоги — Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года // https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm {*Volumes with results of the 2010 Russia Population Census // https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm*}

Карты 1937—1941 — Карты диалектологического атласа карельского языка // Научный архив КарНЦ РАН: Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Петрозаводск, 1934—1941. {*Maps of the dialectological atlas of the Karelian language // Scientific archive of the Karelian Research Center of Russian Academy of Sciences: Col. 11. I. 1. V. 2. Petrozavodsk, 1934—1941.*}

Карты 1947—1949 — Карты диалектологического атласа карельского языка // Научный архив КарНЦ РАН: Ф. 1. Оп. 43. Д. 75—76. Петрозаводск, 1947—1949. {*Maps of the dialectological atlas of the Karelian language // Scientific archive of the Karelian Research Center of Russian Academy of Sciences: Col. 1. I. 43. V. 75—76. Petrozavodsk, 1947—1949.*}

Керт, Рягоев 1997 — Керт Г. М., Рягоев В. Д. Предисловие к «Диалектологическому атласу карельского языка» // Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997. {*Kert G. M., Rjagoev V. D. Preface to the “Dialectological atlas of the Karelian language” // Dialectological atlas of the Karelian language. Helsinki, 1997.*}

Лаанест 1966 — Лаанест А. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1966. {*Laanest A. Dialects of the Izhora language. Linguo-geographical research. Tallinn, 1966.*}

Малых 2018 — Малых Н. И. Статистика: Теория статистики. Москва, 2018. {*Malykh N. I. Statistics: Theory of statistics. Moscow, 2018.*}

Муллонен 2010а — Муллонен И. И. Диалектная карта карельского языка. 2010 // <http://knk.karelia.ru/site/mullonen/doklad.pdf>. {*Mullonen I. I. Dialect map of the Karelian language. 2010 // http://knk.karelia.ru/site/mullonen/doklad.pdf*}

Муллонен 2010б — Муллонен И. И. Формирование диалектной карты карельского языка в контексте карело-вепского контактирования // Karelia Written and Sung. Representations of Locality in Soviet and Russian Contexts.

Kikumora Publications Aleksanteri Series. 3. Jyväskylä, 2010. P. 16—28. {*Mullonen I. I.* Formation of the dialect map of the Karelian language in the context of Karelian-Vepsian contact // *Karelia Written and Sung. Representations of Locality in Soviet and Russian Contexts.* Kikumora Publications Aleksanteri Series. 3. Jyväskylä, 2010. P. 16—28.}

Муллонен 2014 — *Муллонен И. И.* Диалектная карта карельского языка // <http://knk.karelia.ru/site/mullonen/doklad.pdf>. {*Mullonen I. I.* Dialect map of the Karelian language. 2014.}

Новак 2016 — *Новак И. П.* Тверские диалекты карельского языка: Фонетика. Фонология. Петрозаводск, 2016. {*Novak I. P.* Tver dialects of the Karelian language: Phonetics. Phonology. Petrozavodsk, 2016.}

Новак и др. 2019 — *Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л.* Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск, 2019. {*Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L.* Karelian language in grammars. Petrozavodsk, 2019.}

Норманская 2020 — *Норманская Ю. В.* Коми-язввинский — диалект коми-пермяцкого или отдельный язык? // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020, 14 (4). С. 628—641. {*Normanskaya Ju. V.* Is Komi-yazva separate language or Komi-Permian's dialect? // *Yearbook of Finno-Ugric Studies.* 2020, 14 (4). P. 628—641.}

Программа 1937 — Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка. Петрозаводск, 1937. {*Programs for collecting material for the dialectal atlas of the Karelian language.* Petrozavodsk, 1937.}

Программа 1946 — Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка. Петрозаводск, 1946. {*Programs for collecting material for the dialectal atlas of the Karelian language.* Petrozavodsk, 1946.}

Программы — Программы по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка // Научный архив КарНЦ РАН: Ф. 1. Оп. 38. Д. 16—170, 261—263, 267, 268, 276; Оп. 43. Д. 43—74, 116—132, 138, 140, 179—181, 195, 219—225, 274, 275. Петрозаводск, 1937—1950. {*Programs for collecting material for the dialectal atlas of the Karelian language.* Petrozavodsk, 1937. Scientific archive of the Karelian Research Center of Russian Academy of Sciences: Col. 1. I. 38. V. 16—170, 261—263, 267, 268, 276; I. 43. V. 43—74, 116—132, 138, 140, 179—181, 195, 219—225, 274, 275. Petrozavodsk, 1937—1950.}

Протоколы — Протоколы заседаний сектора языка // Научный архив КарНЦ РАН: Ф. 1. Оп. 4. Д. 139. Петрозаводск, 1949. {*Proceedings of the language department // Scientific archive of the Karelian Research Center of Russian Academy of Sciences: F. 1. I. 4. V. 139.* Petrozavodsk, 1949.}

Рягоев 1977 — *Рягоев В. Д.* Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. {*Ryagoev V. D.* Tikhvin dialect of the Karelian language. Leningrad, 1977.}

Рягоев 1985 — *Рягоев В. Д.* Очерки по ливвиковскому диалекту карельского языка. Рукопись. Научный архив КарНЦ РАН: Ф. 1. Оп. 6. Д. 304—305. Петрозаводск, 1985. {*Ryagoev V. D.* Essays on the Livvik dialect of the Karelian language. Manuscript. Scientific archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences: Col. 1. I. 6. V. 304—305. Petrozavodsk, 1985.}

Рягоев 2003 — *Рягоев В. Д.* Карельский язык // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 185—192. {*Ryagoev V. D.* Karelian language // *Baltic-Finnish peoples of Russia.* Moscow, 2003. P. 185—192.}

Словари — Словари карельского языка на лингвистической платформе LingvoDoc // http://lingvodoc.ispras.ru/dashboard/dictionaries_all {*Dictionaries of the Karelian language on LingvoDoc.*}

ALFI — *Atlas Linguarum Fennicarum.* I. Helsinki, 2004.

Atlas — UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger // <http://www.unesco.org/languages-atlas/en/atlasmap.html>.

Genetz 1870 — *Genetz A.* Wepsän pohjoiset etujoukot // *Kieletär.* 1870, 4. S. 3—32; *Kieletär.* 1870, 5. S. 3—26.

Genetz 1872 — *Genetz A.* Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Helsinki, 1872.

Genetz 1884 — *Genetz A.* Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki, 1884.

Itkonen 1971 — *Itkonen T.* Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // *Virittäjä.* 1971, 78. S. 153—185.

Kalima 1934 — *Kalima J.* Entisen Käkisalmen läänin alueen aikaisemmasta kielimuodosta // *Virittäjä.* 1934, 38. S. 254—256.

Karjalainen et al. 2013 — *Karjalainen H., Puura U., Grünthal R., Kovaleva S.* Karelian in Russia: ELDIA Case-Specific Report // *Studies in European Language Diversity.* 2013, 26.

KKVS — *Karjalan kielen verkkosanakirja* // http://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi.

Klusterit — *Karjalan kielen murrehatlasen jälgiptotsezoindua* // <https://karjalankieliopit.net/atlas/klusterit/klusterit.html>.

Kujola 1910 — *Kujola J.* Äänneoppillinen tutkimus Salmin murteesta. Helsinki, 1910.

Kujola 1922 — *Kujola J.* Karjalan kielen opas: Kielennäytteitä ja sanasto. Helsinki, 1922.

Lehtinen 2007 — *Lehtinen T.* Kielen vuosituhannet. Helsinki, 2007.

Leskinen 1998 — *Leskinen H.* Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta // *Karjala: historia, kansa, kulttuuri.* Helsinki, 1998. S. 352—382.

Liljeblad 1931 — *Liljeblad T.* Tunkuan murteen konsonantismi. Helsinki, 1931.

Murreh — Диалектная база карельского языка Murreh // <http://murreh.krc.karelia.ru>. {*Dialect base of the Karelian language* // <http://murreh.krc.karelia.ru>.}

- Novak, Penttonen 2021 — *Novak I., Penttonen M.* Analysis of Karelian Dialect Division Based on Algorithmic Clustering // *Linguistica uralica*. 2021. Vol. 57. Iss. 2. P. 81—101.
- Ojansuu 1907 — *Ojansuu H.* Karjalan kielen opas. Helsinki, 1907.
- Ojansuu 1918 — *Ojansuu H.* Karjala-Aunuksen äännehistoria. Helsinki, 1918.
- Pahomov 2017 — *Pahomov M.* Lyydiläiskysymys: Kansa vai heimo, kieli vai murre? Helsinki, 2017.
- Saloheimo 2010 — *Saloheimo V.* Entisen esivallan alle, uusille elosijoille. Tampere, 2010.
- Sammallahti 1977 — *Sammallahti P.* Suomalaisten esihistorian kysymyksiä // *Virittäjä*. 1977, 81. S. 119—135.
- Sarhimaa 2016 — *Sarhimaa A.* Karelian in Finland. Mainz, Wien, Helsinki, 2016.
- Sarhimaa 2017 — *Sarhimaa A.* Vaietet ja vaiennetut — Karjalankieliset karjalaiset Suomessa. Helsinki, 2017.
- StatSoft — Электронный учебник по статистике // <http://www.statsoft.ru/home/textbook/default.htm>. {Electronic textbook on statistics // <http://www.statsoft.ru/home/textbook/default.htm>. }
- Tunkelo 1946 — *Tunkelo E. A.* Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.
- Turunen 1946 — *Turunen A.* Lyydiläismurteiden äännehistoria. II. Konsonantit. Helsinki, 1946.
- Virtaranta 1946 — *Virtaranta P.* Eteläkarjalaisten murteiden s. Helsinki, 1946.
- Virtaranta 1972 — *Virtaranta P.* Die Dialekte des Karelischen // *Советское финно-угроведение*. 1972, 8. С. 1—15.
- Virtaranta 1984 — *Virtaranta P.* Über das s im Karelischen // *Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen*. Budapest, 1984. S. 259—274.
- Wiik 2004 — *Wiik K.* Karjalan kielen murteet. Kvantitatiivinen tutkimus. Turku, 2004.

Переходность смыслового глагола в японских бенефактивных конструкциях в свете корпусных данных

Соломкина Наталия Алексеевна,
Российский государственный гуманитарный университет (Москва), Московский городской педагогический университет;
nataliya.solomkina@gmail.com

Бенефактивные конструкции в различных языках мира допускают использование смысловых глаголов с разной степенью переходности. В данной статье мы рассматриваем японские бенефактивы (аналитические конструкции с так называемыми глаголами направленности действия) в типологическом контексте и проверяем выполнение некоторых ограничений, накладываемых этими конструкциями на переходность смыслового глагола. Для этого мы используем данные из Сбалансированного корпуса современного японского языка (BCCWJ) и устного Корпуса спонтанного японского языка (CSJ). С помощью количественного анализа мы доказываем, что в рассматриваемых выборках распределение валентностных классов смысловых глаголов в бенефактивных конструкциях значимым образом отличается от распределения валентностных классов произвольно взятых глагольных форм. Иными словами, что выбор смыслового глагола зависит от ограничений, накладываемых бенефактивной конструкцией на переходность глагола. Мы также демонстрируем, что бенефактивные конструкции тяготеют к однообъектным переходным глаголам, но отнюдь не ограничиваются ими. Наши данные подтверждают высказывавшееся ранее в литературе предположение о том, что при вспомогательных глаголах со значением «давать» употребление непереходного глагола допустимо, когда получатель не выражен. Однако для вспомогательных глаголов со значением «получать» мы не находим ограничений, связывающих степень переходности смыслового глагола с выраженностью бенефактора или бенефицианта.

Ключевые слова: японский язык, переходность, валентность глагола, корпусная лингвистика, глагольные классы, японская грамматика, бенефактивные конструкции, валентностные классы, лингвистическая типология

MAIN VERB TRANSITIVITY IN JAPANESE BENEFACTIVE CONSTRUCTIONS IN THE LIGHT OF CORPUS DATA

Natalia A. Solomkina, Russian State University for the Humanities (Moscow), Moscow City University;
nataliya.solomkina@gmail.com

Benefactive constructions in the languages of the world allow main verbs with different transitivity levels. In this article we are taking in account Japanese benefactives (analytic constructions with so-called directionality verbs) in typological context, and we examine restrictions that these constructions impose on transitivity level of the main verb. We survey the data from the Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ) and the Corpus of Spontaneous Japanese (CSJ). Using the quantitative analysis, we prove that in our datasets there is a significant statistical difference between the distribution of valency classes of the main verbs in benefactive constructions and the distribution of valency classes across randomly selected verb forms. To put it differently, the choice of a main verb depends on the restrictions imposed on the transitivity level by the benefactive construction. We also demonstrate that benefactive constructions lean toward monotransitive main verbs but are not confined to them. Our data confirm the preceding assumption that intransitive verbs with 'give' auxiliaries are acceptable if the receiver is not overtly expressed. But for 'receive' auxiliaries we do not find any limitations linking the transitivity of the main verb with the overt encoding of a benefactor or a beneficiary.

Keywords: Japanese, transitivity, verb valency, corpus linguistics, verb classes, Japanese grammar, benefactive constructions, valency classes, linguistic typology

Введение

Данная статья посвящена аналитическим бенефактивным конструкциям японского языка, а именно возможности употребления в них смысловых глаголов разной степени переходности.

В рамках типологического подхода вопрос о переходности смыслового глагола в японских бенефактивных конструкциях рассматривается в работах Масаёси Сибатани [Shibatani 1994, 1996] и Прашанта Пардеши [Pardeshi 1998], на эти работы во многом опирается наше исследование. Несмотря на обилие литературы о японских бенефактивах (из сравнительно недавних работ можно отметить [Sawada 2007; Torita 2011; Yamada 1999, 2005]), эмпирическая база существующих исследований имеет существенный пробел: большинство из них выполнены методом интроспекции, и далеко не всегда мнение самого исследователя или одного-двух опрошенных носителей дает нам полную и объективную картину. В данном исследовании мы стремимся восполнить этот пробел, рассмотрев проблему переходности смыслового глагола в японских бенефактивах на корпусном материале.

Бенефактивная конструкция в японском языке состоит из смыслового глагола в деепричастной форме на *-te/-de* и вспомогательного глагола со значением «давать» или «получать». При этом каждый вспомогательный глагол может употребляться самостоятельно в соответствующем значении. Бенефактивные конструкции обычно описывают ситуацию, в результате которой один из участников приобретает некоторый ресурс или благо, этого участника мы будем называть *бенефициантом*. Активного участника, распоряжающегося ресурсом или создающего благоприятную ситуацию в интересах другого лица, принято называть *бенефактором*.

В данной конструкции возможны семь разных вспомогательных глаголов [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008]:

- *yaru, ageru, sashiageru, kureru, kudasaru* со значением «давать»

(1) *musuko ga suupu o tsukut-te kure-ta koto o omoidash-ita*
сын NOM суп ACC делать-CNV дать-PST NML ACC вспомнить-PST
‘Я вспомнила, как сын приготовил [для меня] суп’. (бенефактор — сын, бенефициант — говорящий)

- *morau, itadaku* со значением «получать, приобретать».

(2) *nimotsu wa itiji azukari-si-te mora-e-masu*
багаж TOP один.час хранение-VRB-CNV получить-POT-ADR.PRS
‘[Мой] багаж приняли на хранение на один час’. (бенефактор не выражен, подразумевается распорядитель камеры хранения, бенефициант не выражен, подразумевается говорящий)

Глаголы, которые переводятся как «давать», можно разделить на две группы в зависимости от признака «свой vs. чужой» или места нахождения фокуса эмпатии (что, по сути, одно и то же; подробнее об этом см., например, в работе [Kuno, Kaburaki 1977]):

- Бенефактор воспринимается говорящим как «свой», а бенефициант — как «чужой» (*yaru, ageru, sashiageru*).
- Бенефактор воспринимается говорящим как «чужой», а бенефициант — как «свой» (*kureru, kudasaru*).

А. А. Холодович [Холодович 1979] называет бенефактивы с *yaru, ageru* и *sashiageru* конструкцией с центробежным адрессивом, а бенефактивы с *kureru* и *kudasaru* — конструкцией с центростремительным адрессивом.

Помимо этого, выбор вспомогательного глагола зависит от положения участников ситуации в иерархии. В таблице 1 представлены варианты вспомогательного глагола для всех возможных случаев: когда действие направлено от нижестоящего лица к вышестоящему (\Uparrow), от вышестоящего к нижестоящему (\Downarrow), когда участники ситуации равны (\Rightarrow).

Таблица 1. Японские бенефактивные вспомогательные глаголы

направленность действия в иерархии	‘давать’ (от «своего» к «чужому»)	‘давать’ (от «чужого» к «своему»)	‘получать’
\Uparrow	<i>sashiageru</i>	<i>kureru</i>	<i>morau</i>
\Rightarrow	<i>ageru</i>	<i>kureru</i>	<i>morau</i>
\Downarrow	<i>yaru</i>	<i>kudasaru</i>	<i>itadaku</i>

Значение бенефактивных конструкций включает в себя два основных компонента:

- передача некоторого определенного блага, ресурса, не обязательно материального;
- иерархизация бенефактора и бенефицианта: в своей социально-дейктической функции бенефактивная конструкция указывает на то, какое из лиц в данной ситуации находится выше по относительной иерархии, а также на то, кому сопереживает говорящий.

Передаваемое благо (ресурс) описывается с помощью смыслового глагола, а место участников ситуации в относительной иерархии — с помощью вспомогательного. Синтаксически это разделение функций подтверждается тем, что компоненты бенефактивной конструкции демонстрируют некоторую степень синтаксической самостоятельности. Например, между смысловым и вспомогательным глаголом могут размещаться фокусные частицы [Подлеская 1993]. Разграничение этих двух компонентов значения (передачи блага и иерархизации) понадобится нам ниже, когда мы будем рассматривать когнитивную схему, предложенную Масаёси Сибатани для бенефактивов со вспомогательными глаголами со значением «давать» [Shibatani 1996].

В бенефактивных конструкциях возможно изменение состава актантов исходной ситуации и способа их оформления. Сначала рассмотрим ситуацию, когда в диатезе исходного глагола есть участник помимо субъекта, который при образовании бенефактивной конструкции берет на себя роль бенефицианта. В этом случае при присоединении вспомогательных глаголов со значением «давать» (*yaru*, *ageru*, *sashiageru*, *kureru*, *kudasaru*) диатеза остается той же, что у исходного смыслового глагола (3). А при присоединении глаголов со значением «получать» (*morau*, *itadaku*) происходит залоговое преобразование, напоминающее трансформацию пассивизации (4) (отличие в том, что затрагиваемое дополнение может быть как прямым, так и косвенным):

(3) [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008: 342]

Boku wa kimitachi wo mamot-te age-ru
Я TOP вы ACC защищать-CNV давать-PRS
'Я вас защищаю'.

(4) [там же]

(Watashi wa) kono hon o tomodachi kara okut-te mora-imash-ita
я TOP эта книга ACC друг от прислать-CNV получить-ADR-PST
'Мне эту книгу друг прислал'.

Если же в исходной ситуации не было участника-бенефицианта, происходит повышающая актантная деривация — добавление нового участника. В следующем примере исходный глагол *nuku* 'вытаскивать' описывает двухвалентную ситуацию 'X вытаскивает Y', а в бенефактивной конструкции добавляется третий участник-бенефициант: 'X вытаскивает Y для Z'. При этом подлежащее при исходном глаголе становится косвенным дополнением:

(5) [Алпатов, Аркадьев, Подлеская 2008: 344]

Watashitachi wa kyuuji ni koroku o nui-te mora-imash-oo
мы TOP официант DAT пробка ACC вытаскивать-CNV получить-ADR-HOR
'Пусть официант откупорит нам бутылку'.

Так как бенефактивные конструкции описывают передачу ресурса, ожидаемо, что они тяготеют к переходным смысловым глаголам. Образование же бенефактивных конструкций с непереходными смысловыми глаголами затруднено (см., например, [Shibatani 1996: 160]) и часто требует особых контекстов. Сибатани называет это явление «эффектом переходности», однако критикует некоторые формальные подходы к нему, так как «континуум приемлемости [бенефактивных конструкций] пересекает границу переходности».

Приведем набор примеров на английском языке, использованный в [Shibatani 1996: 170] и [Pardeshi 1998: 84], чтобы проиллюстрировать, что в разных языках граница приемлемости бенефактивов с глаголами разной степени переходности проходит по-разному, см. таблицу 2.

Данные японского, английского, немецкого, итальянского, индонезийского, сингальского, испанского, яванского, маратхи [Shibatani 1996; Pardeshi 1998] свидетельствуют, что для различных языков разные предложения из данного набора являются грамматичными, и при этом нет однозначного соответствия с переходностью смыслового глагола. В своих работах [Shibatani 1994, 1996] Сибатани пишет о том, что смысловой глагол в бенефактивных конструкциях не обязательно должен быть переходным, но бенефициант должен иметь возможность воспользоваться созданной ситуацией в своих интересах. При этом семантическое расхождение между переходностью глагола и его допустимостью в бенефактивной

Таблица 2. Приемлемость бенефактивов с глаголами разной степени переходности

Тип глагола	Примеры	Допустимость бенефактивной конструкции	
		Английский	Японский
Переходный однообъектный	a. <i>I bought Mary a book</i> 'Я купил Маше книгу'	+	+
	b. <i>I opened Mary the door</i> 'Я открыл Маше дверь'	–	+
	c. <i>I closed Mary the door</i> 'Я закрыл Маше дверь'	–	–
	d. <i>I killed Mary the centipede</i> 'Я убил Маше сороконожку'	–	–
Переходный двухобъектный	e. <i>I taught Mary English</i> 'Я учил Машу английскому'	+	+
Непереходный вариант глагола, допускающего этимологически родственное дополнение (<i>танцевать танец, думать думу</i> etc.)	f. <i>I sang Mary</i> 'Я пел Маше'	–	–
	g. <i>I danced Mary</i> 'Я танцевал Маше'	–	–
Непереходный	h. <i>I went Mary to the market</i> 'Я ходил Маше на рынок'	–	– (+, если бенефициант не выражен эксплицитно)

конструкции бывает двух типов: это может быть и непереходный глагол, который тем не менее создает для бенефицианта некоторый ресурс, и переходный глагол, который такого ресурса не создает. Например, ситуации из пунктов *c* и *d* таблицы 2, описываемые переходными глаголами («закрыть дверь» и «убить сороконожку»), не создают ничего, что может быть (хотя бы метафорически) передано бенефицианту, и поэтому конструирование бенефактивного выражения с ними невозможно. Ситуация из пункта *h* («сходить на рынок»), наоборот, описывается непереходным глаголом, но тем не менее может создавать некий ресурс для бенефицианта. В японском подобные примеры могут быть грамматичны при соблюдении условий, о которых мы поговорим далее. Однако чаще всего ситуации, результатом которых в своих интересах может воспользоваться бенефициант, выражаются переходными глаголами.

Сибатани и Пардеши [Shibatani 1994, 1996; Pardeshi 1998] анализируют бенефактивные конструкции с глаголами со значением «давать», используя следующую когнитивную схему:

Когнитивная схема ДАВАТЬ

Структура: { NP1 NP2 NP3 ДАВАТЬ }

NP1 = кодируется как субъект

NP2 = кодируется как не прямой объект

NP3 = кодируется как прямой объект

Семантика: NP1 КАУЗИРУЕТ NP2 ИМЕТЬ NP3, где

NP1 = одушевленный агенс, NP2 = одушевленная цель, NP3 = объект

NP2 становится обладателем NP3

NP1 создает для NP2 возможность такого обладания

Хотя в целом бенефактивы с непереходными глаголами в различных языках мира недопустимы или допустимы с трудом, по предположению Сибатани, в японском со вспомогательными глаголами со значением «давать» они могут образовываться при условии, что бенефициант не выражен эксплицитно [Shibatani 1996: 186].

Бенефактивные конструкции с глаголами «давать» (*yaru/ageru/sashiageru* и *kureru/kudasaru*) Сибатани считает допустимыми в следующих двух случаях:

- Смысловый глагол переходный, обозначает передачу некоторой полезной сущности бенефицианту. Применяется вышеописанная когнитивная схема «давать». Эта схема наследуется бенефактивной конструкцией от соответствующих глаголов со значением «давать» в самостоятельном употреблении. При этом объект передачи относится и к смысловому, и к вспомогательному глаголу (то есть является и объектом действия, выраженного смысловым глаголом, и объектом передачи).

(6) [Shibatani 1996: 187]

Hanako ga Taroo ni ringo o kat-te yat-ta
Ханако NOM Таро DAT яблоко ACC купить-CNV дать-PST
'Ханако купила Таро яблоко'.

- Смысловый глагол непереходный, бенефициант не выражен. Не применяется когнитивная схема «давать»: при отсутствии выраженного бенефицианта она не «запускается», и бенефактивная конструкция выражает только направленность действия без компонента передачи блага. Масаёси Сибатани так комментирует пример (7): «Смерть Таро была своего рода услугой, направленной к его жене, где не подразумевалась передача какого-либо определенного объекта».

(7) [Shibatani 1996: 187]

(Tsuma no koto o kangae-te) Taroo wa shin-de yat-ta
жена GEN дело ACC думать-CNV Таро TOP умирать-CNV давать-PST
'(Думая о жене,) Таро умер [ради нее]'.

В данной работе мы не будем фокусироваться на когнитивном аспекте и подойдем к вопросу более формально: на корпусных данных проверим предложенные Сибатани ограничения, а также наличие подобных ограничений у бенефактивных конструкций со вспомогательными глаголами группы «получать». При этом мы не ставим перед собой задачу рассмотреть причины наблюдаемых ограничений с точки зрения когнитивной лингвистики.

Методы и материалы

Мы берем данные из двух корпусов, созданных в Национальном институте японского языка: Сбалансированного корпуса современного японского языка (BCCWJ) и устного Корпуса спонтанного японского языка (CSJ). Из первого корпуса мы используем подкорпус онлайн-дневников Yahoo! различной тематики за 2008 г. Объем подкорпуса составляет 52680 статей, или примерно 10,2 миллиона словоупотреблений. Мы выбрали этот жанр из всех представленных в корпусе как наименее формальный и наиболее приближенный к устной речи.

Из CSJ мы использовали материал всех подкорпусов, кроме «Чтения вслух» и «Повторного чтения вслух», так как, по сути, они являются воспроизведением письменного текста. Объем корпуса составляет примерно 7,5 миллионов словоупотреблений.

Для того, чтобы проанализировать информацию о валентностях смысловых глаголов, мы воспользовались валентностными классами и фреймами, созданными в рамках проекта ValPal Института эволюционной антропологии Общества Макса Планка. Проект был основан на работе Бет Левин о глагольных классах в английском языке [Levin 1993], главная идея которой в том, что глаголы можно разделить на семантические классы, используя синтаксические критерии. Для этого используются сведения не только о валентностях глагола, но и о возможных преобразованиях (альтернациях), в которых глагол может участвовать.

Мы взяли за основу валентностные фреймы из набора данных ValPal, а также валентностные классы, в которые эти фреймы объединены в работе [Kishimoto, Kageyama, Sasaki 2015]. Всего лингвисты — участники проекта ValPal выделяют для японского языка шесть валентностных классов со следующими подклассами (фреймами), см. таблицу 3.

В таблице 3 встречаются следующие обозначения семантических ролей, используемых в проекте ValPal:

A: агенс, P: пациенс, S: единственный актант непереходного глагола, L: место (включая цель), I: инструмент, X: другие.

При дальнейшем анализе мы учитываем каузативные формы как отдельный валентностный класс, так как они частотны в бенефактивных конструкциях, и в этом случае меняется исходная актантная структура смыслового глагола. Добавляется актант с ролью агенса, а логический субъект каузируемого действия маркируется показателями дополнения *o* или *ni*. То есть у каузативных форм глаголов, независимо от того, от какого исходного глагола они образованы, всегда высокая степень переходности (ср. *Taroo ga iku* 'Таро идет' и *Hanako wa Taroo o ikaseru* 'Ханако вынуждает Таро идти'), и было бы неверно засчитывать каузатив непереходного глагола типа *iku* 'идти' как непереходную форму.

Структура нашей выборки из корпусов такова: по 100 примеров для каждого вспомогательного глагола из BCCWJ (всего 600) и по 120 примеров для каждого вспомогательного глагола из CSJ (всего 720). Примеры получены методом случайной выборки. Мы рассматриваем бенефактивные конструкции с ше-

Таблица 3. Валентностные классы

Валентностный класс	Валентностный фрейм	Семантические роли актантов	Примеры
непереходный	1-NOM	1 – S	<i>hasiru</i> ‘бежать’, <i>sinu</i> ‘умирать’
двухсубъектный	1-NOM 2-NOM V	1 – S 2 – X	<i>itai</i> ‘болеть’, <i>kayui</i> ‘зудеть’
полунепереходный	1-NOM 2-DAT V	1 – S 2 – X	<i>au</i> ‘встречаться’
	1-NOM 2-LOC V	1 – S 2 – L	<i>tsuku</i> ‘прибывать’
полупереходный	1-DAT 2-NOM V	1 – X 2 – S	<i>hitsuyooda</i> ‘быть необходимым’
переходный	1-NOM 2-ACC V	1 – A 2 – P	<i>tateru</i> ‘строить’
	1-NOM (2-INSTR) 3-ACC V	1 – A 2 – I 3 – P	<i>korosu</i> ‘убивать’
двухобъектный	1-NOM 2-ABL 3-ACC	1 – A 2 – X 3 – P	<i>nusumi</i> ‘красть’
	1-NOM 2-DAT 3-ACC V	1 – A 2 – X 3 – P	<i>ataeru</i> ‘давать’
	1-NOM 2-DAT UTT3 V	1 – S 2 – X 3 – X	<i>yuu</i> ‘говорить’
	1-NOM 2-LOC 3-ACC V	1 – A 2 – L 3 – P	<i>sosogu</i> ‘наливать’
	1-NOM (2-INSTR) 3-LOC 4-ACC V	1 – A 2 – I 3 – L 4 – P	<i>tsunagu</i> ‘привязывать’

стью вспомогательными глаголами: *yaru*, *ageru*, *morau*, *itadaku*, *kureru*, *kudasaru*. Сверхвежливый глагол *sashiageru* не попадает в поле нашего рассмотрения как редко употребляемый, особенно в неформальной речи: в подкорпусе блогов BCCWJ нет ни одного примера бенефактивной конструкции с ним, в выбранных нами подкорпусах CSJ встречается всего два таких примера.

В базе данных ValPal размечены валентностные фреймы и допустимые глагольные альтернативы только для 79 глагольных форм, поэтому для разметки валентностных фреймов в данной выборке мы использовали информацию из словаря «Нихонго гои тайкэй» [Икэхара и др. 1997]. Разметка осуществлялась в полуавтоматическом режиме: для первого вхождения глагола выбор валентностного фрейма осуществлялся вручную на основании информации из «Нихонго гои тайкэй», далее все вхождения глагола размечались автоматически.

Ниже в качестве примера приведем информацию о валентности из словарной статьи о глаголе *taberu* ‘есть’ с нашими глоссами и пояснениями. Первым в данной словарной статье приведен не самый употребительный вариант, из-за таких случаев приходилось выбирать подходящий валентностный фрейм вручную. В данном случае мы выбрали второе значение:

taberu

1. N1 *ga* (NOM) N2 *de* (INSTR) *taberu* N1 earn N1’s living with N2, что приблизительно соответствует значению ‘зарабатывать себе на пропитание чем-то’.

2. N1 *ga* (NOM) N2 *o* (ACC) *taberu* N1 eat N2, что приблизительно соответствует значению ‘питаться чем-то’.

Значение 2 позволяет в нашей разметке приписать глаголу *taberu* фрейм 1-NOM 2-ACC V.

Анализ, результаты и обсуждение

На материале нашей выборки рассмотрим особенности употребления смысловых глаголов в бенефактивных конструкциях. Для начала проверим, действительно ли бенефактивная конструкция накладывает значимые ограничения на выбор валентностного класса смыслового глагола.

В таблицах 4 и 5 мы видим, что во всех типах бенефактивных конструкций больше всего примеров с переходными однообъектными смысловыми глаголами. Но в качестве нулевой гипотезы мы предполагаем, что распределение валентностных классов смысловых глаголов в бенефактивных конструкциях не отличается значимым образом от распределения валентностных классов во всех глагольных формах в рассматриваемых подкорпусах. Иными словами, мы предполагаем, что выбор смыслового глагола не зависит от ограничений, накладываемых бенефактивной конструкцией на переходность глагола.

Для каждого вспомогательного глагола мы вычислили P-значение, то есть вероятность получить такое распределение по валентностным классам случайно при условии, что нулевая гипотеза верна. Мы сравнили распределение валентностных классов в примерах с каждым бенефактивным вспомогательным глаголом и это же распределение в примерах с произвольными (случайно выбранными) глагольными формами из тех же корпусов. При сопоставлении бенефактивных конструкций и произвольно взятых глагольных форм в корпусе мы использовали точный тест Фишера, так как выборка для каждого глагола

Таблица 4. Валентностные классы смысловых глаголов в CSJ

валентностный класс глагола	-te yaru	-te ageru	-te kudasaru	-te kureru	-te morau	-te itadaku	произвольные глагольные формы
непереходный	2	2	7	10	7	2	27
полунепереходный	0	3	0	0	1	0	3
полупереходный	0	0	0	0	0	0	1
переходный (однообъектный)	90	73	81	79	81	45	58
двухобъектный	26	34	32	27	21	5	30
каузативная форма	2	8	0	4	10	68	1
всего	120	120	120	120	120	120	120
Р-значение для бенефактивной конструкции глагола по сравнению с произвольно взятыми глагольными формами	$8.626 \cdot 10^{-8}$	$6.639 \cdot 10^{-7}$	0.0001523	0.001645	$1.202 \cdot 10^{-5}$	$< 2.2 \cdot 10^{-16}$	

Таблица 5. Валентностные классы смысловых глаголов в BCCWJ

валентностный класс глагола	-te yaru	-te ageru	-te kudasaru	-te kureru	-te morau	-te itadaku	произвольные глагольные формы
непереходный	11	7	26	18	12	5	31
полунепереходный	3	1	3	4	5	2	14
полупереходный	0	0	0	0	1	1	0
переходный (однообъектный)	57	64	49	51	50	39	42
двухобъектный	26	22	21	26	15	12	13
каузативная форма	3	6	1	1	17	41	0
всего	100	100	100	100	100	100	100
Р-значение для бенефактивной конструкции глагола по сравнению с произвольно взятыми глагольными формами	$1.359 \cdot 10^{-5}$	$8.376 \cdot 10^{-9}$	0.01704	0.002517	$5.419 \cdot 10^{-7}$	$< 2.2 \cdot 10^{-16}$	

относительно небольшая. И в выборке из CSJ, и в выборке из BCCWJ Р-значение для всех вспомогательных глаголов меньше 0,05. Как правило, Р-значение 0,05 и меньше считается достаточно низким для того, чтобы отвергнуть нулевую гипотезу. Вероятность того, что бенефактивная конструкция не накладывает никаких ограничений на переходность, настолько мала, что мы считаем ее несущественной. Таким образом, данные нашей выборки подтверждают, что распределение валентностных фреймов смысловых глаголов в бенефактивных конструкциях статистически значимо отличается от такового в произвольно выбранной совокупности глагольных форм того же объема.

Отдельно отметим большое число примеров с выделенными в самостоятельный класс каузативными формами в конструкциях со вспомогательными глаголами *morau* и *itadaku* (см. таблицы 4 и 5). Конструкция «-(s)asete + *morau* / *itadaku*» — это уже устойчивая формула, употребляемая в пермиссивном (8) либо депрециативном (9) значении, так что всплеск числа вхождений объясняется этим специфическим употреблением:

(8) BCCWJ

o-ukagai-s-ase-te itadak-imas-u
 HON-вопрос-VRB-CAUS-CNV получить-ADR-PRS
 ‘Разрешите осведомиться’

(9) BCCWJ

sorewasorede i-i yume o mi-sase-te itadak-imas-ita
 так.или.иначе хороший-PRS сон ACC видеть-CAUS-CNV получить-ADR-PST
 ‘Так или иначе, мне приснился хороший сон’.

Отличие распределения валентностных классов от распределения произвольно взятых глагольных форм в корпусе статистически значимо для всех вспомогательных глаголов. Но интересно, что самое большое Р-значение мы получаем со вспомогательными глаголами *kureru* и *kudasaru*. Именно для этих двух глаголов распределение валентностных классов ближе к выборке с произвольно взятыми глагольными формами корпуса (то есть ограничение на переходность менее строгое). Это может быть связано с тем, что японский, как было сказано выше, допускает бенефактивные конструкции с непереходными глаголами, когда бенефициант не выражен эксплицитно [Shibatani 1996: 175]. Сибатани так объясняет различие между *yaru* и *kureru*: «...*kureru* ‘давать мне/нам’ допускает выражения, где получатель опущен, предположительно потому что он ориентирован на говорящего по своей природе и, следовательно, получателя почти всегда можно восстановить. Это не так в случае с другим глаголом, *yaru* ‘давать’, который требует эксплицитного упоминания бенефицианта, если только тот не ясен из контекста» [Shibatani 1996: 175]. Иными словами, в высказываниях с *kureru* бенефициантом обычно является сам говорящий (или кто-то к нему психологически близкий), и эксплицитное упоминание бенефицианта не требуется. В случае с *yaru* бенефициантом обычно является второе или третье лицо, которое с большей вероятностью будет эксплицитно названо.

Пример (10) иллюстрирует типичную ситуацию, когда при конструкции с вспомогательным глаголом *kureru* бенефициант не выражен. При этом использован непереходный смысловый глагол.

(10) BCCWJ

Kinō wa o-tomodachi ga o-mimai ni ki-te kure-te,
 вчера TOP HON-друг NOM HON-визит.к.большому DAT **приходить**-CNV **давать**-CNV
hisashiburi ni koe o da-shi, wara-i, tanoshi-i
 спустя.долгое.время DAT голос ACC подавать-CNV смеяться-CNV веселый-PRS
jikan o sugos-u koto ga deki-mash-ita.
 время ACC проводить-PRS NML NOM мочь-ADR-PST
 ‘Вчера друг пришел навестить [меня] во время болезни, и мы впервые за долгое время разговорились, смеялись, очень весело провели время’.

В примерах типа (10) бенефицианта легко восстановить, исходя из ситуации, так что установление связи между выраженностью бенефицианта и допустимостью непереходного глагола может показаться формальным, не имеющим семантического основания. Нет доступных объективных критериев, позволяющих проверить, что объяснение лежит в этой области, но гипотеза Сибатани на данном этапе кажется привлекательной. В рамках своего когнитивного подхода Сибатани приводит как пример гештальт-принципы «хорошего продолжения» и «хорошей формы». По-видимому, если бенефициант выражен, для носителя ожидаемым «хорошим» вариантом будет соответствие когнитивной схеме «давать» (NP1 создает для NP2 возможность обладания NP3) и наличие конкретного объекта передачи. Это делает не-

возможным употреблением непереходного глагола при выраженном бенефицианте и вспомогательных глаголах группы «давать» (*yaru/ageru* и *kureru/kudasaru*).

Хотя распределение валентностных классов в бенефактивной конструкции значительно отличается от такового для произвольно взятых глагольных форм, тем не менее с каждым вспомогательным глаголом нам встретились примеры, где смысловой глагол непереходный. Посмотрим, соответствуют ли эти примеры со вспомогательными глаголами группы «давать» ограничению, при котором бенефициант не должен быть выражен эксплицитно.

Из 900 примеров со всеми вспомогательными глаголами со значением «давать» (*yaru, ageru, kureru, kudasaru*) есть всего два примера, где мы можем заподозрить, что смысловой глагол непереходный, а бенефициант при этом выражен эксплицитно:

(11) [BCCWJ]

sunawachi, kuni no tame no shin-de age-mas-u.
 как.раз страна GEN ради GEN умереть-CNV давать-ADR-PRS
 ‘Как раз ради [своей] страны[-то] я и умру’.

(12) [BCCWJ]

musuko ni itte age-te kure-ru??
 сын DAT идти-CNV давать-CNV давать-PRS
 (Жена мужу:) ‘Сможешь ли [ты сделать мне одолжение и] пойти туда с сыном??’

Однако в примере (11) бенефициант оформлен не с помощью показателя датива *ni*, а с помощью *no tame* «ради», то есть является сирконстантом (ср. *Я купил книгу Маше* и *Я купил книгу для Маши*). Масаёси Сибатани в [Shibatani 1996: 159] в принципе исключает подобные конструкции из своего анализа и ограничивается только «истинными бенефактивами», поясняя, что на конструкции с сирконстантами описанные им ограничения не распространяются.

В примере (12) картина смазана употреблением двух вспомогательных глаголов подряд (наша выборка случайная, поэтому данный пример учтен однократно, только со вспомогательным глаголом *ageru*). Глагол *ageru* описывает действие, направленное от мужа к сыну (от «своего» к «чужому»), а глагол *kureru* — действие, направленное от мужа к автору высказывания (от «чужого» к «своему»). Буквально «Не мог ли бы ты для меня (*более своей, чем ты*) для сына (*более чужого, чем ты*) туда пойти?». Необходимо отметить, что здесь муж и сын говорящей оказываются соответственно «своим» и «чужим» ситуативно, это не абсолютные характеристики. Бенефициант (*musuko*) при конструкции с непереходным смысловым глаголом оказывается выражен эксплицитно, но ограничение на выражение бенефицианта может сниматься именно из-за наличия двух вспомогательных глаголов подряд.

За этим исключением в нашей выборке работает ограничение на употребление непереходных смысловых глаголов со вспомогательными глаголами «давать»: при них бенефициант не выражается эксплицитно.

Наши данные подтверждают ограничение на употребление непереходных смысловых глаголов, предложенное Масаёси Сибатани. Но будь его гипотеза о связи когнитивной схемы «давать» с допустимостью употребления непереходного смыслового глагола универсальна для японских бенефактивов, мы могли бы предположить, что бенефактивная конструкция со вспомогательными глаголами *morau/itadaku* ‘получать’ также наследует когнитивную схему «получать» (N1 получает N3 от N2) от глаголов *morau* и *itadaku* в самостоятельном употреблении. С непереходным смысловым глаголом эта схема не может реализовываться, так как нет объекта передачи. В таком случае в примерах с непереходным смысловым глаголом, по аналогии с бенефактивами со вспомогательными глаголами «давать», должно наблюдаться ограничение на выражение одного из участников ситуации. Так как нас интересует в первую очередь не когнитивная составляющая, а формальное наличие или отсутствие ограничений, мы проверим гипотезу Сибатани для глаголов группы «получать», интерпретировав ее как синтаксически (допустимость косвенного дополнения-бенефактора), так и семантически (допустимость бенефицианта, который в случае с *morau/itadaku* является подлежащим).

Для симметричности подхода к конструкциям с вспомогательными глаголами «давать» и «получать» добавим, что возможность выражать бенефактора в конструкциях с глаголами группы «давать» при непереходном глаголе не подвергается сомнению как в известной нам литературе (ср., например, [Iwasaki 2013: 183]), так и эмпирически (см. пример (10)).

Сначала проверим допустимость эксплицитного выражения бенефактора. В BCCWJ с вспомогательными глаголами «получать» встречаются два примера с *morau*, в которых ограничений на выражение бенефактора не видно; вот один из них:

(13) BCCWJ

asa kara jyosi ni ki-te morat-te meiku no rensyū-si-te-mas-ita yo
 утро от девушка DAT прийти-CNV получить-CNV макияж GEN практика-VRB-CNV-AUX:ADR-PST PRT
 ‘С утра девушки пришли [для меня], и я практиковалась в макияже’.

В CSJ встречаются два примера с *itadaku*, где также без ограничений выражен бенефактор:

(14) *hokoosha no kata ni mo tomat-te itada-ite*

пешеход GEN человек DAT тоже остановиться-CNV получить-CNV
 ‘И пешеход тоже остановился [для меня]’.

Таким образом, даже с непереходными смысловыми глаголами при *morau* и *itadaku* нет ограничений на выражение бенефактора. Теперь рассмотрим возможное ограничение на выражение бенефицианта. Нам встретился единственный пример, из BCCWJ, где с непереходным смысловым глаголом выражен бенефициант:

(15) BCCWJ

choppaa ga hakone ni it-te ki-te mora-u
 Чоппер NOM Хаконэ DAT идти-CNV AUX.DIR-CNV получать-PRS
 Букв. ‘Пусть [кто-то] съездит в Хаконэ для Чоппера’.

Но на основании опроса носителей мы считаем, что это ошибка (вместо показателя номинатива *ga* должен быть показатель датива *ni*, делающий Чоппера бенефактором). В таком случае пример будет переводиться как ‘Пусть Чоппер съездит [для нас] в Хаконэ’. Таким образом, в нашей выборке не встретились случаи, где бенефициант был бы выражен в конструкции с непереходным смысловым глаголом и *morau/itadaku*. Однако носители рассматривают оба следующих примера как в равной степени допустимые:

(16) *shujin ga tomodachi ni mukae ni ki-te morat-ta*

муж NOM друг DAT встреча DAT приходить-CNV получать-PST
 ‘Друг приехал встретить мужа’.

(17) *tomodachi ni mukae ni ki-te morat-ta*

друг DAT встреча DAT приходить-CNV получать-PST
 ‘Друг приехал встретить [мужа]’ (бенефициант известен из контекста).

Аналогичный пример, но с подлежащим, оформленным показателем топики *wa*, предлагает нам и японский онлайн-словарь [Weblio]: *Watashi wa ani ni mukae ni kite moratta* ‘Старший брат приехал меня встретить’. Вероятно, в нашей выборке не встретились случаи с непереходными глаголами при *morau* и *itadaku* и выраженным бенефициантом, так как обычно бенефициантом в этом случае является сам говорящий. Но другие источники не подтверждают наличие ограничений на выраженность бенефицианта при непереходном глаголе с *morau/itadaku*.

Заключение

В данном исследовании нам удалось доказать с помощью количественного анализа корпусных данных, что распределение валентностных классов смысловых глаголов в бенефактивных конструкциях значимым образом отличается от распределения валентностных классов произвольно взятых глагольных форм в рассматриваемых подкорпусах. Иначе говоря, наши данные указывают, что выбор смыслового глагола зависит от ограничений, накладываемых бенефактивной конструкцией на переходность глагола.

Наш анализ согласуется с обсуждавшимся в работах [Shibatani 1994, 1996] наблюдением, в соответствии с которым употребление непереходного смыслового глагола в бенефактивных конструкциях со вспомогательными глаголами со значением «давать» затруднено, но оказывается допустимым, если при них не выражен бенефициант. Масаёси Сибатани, пытаясь объяснить этот феномен, опирался на семантические аргументы, которые он формулировал в терминах когнитивной схемы «давать».

Мы попытались развить эту концепцию и найти аналогичные ограничения для конструкций со вспомогательными глаголами *morau* и *itadaku* («получать»), но нам не удалось подтвердить их наличие. Мы не ставили перед собой задачу оценить использование когнитивных схем для описания бенефактивных конструкций с общетеоретической точки зрения, но в рамках нашего эксперимента универсальность данного подхода не подтвердилась. Для бенефактивов с глаголами группы «получать» необходим поиск других ограничений, связанных с переходностью.

Таким образом, в нашей работе ограничения на переходность смысловых глаголов в японских бенефактивных конструкциях были впервые проверены количественно на корпусных данных, но в этом направлении требуются дальнейшие исследования — как контрастные с использованием данных других языков, так и на японском материале, в особенности для глаголов *morau* и *itadaku*.

Сокращения

Глоссы

ACC — аккузатив	INSTR — инструменталис
ADR — адрессив	NML — субстантиватор
AUX — вспомогательный глагол	NOM — номинатив
CAUS — каузатив	POT — потенциалис
CNV — деепричастие	PRS — настоящее-будущее время
DAT — датив	PRT — частица
DIR — директивный вспомогательный глагол	PST — прошедшее время
GEN — генитив	TOP — топик
HOR — гоноратив	VRB — вербализатор

Условные обозначения, используемые в валентностных фреймах

ABL — аблатив	LOC — локатив
ACC — аккузатив	NOM — номинатив
DAT — датив	UTT — содержание высказывания
INSTR — инструменталис	V — глагол

Литература

- Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008 — *Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И.* Теоретическая грамматика японского языка. М., 2008. {*Alpatov V. M., Arkadyev P. M., Podlesskaya V. I.* Theoretical Grammar of Japanese. Moscow, 2008.}
- Икэхара и др. 1997 — *Икэхара С., Миядзаки М., Сираи С., Ёко А., Накаива Х., Огуро К., Оояма Ё., Хаяси Ё.* Нихонго гои тайкэй [Словарь японской лексики]. Токио, 1997. {*Ikehara S., Miyazaki M., Shirai S., Yokoo A., Nakaiwa H., Ogura K., Ooyama Y., Hayashi Y.* Goi-Taikai — A Japanese Lexicon. Tokyo, 1997.}
- Подлесская 1993 — *Подлесская В. И.* Сложное предложение в современном японском языке: материалы к типологии полипредикативности. М., 1993. {*Podlesskaya V. I.* The Complex Sentence in Modern Japanese: Materials for a Typology of Polypredicative Constructions. Moscow, 1993.}
- Холодович 1979 — *Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 82—91. {*Kholodovich A. A.* Problems of grammatical theory. Leningrad, 1979. P. 82—91.}
- Iwasaki 2013 — *Iwasaki S.* Japanese. Amsterdam, 2013. P. 179—186.
- Kishimoto, Kageyama, Sasaki 2015 — *Kishimoto H., Kageyama T., Sasaki K.* Valency classes in Japanese // Valency classes in the world's languages. Berlin — Boston, 2015. P. 765—805.
- Kuno, Kaburaki 1977 — *Kuno S., Kaburaki E.* Empathy and syntax // Linguistic inquiry. 1977. Vol. 8. № 4. P. 627—672.
- Levin 1993 — *Levin B.* English verb classes and alternations: A preliminary investigation. Chicago, 1993.
- Pardeshi 1998 — *Pardeshi P.* A contrastive study of benefactive constructions in Japanese and Marathi // Japanese language education around the globe. 1998. Vol. 8. P. 141—165.
- Sawada 2007 — *Sawada J.* Nihongo no jujukoobun ga arawasu onkeisei no honsitsu: '-te kureru' koobun no juekisyu o tyuusin tosite [Japanese Benefactive Constructions and the Nature of Benefaction: Mainly Concerning the Beneficiary in the Te-kureru Construction] // Journal of Japanese grammar. 2007, 7 (2). P. 27—60.
- Shibatani 1994 — *Shibatani M.* Benefactive constructions: A Japanese-Korean comparative perspective // Japanese/Korean Linguistics. 1994, 4. P. 39—74.
- Shibatani 1996 — *Shibatani M.* Applicatives and benefactives: A cognitive account // Grammatical constructions: Their form and meaning. Oxford, 1996. P. 157—194.
- Torita 2011 — *Torita K.* Teyaru no imibunseki: hionkei o arawasu to sareru teyaru o chuushin ni [Analysis of the meaning of *-te yaru*: focusing on the malefactive *-te yaru*] // Gengogaku ronsou. 2011, 4. P. 16—28.

Yamada 1999 — *Yamada T.* Temorau jyuekibun no ugokikakesei o megutte [On the causativity of *-te morau* construction] // *Oosaka nihongo kenkyu* 11. 1999. P. 37—57.

Yamada 2005 — *Yamada T.* Nihongo no benefakutibu: te yaru te kureru te morau no bunpou [Japanese benefactives: the grammar of *-te yaru*, *-te kureru* and *-te morau*] // *Nihongo no kenkyuu*. 2005. P. 201—207.

Источники

BCCWJ — *Gendai nihongo kakiketoba kinkō kōrasu Chūnagon* [Тюнагон: сбалансированный корпус современного письменного японского языка]. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/> (Дата обращения 06.02.2021)

CSJ — *Nihongo hanashiketoba kōrasu* [Корпус устной японской речи]. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/csaj/> (Дата обращения 06.02.2021)

ValPal — *Kishimoto H., Kageyama T.* Japanese (standard) Valency Patterns // *Valency Patterns Leipzig*, 2013. URL: <http://valpal.info/languages/japanese-standard/> (Дата обращения 06.02.2021)

Weblio — *Weblio waei eiwa jiten* [Японско-английский англо-японский словарь Weblio]. URL: <https://ejje.weblio.jp/sentence/content/I+had+my+older+brother+come+pick+me+up.> (Дата обращения 06.02.2021)

Некоторые уточнения к интерпретации данных обдорского ненецкого словаря

(ответ на статью П. И. Ли «Графический анализ вокализма первого слога
в ненецких словарях из архива А. М. Шёгрена»
// УАИ, 1 (40), 2021. С. 47—60)

Иткин Илья Борисович, Институт востоковедения РАН, НИУ Высшая школа экономики (Москва); ilya.borisovich.itkin@gmail.com
Переверзева Светлана Игоревна, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); P_Sveta@hotmail.com

Настоящая статья содержит ряд уточнений к интерпретации данных обдорского ненецкого словаря (Об), предложенной в работе [Ли 2021]. В первой части статьи показано, что знаки акута и грависа использовались в Об для обозначения ударения, и дано описание акцентной системы памятника. Сравнение акцентуации двусложных имен, представленных в Об, с данными ямальского диалекта дает основания полагать, что расстановка акцентных знаков в словаре отражает определенную фонетическую реальность.

Вторая часть статьи посвящена употреблению в Об протетических согласных графем (*n*, *nj*, *ng*, *m*, *g*). Графемы *n* и *nj* отражают мягкое **n̥*-, которое представлено перед исконными передними гласными; графемы *ng*, а также *m* (только в слове *mum* ‘трава’) и *g* (только в слове *gyn* ‘лук (оружие)’) отражают заднеязычное **ŋ*- и встречаются перед задними гласными, что соответствует закономерности, отмеченной в статье [Hajdú 1954]. При этом ряд слов с начальным задним гласным выступает в Об без протезы, ср. *amsà* ‘мясо’, но *ngob* ‘один’; *udà* ‘рука’, но *ngaiwa* ‘голова’. Мы предположили, что протетический согласный появляется при наличии ударения на первом слоге. В качестве еще одного редкого примера ненецкого говора, в котором наблюдается колебание *ŋ*- ~ Ø, был рассмотрен устьинский говор. Для него кажется правдоподобным следующее распределение: вариант с *ŋ* представлен в непроемных глаголах, вариант с Ø — во всех остальных случаях, ср. *ŋam, Dʒʹə*, ‘есть’, но *am, Dʒp* ‘мясо’. Существование «без-*ŋ*-овых» говоров, упоминаемых в [Hajdú 1954], и таких «гибридных» идиомов, как говор Об и устьинский говор, на наш взгляд, не может объясняться вторичной утратой **ŋ*-; тем самым, в ненецких словах с начальным *ŋ*- как на уровне праненецкого, так даже и на уровне пратундрового ненецкого следует восстанавливать именно вокалический, а не носовой анлаут.

Ключевые слова: ненецкий язык, обдорский словарь, ямальский диалект, ударение, носовой протетический согласный, вокалический анлаут, А. М. Шёгрэн

**SOME CLARIFICATIONS TO THE INTERPRETATION OF THE DATA
OF THE OBDORSK NENETS DICTIONARY**

(REPLY TO THE ARTICLE OF P. I. LI “THE GRAPHIC ANALYSIS OF THE FIRST SYLLABLE
VOWEL SYSTEM IN NENETS DICTIONARIES FROM A. M. SJÖGREN’S ARCHIVE” //
URAL-ALTAIC STUDIES. 2021, 1 (40). P. 47—60)

Ilya B. Itkin, Institute of Oriental Studies, RAS, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow);
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Svetlana I. Pereverzeva, Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); P_Sveta@hotmail.com

The article contains some clarifications to the interpretation of the data of the Obdorsk Nenets Dictionary (Ob) proposed in [Li 2021]. In the first part of the article, we show that the acute and grave marks were used in Ob to denote stress, and we provide a description of the accent system of the monument. Comparison of the accentuation of two-syllable names in Ob with the data of the Yamal dialect suggests that the placement of accent marks in the dictionary reflects a certain phonetic reality.

The second part is devoted to the use of the prosthetic consonant graphemes (*n*, *nj*, *ng*, *m*, *g*) in Ob. The graphemes *n* and *nj* reflect the palatal **n̥*-, which appears before the original front vowels; the graphemes *ng*, as well as *t* (only in *mum* ‘grass’) and *g* (only in *gyn* ‘bow’) reflect the velar **ŋ*- and appear before the back vowels. This rule was formulated in the article [Hajdú 1954]. In Ob, several words with an initial back vowel do not have a prosthesis, cf. *amsà* ‘meat’ vs. *ngob* ‘one’, *udà* ‘hand’ vs. *ngaiwa* ‘head’. We suggest that the prosthetic consonant appears if the first syllable is stressed. We also consider the Ustyinsky dialect, which is another rare example of the Nenets dialect with the *ŋ*- ~ Ø variation. The plausible hypothesis is that in this dialect, *ŋ*- is presented in non-derivative verbs, and Ø is presented in other cases, cf. *ŋam, Dʒʹə*, ‘to eat’ vs. *am, Dʒp* ‘meat’. The existence of “*ŋ*-less” dialects mentioned in [Hajdú 1954] and of such “hybrid” idioms as the Ob and Ustyinsky dialect presumably cannot be explained by the secondary loss of **ŋ*-; thus, in Nenets words with initial *ŋ*- both for Proto-Nenets and even for Proto-Tundra Nenets, the vocal, but not the nasal, anlaut should be reconstructed.

Keywords: Nenets language, Obdorsk Nenets dictionary, Yamal dialect, stress, nasal prosthetic consonant, vocal anlaut, A. M. Sjögren

Введение

Статья П. И. Ли посвящена особенностям графического отображения гласных первого слога в словарях пустозерского (Пуст) и обдорского (Об) диалектов ненецкого языка из архива А. М. Шёгрена [Шёгрэн 1825—1852, 1899]. Материал этих словарей, впрочем, ставит перед исследователями и ряд других вопросов, в том числе касающихся используемой А. М. Шёгреном нотации. П. И. Ли приводит некоторые такие случаи, не предлагая их сколь-нибудь подробного анализа.

Так, автор статьи отмечает, что в обдорском словаре представлены «три способа передачи начального /ŋ/ <...> В большинстве примеров /ŋ/ отсутствует, как и в (прасамодийских. — И. И., С. П.) реконструкциях: Об **amdürtsche** ‘стул’, Об **arkà** ‘большой’, Об **amsà** ‘мясо’, Об **anù** ‘лодка’. В двух словах используется сочетание **ng**: Об **ngai** ‘ноги’; <...> Об **ngaiwa** ‘голова’ <...> В одном слове (Об **gyn** ‘лук (оружие)’) — графема **g** без отражения назализованности звука» [Ли 2021: 60]. Справедливо указывая на то, что «запись без начальной /ŋ/ частотнее» [там же], автор не рассматривает факторы, которыми могла бы быть обусловлена такая вариативность. Кроме того, процитированные утверждения нуждаются по меньшей мере в двух поправках: во-первых, начальное /ŋ/ в обдорском словаре передается не тремя, а четырьмя способами (ср. Об **mum** ‘трава’ < ПНенец. **ɣum*¹, где /ŋ/ соответствует графема *m*); во-вторых, сочетание **ng** используется для передачи начального /ŋ/ не в двух, а в четырех (или пяти) словах: к **ngai** ‘ноги’ и **ngaiwa** ‘голова’ необходимо добавить лексемы **ngeépta** ‘волосы’ (и производное от него **ngeépte-perritsch** ‘ножницы’) и **ngob** ‘один’.

П. И. Ли обращает внимание на две «серии графем», передающих рефлекс гласных: наряду с «обычными» гласными в памятнике фигурируют также гласные **á**, **é**, **eé**, **í**, **ú**. Заметим, что, если быть последовательным, этот список следовало бы пополнить: ср. пару «**nár* ‘красный’ [SW: 107] → Об **njárkana** ‘красный’» [Ли 2021: 56], в которой ПС **á* соответствует Об **á**. На наш взгляд, такое представление обдорского материала лишь затемняет и запутывает реальное положение дел: знак **á** не обозначает какие-либо «особые гласные» обдорского диалекта, а представляет собой обычный знак ударения. В пользу этой гипотезы, помимо общих соображений здравого смысла, говорит то обстоятельство, что диакритические знаки практически никогда не встречаются в односложных словах. Исключение составляют только слово **châd** ‘буря’ (знак **â** более нигде в Об не используется) и два композита **né-nju** ‘дочь’ (букв. ‘женщина-ребенок’) и **tet-siù** ‘месяц’ (букв. ‘четыре-семь’), почти наверняка представляющие собой единое фонетическое слово.

В настоящей статье мы надеемся исправить некоторые неточности, допущенные П. И. Ли в представлении материала обдорского словаря, а также уточнить и дополнить ее наблюдения, связанные, во-первых, с употреблением диакритических знаков при гласных графемах, во-вторых, с особенностями отражения начального **ŋ*-.

1. Акцентная система обдорского словаря

1.1. Акут и гравис

Акцентная система ненецкого языка отличается сложностью и является предметом оживленных дискуссий — см., в частности, [Амелина 2011: 9—11]. Ниже дается краткое описание системы ударения в Об, которая ранее, насколько нам известно, никем не рассматривалась.

Прежде всего, необходимо оговорить, что ключевой для описания акцентных закономерностей вопрос о том, из скольких слогов состоит то или иное слово, применительно к Об нередко далек от очевидного ответа: латинские транскрипции изобилуют сочетаниями из двух и даже трех гласных букв, за которыми может стоять весьма различная фонетическая реальность. Мы исходим из того, что сочетания типа *Vi*, *Vu* (**póibi** ‘темный’, **chánnauwai** ‘ястреб’, **púggutseu** ‘жена’ и т. д.), а также представленные единичными примерами сочетания *ee*, *ie* и *eü* в **ngeépta** ‘волосы’, **piéku** ‘горноста́й’ и **pebéü** ‘младший брат’ произносятся в один слог, а сочетания типа *ViV*, *VuV* (**npúie** ‘нос’, **njáua** ‘заяц’) — в два слога. Такое решение, как кажется, хорошо поддерживается внешним обликом соответствующих словоформ в других ненецких диалектах. О проблемах, связанных с определением количества слогов в словах **pírritschê** ‘высокий’, **mánjjêm** ‘вижу’ и **our** ‘есть’, см. специально ниже.

Для обозначения ударения используются два знака — акут (´) и гравис (˘), — между которыми наблюдается распределение, близкое к дополнительному: акут ставится в последнем слоге слова, гравис —

¹ Праненецкие формы приводятся по словарю Е.А. Хелимского [Хелимский (рук.)] в том виде, в каком он представлен в базе данных LingvoDoc (<http://lingvodoc.ispras.ru>).

в последнем². Первое из этих правил вообще не имеет исключений, от второго встречаются единичные отклонения, а именно:

— в словах на *-Vi (-Vü)* отмечается колебание, ср. **nenài** ‘серебро’, **jedüi** ‘кишки’, **jinginièi** ‘росомаха’, но **sanüi** ‘сырой, влажный, мокрый’, **chasüi** ‘сухой’, **pebéü** ‘младший брат’;

— слово **parridé** ‘черный’ записано с акутом. Кроме того, в статье [Ли 2021: 58] слово ‘низкий’ приведено в виде **lamdü**, однако сверка по фотографии, любезно предоставленной нам М. П. Безеновой, показывает, что знак ударения над *u* подвергся правке, вероятнее всего, состоявшей как раз в замене акута на гравис.

Знаки ударения употребляются непоследовательно: более трети односложных словоформ (по приблизительным подсчетам) их не имеют. Хотя высказывалось мнение о том, что в ненецком языке «существуют слова, произносимые вообще без ударения» [Терещенко 1993: 328], такие примеры в Об, на наш взгляд, не отражают некий третий тип акцентуации, отличный и от баритонезы, и от окситонезы, а являются просто следствием недостаточно тщательной записи (а в каких-то случаях, возможно, неуверенности автора словаря). Так, одно и то же слово ‘луна, месяц’ в качестве перевода лат. *luna* записано в словаре в виде **jirri**, а несколькими строками ниже в качестве перевода лат. *mensis* — в виде **jirri**. Ср. еще **sámbeljänk** ‘пять’, но **sambeljank-ju** ‘пятьдесят’, см. также ниже о форме **járingam** ‘плачу’. Такую трактовку косвенно подтверждает и сравнение с данными современного ямальского диалекта (см. ниже). Таким образом, неакцентуированные словоформы не рассматриваются нами систематически, но могут привлекаться к анализу в случае необходимости.

Обдорский словарь включает в себя односложные, двусложные, трехсложные и четырехсложные слова. Односложные слова, как уже говорилось выше, за одним-единственным исключением не несут на себе знака ударения и далее рассматриваться не будут. Бесспорно четырехсложных словоформ в Об всего две: одна из них, **marinánne** ‘птица’, имеет ударение на третьем слоге, другая — **tassedenna** ‘синий, желтый, зеленый’ — не акцентуирована. Разумеется, никаких выводов на основании этих двух примеров сделать нельзя.

Среди односложных слов особую проблему составляют те, которые — например, в силу их дефисного написания в памятнике — можно условно охарактеризовать как «компози́ты». Кажется несомненным, что в действительности список таких единиц неоднороден — в частности, некоторые из них, в отличие от приведенных выше лексем **né-nju** ‘дочь’ и **tet-siü** ‘месяц’, представляют собой свободные сочетания. Об этом свидетельствуют в том числе случаи, когда обе части такого ‘компози́та’ имеют собственное ударение — ср., например, **njudè-tannèm** ‘холм’ (букв. ‘маленький-бугор’). Соответственно, акцентуация «компози́тов» как таковая нами не рассматривается — мы привлекаем для анализа только отдельные их части и только тогда, когда они приносят ту или иную новую информацию об ударении по сравнению с «простыми» словами.

1.2. Двусложные слова

Двусложные слова с ударением на начальном слоге:

chády ‘ель’, **jédde** ‘котел’, **límbé** ‘орел’, **ngeépta** ‘волосы’, **téptan** ‘завтра’, **chóroi** ‘лебедь’, **súje** ‘жеребенок’, **jése** ‘железо’, **píse** ‘мышь, крыса’, **piéku** ‘горностай’, **cháru** ‘лиственница’, **njáua** ‘заяц’, **lána** ‘говорить’, **tábe** ‘глина’, **tóse** ‘соболь’, **nébe** ‘мать’, **npúie** ‘нос’ (возможно, описка вместо *púie*, ср. Пуст **пые**, т. нен. **пыя** тж. [Терещенко 1965: 499]), **sárnu** ‘яйцо’, **nése** ‘отец’, **chálle** ‘рыба’, **chúpte** ‘свинец, цинк’, **wénnu** ‘корень’, **chámdu** ‘слуга’, **númge** ‘звезда’, **jéna** ‘осетр’, **póibi** ‘темный’, **gárden** ‘город’, **pánni** ‘парка’;

ср. также части «компози́тов»:

-jánga ‘отдельный, особый; обозначение десятка в составе числительных 11—19’ (**sidde-jánga** ‘двенадцать’); **jétti-** ‘самка’ (**jétti-junne** ‘кобыла’); **-néka** ‘старший брат (?)’ (**ni-néka** ‘старший брат’; подробнее об этом слове см. ниже, сн. 8); **-sérpjä** ‘дорога, путь’ (**nedorma-sérpjä** тж.); **-jélle** ‘день’ (**teda-jélle** ‘сегодня’, **njárundi-jélle** ‘позавчера’, но ср. **jellè** ‘день’).

² Эта традиция, по-видимому, восходит к церковнославянской или даже напрямую к древнегреческой системе обозначения ударения: «Острое ударение на последнем слоге слова, находящегося в середине синтагмы, изменялось, что на письме отражалось постановкой тяжелого, или тупого, ударения ` вместо острого в конце слов» («Википедия», ст. «Древнегреческий язык»). Те же принципы обозначения ударения характерны и для памятников XIX в., написанных на языках различных народов России, — например, для чувашского перевода Евангелия от Матфея (1820), см. статью [Савельев 2021], и марийских «Начатков христианского учения...» (1841), см. [Ключева 2021].

Двусложные слова с ударением на конечном слоге:

nebỳ ‘утка’, **marrà** ‘песок’, **nenài** ‘серебро’, **udà** ‘рука’, **jubò** ‘теплый’, **amsà** ‘мясо’, **tiddi** ‘кедр’, **siddè** ‘два’, **jebèm** ‘пьяный’ (ср. тж. **jebè-ji** ‘вино’, букв. ‘пьяная вода’), **jellè** ‘день’ (но ср. **teda-jèlle** ‘сегодня’, **njärumdi-jèlle** ‘позавчера’), **pebéü** ‘младший брат’, **titschè** ‘холодный’, **hurkò** ‘вожжи’, **sanúi** ‘сырой, влажный, мокрый’, **lamdù** ‘низкий’ (см. выше), **jedùi** ‘кишки’, **chobà** ‘постель’, **jirri** ‘луна (luna)’, **arkà** ‘большой, крупный’, **chalmèr** ‘мертвый’, **anù** ‘лодка’, **sirrè** ‘снег’, **nudè** ‘маленький’, **partschük** ‘penis’, **sarù** ‘дождь’, **nerò** ‘ива’, **chasúi** ‘сухой’, **mundsju** ‘молчать!’;

ср. также части ‘композигов’:

-tannèm ‘бугор, гребень’ (**njudè-tannèm** ‘холм’, **sjädde-tannèm** ‘гора’); (?) **-tarkà** ‘отросток’ (**udà-aarkà** ‘палец’ (описка вм. *udà-tarkà?* Ср. *удатарка* в Пуст)); **amè-** (**amè-ji** ‘молоко’).

1.3. Трехсложные слова

Трехсложные слова с ударением на начальном слоге:

chännauwai ‘ястреб’, **njärnenna** ‘вперед’, **nérowa** ‘медь, бронза’, **chónengu** ‘спать’, **jällema** ‘светлый, яркий, ясный’, **sáwotsche** ‘шапка’, **játtame** ‘уголь’, **néduku** ‘девочка; мальчик’, **sámbeljänk** ‘пять’, **púnjäna** ‘назад’, **njärkana** ‘красный’, **tárreku** ‘белка’, **pádengu** ‘писать’, **páusema** ‘поздно’, **púggutseu** ‘жена’, **páusemja** ‘вечер’;

ср. также часть ‘композигов’:

mókoda- ‘верхняя часть чума’ (**mókoda-si** ‘окно’, букв. ‘верхняя дыра’ (так в Об)).

Трехсложные слова с ударением на конечном слоге:

pirritschè ‘высокий’ (возможно, реально двусложное; см. ниже), **jinginèi** ‘росомаха’, **parridé** ‘черный’, **tongutschè** ‘деревня’;

ср. также части ‘композигов’:

tehejùm- ‘тот дальний (из двух)’ (**tehejùm-jellene** ‘послезавтра’), **chaibidò-** ‘священный’ (**chaibidò-sermik** ‘медведь’, букв. ‘святой зверь’ (так в Об))

1.4. Особые случаи

Две словоформы 1 л. ед. ч. **mánjjèm** ‘вижу’ и **pésidàm** ‘смеюсь’ записаны с двумя знаками ударения — на первом и последнем слоге. Поскольку наличие двух одинаково оформленных примеров исключает вероятность описки, можно думать, что, наоборот, отсутствие грависа в форме **járingam** ‘плачу’ представляет собой случайный пропуск.

1.5. Некоторые наблюдения

Двусложные слова с ударением на первом и на втором слоге образуют две практически равные группы (около 30 лексических единиц в каждой)³. Никакой очевидной зависимости места ударения от структуры основы, качества гласной и т. д. материал Об не демонстрирует: ср. такие «минимальные пары», как **cháru** ‘лиственница’ — **sarù** ‘дождь’ или **chámdu** ‘слуга’ — **lamdù** ‘низкий’, полностью соответствующие трактовке ненецкого ударения как свободного.

При этом, однако, имеется два фактора, как кажется, существенно повышающих вероятность постановки ударения на второй слог:

1) исход основы на согласный или дифтонг (соотношение примеров окситонезы и баритонезы 9:3): **nenài** ‘серебро’, **jebèm** ‘пьяный’, **pebéü** ‘младший брат’, **sanúi** ‘сырой, влажный, мокрый’, **jedùi** ‘кишки’, **chalmèr** ‘мертвый’, **partschük** ‘penis’, **chasúi** ‘сухой’, **-tannèm** ‘бугор, гребень’ || **téptan** ‘завтра’, **chóroi** ‘лебедь’, **gárden** ‘город’ (< русск. ?);

2) принадлежность к числу прилагательных (соотношение 9:1 (!)): **jubò** ‘теплый’, **jebèm** ‘пьяный’, **titschè** ‘холодный’, **sanúi** ‘сырой, влажный, мокрый’, **lamdù** ‘низкий’, **arkà** ‘большой, крупный’, **chalmèr** ‘мертвый’, **nudè** ‘маленький’, **chasúi** ‘сухой’ || **póibi** ‘темный’.

Если оба эти фактора действительно релевантны, у прилагательных **jebèm**, **sanúi**, **chalmèr** и **chasúi** представлено их сочетание.

³ Уникальное двусложное слово с двумя знаками ударения — **mánjjèm** ‘вижу’, — возможно, в действительности является трехсложным с очень кратким вторым гласным (ср. трехсложное тундр. ненец. *манне(сь)* ‘видеть’ [Терещенко 1965: 229]).

Обращает на себя внимание отсутствие среди баритонированных двусложных слов примеров с умлаутом в первом слоге. Среди не акцентированных двуслогов таких слов целых 7: **jäptu** ‘гусь’, **wübe** ‘лист’, **njämi** ‘язык (орган)’, **pürre** ‘щука’, **njárka** ‘ива’, **njähar** ‘три’, **tjüne** ‘лиса’; можно думать, что автор Об избегал сочетания диакритик. Поскольку, однако, и среди окситонированных двусложных, и среди баритонированных трехсложных слов примеры постановки знака ударения над умлаутированным гласным есть — ср. **jubö** ‘теплый’, **njärnenna** ‘вперед’, **njärkana** ‘красный’, — не исключено, что речь все же идет о простой случайности.

В трехсложных словах ударение может стоять либо на первом, либо на последнем слоге, но никогда — на втором (это ограничение подтверждает правильность трактовки формы **pebéü** ‘младший брат’ как двусложной). Такую картину трудно не связать с тем хорошо известным фактом, что «[в] многосложных словах Т ненец. помимо основного ударения отмечается также второстепенное (дополнительное, побочное) — обычно на третьем слоге, если основное падает на первый» [Амелина 2011: 11].

Модель с ударением на первом слоге является абсолютно преобладающей — 17 примеров против 5 или 6 (количество слогов в прилагательном **pirritschè** ‘высокий’ неясно). Можно видеть, что почти для всех трехсложных окситонов опять-таки актуален один из двух только что названных факторов: **jinginèi** ‘росомаха’ заканчивается на дифтонг, **tehejùm-** ‘тот дальний (из двух)’ — на согласный, **parridé** ‘черный’ и **chaibidò-** ‘священный’ (как и **pirritschè**) — прилагательные. Единственное исключение составляет слово **tongutschè** ‘деревня’, явно содержащее в своем составе суффикс **-tsche** (возможно, диминутивный по происхождению).

1.6. Сравнение с данными ямальского диалекта

В [Амелина 2011: 14—21] приводятся сведения об акцентуации 80 двусложных имен в ямальском диалекте тундрового наречия ненецкого языка (Т ямал.). Ниже для каждой лексемы из работы М. К. Амелиной, для которой мы смогли найти точное соответствие в Об, приводятся сведения об ее акцентуации в каждом из двух источников:

Об не акцентуировано — Т ямал. баритонеза:

Об **ngaiwa** ‘голова’ ~ Т ямал. *нэ́wa* тж.

Об **padu** ‘щеки’ ~ *па́ду* ‘щека’

Об не акцентуировано — Т ямал. окситонеза:

Об **pasÿ** ‘суннус’ ~ Т ямал. *па́сы* тж.

Об **chaier** ‘солнце’ ~ Т ямал. *ча́йэр?* тж.

Об баритонеза — Т ямал. баритонеза:

Об **chälle** ‘рыба’ = Т ямал. *ча́л’а* тж.

Об **wénnu** ‘корень’ = Т ямал. *ва́но* тж.

Об **chády** ‘ель’ = Т ямал. *ча́ды* тж.

Об **njáua** ‘заяц’ = Т ямал. *на́ва* тж.

Об **jése** ‘железо’ = Т ямал. *жэ́с’а* ‘железо; металл’

Об **-néka** ‘старший брат (?)’ = Т ямал. *на́эка* ‘старший брат; дядя, младший брат отца’

Об окситонеза — Т ямал. окситонеза:

Об **chalmèr** ‘мертвый’ = Т ямал. *чалм’эр* ‘покойник’

Об **sirrè** ‘снег’ = *сыра́* ‘снег; зима’

Об **tiddi** ‘кедр’ = Т ямал. *тыдэ́(?)* тж.

Об **siddè** ‘два’ = Т ямал. *с’ид’а́* ‘два, две, двое’

Об **lamdù** ‘низкий’ = Т ямал. *ла́мдо́* тж.

Об окситонеза — Т ямал. баритонеза:

Об **chobà** ‘постель’ ≠ Т ямал. *чо́ба* ‘шкура; поверхность ч.-л.’

Об **nerò** ‘ива’ ≠ Т ямал. *на́эро* ‘ивняк, тальник’

Об **jellè** ‘день’ (но в композитах **-jélle**) ≠ Т ямал. *жа́л’а* ‘день; свет, освещение’

Об **pirritschè** ([pɪr’ɕ’éʔ]) ‘высокий’ ≠ Т ямал. *на́ур’ч’а* тж.

также

Об **udà** ‘рука’ ≠ Т ямал. *у́да* тж. (лексема отсутствует в сводной таблице, но приведена в [Амелина 2011: 10]; при этом М. К. Амелина отмечает, что слово ‘рука’ относится к подвижной акцентной парадигме, ср. *уудáр* ‘твоя рука’ [там же])

(Суффиговая форма Об **sáwotsche** ‘шапка’ не может быть напрямую сопоставлена с Т ямал. *sáwá* ‘капюшон (малицы); шапка’.)

Как видно, лексемы, оставшиеся в Об неакцентуированными, в Т ямал. не обнаруживают никакой акцентной специфики и могут относиться как к баритонам, так и к окситонам. Это служит дополнительным аргументом в пользу трактовки таких лексем в Об просто как результата неполноты записи.

Что касается тех случаев, когда в Об ударение проставлено, имеющийся материал, безусловно, недостаточен для каких-либо надежных статистических подсчетов. Тем не менее полное отсутствие примеров четвертого потенциально возможного типа (‘Об баритонеза — Т ямал. окситонеза’) дает основания полагать, что расстановка акцентных знаков в обдорском словаре действительно отражает (пусть, возможно, с некоторыми неточностями) определенную фонетическую реальность, соотношение которой с данными современных ненецких диалектов еще предстоит выяснить.

2. Протетические согласные в обдорском словаре

В своей классической статье, посвященной неэтимологическим начальным согласным в самодийских языках, П. Хайду отмечает для ненецкого языка следующее фонетическое распределение: перед исконными начальными непредними гласными встречаются *ŋ* или *Ø* (ноль звука), перед исконными начальными передними — всегда *ŋ* [Hajdu 1954: 66].

Это распределение отражает и обдорский словарь. Для обозначения протетического согласного перед палатальным гласным используются графемы **n** и **nj** (по-видимому, взаимозаменяемые, ср. пару **nudè** ~ **njudè-tannèm**):

ö* ‘дверь’ [SW: 29] → Об **nju ‘дверь’⁴

emä* ‘мать’ [SW: 23] → Об **nébe ‘мать’

äŋ-* ‘рот’ [SW: 20] → Об **njän ‘рот’

üçä* ‘маленький’ [SW: 31] → Об **nudè ‘маленький’; Об **njudè-tannèm** ‘холм’ (букв. ‘маленький бугор’)⁵

ejsä* ‘отец’ [SW: 22] → Об **nése ‘отец’

etä* ‘путь, след’ [SW: 24] → Об **nedorma-sérpjä ‘дорога, путь’

enäjê* ‘правильный’ [SW: 23] → Об **nenatsche ‘человек’; Об **nenài** ‘серебро’⁶
возможно, также

inä* ‘старший брат’ [SW: 27] → Об **ni-néka ‘старший брат’

äpâ* ‘старшая сестра’ [SW: 21] → Об **ne baku ‘старшая сестра’⁷.

Для обозначения протетического согласного перед велярным гласным в словаре используются графемы **m**, **g** и сочетание **ng**; кроме того, в ряде примеров согласный в анлауте отсутствует. Приведем полные списки для этих четырех случаев вместе с праненецкими формами.

(1) начальное /ŋ/ ~ **ng**:

eptä* ‘волосы (на голове)’ [SW: 21] → ПНенец. **ŋept*^o → Об **ngeépta ‘волосы’

äjwä* ‘голова’ [SW: 17] → ПНенец. **ŋæwa / ŋæw...* (sic!) → Об **ngaiwa ‘голова’

äj* ‘ступня’ [SW: 17] → ПНенец. **ŋæ* → Об **ngai ‘ноги’

op-* ‘один’ [SW: 28] → ПНенец. **ŋop* → Об **ngob ‘один’;

⁴ П. И. Ли по неясной причине приводит это слово только для Пуст [Ли 2021: 54]. Тем самым, из ее работы получается, что рефлекс прасамодийского **ö* в Об неизвестен, что, как мы видим, неверно.

⁵ Оба эти слова отсутствуют в примерах, цитируемых П. И. Ли.

⁶ Оба эти слова отсутствуют в примерах, цитируемых П. И. Ли.

⁷ П. И. Ли приводит первое из этих двух слов только для Пуст (**нека** ‘старший брат’) [Ли 2021: 52], а второе не упоминает. При этом П. И. Ли возводит Пуст **нека** к ПС **ñä* ‘товарищ, брат, сестра’ [SW: 106], тогда как в самом словаре Ю. Янхунена ряд *нинека* ~ *няка* ~ *нека* (вост.) ‘старший брат’ [Терещенко 1965: 313, 341, 293] связывается с ПС **inä* [SW: 27]. Такое решение представляется более вероятным, поскольку формы **ni-néka** и **ne baku** в таком случае оказываются параллельными производными с суффиксом *-kV* от ПС **inä* и **äpâ*. Природа написаний **ni-néka** и **ne baku** не вполне ясна. Возможно, они представляют собой результат каких-то переосмыслений, связанных с выделением элементов *ni* ‘?’ (ср. только что упомянутое ПС **ñä*?) и *ne* ‘женщина’. Наличие в форме **ni-néka** ударения на втором слоге, не встречающегося в Об у простых трехсложных слов (не «компонитов»), как и колебание *нинека* ~ *нека* в ненецких говорах, может говорить в пользу того, что такое переосмысление является не следствием ошибки автора словаря, а отражением реальной истории соответствующей лексемы.

(2) начальное /ŋ/ ~ m:

ПНенец. **ɣum* → Об **mum** ‘трава’

Это слово отсутствует в примерах, цитируемых П. И. Ли. В базе LingvoDoc для слова **mum** указывается, среди прочего, параллель в тавгийском диалекте нганасанского языка по словарю Ю. Клапрота (1823) — *njóata*. В качестве ее самодийской праформы в LingvoDoc приводятся три варианта: **nác* ~ **nácâ* ~ **nácâ* ‘трава’ [SW: 105]. Согласно данной этимологии, *n-* во всех этих словах является исходным, а не протетическим. Однако ПНенец. **ɣum* никак не может восходить к ПС **nác(V)*, с которым оно не имеет ни одной общей фонемы. О заведомо протетическом характере *ŋ-* в этом слове свидетельствуют данные диалектов: (Bud.) Кап. *ũm, um*; (Leht.) Sjo. *um* ‘Heu’ <‘сено’>, *um̄d̄aš*; U. *um̄t̄ā* ‘Heu in den Stiefel stecken’ <‘вкладывать соломенную стельку в обувь’>; M. *umβ̄ ẽ̄ŋ̄ɣ̄* ‘Matte aus Heu unter dem Bettfell’ <‘соломенная циновка, подкладываемая под шкуры, на которых спят’> [Hajdú 1954: 32]. Этимологии для указанного ряда в SW, по-видимому, нет.

(3) начальное /ŋ/ ~ g:

ПНенец. **ɣin*^o → Об **gyn** ‘лук (оружие)’.

Каждый из примеров (2)—(3) уникален, однако их сопоставление наводит на мысль о том, что мы имеем здесь дело с противоположно направленным воздействием одного и того же фактора — следующего носового: в слове ‘трава’ происходит ассимиляция *ŋ > m* под влиянием конечного *m*, в слове ‘лук’ — наоборот, диссимиляция *ŋ > g* под влиянием конечного *n*.

Поскольку слова, перечисленные в п. (1), не содержат неначальных носовых согласных, не исключено даже, что формы **mum** и **gyn** (если они записаны точно) представляют собой пример ‘единичного, но регулярного’ фонетического изменения, подобного тому, которое имеет место в венг. *fészek* ‘гнездо’ [Honti 1983; Хелимский 1987/2000].

(4) начальное /ŋ/ ~ Ø:

amsá* ‘мясо’ [SW: 15] → ПНенец. **ŋamsa* → Об **amsà ‘мясо’

amâjr-* ‘еда’ [SW: 15] → ПНенец. ? (отсутствует в [Хелимский (рук.)]) → Об **our ‘есть’⁸

ât̄s̄^{1/3}* (? *âkkä*) [SW: 16] → ПНенец. ? (отсутствует в [Хелимский (рук.)]) → Об **atschiki ‘ребенок’

ârâ* ‘величина’ [SW: 19] → ПНенец. **ŋarka* → Об **arkà ‘большой’

utâ* ‘рука’ [SW: 30] → ПНенец. **ɣuta* → Об **udà ‘рука’

ântaj* ‘лодка’ [SW: 15] → ПНенец. **ŋanno* → Об **anù ‘лодка’

amtâ-* ‘сидеть’ [SW: 17] → ПНенец. **ŋamtorsy^oŋ* → Об **amdürtsche ‘стул’

ПУ **ime-* ‘сосать’ [UEW: 82] > ПС **nim-* [SW: 110] > Об **amè-ji** ‘молоко’.

Согласно П. Хайду, данный корень представлен в самодийских языках в двух вариантах — с колебанием *ŋ- ~ Ø-* и с первичным начальным *n-* — и имеет звукоподражательный характер [Hajdú 1954: 40—41] (ср. похожее колебание в рус. звукоподражаниях *ам ~ ням*). Ю. Янхунен в своей реконструкции ориентируется, по-видимому, на вариант с начальным *n-*, поэтому для этого слова мы приводим и его праральскую реконструкцию с начальным гласным.

Из сравнения групп (1)—(3) vs. (4) напрашивается предположение, что протетический согласный появляется в том случае, если ударение в обдорском слове падает на первый слог. Так, в группе (4) нет бесспорно односложных слов. Слово **our**, по-видимому, может быть двусложным. Хотя в некоторых восточных говорах, например в ямальском, употребляется форма *урч* ‘есть, кушать’ [Терещенко 1956: 213], возникшая в результате выпадения губного согласного между гласными и их стяжения (ср. O₁ *ŋoßβōrt̄š̄* ‘(mehr) essen, speisen’ <‘(много) есть’>, *ŋoßβōrt̄t̄ādm^{1/2}* ‘ich esse, speise, ich werde essen’ <‘я ем, я съем’>) Šj. U *ŋaßβōrt̄š̄*, Kís. *ŋammōr̄š̄* ‘id.’ [Lehtisalo 1956: 7a]), мы предполагаем, что в Об, вероятно отражающем один из восточных говоров [Ли 2021: 55], глагол ‘есть’ демонстрирует промежуточную стадию фонетического развития, когда интервокальный согласный уже выпал, а стяжения гласных еще не произошло.

В группах (1)—(3), напротив, четыре слова из шести являются односложными. Слово **ngéépta** ‘волосы’ содержит диграф **ee** со знаком ударения; удвоение гласного здесь, возможно, передает его долготу (то же ударение, вероятно, сохраняется и в производном от него сложном слове **ngeepte-perritsch** ‘ножницы’). Слово **ngaiwa** ‘голова’ записано без знаков ударения, однако М. К. Амелина реконструирует в этом слове протоненецкое ударение на первом слоге [Амелина 2012: 12], что может косвенно свидетельствовать в пользу его ударности в диалекте, отраженном в Об.

В группе (4) пять слов из восьми записаны с ударением на втором слоге: **amsà**, **amè-ji**, **arkà**, **udà**, **anù**. Три слова — **our**, **atschiki**, **amdürtsche** — не акцентуированы, и место ударения в них невозможно

⁸ Это слово отсутствует в примерах, цитируемых П. И. Ли.

определить с уверенностью. Одним из признаков ударения могла бы служить долгота гласных в говорах обдорского диалекта начала XX в., отраженных в словаре [Lehtisalo 1956], поскольку в тундровом ненецком «в большинстве случаев количественная характеристика гласных звуков зависит от ударения [Попова 1966б: 52]: обычно ударение падает на долгий гласный. Но, во-первых, «по данным Я. Н. Поповой, возможны также ударные краткие звуки [Попова 1966а: 47—48]» [Амелина 2011: 9], во-вторых, в ряде случаев долгий гласный в словаре Т. Лехтисало оказывается безударным в Об (ср. Об *arkà* ‘большой, крупный’ ~ О *ḡārkkā* ОР *ḡārkkā*³ ‘gross’ <‘большой’> [Lehtisalo 1956: 16b], Об *chobà* ‘постель’ ~ О *ḡōvḡ*ḡ ОР *ḡōbḡ*ḡ ‘Fell, Tierhaut; Baumrinde’ <‘мех, шкура; кора дерева’> [там же: 195a], Об *jellè* ‘день’ ~ О *jilḡe* ОР *jilḡe* ‘Licht; Sonne; Tag’ <‘свет; солнце; день’> [там же: 91b]).

Диалект Об представляет собой достаточно редкий пример варьирования начальных *η*- ~ *Ø*-. В таблице ненецких говоров, приводимой П. Хайду [Hajdú 1954: 37], показано, что, как правило, в каждом конкретном говоре побеждает или тенденция к (почти) повсеместному *η*- (таковы все говоры лесного ненецкого и ряд тундровых говоров: обдорский, сёйдский (говор по реке *ṣ'òìḡḡ* (Полярный Урал)), кольвийский (кольвинский), ижемский говоры, говоры нижней Оби и района Тазовской губы), или, наоборот, тенденция к его (почти) полному отсутствию (например, усть-цильмский, сёмжинский говоры и говор с. Несь; та же картина представлена и в Пуст, ср. Пуст *umḡ* ~ Об *mum* ‘трава’, Пуст *imḡ* ~ Об *gun* ‘лук (оружие)’, Пуст *imḡ*ḡ ~ Об *ngeépta* ‘волосы’ и т. д.).

Исключением в этом ряду является устьинский (пустозерский) говор (U.), в котором, по данным П. Хайду, представлено 5 примеров начального *η*- и 16 примеров неприкрытых начальных слогов. Просмотрев все примеры из устьинского говора, перечисленные П. Хайду, мы пришли к выводу, что выбор вариантов *η*- ~ *Ø*- в этом идиоме не случаен, а в значительной мере определяется следующей тенденцией, не связанной с местом ударения: вариант с *η* представлен в непроизводных глаголах (*ḡidā* ‘висеть’, *ḡāmḡ'ō* ‘сидеть’, *ḡam, Dz'ə* ‘есть’, *ḡāḡ'ā* ‘быть видимым’ ~ *ḡāḡimḡz'e* ‘стать видимым’ (вероятно, П. Хайду считает эту пару за один пример), *ḡāḡḡḡā* ‘просить милостыню’, но ср. явно отыменной глагол *ḡitēḡlē* ‘делать должником’), вариант с неприкрытым начальным слогом — во всех остальных случаях (*ōkkḡ* ‘много’, *ḡōpt* ‘волосы’, *āḡno* ‘лодка’, *am, Dzp* ‘мясо’, *ḡḡ'e* ‘ягода’ и т. д.). Особенно показательна здесь «минимальная пара» *ḡam, Dz'ə* ‘есть’ ~ *am, Dzp* ‘мясо’. Отклоняются от этого правила, с одной стороны, два непроизводных глагола — *ḡōrḡḡi* ‘он пьет’, *ḡōḡḡō* ‘я разбил палатку’ (но, возможно, здесь работает дополнительный фонетический фактор: оба эти глагола начинаются на *ḡō-*, в то время как первый гласный глаголов, подчиняющихся указанной тенденции, — это *a*-образные звуки (5 примеров) или *i*- (1 пример)), с другой стороны, существительное *ḡāḡḡḡ* ‘голова’.

Выводы

Согласно П. Хайду, «[в] некоторых из периферийных говоров *η*- иногда исчезает» [Hajdú 1954: 37]. Даже если такой процесс действительно имеет место (что, на наш взгляд, не очевидно и требует специальных доказательств), существование «без-*η*-овых» говоров, один из которых отразился в таком раннем памятнике, как Пуст, и таких «гибридных» идиомов, как говор Об и устьинский говор, конечно, не может объясняться вторичной утратой носового. Более того, начальное *η*- отсутствует в ненецких заимствованиях в обско-угорские языки (см. статью [Урманчиева 2021]), ср. т. нен. *ḡaw°ka* ‘авка’ > хант. *Kaz awkka* || манс. *Syḡ okka* [там же: 104], т. нен. *ḡūtoq* (*q < s*) ‘нарта без настила для перевозки шестов от чума’ > манс. *LO ūḡus* [там же: 112]; согласно выводам А. Ю. Урманчиевой [там же: 119], эти заимствования происходят из тундрового, а не лесного наречия и по крайней мере второе из них является очень старым (ранее XIV в.).

Таким образом, мы считаем, что, вопреки Е. А. Хелимскому, в ненецких словах с начальным *η*- как на уровне ПНенец., так даже и на уровне пратундрового ненецкого следует восстанавливать именно вокалический анлаут, а не носовой. Напротив, для пралесного ненецкого реконструкция **η*- представляется вполне оправданной (по данным П. Хайду, начальное *η*- представлено — практически без исключений — во всех лесных говорах).

Сокращения

Языки и диалекты

Кап. — канинский диалект тундрового ненецкого

Kis. — говор лесного ненецкого по р. Киселёвская (идиолект *kōl'ḡəz βiḡn-ḡamḡḡ*) [Lehtisalo 1956]

- M. — мезенский говор канинского диалекта [Lehtisalo 1956]
 O₁ — обдорский говор ямальского диалекта тундрового ненецкого (идиолект Максима Ядопцева, Maxim Jadoptsew) [Lehtisalo 1956]
 S_j — говор большеземельского диалекта тундрового ненецкого по реке s'òìðv (Полярный Урал) [Lehtisalo 1956]
 S_{jo} — сёмжинский говор канинского диалекта [Lehtisalo 1956]
 U. — устьинский (пустозерский) говор большеземельского диалекта тундрового ненецкого [Lehtisalo 1956]
 русск. — русский
 ПНенец. — праненецкий
 ПС — прасамодийский
 т. нен. — тундровый ненецкий
 Т ямал. — ямальский диалект тундрового ненецкого

Источники

- Bud. — “Erdei és hegyi cseremisiz szótár”, J. Budenz [Budenz 1866]
 Leht. — “Juraksamojedisches Wörterbuch”, T. Lehtisalo [Lehtisalo 1956]
 SW — “Samojedischer Wortschatz”, J. Janhunen [Janhunen 1977]
 Об — обдорский словарь (“Dictionary of the Obdor Dialect of the Nenets Language”, 2019)
 Пуст — пустозерский словарь (“Dictionary of the Pustozher Dialect of the Nenets Language”, 2019)

Литература

- Амелина 2011 — Амелина М. К. Акцентные характеристики непрямых имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть I. Ямальский и канинский диалекты // Урало-алтайские исследования. 2011, 2 (5). С. 8—38. {Amelina M. K. Accent characteristics of underived nouns in Tundra Nenets (the Yamal and Canin dialects) // Ural-Altaic Studies. 2011, 2 (5). P. 8—38.}
 Амелина 2012 — Амелина М. К. Акцентные характеристики непрямых имен в тундровом и лесном диалектах ненецкого языка // Вестник ТГПУ. 2012, 1 (116). С. 9—15. {Amelina M. K. Accent characteristics of underived nouns in Tundra and Forest Nenets // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2012, 1 (116). P. 9—15.}
 Ключева 2021 — Ключева М. А. Глагольная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839 / 1841) // Урало-алтайские исследования. 2021, 1 (40). С. 31—46. {Klyucheva M. A. Verb morphology in the monument of Mari writing “The beginnings of Christian doctrine...” (1839 / 1841) // Ural-Altaic Studies. 2021, 1 (40). P. 31—46.}
 Ли 2021 — Ли П. И. Графический анализ вокализма первого слога в ненецких словарях из архива А. М. Шёгрена // Урало-алтайские исследования. 2021, 1 (40). С. 47—60. {Li P. I. The graphic analysis of the first syllable vowel system in Nenets dictionaries from A. M. Sjögren’s archive // Ural-Altaic Studies. 2021, 1 (40). P. 47—60.}
 Савельев 2021 — Савельев А. В. Старочувашский памятник с различием датива и аккузатива // Урало-алтайские исследования. 2021, 1 (40). С. 77—100. {Savelyev A. V. A pre-standard Chuvash text with a dative-accusative distinction // Ural-Altaic Studies. 2021, 1 (40). P. 77—100.}
 Попова 1966а — Попова Я. Н. Заметки о системе вокализма ямальского говора ненецкого языка // Вопросы языка и литературы. Вып. 1. Ч. 2. Новосибирск, 1966. С. 47—58. {Popova Ya. N. Notes on the vocalic system of the Yamal dialect of the Nenets language // Problems of language and literature. Iss. 1. Part 2. Novosibirsk, 1966. P. 47—58.}
 Попова 1966б — Попова Я. Н. Фонетическая система ямальского диалекта ненецкого языка // Тезисы докладов научно-технической конференции молодых ученых и специалистов (секция «Гуманитарные науки»). Новосибирск, 1966. С. 52—54. {Popova Ya. N. Phonetic system of the Yamal dialect of the Nenets language // Book of abstracts of the scientific-technical conference of young scientists and specialists (section “Humanity sciences”). Novosibirsk, 1966. P. 52—54.}
 Терещенко 1956 — Терещенко Н. М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.—Л., 1956. {Tereschenko N. M. Materials and studies of the language of the Nenets. Moscow — Leningrad, 1956.}
 Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965. {Tereschenko N. M. Nenets-Russian dictionary. Moscow, 1965.}
 Терещенко 1993 — Терещенко Н. М. Ненецкий язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993. С. 326—343. {Tereschenko N. M. The Nenets language // Languages of the world. The Ural languages. Moscow, 1993. P. 326—343.}
 Урманчиева 2021 — Урманчиева А. Ю. Фонетические особенности ненецких заимствований в обско-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2021, 1 (40). С. 101—123. {Urmanchieva A. Yu. Phonetic features of Nenets loanwords in the Ob-Ugric languages // Ural-Altaic Studies. 2021, 1 (40). P. 101—123.}

Хелимский (рук.) — Неопубликованные этимологические материалы Е. А. Хелимского. {Unpublished etymological materials of E. A. Helimskiy (manuscript).}

Хелимский 1987/2000 — *Хелимский Е. А.* Правило Хонти для венг. *fészek* и его аналог в маторском языке // *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 218—220. Впервые опубликовано в: СФУ, 1987. XXIII/1. С. 57—60. {*Helimskiy E. A.* Honti's rule for the Hungarian *fészek* and its analogue in the Mator language // *Helimskiy E. A.* Comparative studies, Ural studies. Lectures and articles. Moscow, 2000. P. 218—220. First published in: Soviet Finno-Ugric Studies, 1987. XXIII/1. P. 57—60.}

Шёгрэн 1825—1852, 1899 — Фонд № 94. Опись 001. Рукописи трудов и материалы к ним. За 1825—1852, 1899 гг. Л., ЛО ААН СССР // <http://isaran.ru/?q=ru/opis&ida=2&guid=9D219F47-AA5E-95E9-0D3E-8665C4C2CBB3> {Col. 94. Inventory 001. Manuscripts of written works and accompanying materials. For 1825—1852, 1899. L., Leningrad Branch of the Academy of Sciences of the USSR.}

Budenz 1866 — *Budenz J.* Erdei és hegyi cseremisiz szótár = Vocabularium čeremissicum utriusque dialecti. Pest, 1866.

Hajdú 1954 — *Hajdú P.* Die sekundären anlautenden Nasale (*ŋ*-, *ń*-) im Samojedischen // *Acta Linguistica Hungarica*. 1954, 4. S. 17—67.

Honti 1983 — *Honti L.* Zur ugrischen Lautgeschichte (Beiträger zur relativen Chronologie einiger Lautwandel in den ugrischen Sprachen) // *ALH*. 1983, 33. P. 113—122.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Lehtisalo 1956 — *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956.

Стояла ли фонетическая реальность за ударением в обдорском словнике Г. Ф. Миллера?

Норманская Юлия Викторовна, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН;
Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

В статье И. Б. Иткина и С. И. Переверзевой «Некоторые уточнения к интерпретации данных обдорского ненецкого словаря (ответ на статью П. И. Ли «Графический анализ вокализма первого слога в ненецких словарях из архива А. М. Шёгрена» // УАИ, 1 (40), 2021. С. 48—61)» отмечено, что место ударения в некоторых словах обдорского диалекта в материалах, найденных в архиве А. М. Шёгрена и, вероятно, переписанных со списков, собранных Г. Ф. Миллером, не совпадает с данными ямальского диалекта. Возникает вопрос: стоит ли какая-то просодическая реальность за местом ударения слов в обдорском списке из архива А. М. Шёгрена? Наше внимание привлек словарь гыданского диалекта тундрового наречия ненецкого языка (<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/704/16/perspective/704/17/view>), созданный М. К. Амелиной. Проверка по нему этимологических аналогов слов из рассматриваемого обдорского словаря позволила выявить 28 слов. Из них в 26 лексемах, с точки зрения нашего слухового восприятия, место ударения совпадает с обдорским. Был проведен анализ этих лексем в экспериментально-фонетической программе Праат, и установлено, что слова с ударением на первом слоге в обдорском списке в современном гыданском имеют значительно большую интенсивность гласного первого слога, чем второго (на 5—18 дБ); обдорские же слова с ударением на втором слоге в современном гыданском имеют большую длительность гласного второго слога, чем первого (на 0.04—0.11 сек.) при различиях в интенсивности между 1-м и 2-м слогами не более 3 дБ, то есть не уловимых человеческим ухом. Эти наблюдения позволяют предположить, что месту ударения в обдорском списке соответствовала определенная фонетическая реальность и оно было поставлено Г. Ф. Миллером не случайно.

Ключевые слова: экспериментальная фонетика, диалекты ненецкого языка, полевые данные, архивные данные

WAS THERE ANY PHONETIC REALITY BEHIND THE POSITION OF STRESS IN G. F. MÜLLER'S OBDORSK WORDLIST?

Julia V. Normanskaja, Ivannikov Institute for System Programming, RAS;
Institute of Linguistics, RAS (Moscow); julianor@mail.ru

I.B. Itkin and S.I. Pereverzeva note in their article “Some clarifications to the interpretation of the data of the Obdorsk Nenets dictionary (reply to the article of P. I. Li “The graphic analysis of the first syllable vowel system in Nenets dictionaries from A. M. Sjögren’s archive” // Ural-Altaic Studies. 2021, 1 (40). P. 47—60) that the position of stress in some words in the Obdorsk dialect found in the materials from A.M. Sjögren’s archive, which were probably copied from the lists collected by G. F. Müller, does not coincide with the data on the Yamal dialect. Hence, the following question is bound to arise: is there any prosodic reality behind the position of stress in the Obdorsk wordlist from A.M. Sjögren’s archive? In this connection, the data from the dictionary of the Gydan dialect of the Tundra dialect of the Nenets language (<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/704/16/perspective/704/17/view>), created by M. K. Amelina, seemed quite promising. The search for the etymological cognates of the words from the Obdorsk wordlist under consideration yielded 28 lexemes. Based on auditory perception, in 26 of them, the position of stress coincides with the Obdorsk words. These lexemes were analyzed using Praat, an experimental software package for phonetic analysis. The findings show that Obdorsk words which are stressed on the first syllable have a significantly higher intensity of the first syllable vowel in modern Gydan (5–18 dB higher than that of the second syllable vowel) whereas Obdorsk words with stress on the second syllable have a longer second syllable vowel in modern Gydan (by 0.04–0.11 seconds longer than the first syllable vowel) with differences in intensity between the first and the second syllables being no more than 3 dB, that is, imperceptible to the human ear. These results suggest that a certain phonetic reality corresponded to the position of stress in the Obdorsk wordlist, and it was not assigned by G.F. Müller accidentally.

Keywords: experimental phonetics, dialects of Nenets, field data, archive data

В статье И. Б. Иткина и С. И. Переверзевой «Некоторые уточнения к интерпретации данных обдорского ненецкого словаря (ответ на статью П. И. Ли “Графический анализ вокализма первого слога в ненецких словарях из архива А. М. Шёгрена” // УАИ, 1 (40), 2021. С. 48—61)» отмечено, что место ударения в некоторых словах обдорского диалекта в материалах, найденных в архиве А. М. Шёгрена и, вероятно, переписанных со списков, собранных Г. Ф. Миллером¹, не совпадает с данными ямальского диалекта по [Амелина 2011: 14—21] (доступных также онлайн по адресу <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/704/3979/perspective/704/3980/view>):

Об окситонеза — Т ямал. баритонеза:

Об **chobà** ‘постель’ ≠ Т ямал. *χòba* ‘шкура; поверхность ч.-л.’ Об **nerò** ‘ива’ ≠ Т ямал. *n’èro* ‘ивняк, тальник’

Об **jellè** ‘день’ (но в композитах **-jèlle**) ≠ Т ямал. *jál’a* ‘день; свет, освещение’

Об **pirritschè** ([pɪr’č’é]?) ‘высокий’ ≠ Т ямал. *n’u’p’č’a* тж.

Об **udà** ‘рука’ ≠ Т ямал. *yúda* тж.

С учетом того, что в работе [Амелина 2011: 14—21] есть только 20 слов, которые имеют параллели в обдорском списке, количество выявленных отклонений (5 лексем из 20) значительно. Возникает вопрос, который поставлен в статье И. Б. Иткина и С. И. Переверзевой: стоит ли какая-то просодическая реальность за местом ударения слов в обдорском списке из архива А. М. Шёгрена?

Наше внимание привлек словарь гыданского диалекта тундрового наречия ненецкого языка (<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/704/16/perspective/704/17/view>), созданный М. К. Амелиной. Проверка по нему этимологических аналогов слов из рассматриваемого обдорского словаря позволила выявить 28 слов. Из них в 26 лексемах, с точки зрения нашего слухового восприятия, место ударения совпадает с обдорским. Исключение составляют две лексемы: **arkà** ‘большой, ср. гыд. *ǰárka* тж., **amsà** ‘мясо’, ср. гыд. *ǰámza* тж. Представляется интересным проанализировать, стоит ли какая-то объективная фонетическая реальность за тем фактом, что на слух носителя русского языка гыданское ударение в большинстве случаев совпадает с ударением, отмеченным Г. Ф. Миллером для обдорского говора.

В статьях М. К. Амелиной, посвященных описанию места ударения в словах с «однородным вокализмом» в гыданском диалекте [Амелина 2017, 2018], показано, что «акустическими коррелятами словесного акцента в гыданском диалекте являются бóльшая длительность (темпоральная выделенность), бóльшая интенсивность (экспираторная выделенность) и более высокий тон (тональная выделенность) ударного гласного по сравнению с безударным. При этом для маркирования ударного гласного первого слога на первый план выходит экспираторный параметр. Наоборот, для маркирования ударного гласного второго слога на первый план выходит темпоральный параметр, а тональный и экспираторный параметры оказываются дополнительными» [Амелина 2017: 36].

При этом слова, параллели которых имеют знаки ударения в обдорском диалекте, в большинстве случаев имеют «неоднородный вокализм», то есть разные гласные в первом и втором слоге, и максимальная длительность и средняя интенсивность в большинстве случаев маркируют разные слоги, поэтому словесный акцент в гыданском нуждается в дальнейшем изучении. Возможно, разноместное ударение в современном диалекте уже фактически отсутствует или встречается в некоторых словах как реликт, поскольку в большинстве двусложных слов максимальная интенсивность маркирует гласный первого слога, а максимальная длительность — второго. В настоящей заметке, не претендуя на фонетическое описание гыданского ударения, представляется интересным проверить с помощью анализа в фонетической программе Праат, какой слог слова был выделен по долготе и интенсивности.

Ниже приводится список двусложных слов, которые имеют знак ударения в обдорском и представлены в гыданском аудиословаре с указанием длительности и интенсивности гласных. Максимальные показатели длительности и интенсивности в каждом слове отмечены полужирным шрифтом.

Двусложные слова с ударением на начальном слоге:

1) Д1 > Д2, И1 > И2

ímbe ‘орел’, ср. гыд. *ǰimp’a* Д1 **0.13**, И1 **80.27**; Д2 0.12, И2 75.49

cháru ‘лиственница’, ср. гыд. *χaru* Д1 **0.10**, И1 **81.78**; Д2 0.07, И2 76.80

2) Д1 и Д2 отличаются не более чем на 0.03 сек., И1 > И2 на 5—18 дБ

jése ‘железо’, ср. гыд. *jes’a* Д1 0.15, И1 **79.44**; Д2 **0.16**, И2 73.20

píse ‘мышь, крыса’, ср. гыд. *p’ís’a* Д1 0.11, И1 **80.14**; Д2 **0.12**, И2 74.86

¹ Следует отметить, что эти словари были также изданы Ю. Клапротом в [Klaproth 1823], но с опущением некоторых знаков ударения, что не позволяет их использовать в работе.

chálle ‘рыба’, ср. гыд. *χalʷ* Д1 0.15, **И1 79.49; Д2 0.18**, И2 60.40
piéku ‘горноста́й’, ср. гыд. *pʷjʷ* Д1 0.15, **И1 80.90; Д2 0.18**, И2 68.39

3) Д1 < Д2 отличаются более чем на 0.03 сек., И1 > И2 более чем на 10 дБ

npúie ‘нос’, ср. гыд. *pjʷ* Д1 0.07, **И1 79.62; Д2 0.16**, И2 67.58
sárnu ‘яйцо’, ср. гыд. *sarʷnu* Д1 0.15, **И1 78.19; Д2 0.21**, И2 65.77
wénnu ‘корень’, ср. гыд. *wano* Д1 0.16 **И1 79.42; Д2 0.21**, И2 67.18

В группах 2—3 обдорские баритонированные формы имеют в современном гыданском диалекте коррелят в виде интенсивности, которая маркирует гласный первого слога и превосходит интенсивность гласного второго слога на 5—18 дБ. Неоднозначно с точки зрения слухового восприятия место ударения в слове

númge ‘звезда’, ср. гыд. *numgi* Д1 0.20, **И1 83.05, Д2 0.25**, И2 81.58,

в котором разница по интенсивности между первым и вторым гласным всего 1.58 дБ, а второй гласный более длительный на 0.05 сек.

Двусложные слова с ударением на конечном слоге:

1) И1 < И2, Д1 < Д2

chasúi ‘сухой’, ср. гыд. *χasuj* Д1 0.07, И1 75.07; **Д2 0.15, И2 81.78**

2) Д1 < Д2 более чем на 0.04 сек., И1 > И2 не более чем на 3 дБ

chobà ‘постель’, ср. гыд. *χoba* ‘шкура’ Д1 0.13, **И1 82.61; Д2 0.17**, И2 81.13
marrà ‘песок’, ср. гыд. *màra* Д1 0.09, **И1 83.07; Д2 0.19**, И2 80.66
udà ‘рука’, ср. гыд. *ɲuda* Д1 0.10, **И1 83.77; Д2 0.20**, И2 81.30
jirri ‘луна (luna)’, ср. гыд. *jiri* Д1 0.14, **И1 70.75; Д2 0.19**, И2 67.89
sirre ‘снег’, ср. гыд. *sira* Д1 0.11, **И1 85.0; Д2 0.19**, И2 82.60
sarù ‘дождь’, ср. гыд. *sarʷo* Д1 0.14, **И1 82.55; Д2 0.22**, И2 81.80
nebù ‘утка’, ср. гыд. *niabi* Д1 0.16, **И1 81.95; Д2 0.20**, И2 81.21
tiddi ‘кедр’, ср. гыд. *tideʷ* Д1 0.07, **И1 80.54; Д2 0.12**, И2 78.22

Группа 2 демонстрирует значительно бо́льшую длительность второго слога по сравнению с первым при минимальных различиях в интенсивности.

Более спорной является постановка ударения на втором слоге в словах с незначительными различиями по длительности и интенсивности в группе 3:

3) Д1 < Д2, И1 > И2, различия незначительны:

jedù ‘кишки’, ср. гыд. *jedʷoʷ* Д1 0.14, **И1 83.05; Д2 0.16**, И2 82.55
lamdù ‘низкий’, ср. гыд. *lãmdo* Д1 0.05, **И1 81.06; Д2 0.08**, И2 76.29

Исключения

arkà ‘большой’, ср. гыд. *ɲarka* Д1 **0.12, И1 81.53**; Д2 0.11, И2 73.79
amsà ‘мясо’, ср. гыд. *ɲãmza* Д1 **0.11, И1 81.91**; Д2 0.08, И2 76.86

Итак, можно сказать, что при рассмотрении слов с неоднородным вокализмом, имеющих параллели в обдорском, подтверждается закономерность, выявленная М. К. Амелиной для слов с однородным вокализмом. Слова с баритонезой в обдорском списке в современном гыданском имеют значительно бо́льшую интенсивность гласного первого слога (на 5—18 дБ больше, чем второго), обдорские же окситоны в современном гыданском имеют гласный второго слога более длительный, чем первого (на 0.04—0.11 сек.) при различиях в интенсивности между 1 и 2 слогами не более 3 дБ, то есть не уловимых человеческим ухом. Эти наблюдения позволяют предположить, что месту ударения в обдорском списке соответствовала определенная фонетическая реальность и оно было поставлено Г. Ф. Миллером не случайно.

Сокращения

гыд. — гыданский диалект тундрового ненецкого

Об — обдорский словарь

Т ямал. — ямальский диалект тундрового ненецкого

Литература

Амелина 2011 — *Амелина М. К.* Акцентные характеристики непроезводных имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть I. Ямальский и канинский диалекты // Урало-алтайские исследования. 2011, 2 (5). С. 8—38. {*Amelina M. K.* Accent characteristics of underived nouns in Tundra Nenets (the Yamal and Canin dialects) // Ural-Altaic Studies. 2011, 2 (5). P. 8—38.}

Амелина 2017 — *М. К. Амелина.* Ударение в непроезводных именах с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть I. Фонетические слова с гласными нижнего и среднего подъемов // Урало-алтайские исследования. 2017, 3 (26). С. 7—116. {*Amelina M. K.* Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Gydan dialect of Tundra Nenets. Part I. Phonetic words with low and middle vowels // Ural-Altaic Studies. 2017, 3 (26). P. 7—116.}

Амелина 2018 — *М. К. Амелина.* Ударение в непроезводных именах с однородным вокалическим составом в гыданском диалекте тундрового ненецкого языка. Часть II. Фонетические слова с гласными верхнего подъема // Урало-алтайские исследования. 2018, 4 (31). С. 7—78. {*Amelina M. K.* Stress in underived nouns with homogeneous vocalic structure in the Gydan dialect of Tundra Nenets. Part II. Phonetic words with high vowels // Ural-Altaic Studies. 2018, 4 (31). P. 7—78.}

Klaproth 1823 — *Klaproth J.* Asia polyglotta, worin er die Verzweigungen der asiatischen Völker in ihrer Stammverwandtschaft nachweist. Paris, 1823.

Известный ученый — исследователь якутского языка. К 70-летию со дня рождения Н. Н. Ефремова

Петров Александр Александрович, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Институт народов Севера (Санкт-Петербург); petrovalexspb@mail.ru

A RENOWNED RESEARCHER OF THE YAKUT LANGUAGE. NIKOLAY N. EFREMOV'S 70TH ANNIVERSARY

Alexander A. Petrov, The Herzen State Pedagogical University of Russia,
the Institute of Peoples of the North (Saint-Petersburg); petrovalexspb@mail.ru

Главный научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ИГИиПМНС СО РАН) Николай Николаевич Ефремов родился 21 марта 1950 г. в селе Бетюн Амгинского района Якутской АССР. В 1968 г. окончил Амгинскую среднюю школу имени В. Г. Короленко. В 1969—1971 гг. служил в рядах Советской Армии. В 1971 г. поступил на отделение якутского языка и литературы историко-филологического факультета Якутского государственного университета (ЯГУ), которое в 1976 г. окончил с отличием.

В 1976 г. поступил в очную аспирантуру Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР. Аспирантуру проходил в качестве прикомандированного аспиранта в Институте филологии, философии и истории СО АН СССР. Под руководством видного ученого-типолога, д. филол. н., проф. Майи Ивановны Черемисиной подготовил кандидатскую диссертацию на тему «Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке». В 1981 г. в специализированном совете в Институте языкознания АН Казахской ССР успешно защитил диссертацию.

После окончания аспирантуры 1 октября 1979 г. был принят на работу в должности лаборанта сектора грамматики и диалектологии Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР. В 1980—1986 гг. — м. н. с., 1986—1991 — н. с., 1991—1999 — с. н. с., с 1999 г. зав. отделом грамматики и диалектологии, 2004—2005 — зав. отделом современных проблем якутского языка. В настоящее время — главный научный сотрудник отдела якутского языка.

В 1999 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Полипредикативные конструкции в якутском языке. Система, структура, семантика».

В 1984 г. в Москве в издательстве «Наука» ученый опубликовал монографию «Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке». В ней автор описал, классифицировал и проанализировал структурно-семантические модели этих предложений. Позже он написал и опубликовал в Новосибирске в издательстве Сибирского отделения Российской академии наук монографию «Полипредикативные конструкции в якутском языке. Структурно-семантическое описание», в которой были представлены системно-структурные особенности полипредикативных конструкций.

Н. Н. Ефремов — один из основных авторов академической грамматики якутского языка «Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис», которая была издана в Новосибирске в 1995 г. под редакцией М. И. Черемисиной. Он соавтор пяти коллективных монографий. Им опубликовано в общей сложности более 300 научных и научно-популярных трудов. В 2005—2008 гг. участвовал в составлении и издании 4, 5, 10 томов Большого толкового словаря якутского языка (словарные статьи «килтэй — кириэстээ» (4 том), «кыһыл — кыһылын» (5 том), «тонуй — төбөчөөн» (10 том)).

Он является председателем диссертационного совета Д 003.076.01 по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по специальности 10.020.02 — Языки народов России (якутский язык), созданного на базе ФГБУН Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук». Главный редактор научного журнала

списка ВАК «Северо-Восточный гуманитарный вестник», издаваемого ИГиПМНС СО РАН. В 1992—2008 гг. по совместительству работал в должности доцента, профессора в Северо-Восточном федеральном университете им. М. К. Аммосова (СВФУ — бывший Якутский государственный университет). В настоящее время является председателем ГЭК и ГАК филологического факультета СВФУ им. М. К. Аммосова.

Н. Н. Ефремов внес существенный вклад в изучение синтаксического строя якутского языка. Он является одним из первых якутских лингвистов, применивших теорию функциональной грамматики в языкознании народа саха, а также исследовавших синтаксис языка родного народа на основе методики структурно-семантического моделирования.

Н. Н. Ефремов внес большой вклад в исследование синтаксического строя якутского языка, прежде всего синтаксиса сложного предложения. Он исследовал систему якутского сложного предложения на базе теории полипредикативного синтаксиса, которая развивается новосибирской синтаксической школой, созданной М. И. Черемисиной. Им были изучены моносубъектные и разносубъектные (собственно-сложные) полипредикативные конструкции при помощи методики структурно-семантического моделирования синтаксических конструкций как двусторонних языковых знаков. В монографии «Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке» (М.: Наука, 1984) им было выявлено и описано 73 структурно-семантических модели темпоральных полипредикативных конструкций синтетического и синтетико-аналитического типа, представляющих собой ядро этой разновидности сложноподчиненных предложений. В «Грамматике современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис. (Новосибирск: Наука, 1995)» им были написаны основополагающие разделы, посвященные якутскому синтаксису, — «Словосочетание как конструктивная основа синтаксиса якутского языка», «Порядок слов в простом предложении», «Сложноподчиненное предложение». В этих трудах Н. Н. Ефремов впервые в якутском языкознании применил системно-структурный, функционально-коммуникативный и структурно-семантический подходы. Порядок слов в простом предложении был освещен с позиции теории актуального членения. Система сложного предложения представлена автором как множество, состоящее из синонимических (квазисинонимических) синтетических (ядерных) и аналитических (периферийных) конструкций, что было обусловлено принципом экономного использования грамматических средств в синтаксической структуре якутского языка. Подобный подход к освещению сложного предложения является существенным вкладом в системную лингвистику, разработанную российскими учеными, прежде всего Г. П. Мельниковым. В монографии «Полипредикативные конструкции в якутском языке: Структурно-семантическое описание» (Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998) изучение данных конструкций базировалось на основной особенности строя тюркских языков — постпозитивной агглютинации и твердом порядке слов в предложении, — которая всегда привлекала и привлекает интересы отечественных и зарубежных ученых. В работе был применен родовой термин «полипредикативная конструкция», что позволило автору выявить и описать глубинные системные, структурные и семантические особенности исследуемых конструкций якутского языка.

Н. Н. Ефремовым установлены и описаны средства выражения функционально-семантических категорий таксиса, эвиденциальности, локативности и обусловленности в якутском языке. Способы выражения эвиденциальности и локативности получили освещение также в сопоставлении с некоторыми тюркскими языками Южной Сибири. В сфере локативных конструкций им выделены и описаны полипредикативные построения, представляющие периферийные типы этих конструкций.

Николаем Николаевичем разрабатывается синтаксис предложений якутского героического эпоса — олонхо — на основе эпических формул и типических мест. При этом он использует термин и понятие «Единая базовая атрибутивная модель», под которым подразумевается бинарная структура вида «препозитивный определяющий компонент + постпозитивный определяемый компонент», являющаяся основной особенностью строя алтайских языков.

Якутский ученый-тюрколог внес также весомый вклад в составление орфографического и Большого толкового словаря якутского языка.

В настоящее время Николай Николаевич Ефремов изучает роль глагола и других частей речи в формировании пространственных конструкций якутского языка. Он также возглавляет блок НИР «Якутский язык в синхронии и диахронии» отдела якутского языка ИГиПМНС СО РАН. Под его руководством защищено четыре кандидатские диссертации.

Н. Н. Ефремова отличают огромная эрудиция, широта профессиональных способностей и исключительное трудолюбие. Он открыт и доброжелателен к людям, пользуется заслуженным авторитетом в родном коллективе и в Республике Саха (Якутия); его знают, уважают, любят и за пределами республики, не только внутри страны, но и за рубежом, как крупного ученого-тюрколога. Он прекрасный семьянин, имеет двух сыновей и помогает воспитанию подрастающих внуков.

Достижения Н. Н. Ефремова на научном поприще по достоинству отмечены высокими наградами. В 2010 г. он награжден почетным званием «Заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия)», в 2017 г. — Грамотой РАН, в 2020 г. удостоен высокого звания лауреата премии Главы Республики Саха (Якутия) им. С. А. Новгородова.

В связи со знаменательным юбилеем хочется пожелать Н. Н. Ефремову доброго здоровья, долгих лет жизни, новых творческих успехов в труде, а также в научных исследованиях.

Список основных трудов Н. Н. Ефремова

1. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис. Новосибирск, 1995.
2. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. М., 1984.
3. Полипредикативные конструкции в якутском языке. Структурно-семантическое описание. Новосибирск, 1998.
4. Категория эвиденциальности в якутском языке // *Н. И. Данилова, Н. Н. Ефремов, Е. М. Самсонова. Функционально-семантические категории в якутском языке: каузативность, эвиденциальность, итеративность.* Новосибирск, 2013. С. 72—177.
5. Категория локативности: комплексные средства // *Н. И. Данилова, Н. И. Винокурова, Н. Н. Ефремов, И. Б. Иванова, Е. М. Самсонова, Н. А. Сивцева. Функционально-семантические категории в якутском языке. Способы выражения.* Новосибирск, 2014. С. 18—85.
6. Полипредикативные конструкции, выражающие отношения обусловленности // *Данилова Н. И., Ефремов Н. Н., Винокурова Н. И., Иванова И. Б., Самсонова Е. М., Сивцева Н. А., Харабаева В. И. Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база.* Якутск, 2017. С. 63—86.
7. Конструкции со значением направления движения в художественном тексте (на материале якутского языка) // *Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы 4-й Международной научной конференции (Чита, ЗабГГПУ, 9—10 декабря 2011 г.).* Чита, 2011. С. 325—328.
8. Средства выражения локативных отношений в якутском языке: падежные конструкции // *European Social Science Journal.* 2011, 5. P. 121—128.
9. Локативные конструкции с показателем дательного падежа в якутском языке // *Сибирский филологический журнал.* 2012, 1. С. 122—130.
10. Эвиденциальные конструкции в эпическом тексте (по материалам якутского героического эпоса) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* № 3 (10). Тамбов, 2011. С. 52—55.
11. Эпические формулы в тексте якутского героического эпоса — олонхо: лингвистический аспект // *Вестник Северо-Восточного федерального университета.* 2013, 1. С. 64—67.
12. Эпическая формула «Богатырь в гневе» в якутском героическом эпосе олонхо // *Сост. Ахметова Г. Д. Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы 6-й МНК.* (Чита, ЗабГГПУ, 6—7 декабря 2013 г.). Чита, 2013. С. 204—207.
13. Типичное место «Жилище богатыря» в якутском героическом эпосе олонхо // *Тюркская филология в XXI веке: Проблемы и перспективы. Сб. мат. Всероссийской НПК с международным участием. Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 21.03.2014 г. Стерлитамак, 2014. С. 243—248.*
14. Уступительные бипредикативные конструкции в эпическом тексте (на материале якутского героического эпоса олонхо «Кыыс Дэбилэйэ») // *Научное обозрение Саяно-Алтая.* 2016. № 3 (18). Вып. 8. С. 33—37.
15. Эпические формулы в олонхо северных якутов: структурно-семантический анализ // *Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение.* 2018, 4 (12). С. 58—65.
16. Синтаксические конструкции в олонхо «Сын Грозного неба Эр Соготох» // *Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение.* 2019, 4 (16). С. 99—107.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **р а з р я д к о й**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
С. И. Переверзева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Svetlana Pereverzeva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >